

Новокузнецкий филиал-институт
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Кемеровский государственный университет»

Сибирский филиал Российского института культурологии

Муниципальное учреждение «Централизованная библиотечная система
имени Н. В. Гоголя» г. Новокузнецка

КУЗНЕЦК - СТАЛИНСК - НОВОКУЗНЕЦК: ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

**Сборник научных трудов II Всероссийской
научно-практической конференции**

Новокузнецк, 3-4 декабря 2010 г.

Новокузнецк 2010

УДК 930.85(571.1)
ББК 63.3(2 Рос – 4 Кем)
К 89

Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города в переходный период [Текст]: сб. науч. тр. II Всерос. науч.-практ. конф., Новокузнецк, 3–4 декабря 2010 г. / под ред. И. П. Басалаевой, Е. Б. Макарчевой; науч. ред. И. П. Басалаева; НФИ ГОУ ВПО «КемГУ». – Новокузнецк, 2010. – 426 с. – (Научно-исследовательская программа «Новокузнецк-400»).

ISBN-13 978-5-8353-0764-7

В сборник, публикуемый в рамках научно-исследовательской программы «Новокузнецк-400», включены научные статьи, посвящённые проблемам комплексного изучения города Новокузнецка и городов-аналогов, а также общим вопросам городского управления.

Сборник представляет интерес для специалистов, занимающихся урбанистической проблематикой, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами развития Новокузнецка.

Редакционная коллегия:

- В. С. Гершгорин, кандидат философских наук, доцент, директор НФИ ГОУ ВПО «КемГУ»;
Ф. И. Иванов, доктор химических наук, профессор, заместитель директора НФИ ГОУ ВПО «КемГУ» по научной работе;
И. П. Басалаева (Рещикова), ст. преподаватель кафедры истории НФИ ГОУ ВПО «КемГУ» (составление, общая редакция, научная редакция);
Е. Б. Макарчева, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории НФИ ГОУ ВПО «КемГУ» (общая редакция).

В оформлении обложки использована репродукция произведения заслуженного художника Российской Федерации, председателя Новокузнецкого отделения ВТОО «Союз художников России» П. П. Рещикова «Мой город» (1984–1985, х., м. 60x80).

УДК 930.85(571.1)
ББК 63.3(2 Рос – 4 Кем)

ISBN-13 978-5-8353-0764-7

© Новокузнецкий филиал-институт
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Кемеровский государственный университет», 2010
© Авторы, 2010
© Рещиков П. П., оформление обложки

СОДЕРЖАНИЕ

Участникам II Всероссийской научно-практической конференции «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города в переходный период» (приветственное слово сопредседателя Общественного регионального движения «Сибирский Народный Собор», директора Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, директора Сибирского филиала Российского института культурологии, действительного члена Академии гуманитарных наук, Российской академии естественных наук и Российской академии социальных наук, профессора, доктора исторических наук Н. А. Томилова)	8
Участникам II Всероссийской научно-практической конференции «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города в переходный период» (приветственное слово генерального директора исполнительной дирекции Ассоциации сибирских и дальневосточных городов М. А. Зайцева)	9
Решение I Всероссийской научно-практической конференции «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города и горожан» (14 ноября; 4 декабря 2008 г.) <i>Басалаева И. П.</i> Конференции серии «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк»	10 12

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Анохина Н. К.</i> Вопросы социокультурной парадигмы моногорода	21
<i>Басалаева И. П.</i> Проблема критериальности фронтальных территорий как городоведческая проблема	28
<i>Горелова Ю. Р.</i> Образ города: проблемы историографии и методологии исследования	34
<i>Двуреченская А. С.</i> Имидж как одна из форм проектирования культурного пространства постиндустриального города	43
<i>Дождевых С. М.</i> Вятка – Киров: к проблеме идентификации города	50
<i>Емельянова И. Н.</i> Креативность как характеристика городского социума	54
<i>Макарчева Е. Б.</i> К вопросу о формировании образа города в его историческом аспекте	62
<i>Полончук Т. А.</i> Город: две концепции будущего	67
<i>Рыженко В. Г.</i> Юбилей города: современные исследовательские практики конструирования исторической памяти и коллективной идентичности (на материалах Сибири)	76
<i>Рыженко Л. И.</i> Постиндустриальные ресурсы развития Новокузнецка	85
<i>Томилов Н. А.</i> Значение исторического и культурного наследия в развитии российского общества	94
<i>Шептухин А. Н., Линиченко П. С.</i> Некоторые аспекты разработки имиджа и бренда моногорода	99
<i>Шептухина Л. И., Фадеева Е. И.</i> Развитие креативных отраслей индустрии в моногороде	107

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И УРБАНИСТИКА. ЛОКАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА

<i>Ананьев Д. А.</i> Компетенция и деятельность кузнецких воевод в XVII – середине XVIII вв. (в свете концепций «колонизации» и «фронтира»)	116
<i>Артюх Е. В.</i> Архитектура власти Кузнецка – Сталинска – Новокузнецка	124
<i>Богданова О. В.</i> Архитекторы и инженеры в реализации идеи «город-сад» в Западной Сибири	137
<i>Гольцова А. Г.</i> Образ города Новокузнецка в локальных группах социальной сети «ВКонтакте»	144

<i>Двуреченская А. С., Фёдорова А. В.</i> Представления об идеальном городе в культуре итальянского Возрождения	153
<i>Дюдина Е. Н.</i> Репрезентация Новокузнецка в презентационных изданиях о городе	157
<i>Жигалова И. С.</i> Феномен праздника в условиях советского и постсоветского индустриального города (на примере г. Новокузнецка)	164
<i>Иванов Ю. П., Макашова И. М., Бармотина Л. Н.</i> «Новокузнецк-400»: географический взгляд в будущее	172
<i>Иванова Г. С.</i> Иван Селиванов в Новокузнецке	177
<i>Кискидосова Т. А.</i> Повседневная жизнь Красноярска в годы Первой русской революции (1905–1907 гг.)	181
<i>Лизогуб П. П.</i> Когда Кузнецкий острог стал городом?	190
<i>Насырова Р. В.</i> Образ города Новокузнецка в восприятии студенческой молодёжи	197
<i>Никитина И. В.</i> Проблема формирования и сохранения художественного образа в декорировании пространства постиндустриальных городов Кузбасса: национальное своеобразие и интернациональные черты	206
<i>Паничкин В. Б.</i> Архитектурное наследие Новокузнецка: что имеем – не храним?	218
<i>Паничкин В. Б.</i> Новокузнецк: ровесник КМК или свидетель Средневековья?	224
<i>Прасолова Ю. С.</i> Наружная социальная реклама территории в современном Новокузнецке	233
<i>Соколовский И. Р.</i> Трёхмерная компьютерная реконструкция Кузнецкой крепости по состоянию на 1820 г.	240
<i>Хуторянская А. Д.</i> Оппозиция художественного пространства города и деревни в рассказах В. М. Шукшина	253

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

<i>Борин А. Г., Борина Л. С.</i> Механизмы и факторы формирования горожанина и городского образа жизни в индустриальном городе 1930-х гг. (на материалах Сталинска)	262
<i>Конев Е. В.</i> Христиане веры евангельской Кузбасса в 40–60-е годы XX века	268
<i>Левина И. Л., свящ. Алексей (Нагорный), Черных Ю. Н.</i> Сколько храмов нужно городу в переходный период?	279
<i>Полухин А. Н.</i> К проблеме развития высшего профессионального образования в городе Новокузнецке	283
<i>Токмашев Д. М.</i> Кузбасс как буферная зона: этнический состав и этнополитическая история Северного Алтая в позднем Средневековье (на примере телеутов)	288
<i>Топорова А. Р.</i> Шорские поселения на кузнецкой земле: проявление фронтирности сегодня	292

ПЕРЕХОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

<i>Ващенко А. Ю.</i> Проблемы формирования южно-кузбасской агломерации	296
<i>Горбуль Ю. А.</i> Развитие правовой активности местного сообщества на муниципальном уровне правового регулирования общественных отношений	300
<i>Демчук Н. В.</i> Местные сообщества как особый объект исследования	310
<i>Зубарева Т. А.</i> Партнёрство университета и предприятий в целях развития территории	318
<i>Мальковец Н. В.</i> Как организовать общественное участие в городе Новокузнецке	327
<i>Морозова И. С., Картавцева А. П.</i> Регионализация как ведущая форма диверсификации образовательного пространства	334

<i>Позднякова Н. А.</i> Грани сотрудничества: из опыта работы публичной библиотеки	342
<i>Рогачёва М. А.</i> Основные направления диверсификации экономики города Новокузнецка	350
<i>Сенкус В. В.</i> Концепция стратегии развития города Новокузнецка	354
<i>Скаленчук В. В.</i> «Листы одного дерева». Помним прошлое... Храним историю... Из опыта работы Новокузнецкой ЦБС	357
<i>Цибизова Е. Б.</i> Роль муниципальной системы образования в развитии местного сообщества	361

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ, МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕХОДНЫХ УРБАНИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

<i>Артемьев А. А.</i> Социальные коммуникации учреждений и ведомств в деле сохранения здоровья подрастающего поколения	368
<i>Дворцова Е. В.</i> Актуальность проблемы здорового образа жизни студентов вуза	374
<i>Заживихина Н. В.</i> Проблема отчуждения труда в современном обществе	384
<i>Николаева Л. А.</i> Гигиеническая оценка сорбции фтора в растениях, произрастающих вблизи предприятий алюминиевой промышленности	387
<i>Николаева Л. А., Савченков М. Ф.</i> Гигиенические особенности накопления растворимых фторидов в почвенном покрове в Сибири	389
<i>Николаева Л. А., Савченков М. Ф., Шин Н. С.</i> Оценка влияния выбросов алюминиевых производств на здоровье детского населения, проживающего на йоддефицитных территориях	393
<i>Петров И. В.</i> Экологические аспекты экономического регулирования охраны окружающей городской среды	397
<i>Проскуракова Л. А.</i> О реализации программы охраны здоровья участников образовательного процесса	401
<i>Шубкин М. В., Шубкин В. Н.</i> Оптимизация качества оказания первой медицинской помощи при автоавариях – один из путей снижения последствий ДТП и фактор, влияющий на качество жизни и здоровье населения	407
Сведения об авторах	414
Список сокращений	421

*К 400-летию города Новокузнецка
Научно-исследовательская программа «Новокузнецк-400»*

УЧАСТНИКАМ ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КУЗНЕЦК – СТАЛИНСК – НОВОКУЗНЕЦК: ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД»

ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ И ДРУЗЬЯ!

Ваша конференция по научной проблематике, безусловно, является чрезвычайно актуальной и в плане обсуждения теоретических аспектов истории и современного развития городов, их экономических и социокультурных компонентов, и в практической сфере жизнедеятельности горожан. Проблемы переустройства и дальнейшего развития современной цивилизации (в том числе и цивилизации российского общества) напрямую связаны с чрезвычайно возросшей ролью городов в жизни человечества. В современных городах России проживает почти 75 % населения страны. Города сегодня, прежде всего, – центры промышленности, технократические полисы, центры культуры, административные центры. В современных условиях необходимы усилия для превращения городов в духовные (интеллектуальные) центры цивилизации. Города должны стать не только центрами производства высоких технологий, но и полноценными центрами духовного производства, а также зонами устойчивости жизненного уклада горожан, их удовлетворённости жизнью.

Обсуждение переходных процессов во всех сферах жизни современных городов, в том числе старейшего сибирского города Новокузнецка, закономерно является главной целью вашей конференции.

Примите мои искренние пожелания успешной работы II Всероссийской научно-практической конференции «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города в переходный период», а всем её участникам – удачных выступлений с докладами, новых научных достижений, веры в великое будущее нашей России и, в целом, веры в прогресс человечества!

**Сопредседатель Общественного регионального движения
«Сибирский Народный Собор»,
директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН,
директор Сибирского филиала Российского института культурологии,
действительный член Академии гуманитарных наук,
Российской академии естественных наук и Российской академии социальных
наук, профессор, доктор исторических наук
Н. А. Томилов**

18 ноября 2010 г.

УЧАСТНИКАМ ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КУЗНЕЦК – СТАЛИНСК – НОВОКУЗНЕЦК: ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД»

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

От имени руководства Ассоциации сибирских и дальневосточных городов приветствую участников II Всероссийской научно-практической конференции «КУЗНЕЦК – СТАЛИНСК – НОВОКУЗНЕЦК: ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД»!

Более двадцати лет назад под Иркутском руководителями исполнительных комитетов городов Сибири и научными сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук была образована наша ассоциация. Ещё тогда, и поверьте – сейчас не меньше, члены нашей ассоциации (а это главы городов Сибири и Дальнего Востока) осознали, что практика муниципального управления должна складываться в неотрывной связи с наукой. Именно обмен опытом, обмен своими знаниями и идеями – это путь к решению проблем, стоящих сегодня перед нашими муниципалитетами.

Ваша конференция призвана по крупицам собирать и анализировать тот успешный опыт в сфере муниципального управления города Новокузнецка, который сегодня так необходим для развития института местного самоуправления в нашей стране.

Надеюсь на дальнейшее сотрудничество с органами местного самоуправления города Новокузнецка и Новокузнецким филиалом-институтом Кемеровского университета!

Желаю всем участникам конференции интересных дискуссий, успешной работы и реализации намеченных планов!

**Генеральный директор исполнительной дирекции
Ассоциации сибирских и дальневосточных городов
М. А. Зайцев**

24 ноября 2010 г.

РЕШЕНИЕ

I Всероссийской научно-практической конференции «КУЗНЕЦК – СТАЛИНСК – НОВОКУЗНЕЦК: ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА И ГОРОЖАН»¹

(14 ноября; 4 декабря 2008 г.)

В ситуации ослабления действия факторов, определявших жизнь города Новокузнецка в последние десятилетия, участники конференции считают необходимым:

1. Рассматривать серию конференций НФИ КемГУ, тематически посвящённых городу Новокузнецку, как инструмент формулирования и обсуждения адекватных современности концепций и технологий планирования перспективного развития *города как такового, в органическом единстве всех аспектов его жизни* (демографических, культурных, экологических, производственных, этносоциальных, конфессиональных и т. д.), что предполагает также и определение новых градообразующих оснований развития Новокузнецка.
2. Целью работы конференций считать постановку и обсуждение проблемы городской (новокузнецкой) идентичности, а также путей формирования *городского сообщества из городского населения*.
3. Проводить конференции «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк» с изданием сборника материалов регулярно с периодичностью раз в два года.
4. Продолжить работу по формированию и распространению точки зрения на Новокузнецк как на *исторический город* с богатым и целостным прошлым, глубинные смысловые детерминанты которого определяют развитие города в масштабах нескольких столетий.
5. Пропагандировать приближающееся 400-летие города не как преходящую юбилейную дату, а как постоянно действующий фактор устойчивого развития исторического города Новокузнецка.
6. Начать работу по формированию авторского коллектива для написания фундаментальной научной истории города Новокузнецка. Ходатайст-

¹ 14 ноября 2008 г. в НФИ КемГУ была проведена первая конференция серии «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк» (о серии см. с. 11–18 настоящего сборника), приуроченная к 390-летию Новокузнецка и 65-летию образования Кемеровской области. На участие в конференции было заявлено 47 докладов от авторов из Новокузнецка, Кемерово, Белово, Томска, Уфы, Москвы.

Заключительное заседание было посвящено обсуждению проекта решения конференции. Потребовалась доработка этого документа, поскольку участники обсуждения предложили немало существенных дополнений. Окончательный вариант решения был принят 4 декабря 2008 г. на специальном заседании городского краеведческого объединения «Серебряный ключ», куда были приглашены участники конференции. Этот итоговый документ мы публикуем.

зовать перед администрацией города о финансировании этого масштабного проекта.

7. Акцентировать в дальнейшей работе конференций и местного краеведческого сообщества современное состояние города Новокузнецка как подлежащее первоочередному изучению с целью выработки эффективных предложений по улучшению качества жизни в городе. Усилить практическую составляющую конференции, в связи с чем формулировать и решать наиболее актуальные для жизни города вопросы.
8. Делегировать городскому краеведческому объединению «Серебряный ключ» при ЦБС имени Н. В. Гоголя функции интеллектуальной площадки по текущему обсуждению проблем города и горожан между конференциями серии «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк».
9. Сформировать банк конкретных предложений по комплексному перспективному развитию города, разместить его на сайте Новокузнецкого филиала-института КемГУ. Доводить решения конференции до сведения как законодательной, так и исполнительной власти Новокузнецка.

*Проект решения обсуждён 14 ноября 2008 г. на «круглом столе»
конференции «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк:
проблемы города и горожан».*

*Решение подписано участниками конференции
на заседании городского
краеведческого объединения «Серебряный ключ»
4 декабря 2008 г.*

КОНФЕРЕНЦИИ СЕРИИ «КУЗНЕЦК – СТАЛИНСК – НОВОКУЗНЕЦК»

В 2008 г. Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета провёл Первую Всероссийскую научно-практическую конференцию «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города и горожан»; сегодня эта линия работы продолжается конференцией «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города в переходный период». Конференции представляют собой многолетний проект, фактически серию научных форумов, объединённых главной идеей – комплексным гуманитарным исследованием феномена Новокузнецка. В каждом из мероприятий задуманной серии детально разрабатывается конкретный аспект жизни города. Если в 2008 г. был предпринят опыт «разметки» предметного поля предстоящей большой работы путём концентрации внимания на выявлении общих проблем города и горожан, то работа участников конференции 2010 г. ориентирована уже на решение более узкой задачи. Это изучение *переходности* в различных смысловых ракурсах: цивилизационном, геополитическом, культурно-историческом, идеологическом, социально-экономическом, этноконфессиональном, экологическом. Объектом анализа переходных процессов в названных контекстах является урбанистическая специфика города Новокузнецка, а также субрегиона Южный Кузбасс, региона Кузбасс и территории Западной Сибири. Такова, согласно замыслу разработчиков этого проекта, «ментальная карта» серии конференций «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк». Публикуемые в настоящем сборнике материалы, в сравнении со сборником статей конференции 2008 г., позволяют зафиксировать определённое движение в направлении всё более полной реализации этого замысла.

Работа по осмыслению феномена Новокузнецка, которую около двух лет назад инициировал НФИ КемГУ, трудна, ответственна, но городу жизненно необходима и потому неизбежна. У горожан (в том числе и у руководителей города, ибо они тоже горожане) нет больше возможности тешить себя иллюзиями о том, что технологии, индустрия, заводы и шахты, наш «базис» – это единственное, что требуется модернизировать, а в остальном город благополучен и готов к тому чтобы стать объектом «продвижения» по всем правилам маркетинга территорий. Продвижение чего бы то ни было требует, чтобы это «что-то» было как минимум известно и описано. Но в какой степени известно, что такое Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк в аспекте его четырёхвекового прошлого? Описан ли город хотя бы в историческом ракурсе?

Что «держит» наш город в эти четыре столетия, несмотря на очевидные разрывы в его славной и драматической истории? Что значит быть городом «на краю цивилизации»? Какие ограничения и возможности даёт нам наше географическое положение, и как мы их используем? Как можно унаследованную нами историческую, географическую, социально-экономическую ситуацию превратить из тягостного ограничения в ресурс развития? В чём действительная уникальность нашего *Места* – ь-ко здесь и только нами? Что такое Новокузнецанин?.. И, наконец, рамочный вопрос: а можно ли проектировать будущее без знания этих фундаментальных «паттернов» нашего города?..

В этом отношении бодрое намерение побыстрее «позиционировать» Новокузнецк, без должного изучения онтологии города, следует расценивать как скверную моду эпохи регионализации и как один из сотен, согласно Остапу Бендеру, «сравнительно честных» способов зарабатывать деньги (в данном случае на маркетинге территорий). Постановка таких вопросов, какие мы перечислили выше, делает необходимой аналитическую работу местного гуманитарного сообщества, которому, впрочем, не обойтись без помощи приглашённых специалистов (многие аспекты жизни города требуют взгляда со стороны). НФИ КемГУ – институт прежде всего гуманитарный. И это один из немногих, если не единственный в Новокузнецке вуз, который уже не первый год методично отстаивает важность именно *гуманитарного подхода* к анализу различных сторон жизни города и региона, в том числе и тех, что традиционно считаются исключительно производственно-техническими (например, проблемы безопасности на угольных предприятиях).

В названиях серии конференций НФИ КемГУ, посвящённых городу вообще и Новокузнецку как самому важному для нас городу – месту нашей жизни, не случайно присутствует ключевое слово «проблемы». Понимание, формулирование проблем уже само по себе является позитивной программой. И это, безусловно, дело специалистов, именно поэтому формат обсуждения жизни нашей территории (в масштабах города, городской агломерации, субрегиона, региона) достаточно строг: *научно-практическая конференция*. Для организаторов важно, чтобы на этой площадке благодаря продуктивному общению специалистов, представляющих разные научные дисциплины, а также отрасли того, что ещё недавно называлось «народным хозяйством», возникали новые темы, новые ракурсы городской проблематики, применялись и разрабатывались новые методологические подходы к изучению Но-

вокузнецка и Кузбасса. В ходе совместной исследовательской работы в междисциплинарном пространстве смысловых «отражений» и «амальгам», мы надеемся, будет выработан тот специальный язык, который окажется адекватен задаче описания сложного феномена под названием «Новокузнецк». Потому что *пока* такого языка у нас нет, и это – глубинная причина многих явных и латентных проблем местного сообщества. Именно с этой «непроявленностью» города для его жителей связано фактическое отсутствие у большинства из нас исторической памяти, которая была бы развита в степени, достойной 400-летней историей нашего *Места*. Подобная «недостаточность» местного самосознания имеет внушительный шлейф деструктивных следствий: неспособность к нормальному для цивилизованного человека отношению к прошлому (достаточно посмотреть на состояние исторических зданий в городе); несформированность собственно городской культуры, городского образа жизни у жителей города; «непривязанность» новокузнецчан к Новокузнецку, о чём свидетельствует отсутствие у нас внятного этнохоронима – территориального самоназвания...

Те задачи, которые ставит перед собой и городским сообществом НФИ КемГУ, разумеется, не могут быть решены одномоментно в рамках единственной научно-практической конференции (даже при самом блестящем составе её участников). По сути, самим фактом организации и проведения подобных мероприятий руководство института обосновывает необходимость соответствующего интеллектуального движения, а «рисунок» конкретных конференций обозначает векторы, возможности и риски такого движения. Но собственно работа с проблемами города, конечно, этим не ограничивается.

Линия работы, в рамках которой проводятся конференции серии «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк», является частью научно-исследовательской программы «Новокузнецк-400»¹, инициированной в НФИ КемГУ в 2008 г. Тогда руководством института была начата подготовка к событию, имеющему огромную (и всё ещё не осознанную новокузнецчанами) важность для города: это 400-летие Кузнецка – Сталинска – Новокузнецка. С одной стороны,

¹ См. о программе: **Обращение инициативной группы «Новокузнецк-400» к жителям города** // Новокузнецк: городская газета. – 2010. – 2 марта. – № 14 (362). – С. 2; **«Новокузнецк-400»: как нам обустроить город?** // Наш город Новокузнецк. – 2010. – № 2. – С. 46–48; Незванова А. **Кто мы? Новокузнецчане или сообщество случайных соседей?** // Новокузнецк: городская газета. – 2008. – 10 апреля. – № 27. – Режим доступа: <http://www.novokuznetsk.su/news/city/3649>; Валиулин В. **Собираем образ Новокузнецка** // Кузнецкий рабочий. – 2009. – 22 октября. – С. 5. – № 122. – С. 5; Решикова И. П. **Город накануне 400-летия: перспективы ретроспекции** // Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города и горожан: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новокузнецк, 14 ноября 2008 г.) / под ред. Ф. И. Иванова, И. П. Решиковой, Е. Б. Макаревой; НФИ ГОУ ВПО «КемГУ». – Новокузнецк, 2008. – С. 191–201.

подобные события имеют характер чисто конвенциональный, зависящий от условностей летоисчисления. Капризы последних для нашего старинного города не новость: в Кузнецке XIX в. 250-летний юбилей города отмечался в 1867 г., то есть возраст города тогда исчисляли от 1617 г. Есть примеры и посвежее. Многие горожане среднего возраста помнят времена, когда Новокузнецку регулярно-поступательно «исполнялось» 50, 51... 55 лет (60-летие выпало на год развала СССР и уже не было отмечено должным образом) – и вдруг одномоментно, чуть ли не «мистически», волевым решением администрации город стал старше на несколько столетий. Это произошло в 1998 г., которым датировалось 380-летие Новокузнецка – кажется, первый в его истории пышно отпразднованный юбилей. Безусловно, факт подобного торжества был свидетельством наступления новой эпохи.

Вопрос о юбилее как ресурсе и «юбилейном городе» как специфическом состоянии современных западносибирских городов является, с одной стороны, захватывающим научным сюжетом (и в данном сборнике развёртка этого сюжета начата в статье известного сибирского урбаниста В. Г. Рыженко), а с другой стороны, актуальнейшим направлением городского маркетинга. Современным новокузнецчанам пора уже озаботиться вопросом, достанет ли времени и интеллектуальных сил на подготовку к тому чтобы достойно войти в пятое столетие жизни нашего города. Ведь опыт других «юбилейных городов» (Санкт-Петербурга, Казани, Томска, совсем недавно Ярославля и др.) задаёт *содержательную* планку события, которую нельзя проигнорировать другим городам,

Мы имеем в виду не конкуренцию в духе «чей праздник круче» и не масштаб финансовых трат на непременно фейерверки, концерты и массовые гуляния. Речь о том, что юбилей – повод (ре)конструировать образ города и латать дыры не только в мостовых, но прежде всего в городской идентичности. Это – ситуация смысловой паузы, когда юбиляр (человек ли, территория ли) должен *задуматься*. Таковы уж правила игры под названием «юбилей».

Чем нужно заняться в этой связи сегодняшнему «предъюбилейному» Новокузнецку? Нужно разрабатывать типологические ряды, в которых должен осмыслиться феномен Новокузнецка. И это, конечно, не линейки а-ля «семь чудес света» или «семь столиц России». Поиск городов-аналогов, городов-антагонистов, городов-моделей, сравнение себя с ними – вот что поможет нам понять себя и начать разрабатывать адекватные программы развития собственного города. Нет у нас недостатка в программах, концепциях и

стратегиях – есть явный дефицит в идеях, в коммуникации и во внедрении идей.

Новый этап урбанизации требует перехода от моделей внешнего централизованного директивного планирования к гибким схемам самоорганизации. И если существующая система управления огромной страной не может учитывать её местные особенности и доверять самоорганизации общества – значит, это становится задачей региональной власти. Ситуация в нашем городе не то чтобы нуждается – она буквально кричит о неотложности этой работы. Надо честно признаться себе: от качества её выполнения зависит судьба Новокузнецка. На управленческом языке сегодняшняя точка бифуркации формулируется как «задача диверсификации экономики», ухода от монопрофильности города и региона. Звучит нейтрально-академически, но что за этим стоит – о том подробно говорил в рамках своего научного семинара 2009 г. Владимир Каганский¹. **Эпоха перемен может быть благополучно пережита только в том случае, если «город угля и металла»² обретёт свою новую идентичность.** Помимо развития, всякой системе важно обеспечивать самосохранение, неснижение уже имеющегося уровня. Это касается и сложных территориальных систем (городов и агломераций), но особенно таких, которые «западный» дрейф горизонтальной миграции может превратить в территорию пенсионеров...

Необходимо также осмысление хронологических возможностей Новокузнецка, в том числе (но не исключительно) его географического положения³. Статус исторического города так или иначе влечёт за собой его *центральные функции*. Нельзя не заметить также пикантный нюанс в грядущем событии: в 2018 г. будет отмечаться ещё и столетний юбилей города, которому выпала историческая судьба стать «столицей Кузбасса» (такой слоган встречает всех въезжающих в него со стороны Новокузнецка). Это город Кемерово. Две «столицы Кузбасса», видимо, самой игрой истории поставлены перед задачей поиска общей траектории движения к 2018 г. Это тоже следует рассматривать как шанс обретения равновесия благодаря региональной инте-

¹ Новокузнецк: периферия? Провинция? Фронтир?: сб. науч. трудов по материалам науч. семинара В. Л. Каганского «Культурный ландшафт России и преодоление *Периферии*» (Новокузнецк, 12–15 октября 2009 г.) / под общ. ред. В. С. Гершгорина; науч. ред. И. П. Басалаева (Рещикова); НФИ ГОУ ВПО «КемГУ». – Новокузнецк, 2010. – (Научно-исследовательская программа «Новокузнецк-400»).

² Название первого юбилейного текста о Сталинске – Новокузнецке: Десять лет города угля и металла: сб. / Издание юбилейной комиссии по организации празднования 10-летия Кузнецкого металлургического завода имени Сталина и города Сталинска. – Сталинск, 1939. – 288 с.

³ Эта работа фактически начата проведением в НФИ КемГУ в 2009 г. научного семинара В. Л. Каганского.

грации, как возможность выйти из тесной модели отношений «старший брат – младший брат» с её очевидным деструктивным потенциалом инверсий.

Примером для нас должен стать город Омск: к своему 300-летию в 2016 г. он начал подготовку с хорошим запасом времени и с нужными документами: январём 2007 г. датирован указ Президента Российской Федерации о праздновании 300-летия основания г. Омска, а декабрём 2008 г. – соответствующее постановление Правительства Российской Федерации с впечатляющим планом основных мероприятий. За одиннадцать лет до события в Омске начаты работы по подготовке к юбилею, с тем чтобы город вошёл в своё четвёртое столетие как инвестиционно привлекательный. Это – пример осознанной работы с юбилейной ситуацией как с ресурсом для развития территории.

Чем вторая в серии «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк» конференция отличается от других научных событий, посвящённых городу? Новокузнецк, конечно, является предметом специального внимания специалистов. Но нет ни одного серьёзного научного мероприятия, которое было бы ориентировано на регулярное комплексное исследование Новокузнецка как целостности, а не только его заводов, или здоровья населения, или профессионального искусства, или истории, или рекламы, или библиотечной деятельности и т. д. Проект «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк» – фактически ЕДИНСТВЕННАЯ В НОВОКУЗНЕЦКЕ КОНФЕРЕНЦИЯ О НОВОКУЗНЕЦКЕ. При этом город рассматривается как *типическое явление*, что значит: исследуется не только сугубо новокузнецкая специфика, но на местной эмпирике конструируется знание, референциальное по отношению к другим городам тех типологических рядов, в которых располагается Новокузнецк.

Нельзя сказать, что все авторы – участники новокузнецких конференций естественным образом занимают интегральную позицию в выборе методологии исследования своего объекта; во многих представленных материалах слишком заметна узкоспециальная точка зрения. Нельзя сказать и того, что все авторы как один, исследуя конкретный урбанистический аспект, по умолчанию предполагают - лшим, с городом как единством. Для нас всё ещё не стала привычной такая исследовательская позиция, когда город понимается как сложная целостность, а не придаток при своих градообразующих предприятиях, дающих львиную долю доходов для территории куда шире площади самого Новокузнецка. Но всё-таки определённое движение, по сравнению с материалами конференции

2008 г., налицо: расширяется круг проблем, обновляется методология их анализа, в целом тональность теоретизирования по поводу города становится иной. И это, на наш взгляд, очень важно: медленно, но изменяется риторика городского текста (повествования о городе), трансформируется дискурсивный образ *Места*, – это значит, что постепенно мы движемся к нашей цели.

Цель серии конференций НФИ КемГУ «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк» – это **выработка и трансляция модели комплексного гуманитарного анализа феномена Новокузнецка**. Мы полагаем, что знаком успешности нашей работы станет исчезновение из важнейших для города документов, определяющих его стратегию, неистребимого пока словосочетания «социально-экономический». Тогда программы развития города будут называться именно *программами развития Новокузнецка*, а не программами его социально-экономического развития. Это будет индикатором нормализации жизни города, его действительного, а не декларативного перехода к устойчивому развитию. Ведь даже без специального изучения ясно, что ряд важнейших оснований городской жизни определением «социально-экономический» охватить нельзя...

В чём ценность тематического ракурса, избранного для конференции «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города в переходный период»? По наблюдениям учёных, процессы урбанизации на подавляющей части территории страны пока не ослабевают. Современный российский город находится в сложной исторической ситуации, адекватное определение которой требует обращения к категории *переход*. Среди очевидных результатов распада имперского единства СССР – изменение карты страны и появление новых границ; активизация миграционных потоков; поиск новых опор социально-экономического и социокультурного развития регионов; поляризация больших городов и обезлюдившей деревни; не прекращающиеся реформы в самых разных областях жизни общества; развитие местного самоуправления.

В урбанистической перспективе очевидно активное формирование городского образа жизни в тех российских городах, которые в советское время были городами лишь номинально; заметен явный крен этого процесса в сторону заимствования западных образцов; происходит рост местного самосознания, фиксируемый в самых разнообразных проявлениях (прежде всего в краеведческой активности); возникают новые субъекты регионального развития – местные сообщества. Начавшаяся после перестройки регионализация происходит не только в политико-административной сфере, но и в простран-

стве науки. Идёт «великое открытие» города как неизвестной реальности. заново создаётся гуманитарная грамматика города. Эта линия научной рефлексии сопровождается спонтанным «низовым» моделированием таинственности городского пространства (в жанре так называемой метафизики города). Наконец, города перенасыщены наружной рекламой, которая пестрит признаниями населения в любви к ним. Но за признаниями должно стоять *знание о Месте*, уникальность *Места* должна стать компонентом местного сознания, а не бессознательного.

Всё это делает необходимым анализ *переходности* как особой социально-исторической и культурно-психологической позиции. И это, в свою очередь, ставит важную методологическую задачу выявления критериев дифференциации качественно различных состояний одного объекта, в которых он не утрачивает своего сущностного единства. Тот факт, что в постперестроечном дискурсе общим местом стало определение современности как переходной эпохи¹, не только не отменяет, но, напротив, ставит проблему поиска индикаторов переходности и соотношения дискретности и континуальности в общественном развитии. Если «положить» эти задачи на формируемое в рамках конференций «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк» поле городоведческого исследования, то речь идёт о выявлении онтологического фундамента, который единственный и даёт основание говорить о целостности четырехсотлетней «трёхчастной» реальности под названием Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк.

Очевидная дискуссионность поставленных в рамках конференции вопросов предусмотрена организаторами конференции: для их обсуждения проводится ряд «круглых столов», материалы которых мы намерены опубликовать отдельным сборником.

*И. П. Басалаева,
учёный секретарь оргкомитета конференции
«Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк:
проблемы города в переходный период»*

¹ Известна даже более радикальная точка зрения, согласно которой история России в цивилизационном отношении представляет собой сплошную цепь одних только «переходных периодов».

**ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ
СОВРЕМЕННЫХ
ГОРОДОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Н. К. Анохина

ГОУ ВПО «Сибирский государственный индустриальный университет»,
г. Новокузнецк

ВОПРОСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ МОНОГОРОДА

В статье рассмотрены теоретические и практические (на материале опроса студентов СибГИУ) аспекты современного состояния моногородов; предложены возможные векторы дальнейшего развития Новокузнецка.

В последнее время понятие «моногород» встречается достаточно часто в экономической и научно-технической литературе, в средствах массовой информации, что обусловлено изначально распадом СССР и чередой кризисов сегодняшнего дня, оказавших негативное влияние на экономику России и, в частности, на производственную сферу моногородов.

Под моногородом или «монопрофильным» городом, как правило, в научной литературе понимают города и посёлки городского типа, в которых одно или несколько градообразующих предприятий одной отраслевой принадлежности формируют основную занятость, доходы населения и местных бюджетов. Обычно различают два вида монофункциональных городов с крупным предприятием: города, находящиеся в зоне влияния крупных холдинговых компаний, и города с самостоятельными предприятиями традиционных отраслей промышленности. Понятие «градообразующие предприятия» описывает создаваемое или исторически сложившиеся территориально-обособленные производства товаров и услуг (включая оборонные и научно-исследовательские), способные на достаточно длительный период осуществлять территориальную привязку населения к зоне расположения предприятий. Определение и юридическое закрепление статуса «градообразующего» необходимо потому, что такое предприятие несёт особую социальную нагрузку, отвечая за функционирование и развитие всего города, включая условия проживания, уровень оплаты труда, содержание объектов социальной инфраструктуры, реализацию социальных программ и многое другое.

В настоящее время отсутствует специальная статистика, позволяющая получить полноценные данные о масштабах названного явления. Однако даже существующие данные по критериям отнесения к моногородам, принятым Минрегионом РФ, свидетельствуют о большой значимости этой проблемы для экономики страны.

Проблема моногородов в России является важнейшей, поскольку, по оценкам экспертов, у нас моногородами можно назвать 332 посёлка городского типа и 467 городов. В них проживает порядка 25 % всего городского населения страны – 25 миллионов человек [1, с. 50]. В Кузбассе 15 из 16 городов являются моногородами. Исключение составляет г. Кемерово [2, с. 1]. Новокузнецк по вышеперечисленным признакам попадает в список монопрофильных городов. Моногорода в России есть почти во всех отраслях экономики: добыча и обработка полезных ископаемых, машиностроение, металлургия, военно-промышленный комплекс, имеются леспромхозовские и геологические посёлки, закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) и многое другое.

Большинство предприятий в монопрофильных поселениях принадлежит частным собственникам. Сегодня самая типичная коллизия для моногородов, которая грозит социальными взрывами, – остановка градообразующих предприятий частными собственниками, которые ссылаются на «глобальный кризис» [1, с. 50]. В некоторых случаях продукты, экспорт моногородов становятся невостребованными, а люди остаются без средств к существованию. В результате такое положение дел ведет к рурализации, пауперизации, то есть к застою, обнищанию отдельных слоев населения, росту преступности и, конечно, к резкому снижению численности людей вследствие их переезда на постоянное место жительства в другие города.

Критическая ситуация в моногородах обратила на себя внимание власти. В связи с кризисом и тяжёлой социально-экономической обстановкой в моногородах правительство обещает им серьёзную поддержку в решении их проблем. Об этих вопросах говорится в эксклюзивном интервью министра регионального развития РФ Виктора Басаргина и вице-президента Российского союза строителей, президента саморегулируемой организации «Объединение строительных организаций среднего и малого бизнеса» А. Шамузафарова [3, с. 50]. В их ответах на вопросы корреспондента прозвучало, что министерство будет активно заниматься вопросами социально-экономического развития моногородов. Схемы технического планирования представляют главное направление деятельности министерства в текущем году, причём эту задачу нужно решить за два года с участием пятнадцати федеральных ведомств.

Уже в ближайшее время в Правительство РФ будут направлены комплексные планы модернизации: 27 городов были отобраны правительственной комиссией для экстренной помощи. Антикризисная межведомственная

группа под руководством первого вице-преьера И. И. Шувалова включила Ленинск-Кузнецкий и Прокопьевск в перечень моногородов, которым в 2010 г. в первоочередном порядке будет оказана финансовая поддержка за счёт средств федерального бюджета, принято решение о разработке программы развития монотерритории Таштагольского района.

Следует заметить, что и на Западе существует глобальная проблема моногородов. Как отмечает А. М. Ходачек, директор Санкт-Петербургского филиала ГУ-ВШЭ, проблемы моногородов, пожалуй, «и у них, и у нас» одинаковые, вот только решают их по-разному. Применяемая за рубежом практика реструктуризации производств влияла и влияет на жизнь моногорода с учётом того, что в такой практике всегда участвует государство, реализуя наряду с производственными и социальные программы. Для радикального изменения ситуации российских моногородов нужна специальная федеральная программа по решению проблем развития и дальнейшего функционирования моногородов РФ на 10–15 лет, может быть в статусе национального проекта [4, с. 50].

В данной статье, кроме понятия моногорода, рассматривается социокультурная парадигма города применительно к Новокузнецку. Многие вопросы, связанные с его настоящим и будущим развитием, были выбраны для обсуждения с учётом интересов и точки зрения студенческой молодежи.

Город сегодня понимается как сложное динамическое образование, как «живой организм» со своей структурой, со своим менталитетом, это не столько форма поселения и производства, сколько форма сообщества, тип социальности, сущностной чертой которой является интеграция разнообразных видов жизнедеятельности в единую саморазвивающуюся систему с собственными механизмами поддержания устойчивости и порядка. В городе сфокусировались все сферы жизнедеятельности человека: в нём человек живёт, работает, саморазвивается как личность в психологическом, социальном и метафизическом планах.

Город с древнейших времен обозначает центр мира, ось мира. Он символизирует свободу, материальный мир, в котором имеет место инволюция и эволюция духа. В мифологии у каждого города, как у Платона, есть свой божественный прототип, предшествующий земному образу и расположенный на небесах. Более того, закладка и обустройство города обязательно подчинялись определённой сакральной идее. Город всегда являлся локусом концентрации Истории и Культуры.

Город – это и экология, и экономика, и повседневная жизнь, и макросоциальные процессы, и многое другое. Город в силу своей сущности «вынуждает» заниматься самыми разными вопросами и интегрировать разнообразные знания в некоторую единую концепцию. И эти урбанистские концепции всё более приобретают социологический характер. Но эта система состоит из относительно автономных и гомогенных подсистем: территориально-поселенческой, экономической, символической и др. Поэтому для описания и изучения города используются знания и теоретические схемы разных наук.

В представленной работе мы кратко дадим характеристику социально-культурной парадигмы города (моногорода). Следует отметить, что в научной литературе даже на настоящий момент нет общепринятой социологической концепции города, нет теоретической демаркации предмета [5, с. 7]. Классические теории социокультурной парадигмы города рассматривают его как особый тип социальных отношений (М. Вебер), как «общественную социальность» (Ф. Теннис), как среду обитания (Р. Парк) и пр. Мы ставим перед собой несколько иную задачу, мы попытаемся выделить его социокультурные характеристики и затем поискать пути их совершенствования.

Чаще всего города описывают и изучают в отдельных ракурсах, сегментарно. В урбанистике обычно преобладает узкодисциплинарная предметность. На наш взгляд, можно выделить (с определённой долей условности) следующие предметные ракурсы: 1) территориально-поселенческий, 2) экономический, 3) градостроительный, 4) психологический, 5) историко-культурный, 6) семиотический, 7) философско-методологический, 8) социологический. Все эти составляющие и формируют единый, целостный образ города – города Новокузнецка в том числе. По этим сегментам, их сравнительным характеристикам в истории можно будет давать оценку состояния города, его развития.

Многоаспектность городской жизни, наличие большого количества ракурсов рассмотрения её феноменов даёт множество точек зрения на город с теоретических и практических позиций. Высокая динамика социоструктурных и социокультурных изменений, происходящих в городах, способствует появлению новых феноменов и даже регенерации старых, на которые следует особо обратить внимание и использовать на благо города. Кроме того, города характеризуются индивидуальным разнообразием в историческом и территориальном планах, но проблемы у них одни. К фундаментальным проблемам урбанистики относятся:

- основания определения города;
- причины возникновения, факторы и тенденции изменения города как системы и его отдельных феноменов;
- структура и особенности города как среды обитания;
- специфика города как пространства взаимодействия;
- последствия урбанизации как в плане влияния города на личность, так и в плане влияния города на все общество;
- сущность города: что, собственно, делает некоторое поселение городом, в чём его назначение и смысл? [5, с. 22].

Здесь есть важный момент, на котором следует остановить внимание ещё раз: человек, личность влияет на развитие всего общества, как и общество влияет на формирование личности. Поэтому вопросы социализации личности для моногорода являются сверхактуальными, и поэтому в этой статье они рассматриваются.

Главной целью города и современного моногорода является формирование социокультурного пространства, городской среды, в которой должен быть достаточно высокий уровень для комфортного существования личности, – попросту говоря, людям должна нравиться их среда обитания, чтобы не было неустроенности во всех жизненных смыслах, чтобы меньше негативных переживаний было связано с местом жизни, чтобы среда помогала восстанавливать личностный ресурс. В моногородах эти принципы нарушаются. Тогда возникает вопрос: «Что делать?» По-видимому, следует заниматься построением новой модели города с усилением диверсификации, искать финансы и формировать человека нового типа.

«Город – это, прежде всего, особым образом организованное, обитаемое, жизненное пространство-время. Оно создаётся деятельностью людей, при этом ментальность, культура, биографии, жизненные стратегии и повседневные запросы которых и составляют социальную основу сотворения рукотворных городских ландшафтов» (Т. М. Дридзе). Значит, город – это прежде всего люди, у которых к последнему особое отношение. Очевидно, что у каждого человека «свой» город в силу социально-психологических, ситуационно-биографических и метафизических особенностей восприятия среды обитания. Тем не менее больше внимания необходимо уделять молодому поколению, ибо за ними будущее. Для этого в городе следует создавать духовно-нравственную и интеллектуальную атмосферу. Но в общем случае «шагами» для реализации многомерной модели города как комплексного жизненного пространства служат:

- выявление актуальных жизненных проблем г. Новокузнецка, видимых с различных социальных позиций (статусных групп, экономических и политических интересов, научных расчетов);
- определение специфики конкретной ситуации, представленной в форме вероятностной модели наметившихся тенденций развития объекта – моногорода;
- установление и достижение приоритета локального и самоорганизующегося начала над глобальным, ведомственным и директивным, за исключением особых случаев. Практическое достижение этого приоритета происходит при условии создания юридически правомочных территориальных корпораций, которые включают различные субъекты социального проектирования (это учёные, практики, должностные лица, инвесторы, обыватели). Эти корпорации владеют не только правами, но и ресурсами целевого назначения и обеспечивают изыскательскую (социально-диагностическую) и конструктивно-коммуникативную стадии разработки и реализации проектов, с одной стороны, а также проведение комплексной научно-гуманитарной экспертизы последствий – с другой [5, с. 144].

Предложенные понятия города и подходы к реализации его моделей на практике позволяют более глубоко и комплексно осознать существующие проблемы моногорода. Кроме этого автор данной статьи представляет здесь мировоззренческую точку зрения на проблемы моногорода студентов с пожеланием представить её для обсуждения на одном из «круглых столов» конференции.

Среди студентов первого курса СибГИУ был проведён опрос. Анкета содержала 19 вопросов, касающихся места жительства, отношения к городу, личностных характеристик реципиента, позволяющих примерно оценивать его жизненную позицию и духовный потенциал. В анкетировании участвовало 115 человек. Достоверность результатов опроса при таком количестве участников мала, но тенденции в изучаемых вопросах отслеживаются явно.

Результаты исследования вскрыли негативную тенденцию: желание молодежи покинуть этот город (53,9 %) при негативном отношении к нему (21,7 %). Причиной «новокузнецк-фобии» студенты назвали экологию, неэффективную работу милиции, недостаточно высокую зарплату, низкий культурный уровень людей и недостаточную чистоту города, дороги, небольшое количество парков, театров, игровых клубов, отсутствие аквапарка (ответы на вопросы поставлены в порядке убывания их ценности). Ответы студентов на вопрос: «Что бы Вы смогли

сделать для города?» сведены до бытового уровня; глобальных, интересных проектов респонденты не назвали.

Практически у всех студентов имеются проблемы во взаимоотношениях с родителями. Проблемы формулируются так: «Где взять денег», «Жилищный вопрос», «Негде провести вечер». Вопрос на определение ценностных ориентаций позволил судить о них как о людях сравнительно гармонично развитых. Беспокоит их экология в городе, вопросы трудоустройства, судьба города и образования. Ребята явно продемонстрировали свою гражданскую позицию. Это радует.

Однако настораживает, что 13 % молодых людей не хотят иметь детей в будущем. Возможно, ими руководит страх за своё будущее, в том числе экономическое положение. Думаю, что молодые люди нуждаются в мудром, добром совете, и при хорошем отношении к своему городу (сравните данные в процентах) не следует покидать родные места.

В заключение можно отметить, что сегодня моногорода постепенно начнут трансформироваться, претерпевая переход к обществу другого типа: либо уплотняя пространство жизнедеятельности и интенсификации взаимодействия, либо становясь новой формой социокультурной интеграции. Для решения проблем моногорода Новокузнецка в нём самом содержится колоссальный интеллектуальный, духовный, творческий человеческий потенциал (это учёные, преподаватели, врачи, бизнесмены, писатели, священники, рабочие, артисты, художники и др.). Нам всем следует объединиться, создать гражданское общество, сохранить и возродить наш героический город: Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк.

Список литературы

1. Газизуллин, Р. И. Вопросы снижения рисков городов, созданных на базе градообразующих предприятий [Текст] / Р. И. Газизуллин // Страхование дело. – № 7. – С. 50–56.
2. Исламов, Д. Моногород – это сложная и длительная работа [Электронный ресурс] / Д. Исламов. – Режим доступа: http://www.kuzbass85.ru/articles_view/2711.
3. Басаргин, В. Минрегионразвития займется развитием моногородов [Электронный ресурс] / В. Басаргин, А. Шамузафаров // Информационно-аналитический отдел Управления стратегического развития. – Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/level2/html7NewsID=14784531>.
4. Ходачек, А. М. У моногородов проблемы одинаковые, но их решают по-разному у нас и за рубежом [Текст] / А. М. Ходачек // Главный инженер. – № 12. – С. 21–23.
5. Пирогов, С. В. Социология города [Текст] : учеб. пособие / С. В. Пирогов. – М. : Новый учебник, 2004. – 208 с.

И. П. Басалаева

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

ПРОБЛЕМА КРИТЕРИАЛЬНОСТИ ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАК ГОРОДОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье последовательно рассматриваются аспекты бытования теории фронта в интерьере современной российской историографии: описаны контексты, ограничения и ресурсы теории.

Контексты

В постсоветской исторической науке (и особенно в сибиреведении и североведении) в качестве одного из ключевых концептов утвердился термин *фронтир*. Популяризация *фронтирного дискурса* была сопряжена с преодолением централистской перспективы гуманитарных исследований, с деконструкцией моноидеологической системы науки и со становлением нового ист . Концепция фронта имела в 1990-е гг. особую («злободневную») актуальность для отечественной историографии в связи с тем, что помогала историкам преодолевать собственную цеховую замкнутость и методологический «монизм» (наследство профессионального становления в советской академической среде).

Процесс преодоления методологического кризиса в отечественной историографии протекал параллельно с процессом регионализации постсоветского пространства, что существенно. Это, в частности, потребовало поиска подходящей методологической рамки, в которой присоединение Сибири к Российскому государству получило бы новую трактовку. К тому же в это время актуализировалось понимание того обстоятельства, что само обретение Сибири Россией до сих пор должным образом не осознано [1, с. 16]. Концепция фронта в глазах историка 1990-х выглядела как «обетование» нетривиальной реинтерпретации обширного сибиреведческого материала. При этом однозначного решения вопроса о её применимости к российскому (прежде всего сибирскому) материалу на сегодняшний день не существует. Ряд современных авторов (Д. Я. Резун, В. А. Ламин, М. В. Шиловский, Т. С. Мамсик, А. Д. Агеев, А. Р. Ивонин, М. Я. Пелипась, А. П. Забияко, М. Г. Ганопольский, С. П. Литенкова, Р. Ю. Федоров, А. С. Хромых, Н. Н. Приходько и др.) считают наложение американской концепции на российскую историю продуктивным ис-

следовательским ходом, помогающим глубже изучить перипетии русского освоения Сибири, Камчатки, Русской Америки и Дальнего Востока.

Есть и авторитетные оппоненты: концепция фронта принципиально отвергалась ещё в советское время Л. М. Горюшкиным; отрицательно относятся к попыткам «прямой» и безусловной аппликации фронта на сибирскую историю Л. И. Шерстова; с сомнением оценивают результаты современных компаративных штудий американского и сибирского фронта В. В. Согрин и Л. М. Троицкая (редакторы первого на русском языке издания работ Ф. Дж. Тёрнера).

С другой стороны, теория фронта стала рамкой для процесса «регионализации научного сознания». Речь идёт об «усиленной сосредоточенности исследователей на местной, региональной истории или рассмотрении известных явлений и процессов в региональном измерении, которое раньше недооценивалось» [2, с. 2]. Региональные (и фронтальные) исследования 1990-х гг. вернули научный статус краеведению, низведённому в СССР до уровня любительского кружкового занятия. Аналогично в рамках *новой истории империй* были «реабилитированы» исследования колонизации и колоний, а также компаративистские исследования.

После перестройки была осознана ключевая роль *города* в динамике социокультурных и социально-экономических трансформаций кон. XIX – нач. XXI

что исключительно как феномен социально-экономический, без учёта тех уровней бытия урбанистических систем, которые не фиксируются объективистской методологией. Факт недостаточной изученности феномена города и необходимости выработки адекватной методологии его исследования отражён в программных описаниях структурных подразделений Сибирского филиала Российского института культурологии (сектора социально-культурных аспектов урбанизации Сибири, а также сектора динамики локальных культурно-исторических процессов; оба были созданы в 1993 г.).

Разработка фронтальной теории в российской науке почти совпала по времени с возрождением городоведческих исследований (но в какой степени она их *стимулировала* – до сих пор остаётся вопросом, хотя именно глубинная связь с урбанистикой является важнейшим и всё ещё неиспользованным ресурсом теории фронта).

Сегодня интенсивность работы отечественных исследователей над собственно теорией фронта, над уточнением её концептуальных границ несколько снизилась (это видно по динамике научных мероприятий и публикаций – их уже не так много, как в кон. 1990 – нач. 2000-х гг.), но, с другой стороны, фронтальная теория проникает в тематику диссертационных исследований в качестве *базовой методологии исследования*, что логически предполагает признание за ней достаточного уровня разработанности.

Ограничения

До сих пор не произведена важнейшая работа по установлению критериев фронтальных территорий. В этом отношении фронтальная концепция всё ещё не вышла из поля конкретно-исторической проблематики (где описание богатого материала даёт возможность фиксировать *различия*) и не перешла в поле классифицирующей аналитики, где могут устанавливаться уже *категориальные* (общие) признаки. Следствием неразработанности индикаторов фронтальных территорий является невнятность соответствующих типологических моделей фронта. Явный симптом недостаточности осмысления фронта – тяготение этих моделей к колониационной типологии, выработанной в традиционной историографии.

Фронт не тематизирован как пространственное (хорологическое) *par excellence* явление. Фронтальная концепция практически не применяется к анализу *урбанистических* процессов на территории Сибири. Одним из следствий «узурпации» концепции фронта историками (или её незамеченности представителями других дисциплин) стало то, что фронт рассматривается почти исключительно на историческом прошлом, без содержательного анализа «фронтального шлейфа» в новейшей истории Сибири. Исключением являются работы лишь нескольких современных авторов. Так, работающие в соавторстве М. Г. Ганопольский и С. П. Литенкова (Тюмень) применили фронт для анализа современных поселенческих структур в районах нового индустриального освоения, и эта логика продолжается в исследованиях других аспирантов М. Г. Ганопольского. Н. Н. Приходько (Благовещенск) пытается обосновать необходимость использования фронтальной концепции при анализе геополитических факторов современного статуса дальневосточных территорий. Намечена возможность рассмотрения современной истории через призму фронта у А. Д. Агеева (Иркутск), впрочем, у этого глубокого исследователя данная возможность осталась скорее анонсированной, нежели разработанной.

Ресурсы

Фронтир является фактором социокультурного развития сибирских территорий, определяющим высокую горизонтальную мобильность, в некоторых случаях – монопрофильность городов, несформированность городского самосознания, негативную территориальную идентичность и некоторые другие факторы, составляющие в совокупности *колониальный комплекс*. Фронтир – *стигма* территории, которую следует обратить в преимущество. Оно может быть извлечено из периферийного (в терминах теоретической географии) пространственного положения сибирских городов и из особенностей фронтальной психологии.

Одно из центральных понятий теоретической географии – богатство географического положения. В географии придаётся значение не абсолютным, а относительным пространственным ресурсам. Богата та территория, которая насыщена контрастами, границами, контактными линиями, порождающими потоки и обмены. Без разности высот рельефа местности не потекут реки; без неравенства и пространственных различий, без взаимосвязи и распределения функций между районами не будет развития общества [4, с. 79]. Важным пространственным ресурсом является выгодное географическое положение (страны, региона, города, предприятия, жилища и т. д.). С точки зрения географии, всемерно использовать местные ресурсы – значит в каждом месте делать прежде всего то, что можно делать только здесь («приоритет уникальности») [4, с. 80]. Сибирь всё ещё может быть ландшафтной основой здоровых морально и физически людей. К тому же фронтальные сибирские города – это большей частью узловые районы прилежащих территорий: региональные центры, места накопления.

Фронтальный габитус культивирует гибкость, мобильность, проницаемость для новшеств. У этих качеств есть свои риски, но именно они делают возможной немонокотонную жизнь. Диверсификация – «генетический код» фронта. И если он был угнетён тотализующим влиянием жёстко централизованной системы, то это не значит «уничтожен».

Фронтальное районирование может стать инструментом городоведческой классификации. Теория фронта – это концепция с ярко выраженной региональной специализацией. Проблема выявления критериев фронта напрямую соотносится с проблемой выявления критериев понятия *западносибирский город*. Важный шаг в этом направлении сделан М. В. Шиловским [6; 7], который ещё в нач. 2000-х гг. поставил проблему изучения *функ-*

ций городов Западной Сибири, что, видимо, должно было вывести к выявлению функциональной специфичности этих городов и далее к спецификации понятия *западносибирский город*, однако этим не завершилось.

Западносибирский город – это явно не простая сумма понятий *Западная Сибирь* и *город*, это не просто *город в Западной Сибири*, но ещё что-то существенное, качественно отличающее это понятие от рядоположенных ему (*среднерусский город*, *западноевропейский город*, *город русского Севера* и т. д.) и конституирующее его специфику. *Западносибирский город* – это качественно новый смысл, возникающий путём взаимного «наложения» географического, исторического, культурологического полей, но не сводимый ни к одному из них. В какой степени данное обстоятельство осознано современным сибиреведением?.. В минимальной: как правило, в литературе обороты *города Западной Сибири*, *западносибирский город* употребляются как нечто самоочевидное. Их смысл не становится предметом рефлексии, а по умолчанию принимается как детерминированный административно-территориальным делением (которое само является *историческим* феноменом, и одно это уже ставит вопрос о необходимости продумывания оснований отмеченной зависимости). По большому счёту, должная аналитическая работа с понятием *западносибирский город* ещё не произведена, его смысл затемнён.

Эта работа станет одним из вариантов районирования, которое определяется в теоретической географии как «метод выявления территориальных различий путём отделения участков, обладающих какими-либо признаками, от участков, этими признаками не обладающих» [3, с. 47], в этом отношении оно подобно классификации. Это важнейший метод познания территории и, следовательно, предпосылка для её преобразования. Районирование не совпадает с *районизацией* – «объективным процессом обособления качественно разнородных участков территории» [3, с. 47], т. е., например, со схемами административно-территориального деления, в которых прослеживается значительная инерция культурно-исторической традиции (условной, искусственной). И, тем не менее, районирование – это совокупность приёмов выявления объективно существующих районов. Курганские историки в последние годы активно разрабатывают понятие *Зауралье* (а также *Южное Зауралье*)¹. Аналогичная работа должна быть произведена с результатом традиционной районизации, известным под названием *Западная Сибирь*.

¹ См. работы В. В. Менщикова, В. В. Пестерева.

В этом отношении существенно, что именно понятие *фронтир* может стать инструментом спецификации понятия *западносибирский город*. Мы вводим гипотезу, что суть «западносибирскости» города – фронтирный опыт, который, возможно, существует в статусе территориального архетипа. Фронтир задаёт онтологические контуры *бытия* города, различимые сквозь его *сущее*. Фронтир как стигма неизбывен; меняется качество фронтирности, но её суть – пребывает. Данная гипотеза требует тщательной проверки.

К числу неотложных задач современного сибиреведения следует отнести систематическую разработку теории фронта с точки зрения кооперации ее диахронного и синхронного модусов. Их органичный синтез может быть осуществлен с привлечением теоретико-географической концепции культурного ландшафта. Такая междисциплинарная мобилизация фронтирной теории особенно актуальна в ситуации продолжающейся регионализации и «муниципализации» страны. **Целый ряд территорий постсоветского пространства нуждается в интерпретации собственного фронтирного опыта, без учета которого невозможна разработка адекватных стратегий их развития. Но из стигмы территории он в результате междисциплинарного осмысления может стать ресурсом развития территории.**

...Очевидно, что в данной статье больше вопросов, чем ответов. Такая проблематизация должна рассматриваться как предложение к разработке новых направлений исследования.

Список литературы

1. Вахтин, Н. Русские старожилы Сибири. Социальные и символические аспекты самосознания [Текст] / Н. Вахтин, Е. Головкин, П. Швайтцер. – М. : Новое издательство, 2004. – 292 с.
2. Меншиков, В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии [Текст] : автореф. дис. ... д. ист. н. : 07.00.02 / В. В. Меншиков. – Курган, 2004. – 48 с.
3. Родоман, Б. Б. Общность географических наук и единая география [Текст] / Б. Б. Родоман // География, районирование, картоиды. – Смоленск : Ойкумена, 2007. – 368 с.
4. Родоман, Б. Б. Уроки географии [Текст] / Б. Б. Родоман // География, районирование, картоиды: сборник трудов. – Смоленск : Ойкумена, 2007. – 368 с.
5. Сибирский филиал Российского института культурологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ic.omskreg.ru/cultsib/strukt.htm>
6. Шиловский, М. В. Изменение функций городов Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX вв. [Электронный ресурс] / М. В. Шиловский // Сибирская заимка: электронный журнал. – 2000. – № 4. – Режим доступа: http://www.zaimka.ru/to_sun/shilovski10.shtml.

7. Шиловский, М. В. Новосибирск: основные этапы развития (1893–1999 гг.) [Электронный ресурс] / М. В. Шиловский // Сибирская заимка: электронный журнал. – 2000. – № 5. – Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/soviet/shilovski11.shtml>.

Ю. Р. Горелова

Сибирский филиал Российского института культурологии,
АНО ВПО «Омский экономический институт», г. Омск

ОБРАЗ ГОРОДА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье проблема образных характеристик городской культуры рассматривается как междисциплинарная с приоритетом культурологической модели исследования. Автором освещаются различные подходы и исследовательские модели, раскрывается собственное видение проблемы.

Образ – способ взаимодействия человека и мира, посредник между сознанием человека и внешней реальностью. Образ в каком-то смысле является визуальной декларацией действительности. С одной стороны, он всегда основывается на реальных явлениях, вещах и событиях. Не может существовать образа вообще, а только образ чего-то (человека, события, явления, места). С другой стороны, образ показывает не столько то, как это событие (явление, человек, вещь) существует в действительности, сколько то, как оно отразилось в сознании конкретного человека, социальной группы, народа или даже всего человечества. При этом значимой характеристикой образа является сочетание в его структуре статичных и динамичных (изменчивых) компонентов. Новая эпоха обычно рождает новое восприятие одних и тех же событий, личностей. Наибольшей изменчивостью обладают образы событий и личностей, так или иначе связанных с политической сферой (примеры – образы Ленина, Сталина, Колчака и др.). Напротив, образы духовно-нравственного, патриотического и религиозного содержания обладают наименьшей степенью изменчивости (как, например образ Родины, образ матери и др.).

Образы, в частности образы пространств (частным случаем является городское пространство), с одной стороны, создаются самим человеком, с другой стороны, формируют его восприятие окружающей реальности. Таким образом, можно констатировать наличие в структуре образа репродук-

тивного и творческого компонентов. При этом художественные образы пространств, реализованные в творческой практике людей (живопись, графика, поэзия и др.), выступают формами и способами освоения действительности и характеризуются слитностью чувственных и смысловых аспектов. Результатом художественного освоения действительности и является рождение образа, тогда как понятие – результат интеллектуального освоения. Архитектура, в отличие от всех других сфер человеческого творчества, не просто отражает образы среды, но формирует их.

Воспринимая внешний облик города, запечатлённый в объектах материального мира (прежде всего в архитектурно-ландшафтной среде), человек соотносит результаты своего восприятия со всей совокупностью собственного социокультурного опыта (установками определённой культуры, социума, стереотипами сознания, результатами восприятия других людей, запечатлёнными в литературных художественных, либо научных текстах, в изобразительном искусстве, транслируемых через СМИ и т. д.). Таким образом, в основе любого образа лежит некое реальное событие, лицо, вещь, однако сами по себе они выступают лишь основой для дальнейших интерпретаций, то есть предпосылкой образа. Образ формируется всей совокупностью представлений и мнений (обыденных, научных и художественных) о данном объекте. Важно отметить, что некоторые образы событий (явлений, вещей и личностей) либо отдельные черты образов возникают только в результате сравнения с другими событиями (явлениями, вещами и личностями). В случае с образами процесс формирования дуальных оппозиций иногда является самой причиной рождения того или иного образа.

Именно посредством такой категории, как «образ города», мы можем фиксировать взаимосвязь вещно-предметной среды города (материальной основы) с ментальной составляющей городского пространства, обусловленной системой культурных и социальных стереотипов и установок и реализуемой через интеллектуально-художественную практику населения.

Формирование образа города, с одной стороны, выступает необходимой предпосылкой успешности коммуникативного процесса между человеком и окружающей его городской средой, с другой стороны, является результатом этого процесса и выражается в создании определённой системы образов, формирующих в своей совокупности единый, хотя иногда и противоречивый образ Места.

Развитие представлений о городе как о Месте, имеющем не только реальный (материальный, объективно существующий) компонент, но и воспринимаемый (существующий в сознании людей), отражённый в современных категориях «образ Места» и «душа города», в отечественной историографии справедливо связывают с трудами Н. П. Анциферова, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, В. М. Немчинова, Д. С. Лихачева и др. Исследование образно-пространственных характеристик культуры как научная проблема имеет междисциплинарный характер, соответственно различные её аспекты так или иначе затрагивались в таких областях знаний, как философия, искусствознание, теория архитектуры, культурология, психология и др.

Соглашаясь с мнением М. С. Кагана о том, что рассмотрение отношений в диаде «город – культура» неизбежно должно вестись сообразно принципу системности, потому как «когда нет такого – системного – представления о культуре города, её описание неизбежно сводится к простому суммированию разных её проявлений...» [4, с. 18], понимая при этом, что авторские позиции не всегда можно втиснуть в жёсткие рамки конкретного подхода, мы считаем возможным повествование об истории развития представлений, о специфике пространственных характеристик городской культуры вести в рамках отдельных групп подходов, направлений и сложившихся исследовательских практик.

В философии глубокие традиции осмысления пространства, соотнесения пространства реального и идеального заложены трудами античных мыслителей, в частности, Платона и Аристотеля. Средневековые мыслители также не обошли данный вопрос своим вниманием, достаточно вспомнить хотя бы название знаменитого труда Августина Блаженного «О граде Божьем», где город как Место, пространство (град Божий – сакральное, а град земной – профанное) выступает в качестве метаметафоры по отношению к природе самого бытия. Пространство и время, проблемы возможности их познания были неотъемлемой частью немецкой классической философии Канта и Гегеля. Серьезный интерес к проблемам пространства и пространственности проявился в трудах сторонников феноменологического подхода, основы которого заложили работы Э. Гуссерля. Категория пространства выступала объектом научного интереса таких философов, как М. Хайдеггер, М. Фуко, М. Мерло-Понти, Г. Башляр и др.

Мощным вкладом в развитие представлений о сущности образа стали исследования психологов, в частности, представителей таких направлений,

как бихевиоризм и гештальтпсихология. Бихевиоризм (поведенческая психология) как направление сформировался в начале XX в. Сторонники данной исследовательской традиции настаивали на том, что реально существуют только элементарные сенсорные психические реакции, а всё, что не подлежит объективной регистрации (в том числе мысли человека), – не подлежит изучению. В гештальтпсихологии категория «gestalt» – образ, становится ключевой. Ввод данной категории в научный оборот связан с исследованиями М. Вертхаймера, В. Келлера и К. Коффки. Именно в рамках данного направления получило развитие представление о целостном образе как основе восприятия. Впоследствии развитие представлений о способах восприятия пространства и механизмах образования образов привело к образованию обширного блока научно-исследовательской литературы по данной проблематике. Среди авторов, рассматривающих проблемы чувственной основы восприятия пространства, проблемы визуального мышления и психосемантики, можно отметить труды Р. Арнхейма, Б. Г. Ананьева, А. Д. Логвиненко, Б. М. Величковского, В. Ф. Петренко и др.

Активно проблемы образных характеристик пространства обсуждались в искусствоведческих и культурологических исследованиях. Кроме трудов Н. П. Анциферова, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, В. М. Немчинова, уже упомянутых нами, можно отметить работы В. В. Абашеева, Д. Буркхарта, Г. Д. Гачева, В. В. Колесова, Г. М. Лаппо, Д. Л. Спивака, Т. П. Фокиной и др.

Интересный опыт анализа пространственных характеристик городской культуры накоплен в рамках географических наук, в частности, в области гуманитарной, когнитивной и аксиологической географии, географии городов, представленной трудами Ю. А. Веденина, Д. Н. Замятина, В. Л. Каганского, В. Н. Калуцкова, М. Е. Кулешовой, О. А. Лавреновой, Б. Б. Родомана, Р. Ф. Туровского и др. Обозначая предмет гуманитарной географии, Д. Н. Замятин обращает внимание на то, что данная область знания «...активно использует понятия, теории, знания, накопленные и сформированные гуманитарной половиной существующей географической науки... Наряду с географическими образами, в понятийную базу гуманитарной географии входят основополагающие понятия культурного ландшафта, региональной (пространственной, локальной) идентичности, пространственного мифа» [3, с. 10].

По мнению Д. Н. Замятина, «...любой город, местность, культурный ландшафт может рассматриваться... как хранилище потенциальных образов/карт, актуализируемых по мере потребности теми или иными людьми, коллективами, социальными группами» [3, с. 56]. Географические образы городов, по мнению автора, могут быть представлены как простейшими когнитивными картами, так и сложными образно-географическими схемами, опирающимися на реконструкцию или интерпретацию визуальных наблюдений, архитектурных обмеров и измерений, различных текстовых источников.

Значительный вклад в развитие представлений об образах пространства, в частности городского, внесли работы теоретиков архитектуры, таких как А. В. Иконников, А. Г. Габричевский, А. Э. Гутнов, А. А. Высоковский, Г. З. Каганов, А. Г. Раппапорт, Г. С. Лебедева, Е. И. Россинская и др. Так, например, по мнению Г. З. Каганова, «в сознании любого обывателя любой среды обязательно существует образ этой среды. Без него невозможно адекватное средовое поведение... Такой средовой образ составляет неотъемлемую часть самого обитания в среде и потому возникает непреднамеренно и изменяется вместе с изменением среды и обитателя. Понятно, что такой образ остаётся противоречивым, всегда незавершенным и почти не получает внешнего выражения в специальных знаковых средствах, но объективно выражается в стратегиях поведения» [5, с. 17]. По нашему же мнению, некоторые грани этого смутно осознаваемого большинством горожан образа находят своё яркое выражение в в изобразительном искусстве, художественной прозе, поэзии и т.д. Г. З. Каганов, продолжая свои размышления, приходит к выводу о том, что конструирование образа среды специальными знаковыми средствами не только возможно, но и желательно.

Самые общие принципы взаимодействия человека и города рассматриваются в рамках такой области философского знания, как городская антропология. Так, например, Г. В. Горнова в своей работе «Феномен города в духовном мире человека» отмечает, что «объективная реальность города...служит предметом духовного освоения... Субъективная реальность отношения человека к городу выступает в форме переживания... Предметом переживания может быть как реальный город, так и город, не существующий в действительности: город-мечта, город детства... город созданный или преобразённый творческой фантазией писателя» [2, с. 4]. По мнению автора, переживание является важнейшей субъективной формой постижения города. Соразмерность выступает интегрирующим фактором объединения города

и горожанина в определённую целостность. Соразмерность – это соответствие человека городу и города – человеку, адекватность среде своего обитания, насыщение личного жизненного смысла смыслами и ценностями города, погружение человека в аксиологическое поле города. Интенсивность переживаний Г. В. Горнова напрямую связывает с толщиной культурного слоя города.

Каждый человек, сознательно или неосознанно, но необходимо выстраивает свои отношения с тем Местом, где живёт, однако, по нашему мнению, духовное осмысление бытия Места, формирование его целостного образа и трансляция этого образа в массовое общественное сознание – преимущественно задача творческой интеллигенции.

В данном случае можно привести размышления по этому поводу Н. П. Анциферова. Стоит согласиться с его мнением о том, что «...для понимания души города мало своих личных впечатлений, как бы ни были они пережиты правдиво и сильно. Необходимо воспользоваться опытом других, живших и до нас, знавших город в прошлом» [1, с. 38]. По его мнению, «отражение города в душах наших художников слова не случайно, здесь нет творческого произвола ярко выраженных индивидуальностей. За всеми этими впечатлениями чувствуется определённая последовательность, можно сказать, закономерность» [1, с. 39]. Развивая эту мысль, отметим, что никто так не может выразить образ города, как художник слова, «ибо ему наиболее доступно целостное виденье города, которое может привести к уяснению его идеи. Художник-мыслитель может найти логос города и передать его в художественной форме» [1, с. 46]. Таким образом, субъективность и яркость личностных переживаний художника либо поэта не умаляет объективной значимости создаваемого им образа Места, а наоборот, даёт субъективной данности Места возможность раскрыться во всей своей красоте и многогранности.

Город, являясь, с одной стороны, реально-существующим пространственно-физическим объектом, становится феноменом духовной культуры, существующим как «образ Места», бытующий в сознании его жителей и гостей и транслирующийся ими посредством разнообразных творческих практик. В этом смысле у каждого горожанина свой Омск (Москва, Петербург, Самара...). При этом можно говорить о том, что существует некое ядро образа конкретного города, которое идентично для большинства его жителей.

В каждом городе есть места, обладающие, в сравнении с другими, повышенной знаковостью. Говоря об Омске, несомненно, к таким ключевым объектам следует отнести архитектурные ансамбли Любинского проспекта, здания Драматического и Музыкального театров, здание одного из корпусов художественного музея им. М. А. Врубеля (бывший Генерал-губернаторский дворец), здание Сибирского кадетского корпуса и Никольского казачьего собора, здание торгового центра «Омский», здание спортивно-концертного комплекса им. В. Блинова, здание областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина и др. Данные образные композиции или отдельные их элементы воспроизводятся в качестве визитных карточек города, используемых как в рамках городского пространства, так и за его пределами. И именно эти фрагменты городского пространства выступают излюбленными мотивами городских пейзажей, написанных художниками слова и кисти.

Подводя некоторый итог, можно заключить, что, во-первых, образ является специфической формой восприятия и познания мира; во-вторых, образ соединяет объективно существующий вещно-предметный мир с миром сознания (не может быть образа вообще, возможен только образ чего-либо); в-третьих, формирование образа всегда предполагает момент типологизации, обобщения и идеализации объекта (в логическом смысле – восхождения от единичного к общему). Образ представляет собой систему наиболее ярких и мощных по выразительности знаков, символов, представлений и характеристик, отражающих сущностные черты чего-либо (в частности, города).

Согласно одной из востребованных в современном научном сообществе моделей культуры, в центре любой культурной общности находится так называемое культурное ядро, представляющее из себя совокупность наиболее базовых, неизменных характеристик (ценностей, норм, представлений, идеалов) той или иной культуры, ее духовный фундамент. Культурное ядро определяет то своеобразие, которое необходимо отличает города друг от друга. Естественно, что, находясь на территории определённой страны, государства, культура города необходимо впитывает этнические и национальные особенности своей страны, стремится к их сохранению и трансляции. Этот уровень можно условно назвать мегауровнем. При этом культура города включает ещё и собственные черты, присущие ей на основании принадлежности определенной территории. Так, например, столичные города отличаются от провинциальных. Этот уровень условно можно характеризовать как мезоуровень. Кроме того, культурное ядро города предполагает уровень цен-

ностей, присущих только данному конкретному городу и определяющих его неповторимое лицо. Данный уровень можно условно назвать микроуровнем.

При этом необходимо помнить ещё и о двойственности культуры как единства материального и идеального компонентов. Материальный уровень культурного ядра города (ещё раз подчеркиваем условность такого деления) определяется особенностями архитектурно-планировочной среды и важнейшими материальными историко-культурными ценностями, находящимися на территории данного города, определяющими его качественное своеобразие, и, что немаловажно, признаваемыми самими горожанами в качестве ценностей (достопримечательностей) их Места. К разряду таких ценностей в первую очередь относятся архитектурные и парковые ансамбли и комплексы. Именно они во многом определяют зрительно воспринимаемый горожанами и гостями портрет города. На данном уровне особо значимой является деятельность архитекторов и дизайнеров, потому как во многом благодаря именно их творческим инициативам тот или иной город приобретает свое уникальное лицо.

Духовный уровень, кроме специфичных ментальных установок (знаний, норм, ценностей характерных для данного места), предполагает ещё и наличие процесса наследования культурных смыслов данного пространства. В современных культурологических исследованиях, когда говорят о нематериальном культурном наследии, акцентируют внимание на том, что наследие и наследие – понятия далеко не тождественные. Наследство – это совокупность предметов и вещей, рожденных в процессе культуротворческой деятельности человека в различные исторические периоды, тогда как наследие – система культурных смыслов, а наследование – процесс наделения смыслами, процесс узнавания и передачи смыслов от поколения к поколению.

По мнению современных исследователей [3, с. 103], в структуре самого образа также можно различить его ядро и оболочки. Ядро включает наиболее важные и устойчивые знаки и символы, характеризующие образ. Оболочки – система концентрических колец вокруг ядра. Первый уровень – периферия образа – достаточно значимые, но менее устойчивые знаки и символы; второй уровень – ближняя периферия – знаки и символы потенциально важные, но слабо используемые; третий уровень – дальняя периферия – знаки и символы, возможные в характеристике образа, но их значимость пока не ясна. При этом, чем больше факторов влияет на формирование того или иного об-

раза, тем сложнее его структура, а чем сложнее структура, тем более образ устойчив и менее подвержен распаду в результате воздействия внешних и внутренних факторов развития территории. Действительно, крупные города с богатой культурной историей имеют, как правило, хорошо сформированное образное ядро, что доказывают исследования образных характеристик Москвы (Г. С. Кнабе, Д. Буркхарт, О. Вендина и др.), Санкт-Петербурга (Н. П. Анциферов, И. М. Гревс, Г. З. Каганов, Д. Л. Спивак) и пр.

Следует подчеркнуть, что формирование образа какого-либо пространства (в данном случае пространства города) представляет собой процесс его репрезентации с помощью визуальных и текстовых знаковых систем (изобразительное искусство, поэтическое творчество).

Говоря о стратегиях формирования образов пространств, следует согласиться с позицией Д. Н. Замятина, который в работе «Культура и пространство...» предлагает различать три основных стратегии. Первая – «стратегия образного аванса», её суть в том, что в образе Места присутствуют и культивируются те характеристики, которые желательны, но пока отсутствуют либо недостаточно развиты в реальном пространстве. Вторая стратегия – «ретроспективная» – это «любование прошлым», акцентирование внимания на ярких и значимых событиях истории экономической, политической, социальной или художественной жизни Места (территории). Стратегия третья – контекстная, её суть заключается в учёте отношений субъекта, носителя образа со средой, например, отношения с центром, близость к границе, нахождение на пересечении транспортных, торговых, финансовых или информационных потоков.

В данном случае хотелось бы добавить, что разговор о стратегиях формирования образов не замыкается в рамках научных изысканий, а имеет значительный практический потенциал. Дело в том, что любые культурные смыслы (а образ представляет собой квинтэссенцию смысла) действуют не потому, что правильны или неправильны, соответствуют либо не соответствуют реальности, а потому, что в них верят, потому, что они, живя в сознании людей, определяют их восприятие и деятельность. В данном случае казаться и быть – это одно и то же. Если люди имеют позитивный образ территории (страны, края, города, района), значит, они хотят тут жить, отдавать свои силы и время на благо этого Места, если же нет – стремятся скорее покинуть его. Естественно, что формирование позитивного образа является значимой функцией культурной политики на национальном, региональном

и локальном уровнях, и в последнее время осознаётся в качестве таковой представителями федеральных и местных властей.

Список литературы

1. Анциферов, Н. П. Душа Петербурга [Текст] / Н. П. Анциферов. – Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1922.
2. Горнова, Г. В. Феномен города в духовном мире человека [Текст] : моногр. / Г. В. Горнова. – Омск, 2005.
3. Замятин, Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов [Текст] / Д. Н. Замятин. – М. : Знак, 2006. – 488 с.
4. Каган, М. С. Культура города и пути ее изучения [Текст] / М. С. Каган // Город и культура : сб. науч. тр. – СПб., 1992. – С. 15–34.
5. Каганов, Г. З. К вопросу об образе среды [Текст] / Г. З. Каганов // Городская среда : сб. материалов всесоюзной науч. конф. ВНИИТАГ и СА СССР. – Ч. 1. – М., 1989. – С. 17–26.

А. С. Дзуреченская

ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»,
г. Кемерово

ИМИДЖ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОЕКТИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

В статье анализируются понятие «имидж» и взаимосвязанные с ним понятия «имидж территории» и «культурный имидж города», а также формулируются основные факторы и составляющие имиджа современного городского пространства в рамках культурного проектирования.

В условиях информационного общества и процесса урбанизации положительный имидж современного города – это один из важнейших факторов его существования. Общественно-политическая, культурно-историческая, инвестиционная привлекательность того или иного города не возникает на пустом месте, а является следствием сформированного и актуализированного имиджа. В силу того что имидж есть результат определённой информационно-коммуникативной, менеджерской и рекламной деятельности, успех решения данной проблемы предполагает отчётливое понимание соответствующими властными структурами механизмов конструирования имиджа города и овладение технологиями его позитивной коррекции.

Несмотря на общепризнанную сегодня необходимость научного изучения феномена имиджа, его исследования продолжают носить публицистический характер, о чём свидетельствуют непрекращающиеся дискуссии по поводу того, что скрывается под этим понятием, в чём суть имиджелогии и имиджевых явлений, а также споры по поводу технологий имиджмейкинга. Первоначально имидж рассматривался как «наука личного обаяния» отдельного человека в рамках поведенческих и дизайнерских разработок, затем – применительно к предметам, вещам и товарам. Позднее имидж становится важнейшей индивидуальной категорией в контексте общественного и политического лидерства. Следующим этапом развития имиджевой проблематики стало применение этого понятия в отношении организаций и предприятий и появление такого понятия, как корпоративный имидж. Современную актуальность проблематика, связанная с имиджем, приобрела с активным развитием демократических институтов, прежде всего института всеобщих свободных выборов. Судьба властных структур стала напрямую зависеть от того, как они и их деятельность воспринимаются электоратом. Проблема построения идеальных образов (лидера, руководящей элиты, политических ситуаций и прочих элементов социальных отношений) и внедрения их в массовое сознание приобрела решающее значение [8].

Согласно словарю Вебстера, имидж – это искусственная имитация или преподнесение внешней формы какого-либо объекта или лица [9]. В различных исследованиях имидж в большей степени понимается как «образ», поскольку это понятие является родовым для большого круга явлений, адекватно или неадекватно отражающих реальность, в результате чего и возникают различные картины мира, знаки, стереотипы, символы, архетипы [2, 3, 5]. Можно сказать, что имидж сегодня является универсальной категорией, применимой к любому объекту, становящемуся предметом социальной или культурной презентации, а именно: к человеку (персональный имидж), организации (корпоративный имидж), социальной позиции (имидж политического или общественного деятеля), профессии (имидж педагога или юриста), образованию (имидж выпускника МГУ), к торговой марке («АЛРОСА»), к предметам и вещам, территории (стране, региону, городу). Имидж может быть представлен в различных аспектах: экономическом, психологическом, социологическом, политическом, культурном. Так, в экономике имидж помогает продавать товары и услуги, в банковской деятельности – привлекает клиентов, в политике – способствует позитивному отношению к той или

иной политической фигуре, партии, общественному объединению. Грамотно выстроенный имидж территории создает благоприятный климат для экономической деятельности и инвестиций, привлечения туристов.

В последние годы появились многочисленные отечественные исследования, связанные с изучением имиджей территорий (государств, регионов, городов). Отечественная географическая имиджелогия в процессе своего развития всё чаще сталкивалась с постановкой и решением нестандартных задач. Над этой темой в наши дни работают такие географы, как В. А. Евсеев, Д. Н. Замятин, В. А. Колосов, В. Л. Мартынов, В. С. Тикунов и другие. В зависимости от имеющегося и желаемого образа территории обычно говорят об устойчиво положительном, слабо выраженном, застойном, противоречивом, смешанном, негативном или чрезмерно привлекательном имидже. Существует официальное международное определение имиджа территории. Оно дано Всемирной организацией по туризму и характеризует имидж любой страны так: «Совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков страны, собственного опыта и слухов, влияющих на создание определенного образа» [7, с. 40]. Целенаправленное, продуманное создание образа приводит к позитивному результату. В отличие от этого процесс стихийного формирования имиджа какой-либо территории, как правило, носит негативный характер. Многие исследователи рассматривают имидж территории как имидж, близкий к корпоративному [4]. Такое понимание даёт нам возможность соотносить понятия «территория» и «корпорация», «организация». В таком случае под имиджем территории можно понимать «символически выраженное представление о своеобразии и специфике (возможно уникальности) города, его репутации, сформировавшейся в общественном мнении» [11, с. 56].

По мнению других авторов, в частности И. П. Черной, имидж территории – это «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков территории, собственного опыта людей и слухов, влияющих на создание определенного образа» [12, с. 56]. Иначе говоря, среди элементов имиджа следует выделять объективную и субъективную составляющие. Важнейшей объективной составляющей имиджа территории является совокупность конкурентных преимуществ и недостатков. Они обуславливаются особенностями отраслевой специализации, наличием экспортного потенциала, территориальной удаленностью и транспортной освоенностью, интеллектуальным и инновационным потенциалом

и его соответствием целям развития, спецификой социокультурной сферы, состоянием производственного потенциала и сложившимся уровнем инвестиционной активности (объемами инвестиций и качественными характеристиками инвестиционной деятельности) и так далее. Конкурентные преимущества и недостатки территории существенным образом отражаются на её инвестиционной привлекательности, основу которой составляют три в значительной степени самостоятельные характеристики: инвестиционный потенциал, инвестиционный риск и инвестиционное законодательство. Важно отметить, что их оценка позволяет определить инвестиционный рейтинг городов России.

Вторая составляющая имиджа территории имеет субъективный характер, который определяется действием, по крайней мере, трёх факторов:

- оценка территории отечественными и иностранными политиками, предпринимателями, туристами на основе собственных наблюдений и опыта;
- эмоциональное восприятие конкурентных преимуществ и недостатков, которое может значительно изменить формирующийся образ территории;
- субъективизация образа территории, которую может усиливать её односторонняя характеристика в средствах массовой информации.

Таким образом, имидж территории – это определённый набор социальных и культурных признаков и характеристик, которые на эмоционально-психологическом уровне ассоциируются у широкой общественности с конкретной территорией. Имидж – это совокупность ассоциаций, поэтому его необходимо создавать целенаправленно и постоянно управлять данным процессом. При создании имиджа, репутации применяются некоторые стандартные подходы, известные мировой практике менеджмента, в том числе социокультурного. В частности, используется один из распространённых методов коммуникационного менеджмента – программа продвижения территории. Она даёт возможность более эффективно осуществлять деятельностные тактики, улучшать инвестиционный климат, в том числе и в сфере культуры, получать дополнительные ресурсы для развития городской экономики. Среди городов, наиболее эффективно реализующих задачу продвижения своего имиджа, лидерство, безусловно, принадлежит Москве. Здесь сосредоточено наибольшее количество инструментов для формирования узнаваемого бренда территории, и местные власти их успешно используют. Санкт-Петербург

также весьма конструктивно решает эту задачу: ставка в продвижении образа города делается на уникальные исторические и природные памятники, выгодное географическое положение, наличие развитой инфраструктуры. В Ленинградской области активно развивается въездной туризм, который пользуется устойчивым интересом у иностранных граждан. Можно также говорить об определённых успехах в этом направлении ряда сибирских регионов и городов, которые «делают» свой имидж за счёт существующих природных ресурсов, производственных мощностей, этнического колорита и уникальных природных памятников. В частности, это Кемеровская область, Красноярский край, Иркутская область, Алтайский край. Среди городов можно отметить Томск, Тобольск, Мариинск, Новокузнецк, Кемерово и др.

На начальном этапе создания имиджа города необходимо учитывать первостепенные задачи и цели, достижение которых необходимо для объекта имиджмейкинга [8]:

- позиционирование объекта;
- формирование благоприятного имиджа объекта;
- поддержание и возвышение этого имиджа;
- корректировка и изменение имиджа;
- ориентировка на конкурента, отстройка от него.

Учитывая индивидуальные особенности своего имиджа, отдельные города могут использовать различные социокультурные технологии для своего развития. Исследователь Р. Туровский выделяет следующие типы таких технологий (в основном используются смешанные):

- возрожденческая – опора на исторические корни (Псков);
- самовозвеличивающая – представление роли города как наиболее значимой (Саратов – столица Поволжья, Красноярск – центр Азии);
- подражательная – ассоциации с известными зарубежными центрами (Москва – третий Рим, Нижний Новгород – русский Детройт, Иваново – русский Манчестер, Санкт-Петербург – Северная Венеция, Самара – русский Чикаго) [10].

На формирование позитивной репутации города и становление его имиджа оказывают влияние две наиболее фундаментальные группы факторов: абсолютные и относительные.

Абсолютные факторы – это возможности самого города, его внутренние

характеристики: географическое положение, обеспеченность природными ресурсами, трудовой и образовательный потенциал, развитость инфраструктуры и коммуникаций. Образовательный потенциал, инфраструктура и коммуникации на сегодняшний день в силу своей меньшей развитости не могут претендовать на положительные абсолютные факторы имиджа города. Но даже столь благоприятные «естественные» факторы не будут максимально эффективно использованы в интересах городской политики, в том числе культурной, без учета относительных факторов, поскольку не смогут привлечь внимания большинства инвесторов, производителей и потенциальных заинтересованных лиц.

Относительные факторы – это имиджевая кампания, целью которой является привлечение дополнительного внимания к городу и закрепление позитивного интереса к нему со стороны общественности. Она включает:

- освещение успехов развития городской экономики и социокультурной сферы в федеральных, региональных, городских, отраслевых СМИ;
- проведение специальных мероприятий (тематических форумов, конгрессов, конференций);
- организацию специальных PR-акций (выступлений экспертов федерального уровня и лидеров общественного мнения по поводу ситуации в городе и т. п.) [6].

Опираясь на определения имиджа территории, имиджа региона, можно сформулировать понятие «культурный имидж города». Под ним следует понимать целенаправленно формируемый культурный образ конкретного города, обладающий ценностными характеристиками и призванный оказать положительное эмоционально-психологическое воздействие на сознание жителей в целях их просвещения, информированности, активности посредством популяризации и презентации значимых городских культурных символов и знаков. Культурный имидж города также определяется абсолютными и относительными факторами. К абсолютным имиджеобразующим факторам городской культуры следует отнести совокупность взаимосвязанных характеристик города: географической, социокультурной, этнической, исторической, художественной. Относительные имиджеобразующие факторы городской культуры будут связаны с постоянно проводимой имиджевой кампанией, презентующей, рекламирующей и популяризирующей (в том числе с целью дополнительного инвестирования) абсолютные имиджеобразующие факторы.

Проектирование культурного имиджа городского пространства структурно можно соотнести с формированием культурного портрета региона, описанного Е. Д. Андреевой. Она пишет, что пространство данного портрета базируется на трёх основных составляющих:

- экспозиционное пространство, предназначенное для размещения культурных экспонатов, произведений искусства, артефактов и элементов культуры, современных культурных технологий в рамках пространства любого учреждения культуры;
- информационный центр, в котором сосредоточены компьютерная информация о культурной жизни региона (города) и печатная, аудио-, видео- и мультимедийная продукция о ней;
- «биржа культуры» – некое деловое пространство, в котором осуществляются операции по культурному обмену, благотворительному или коммерческому использованию культурной продукции, в том числе художественной; проходят деловые контакты с целью инвестирования различных культурных акций, событий, мероприятий, поддержки деятелей региональной (городской) культуры и так далее [1, с. 316].

Проектирование «культурного портрета» современного города на основании данных, полученных в рамках «экспозиционного», информационного и делового пространств, позволит не только выявить «белые пятна» в культурном имидже конкретного городского пространства, но и разработать тактику его успешной имиджевой компании. Именно в таком ключе должно осуществляться развитие и продвижение культурного имиджа городов Кузбасса. Региональная и городская пресса могла бы помочь в формировании второго структурного элемента – информационного центра городской культуры (в частности, осуществляя презентацию и распространение культурной информации для жителей), а также в процессе формирования и позиционирования собственно культурного имиджа. Организация положительного культурного имиджа будет способствовать не только оптимизации городской культурной политики, но и привлечению внебюджетных средств в государственные структуры власти, которые сегодня так необходимы.

Список литературы

1. Андреева, Е. Д. «Культурный портрет» как региональный универсум [Текст] / Е. Д. Андреева // От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации : сб. статей. – М., 1998. – С. 305–317.
2. Бударина, О. А. Коммуникативные технологии формирования и продвижения имиджа

- муниципальной власти (политологический анализ) [Текст] / О. А. Бударина. – М. : АСТ, 2002. – 320 с.
3. Горбачева, А. К. Коммуникационный аспект формирования политического имиджа региона [Текст] / А. К. Горбачева // Полис. – 2004. – № 5. – С. 44–51.
 4. Золина, Г. Д. Инструментальный подход к формированию имиджа региона в средствах массовой информации [Текст] / Г. Д. Золина // Теоретическая и прикладная семантика. Парадигматика и синтагматика языковых единиц // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион: спецвыпуск. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 46–50.
 5. Золина, Г. Д. Эффективность СМИ в формировании имиджа региона [Текст] / Г. Д. Золина // Журналистика: информационное пространство. – 2007. – № 3 (33). – С. 53–58.
 6. Кирюнин, А. Е. Имидж региона как интериоризация культуры [Текст] / А. Е. Кирюнин. – М. : Университет, 2000. – 144 с.
 7. Панкрухин, А. П. Территориальный маркетинг [Текст] / А. П. Панкрухин // Маркетинг в России и за рубежом. – 1999. – № 5–6. – С. 39–44.
 8. Почепцов, Г. Г. Имиджелогия [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2000. – 768 с.
 9. Толковый словарь Вебстера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovar.bigmarket.ru>.
 10. Туровский, Р. Региональная идентичность в современной России [Текст] / Р. Туровский // Российское общество: становление демократических ценностей. – М. : Инфра-М, 1999. – С. 90–96.
 11. Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространства России [Текст] / авторы-составители Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. – М. : Ваклер, 1994. – 541 с.
 12. Чёрная, И. П. Маркетинг имиджа как стратегическое направление территориального маркетинга [Текст] / И. П. Чёрная // Маркетинг в России и за рубежом. – 2002. – № 4. – С. 56–59.

С. М. Дождевых

ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»,
г. Киров

ВЯТКА-КИРОВ: К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГОРОДА

В статье отмечается нестабильность современной социокультурной ситуации в г. Кирове, вызванной дискуссией по поводу возвращения городу исторического названия – Вятка. Рассматриваются некоторые характеристики городской среды, научное исследование которых способно открыть культурно-историческую уникальность города, его «смысл».

Вот уже второе десятилетие не теряет своей остроты дискуссия о переименовании г. Кирова в Вятку, т. е. о возвращении городу исторического названия. Вопрос о выборе имени – это вопрос о прошлом города и его буду-

щей судьбе, вопрос, побуждающий к активному осмыслению своей идентичности. Почему же до сих пор г. Киров остаётся одним из тех немногих российских городов, которые не вернули себе историческое имя?

Не принимая во внимание экономические обстоятельства переименования, заметим, что до настоящего времени, видимо, не произошло у горожан осознание того, кто мы, откуда мы и куда мы идём? Без определения «смысла города» его существование становится пёстрым, несистемным, что ставит под угрозу его идентичность, делает город неотличимым от других. Различность ценностных ориентаций как этап сегодняшнего состояния г. Кирова способна привести к разрыву целостности, культурно-исторической неповторимости данного места и поставить под вопрос её обретение в дальнейшем.

В этом отношении города отличаются не столько отсутствием или наличием собственной уникальности, сколько её осознанностью и предъявленностью в культуре. Определение и демонстрация собственной сущности позволяет городу сохранить свои глубинные основы, использовать культурно-символические ресурсы для процветания и устойчивого развития. Авторы книги-справочника «Сладкий Горький» отмечали, что после переименования г. Горького в Нижний Новгород «чувство превосходства и исключительности развивалось в регионе, где ещё недавно страдали от комплекса неполноценности. Возрождение ярмарки – кармана России – в перспективе сулило благополучие и экономическое процветание» [6, с. 13].

Представляется, что ответственность за постижение и обретение «смысла» в большей степени ложится на краеведов, исследователей истории и культуры города. Однако, как показал анализ историко-краеведческих и искусствоведческих трудов о г. Вятке, сегодня уже накоплен и обобщён огромный материал, но при этом вне поля зрения остаются темы, связанные с выявлением «души», «метафизики», «образа» города и семиотического потенциала городских пространств Вятки. К проблематизации таких характеристик Вятки, способных представить «смысл» города, постараемся обратиться в настоящей статье. Осознавая серьезность и неразрешимость вопроса в рамках одной статьи, наметим лишь некоторые важные компоненты, без осознания и исследования которых невозможно на современном этапе понимание культурно-исторической уникальности города.

Каждый город существует в двух «измерениях»: в реальном, предметно-пространственном и субъективном – в сознании человека. Совокупность субъективных представлений о городе, которые складываются под влиянием

господствующих установок эпохи, пристрастий конкретного индивида и свойств самого города, составляет «образ города». Такой подход к городу с позиции повседневного восприятия даёт возможность расширить традиционные «архитектурно-градостроительные» представления о его развитии, наполнив теоретические выкладки «живым звучанием».

Образ города закреплён в культуре средствами литературы, изобразительных искусств, кроме того, может в той или иной степени закрепляться в семантике архитектурных произведений. Выявление образа города, в свою очередь, и позволяет представить черты его исторического своеобразия, демонстрирует элементы города, достойные сохранения и развития.

Обращение к богатому литературному и иконографическому материалу показало, что образ г. Вятки прочитывается в контексте общей традиции восприятия русского провинциального города и может быть определён универсальными словосочетаниями «город-ссылка», «город-малая родина», «город на реке», «город-сад» и т. п. В этом отношении Вятка – город, «похожий» и «не похожий» на все остальные провинциальные города. Не случайно на примере г. Екатеринбурга была разработана модель «образного каркаса» [5, с. 431–440], включающего константы образа, характерные для любого исторического города. Однако наполнение этих составляющих индивидуально у каждого города, и именно оно даёт ключ к пониманию своеобразия места и того, что способно обеспечить его неповторимость и историческую преемственность.

Вятка – ссыльное место, «благословение изгнанника на нем» [2, с. 247], имена А. И. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Л. Витберга и др. – постоянный и обязательный элемент городской мифологемы. *Вятка – малая родина* обнаруживает иной оттенок образа города, но также овеянный великими именами В. М. и А. М. Васнецовых, А. С. Грина, А. А. Рылова и др. *Вятка – прекрасный город на реке*, воспетый М. Е. Салтыковым-Щедриным, – природный и архитектурный шедевр, место веселой «Свистуны» и начала Великорецкого крестного хода. Перечисленное, как и многое другое, и есть то уникальное «наполнение» образного каркаса г. Вятки, заслуживающее особого внимания.

Представляется, что реконструкция специфики восприятия города в тот или иной исторический период, являет собой большую трудность, т. к. исследователь может здесь опираться только на письменные и изобразительные свидетельства, поэтому не случайно некоторыми исследователями [4, с. 129]

подчёркивается принципиальная важность того, чтобы изучающий такую тему был местным жителем, т. е. носителем исторической памяти. Классик зарубежной социологии города Л. Мамфорд считал, что главная функция города не в экономическом благополучии и не в удобстве жизни, а в механизме передачи культурного наследия. Город представляет максимум возможностей для очеловечивания естественной среды, для натурализации человеческого (культурного) наследия [1, с. 230]. Культурное пространство города можно представить, следовательно, как «суммарный итог непрерывной творческой деятельности каждого, материализованный творческий порыв, проявляющийся в его полном, присущем каждому человеку содержании» [4, с. 74]. А архитектурные произведения в таком случае образуют мост между материальной и духовной составляющими культуры. Как отмечал А. В. Иконников, они «создают организованную среду, в которой овеществляются принятые обществом ценности» [3, с. 11].

Важным этапом в развитии городской среды Вятки был конец XIX – начало XX вв. В это время, отзываясь на социокультурные, экономические и политические тенденции эпохи, город постепенно обретал новый семантический и географический центр, включался в иную темпорализацию жизненных ритмов. Это был момент «культурного взрыва» (по выражению Ю. М. Лотмана), когда механизмы формирования и бытования средовых систем вскрываются, обнаруживая противоречивую сложность. Важно, что именно в данный период исторического времени горожанин получил максимум возможностей к «овеществлению» собственных представлений и ценностей. Благодаря устремлениям человека этой эпохи, город трансформировался в «живой организм», обладающий эстетическими, романтическими и даже мистическими характеристиками мироощущения своего создателя. Не только архитектор, но и заказчик оказался теперь способным так «прочувствовать» город и так подойти к выбору образа постройки, чтобы они стали символом, «маркером» города и влияли на характер всей среды. Особняк Т. Ф. Булычева и магазин П. П. Клобукова – примеры такой культурсозидательной деятельности заказчика.

Городская среда воплощает связь прошлого, настоящего и будущего, определяет особенный образ конкретного города, позволяя ему при происходящих с ним изменениях оставаться, тем не менее, самим собой. Есть города, например, Санкт-Петербург, которым самой судьбой предназначена неповторимая роль в истории, т. к. они обладают особой метафизической значи-

мостью. Вятка – Киров также представляется сегодня достойным отчётливо-го предъявления своего культурно-символического потенциала и обозначения на геосимволической и геокультурной карте России. На настоящем этапе идентификации горожан именно научное постижение характера исторической основы городской среды способно восстановить преемственность традиций и звеньев «культурной памяти», представить черты исторического своеобразия города и тем самым стать важнейшим условием развития регионального самосознания, элементом культурного самоопределения человека через обращение к наследию прошлого.

Список литературы

1. Вильковский, М. Б. Социология архитектуры [Текст] / М. Б. Вильковский. – М. : Русский авангард, 2010. – 592 с.
2. Герцен, А. И. Собрание сочинений [Текст]: в 30 т. – Т. 21 / А. И. Герцен. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. – С. 247.
3. Иконников, А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве [Текст] / А. В. Иконников. – М. : КомКнига, 2006. – 352 с.
4. Пространственность развития и метафизика Саратова [Текст] : сб. науч. ст. / под ред. Т. П. Фокиной (отв. ред.) и др. – Саратов : Поволж. акад. гос. службы, 2001. – 140 с.
5. Семиотика пространства = The Semiotics of Space [Текст] : сб. науч. тр. Междунар. ассоциации семиотики пространства / под ред. А. А. Барабанов. – Екатеринбург : Архитектон, 1999. – 687 с.
6. Сладкий Горький: Нижегородская архитектура 1985–2004 [Текст] / авторы-составители Л. Сапрыкина, М. Игнатушко. – Н. Новгород, 2004. – 96 с.

И. Н. Емельянова

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

КРЕАТИВНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДСКОГО СОЦИУМА

В статье рассматривается европейский и американский опыт изучения креативности, применение креативных подходов в решении проблем города.

Если мы говорим о Новокузнецке, то совершенно очевидно, что город стоит на пороге перемен. Эти перемены касаются не отдельных сфер жизни города – экономической ли, политической ли, технологической и т. д., а означают собой переосмысление содержания самих понятий «город»

и «городской образ жизни». Это перемены, которые были освещены зарубежными мыслителями еще в 60–70-е гг. XX в., которые идут полным ходом на Западе и которые только начинают проявляться в современной России в силу специфики исторической ситуации. И всё же о каких переменах идет речь?

В 1967 г. французский социолог Жоффри Дюмазедье написал книгу, которая тогда не была замечена и которая называлась «К цивилизации досуга». Он был первым автором, который сказал, что досуг (то свободное время, которое составляет значительную часть нашей жизни) не является просто свободным временем, – это важная социальная система. Через год австриец по происхождению, американский экономист Питер Друкер написал важную для перехода в новое интеллектуальное состояние книгу, которая называлась «Эпоха разрыва». Питер Друкер впервые в этой книге сформулировал тезис о том, что появилась экономика знаний. Вот что он писал в 1968 г.: «Основным экономическим ресурсом – "средствами производства", если воспользоваться термином экономистов – является не капитал, не естественные ресурсы, не труд. Им стало и останется знание» [5]. В 1968 г. это было большой новостью.

Прошло несколько лет, и Дэниел Белл, американский социолог, написал свою знаменитую книгу «Грядущее постиндустриальное общество», в которой изобрёл термин, до сих пор активно используемый для описания общественного состояния, – постиндустриализм. Дэниел Белл говорил о том, что наша жизнь больше не определяется тем, как работает промышленность, пришли другие ценности на уровне обменов, на уровне экономики, товары уступили место услугам. И, наконец, ещё одна статья появилась в конце 1970-х гг. и была реакцией философов, интеллектуалов на происходящие изменения. В 1979 г. французский философ Жан-Франсуа Лиотар написал книгу «Состояние постмодерна: доклад о знаниях». С этого момента термин «постмодернизм» вошёл в обиход.

В 2002 г. американский экономист Ричард Флорида написал книгу, которая подвела итог эпохе новой экономики и сформулировала некоторые принципы, но не экономические, а социальные и культурные, по которым эта экономика живет. Флорида назвал свою книгу просто: «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». Однако, давая определение понятию «класс», автор отходит от ортодоксальной трактовки, в которой во главу угла ставились имущественные отношения. Флорида пишет, что новые классы

существуют по другим законам, и важны не только социальные и трудовые отношения, но важна и система ценностей. Наша новая экономика, говорит Флорида, движется креативностью. Социолог даёт очень простое определение креативному классу: «Ядро креативного класса – это не только те люди, которые изобрели новую мышеловку, это те люди, которые понимают, что такая мышеловка зачем-то нужна» [2, с. 118]. Флорида пишет о том, что креативность является в качестве наиболее ценного товара новой экономики, сама собственно товаром не являясь, что подъем креативной экономики соединяет сферы технической новации, бизнеса и культуры.

В 2007 г. Р. Флорида посетил Сибирский федеральный университет (г. Красноярск), где провёл презентацию своей книги. Повествуя о процессе её написания, мистер Флорида рассказал, что однажды он попросил своих студентов в одном из университетов Европы ответить на ряд вопросов: «Где они хотят жить? Где и кем хотят работать?». Неожиданные ответы на эти вопросы и стали толчком для глобального переосмысления современной действительности. По словам мистера Флориды, его студенты больше не хотят работать на заводах, фабриках, в банках или страховых компаниях, «несмотря на возможность зарабатывать много денег, иметь отдельный офис и охрану. Они предпочитают работать в салонах красоты, музеях или собственных фирмах, потому что это весело, ты остаёшься собой и можешь работать так, как хочешь, тогда и столько, сколько хочешь» [6]. Самое важное, по мнению Флориды, – что основным инструментом развития всех сфер жизни становится креативность.

В своей работе Ричард Флорида уделяет большое внимание социальному капиталу. Под ним автор понимает социальные связи, которые включают индивида в различные общности. Вслед за рядом авторитетных социологов (Патнэм, Коулман) Флорида признаёт упадок социального капитала, но оценивает это явление совершенно противоположным традиции образом: люди предпочитают слабые связи сильным. Социальный капитал может проявляться двояко. С одной стороны, он укрепляет чувство общности, а с другой, может легко закрывать доступ для посторонних, возводить барьеры и препятствовать инновациям. Адам Смит давно обратил внимание на эту дилемму в своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов».

«Места с тесными связями и высоким уровнем традиционного социального капитала обеспечивают преимущества для «своих», а тем самым

и стабильность, тогда как места с подвижными и слабыми связями отличаются большей открытостью новым людям, а следовательно, новаторским сочетанием ресурсов и идей» [2, с. 245]. Более того, креативные сообщества и сообщества социального капитала движутся в противоположных направлениях. Креативные сообщества выступают центрами разнообразия, инноваций и экономического роста, а сообщества социального капитала – нет.

Флорида выделяет четыре типа сообществ:

1. *Классические сообщества социального капитала.* К ним относятся места, которые отличаются высокими показателями социального капитала и политической активности и низким уровнем разнообразия, инноваций и технологий, например, Бисмарк, штат Северная Дакота.
2. *Сообщества организационной эпохи.* Это более старые города, в которых доминируют корпорации, например Кливленд, Детройт, Гранд-Рапидс и Каламазу. Их отличает средний уровень социального капитала, уровень политической активности выше среднего, низкие показатели разнообразия, инноваций и высокотехнологичных индустрии. Они занимают высокое место в «Индексе рабочего класса», представляют собой классические корпоративные центры организационной эпохи.
3. *«Ботанистаны».* К ним относятся быстрорастущие регионы типа Силиконовой долины, Сан-Диего, Финикса, Атланты, Лос-Анджелеса и Хьюстона – некоторые воспевают их как образцы быстрого экономического роста, в то время как другие критикуют за «расползание», загрязненность и транспортные проблемы. В этих регионах большой процент высокотехнологичных индустрий, уровень разнообразия выше среднего и низкий уровень социального капитала, а также политической активности.
4. *Креативные центры.* Крупные урбанистические центры, к которым относятся Сан-Франциско, Сиэтл, Бостон, Чикаго, Денвер и Боулдер, отличаются высоким уровнем высокотехнологичных индустрий и очень высокими показателями разнообразия, но ниже среднего показателями социального капитала и умеренным уровнем политической активности. Данные города имеют высокий рейтинг в «Индексе креативности» и постоянно упоминаются в интервью и фокус-группах в качестве мест, где люди хотят жить и работать. Эти регионы дают хорошее представление о новом креативном мейнстриме.

Чтобы понять, что такое креативный класс, следует обратиться к классификации, построенной на номенклатуре тех профессий, которые характерны для американского рынка. Флорида говорит, что в креативном классе есть креативное ядро и креативные профессионалы. К креативному ядру относятся люди, которые работают в сфере программирования и математики, архитектуры и инженерного дела, естественных и социальных наук, образования, воспитания и библиотечного дела, искусства, дизайна и СМИ. Креативные профессионалы – это топ-менеджмент, люди, работающие в сфере бизнеса и финансов, права, здравоохранения и руководящие работники в сфере продаж.

Какие другие классы существуют? Это рабочий класс, обслуживающий класс, к которому относятся и чиновники (что абсолютно не соответствует нашей реальности), и работники сельского хозяйства.

Почему, по мнению Флориды, люди концентрируются в Нью-Йорке, Бостоне или Сан-Франциско? Потому что там есть три «Т» – талант, технологии, толерантность. В то место, где эти три «Т» совпадают, придут люди, принадлежащие к креативному классу, там они будут готовы работать, там они будут готовы проводить своё свободное время. Эти три «Т» могут быть выражены количественно. Флорида подсчитывает их социологическими методами. Например, талант он измеряет количеством людей со степенью выше бакалавра и количеством патентов, зарегистрированных на той или иной территории. Толерантность он подсчитывает разными способами. В том числе количеством людей, живущих в этом регионе, но не рождённых в США, а также количеством официально зарегистрированных гомосексуальных пар. Индекс технологий – это количество предприятий высоких технологий по отношению к общему числу таких предприятий в США.

Английский урбанист Ч. Лэндри в своей книге «Креативный город. Пособие для городского инноватора» рассуждает о том, что есть много импульсов, которые могут инициировать творческий процесс. Иногда он бывает вызван необходимостью, иногда становится результатом осознанных действий, а в иных случаях возникает в результате сложного стечения обстоятельств. В главе «Как привести в движение творческий процесс?» Чарли Лэндри рассматривает множество случаев с иллюстрациями.

Давление неизбежности – дефицит как фактор креативности. В погоне за пространством Нью-Йорк рос всё выше и выше, развивая тем самым новые строительные технологии и методы управления проектами. Японские

компании сегодня рассматривают возможность строительства зданий высотой более 1 км, возникшую благодаря решению проблемы ветроустойчивости. В Амстердаме не хватает парковок, зато воды более чем достаточно – и решением становятся плавающие автостоянки. Постоянный рост тарифов на электроэнергию стимулировал инвестиции в добычу возобновляемой энергии солнца, ветра и волн: в Ликоврусси, окраинном рабочем поселке в 18 км от Афин, солнечная энергия поступает в 435 квартир. Энергосберегающее здание и солнечная энергия обеспечивают 80 % всей необходимой энергии по более низким ценам.

Значение открытий для креативной экономики очевидно. Менее предсказуемы те цепочки инноваций, которые они иногда порождают. Первооткрыватели электричества не могли предугадать, какой последует каскад связанных с ним изобретений – от радио до компьютеров. Незримость электричества скрывает тот факт, что оно проникает буквально в каждую клеточку сегодняшней жизни. Напротив, обнаружение негативных качеств асбеста радикальным образом изменило строительную систему. Тривиальное на первый взгляд изобретение пластиковых пакетов породило серию социальных новаций, имеющих первостепенную важность для сферы потребления – от упаковки до технологии утилизации мусора. Случайная находка золота в Сиванкила в Северной Финляндии привела к появлению многих творческих градостроительных идей, вроде жилищ с теплоизолирующей крышей из дерева. Дефицит, удача, авантюризм, обмен опытом, вдохновение, политические и другие кризисы – всё это также находит множество подтверждений в социальной реальности.

Чарльз Лэндри не использует, в отличие от Ричарда Флориды, количественные показатели креативного потенциала разных мест. Он оперирует примерами креативных подходов, используемых в различных городах, в основном взятыми из собственного опыта исследовательской и консалтинговой деятельности. В результате большее внимание уделяется развитию городской среды, а не выделению городов-лидеров креативной экономики. В его книге подчёркивается особая роль культуры в развитии городов будущего. Культура – это своеобразная форма выражения ресурсов уникальности и своеобразия каждого места. «Культурное наследие – сумма нашего творчества в прошлом, а результаты творчества позволяют обществу продвигаться дальше, – пишет Лэндри. – Все аспекты культуры – язык, законы, теории,

ценности, знания – нуждаются в переосмыслении каждым следующим поколением» [1, с. 196].

«Наверное, самое важное для творческого профессионала – это умение видеть ситуацию целостно и гибко» [1, с. 232]. Творческие люди и креативные организации рассуждают очень гибко, но всегда готовы сфокусироваться и чётко оценить риски. Дэйвид Перкинс отмечает, что «творческие люди работают на грани своей компетентности, своих возможностей, а не где-то по середине» [4]. Быть креативным – это интеллектуальная позиция и определённый подход к проблемам, который раскрывает спектр возможностей, это «исключительная гибкость мышления, которая усиливает все ментальные способности» [1, с. 230]. Именно благодаря этим качествам креативные люди, организации, города могут генерировать инновации, выходить за грани достигнутого.

В качестве примера Лэндри описал, что смогла сделать Великобритания и континентальная Европа в тот момент, когда индустриальная экономика стала рушиться и стало непонятно, что делать с большим количеством безработных, с падением уровня местных налогов, с колоссальным упадком городской инфраструктуры. Он написал о том, что такое городской маркетинг, что такое поддержка городской идентичности. Что произошло, когда шахты стали закрываться? Действительно, правительство Маргарет Тэтчер не сделало ничего, чтобы поддержать добычу угля, но оно приняло законы, которые помогали развиваться малому и среднему бизнесу. А люди, которые занимаются развитием городов, стали превращать эти города в центры туризма, науки и культуры.

Что было сделано для этого? Об этом пишет Лэндри, описывая примеры нескольких городов Великобритании и Западной Европы. Книга «Креативный город» была частью проекта, который реализовывался в городе Хаддерсфилд – в городе, в котором в 1980-е гг. закрылось всё, что могло закрыться. Что сделали муниципальные власти и приглашённые специалисты? Они создали две структуры. Первое: было создано пространство для общения людей самых разных профессий и социальных групп. Второе: власти стали обучать бывших шахтеров работать на компьютерах. Прошло десять лет, и этот город стал одним из главных центров мультимедийных технологий. Деньги вкладывались не в промышленность, а в городскую инфраструктуру и в оптимизацию креативных качеств жителей безотносительно к тому, кто они по профессии, в развитие так называемых креативных индустрий. Это

снизило уровень социальной напряженности, безработицы и превратило Великобританию из пионера индустриального общества в пионера постиндустриального общества. И главный упор был сделан на развитие креативных технологий, креативных индустрий.

В этом контексте становится очевидно, что дальнейшее функционирование Новокузнецка как индустриального моногорода (а таковым он пока остаётся, несмотря на всё разнообразие представленных в нём видов деятельности) приведёт к упадку городской жизни. Сейчас можно сказать, что в настоящее время в этом городе преобладающим является социальный капитал (в противовес креативному капиталу), рабочий и обслуживающий класс (в противовес креативному ядру и креативным профессионалам). Минимальными показателями представлены три «Т» Флориды (талант, технологии, толерантность), и притягательным Новокузнецк кажется жителям тех городов, которые имеют эти показатели в ещё меньшем объеме. Однако все вышечисленные недостатки могут стать и причиной большого оптимизма: Новокузнецку не следует дожидаться, когда появятся «креативные города-конкуренты», ведь Кузбассу нужен «знаменосец».

Список литературы

1. Лэндри, Ч. Креативный город. [Текст] / Ч. Лэндри; пер. с англ. В. Гнедовского, М. Хрусталёва; под ред. М. Калужского. – М. : Классика-XXI, 2005. – 399 с.
2. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. [Текст] / Р. Флорида; пер. с англ. А. Константинова; под ред. М. Калужского. – М. : Классика-XXI, 2005. – 421 с.
3. Высоковский, А. Креативность как ресурс [Электронный ресурс] / А. Высоковский. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2005/4/> (дата обращения 17.12.2009).
4. Гнедовский, В. Современные проблемы развития постиндустриального общества в городах США и Европы [Электронный ресурс] / В. Гнедовский. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/postindustrializm/version/contemporary-problem/> (дата обращения 05.03.2010).
5. Калужский, М. Креативность как социокультурный и экономический феномен [Электронный ресурс] / М. Калужский. – Режим доступа: http://www.creativeconomy.ru/mag_ce/index.php?str=1&full=1 (дата обращения: 25.07.10)
6. Креативный класс – это вы! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/65> (дата обращения 05.03.2010).

Е. Б. Макарьева

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ГОРОДА В ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются проблемы формирования исторического образа места в условиях Новокузнецка как типичного индустриального и советского города и роль исторических представлений в процессе формирования городской идентичности.

Десятилетия господства вульгаризованного марксизма породили устойчивые стереотипы нашего сознания, одним из которых является приоритет экономики над социокультурными аспектами жизни. В силу этого стереотипа судьба города во всех проектах и моделях развития жёстко обуславливается функционированием промышленных предприятий. И мысль о том, что прежде всего она зависит от живущих в нём людей, кажется слишком простой, чтобы восприниматься всерьёз. Между тем благополучие, здоровье, стабильность социума в значительно большей степени определяют перспективы развития города, чем деятельность промышленных предприятий. Одним из признаков развитого социума является сформированность гражданского сообщества и местной идентичности, которые, в свою очередь, обусловлены наличием эмоционально-личного отношения к месту своего проживания. А это невозможно, если образ данного места не имеет в сознании его жителей конкретного позитивного наполнения.

Важнейшим компонентом образа места является, помимо восприятия и оценки сложившейся среды обитания, комплекс представлений о его истории. Развитый, полноценный образ обязательно включает в себя исторический аспект. Можно сказать и по-другому. Непрерывность бытия города вне зависимости от кризисов и смены модели развития зависит от наличия в нём сообщества горожан, т. е. людей, объединённых не только по признаку проживания на данной территории. Формирование горожан из жителей – длительный социокультурный процесс, охватывающий жизни многих поколений. Непрерывность исторической памяти – фактор, без которого этот процесс не может быть успешным.

Казалось бы, в этом Новокузнецку повезло: город официально признан историческим, тем самым как бы подтверждено наличие у него историческо-

го прошлого. Но стало ли это прошлое фактом сознания горожан, сформирован ли у среднестатистического новокузнецанина полноценный образ истории города? Ответ на этот вопрос вряд ли будет положительным. Хотя специальных социологических исследований на эту тему не проводилось, знание истории города, к примеру, студентами НФИ КемГУ вполне можно представить в процессе преподавания соответствующей учебной дисциплины. В большинстве случаев сами студенты оценивают его как близкое к нулю.

Опрос студентов позволяет сделать ещё одно значимое наблюдение: в нашем городе семья не является тем социальным институтом, который формирует местную идентичность. В частности, через семью не транслируются знания об истории города, которые составляют основу идентичности. Возможно, причина в том, что сами старшее и среднее поколения не являются носителями городской идентичности, не имеют сформированных исторических представлений о городе и не могут передать их детям. В этих условиях практически единственным институтом, способным передать историческую память, остаётся школа. Теми знаниями, которыми обладают наши студенты (если обладают), они практически целиком обязаны школе. Точно так же и важнейшие культурные практики, формирующие идентичность, – например, посещение музеев – также формируются школой.

Для городов, порождённых индустриализацией, к каковым относится и Новокузнецк, характерно, что выбор их в качестве места проживания был обусловлен возможностями трудоустройства. Население Новокузнецка как типичного индустриального города пополнялось за счёт процессов раскрестьянивания, длившихся несколько десятилетий советской истории. Притом что эти процессы были характерны для развития многих индустриальных стран, советская эпоха придавала им ряд специфических черт: это чрезвычайный масштаб и быстрота, преимущественно насильственный характер. Болезненная ломка всех социокультурных основ жизни, произошедшая практически в рамках одного–двух поколений, внесла в процесс формирования городского социума такой заряд деструктивности, на фоне которого позитивный образ города вряд ли мог сложиться.

И самими жителями, и руководством всех уровней – партийным, заводским, городским – город воспринимался как место сосредоточения промышленных предприятий и место жительства людей, работающих на производстве. Статус «города при заводе» формировал и особую идентичность – корпоративную, «заводскую», подменяющую собой городскую. Работник предпри-

ятия воспринимал себя не новокузнецанином, а «заводчанином», ощущая свою причастность к заводу, привязанность к нему, гордость за него. Процессы последнего десятилетия (приватизация предприятий, сокращения, распад рабочих коллективов), конечно, привели к разрыву этих связей и утрате этой своеобразной идентичности. В своё время важным условием её формирования было конструирование представлений об истории предприятия – героической, значимой в масштабах страны. История заводов писалась раньше, чем история города, писалась тщательно, с размахом. По степени детализации, информативности, масштабам привлечения специалистов, объёму источниковой базы история КМК [2] является впечатляющим примером, образцом, по которому должна была бы создаваться история города, – увы, до сих пор не написанная. А ведь в отношении к городу действуют те же механизмы. Для его устойчивого существования трансформация населения в общество столь же важна, как для завода – трансформация рабочей силы в коллектив.

«Наследственность» Новокузнецка «отягощена» условиями его формирования не только как индустриального города, но и как советского, социалистического города. Мало того, что непрерывность истории вообще не входила в систему ценностей социалистической идеологии, – в случае с Новокузнецком радикальный разрыв с прошлым сознательно утверждался установкой на строительство эталонного социалистического города, первого в Сибири. Никакой преемственности между мелкобуржуазным мещанским Кузнецком и городом строителей социализма быть не могло. Естественно, что в сознании жителей социалистического города не было места досоветскому прошлому. Так что отсчёт истории Новокузнецка на протяжении всей советской эпохи начинался с 1931 г. – даты, когда посёлок строителей завода получил статус города. Два поселения – «старый» «доживающий» Кузнецк и социалистический Ново-Кузнецк (позже – Сталинск) – были разделены и административно (до 1932 г.), и пространственно-географически, находясь на разных берегах реки, между которыми не было моста.

Мост возвели в 1936 г., а наведение мостов в историческом сознании затянулось. Только в конце 1980-х гг. обозначилось намерение как-то преодолеть разрыв, скрепить две истории – Кузнецка и Сталинска – в одну: Новокузнецка. В историческую память горожан возвращена подлинная дата начала города, изданы исторические описания дореволюционного Кузнецка, стали публиковаться исследования современных историков. Наконец, рекон-

струкция Кузнецкой крепости стала значительным событием в возвращении городу его истории. И практически последним. Возникший было импульс угас, и в последнее десятилетие имели место только потери, которые пополнили и без того значительный список безвозвратно утраченных объектов досоветского пошлого. И сейчас в пространстве современного Новокузнецка почти не осталось памятников, формирующих его исторический образ.

Визуальный образ старого Томска, Красноярска, Иркутска, Мариинска относительно легко воссоздаваем, так как сохранились более или менее репрезентативные фрагменты исторической застройки. Чего нельзя сказать о Кузнецке. Нет ни одного целостного фрагмента исторической застройки – только отдельно стоящие здания, и те можно перечислить по пальцам. И что обидно: на месте уничтоженной исторической среды за последние сто лет не возникло ни одного достойного объекта ни в общественном, ни в архитектурном отношении.

По сложившейся в нашей стране давней «культурной» традиции, творцы новой истории неумолимо выкорчёвывали старую. И в силу этой же традиции судьба советской «кузнецкостроевской» части нашего исторического наследия в перспективе мало чем отличается от судьбы «кузнецкого». Судя по всему, его также ждёт медленное разрушение и снос. То, что бесследно исчезли землянки, палатки, бараки Верхней и Нижней колоний – естественно и неизбежно. Но не сохранились и более капитальные постройки, репрезентирующие начальный этап развития будущего Сталинска, например, добротные деревянные коттеджи улицы Тельбесской. Мало шансов сохраниться имеет здание бывшей гостиницы для иностранцев, построенное в 1932 г. и не удостоившееся до сих пор места в реестре памятников даже муниципального значения. Да и что касается барачных строений, стремление не оставить от них и следа сродни тому же отрицанию ценности деревянных домов Кузнецка, обусловленному сугубо утилитарным пониманием ценностей. А ведь идея создания музейной экспозиции барачного быта далеко уже не нова и не оригинальна. Но именно в контексте нашей истории такая экспозиция могла бы стать достойным памятником героям и жертвам этой уникальной эпохи. Очевидно, созданию такого музейного объекта должно предшествовать осознание уникальности и неповторимости эпохи, её места в сложной истории города. В этом случае и дома казарменного типа, уныло стоящие на Хитарова, Энтузиастов и не представляющие самостоятельной ценности, органически войдут в образ города и станут частью общего исторического наследия.

И опять же, как в случае с дореволюционным Кузнецком, эпоха Кузнецкстроя в современном пространстве города не репрезентирована как явление. Статус памятников придан отдельным объектам: заводууправлению, Дворцу культуры и техники КМК, Театру металлургов. Тот факт, что эти здания находятся в сохранном состоянии – отнюдь не заслуга муниципальных властей и не следствие статуса памятника. Это скорее следствие того, что у них есть неплохой и небедный хозяин, что существующие в них учреждения более или менее успешно функционируют. И если у «Коммунара», гостиницы, дома Муратова такого хозяина не оказалось, то сколько ни называй их памятниками, их материальное состояние от этого не улучшится.

Таким образом, в пространстве современного города Новокузнецка его историческое бытие представлено фрагментарно, и эти фрагменты имеют тенденцию к дальнейшему сокращению. И это – факт, отражающий состояние нашего исторического сознания. В сознании среднестатистического горожанина связные представления об историческом прошлом города отсутствуют. В лучшем случае в нём утвердились отдельные факты – 1618 г. как дата основания города, крепость на Вознесенской горе – которые к тому же изрядно мифологизированы. И вот уже целые исторические эпохи стираются из памяти, время «схлопывается», крепость и острог сливаются в неразличимое целое и над всем господствует одна единственная дата – 1618 г. Всё остальное тонет во мраке неведения. Так что формирование исторического образа города имеет и другой аспект: необходимы создание и трансляция текстов, адекватно репрезентирующих историческое прошлое. Поскольку нерассказанная история не может стать фактом сознания. До сих пор письменная история города остаётся историей его предприятий, и лучше всех описаны те её аспекты, которые связаны с КМК, ЗСМК [2], строительными и угледобывающими организациями [1]. Тексты официальных изданий, приуроченных к юбилейным датам, бедны содержанием и несостоятельны концептуально. В этой связи самой сложной, но и самой актуальной является задача непрерывного исторического описания и осмысления прошлого, интеграции всех его противоречивых фрагментов в целостный исторический образ. Поскольку в социуме, как в человеческой личности, – то, что не осознано, не интегрировано, не может быть понято ни как ограничение, ни как ресурс. Формирование исторической памяти, помимо познавательного, имеет и воспитательный аспект. Поскольку память связана не только с созданием и сохранением памятников, написанием и трансляцией текстов, но и с воспроизводством определённых моделей поведения, и прежде всего тех, которые ответственны за формирование горожанина.

Отсутствие взятых из исторического прошлого образцов, описанных и транслируемых примеров поведения, которое можно было бы считать гражданским, достойным горожанина, – причина того, что задача воспитания горожанина не решаема. Исключение – тема Великой Отечественной войны. Различные средства и механизмы задействованы, чтобы пропагандировать высокие примеры гражданственности, патриотизма в военных условиях. Споры нет – это важно и нужно. Но получается, что мы сами как сообщество не знаем, что значит быть гражданином своего города в мирное время, в каких действиях выразить любовь и заботу о нём. А когда пытаемся описать, то выражаем это в негативных определениях: не стремиться уехать, не разрушать памятников, не загрязнять городскую среду...

Формирование местной идентичности в смысле восприятия себя горожанином, членом конкретного городского сообщества невозможно без воспитания чувства причастности к богатой и сложной истории данного места, истории его жителей – своих предшественников и предков. И для этого историю нужно как минимум знать, иметь возможность с ней соприкоснуться, сопереживать через школьные уроки, тексты, памятники, музейные экспозиции...

Список литературы

1. Дёмин, В. И. Строители. Книга воспоминаний [Текст] / В. И. Дёмин. – Новокузнецк : Новокузнецкий полиграфкомбинат, 1996. – 398 с.
2. История КМК им. В. И. Ленина [Текст] / Е. Н. Полянская и др.; под общ. ред. Б. Н. Жеребина. – М. : Металлургия, 1973. – 464 с.
3. Энциклопедия Запсиба [Текст] / автор проекта Г. С. Омельчук; автор и сост. О. В. Кратко. – Новокузнецк : Призма До, 2004. – 258 с.

Т. А. Полончук

Волжский институт строительства и технологий (филиал) Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета, г. Волжский

ГОРОД: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ БУДУЩЕГО

В статье рассматривается вопрос о двух концепциях будущего городов (мегаполисов и «идеальных»), предложенных современной архитектурой.

По данным археологов, первые города появились около 7000 лет до нашей эры. Исследователи называют различные причины их появления.

Не меньше и определений самого понятия «город». Историки, географы, социологи, архитекторы, культурологи, политологи дают свои дефиниции, которые объясняют, что такое город, с различных позиций. По сегодняшний день основным является определение, введённое в научный оборот в конце XIX в. Ф. Ратцелем, в котором город характеризуется как скопление людей и их жилищ на большом пространстве.

Город как особая организация этого пространства стал оказывать влияние на развитие человечества, что было признано многими учёными. В силу этого не существует не только единого подхода к его изучению, но единого мнения о будущем города. Философия города – это, по сути, констатация некоего «мирового зла», которое олицетворяет город, что наиболее ярко проявилось у О. Шпенглера. Философы определяют город либо как живой организм (враждебный или дружелюбный человеку), либо как некую машину-киборга.

Возникшее в начале XX в. и продолжающее активно развиваться такое направление в градостроительстве, как урбанизм, остаётся единственной научной дисциплиной, рассматривающей город в целом, хотя и с позиции архитектуры. По сути, единственной, кто пытается спасти такую организацию, как город, является архитектура. Большой вклад в это внёс Ле Корбюзье, хотя его проект улучшения ситуации в Париже вряд ли был достоин применения: он предполагал практически полное уничтожение старой части города и на расчищенной территории возведение небоскребов.

В настоящее время во всем мире насчитывается более 2,5 миллионов населенных пунктов, имеющих статус города. Если в начале XIX в. в городах проживало 3 % населения Земли, то в настоящее время больше половины населения планеты живёт в городах. Город – это не только визуальное пространство, но и поле человеческой деятельности по его преобразованию. Можно увидеть две концепции преобразования этого пространства.

Одна – «естественная», или «стихийная»: город возникает как бы сам собой, постепенно разрастаясь до огромных размеров. Не случайно появилось даже понятие — *urban sprawl* (расползание мегаполиса). При этом наблюдается стремительный рост городов. Так, по последним данным, число жителей в Москве составляет 10 % населения страны. Такой стихийный рост приводит к тому, что сам город становится враждебным человечеству. Роль человека сводится в таком пространстве лишь к приведению его в более «удобный» вид, к облагораживанию и обустройству. Другая – это идея соз-

дания «искусственного», совершенно нового, «правильного» пространства для человека, регулярного, пусть даже и скучного в своей геометрической идеальности. Это идея создания идеального города.

Понятие «идеальный город» подразумевает рациональную организацию пространства обитания людей с позиции градостроительства и архитектуры, государственного строя и экономического положения. Проекты идеальных поселений создавались на протяжении всей истории человечества. Архитектура XXI века, пытаясь создать город будущего, как, впрочем, и стремясь доказать, что такое образование, как город, вообще способно выжить, обращается к теме идеального города. Не случайно архитектура на протяжении всего своего пути развития предпочитала планировать и создавать именно небольшие города. Малый город – это идеальный город. Понятие «идеальный город» подразумевает рациональную организацию пространства обитания людей с позиции градостроительства и архитектуры, государственного строя и экономического положения. Ведь большая часть городов на планете – это небольшие города. Если разделить общее число горожан на количество городов, то на каждый город приходится по 3 тысячи жителей.

Малые города возникали по различным причинам: княжеские резиденции, города-крепости, так называемые «реформенные» (возникшие в ходе реформы конца XVIII в.) и т. д. Это уже города-памятники, со своей особой атмосферой, укладом жизни. Совершенно иными являются малые города, появившиеся в XX в.: города-спутники, «профессиональные» города (имеющие преимущественно одну отрасль экономики) или города-«энергетики», возникшие одновременно со строительством электростанций. Появление таких городов нельзя считать приметой только нашего времени. Достаточно вспомнить египетский, так называемый «пирамидный», город Кахун, построенный в XIX в. до н. э. для строителей пирамид.

В последнее время на международных архитектурных конгрессах и экономических форумах многие специалисты отмечают, что будущее за малыми городами, выживание же больших городов ставится под сомнение. Действительно, жизнь в крупном мегаполисе создает ряд проблем для человека: психологических, экологических и т. д. Малые города наиболее благоприятны для жизни человека. В своё время Аристотель даже рассчитал число жителей такого города – 5040 человек (что является факториалом семи), и цифра эта никогда не оспаривалась.

Образ идеального города, города-государства встречается у Платона

в различных диалогах в книге «Государство». Город Платона послужил толчком к проектам идеальных городов последующего времени. Об идеальном городе писал Витрувий, обобщивший опыт архитектуры и градостроительства Греции и Рима и рассмотревший вопросы выбора благоприятной местности для основания города. Витрувий не оставил изображения своего «идеального» города, однако архитекторы Возрождения, изучая его трактат, создали схемы городов, в которых отразили его идеи. В XV в. появляется работа «Десять книг об архитектуре» Леона Альберти, положившая начало многочисленным трактатам по проектированию идеальных городов. Один из теоретиков Возрождения А. Аверлино (Филарете), написал трактат в форме романа об идеальном городе – Сфорцинде. Текст сопровождался множеством рисунков. Проект идеального города Ромолонтино («маленький Рим») Леонардо да Винчи современные специалисты назвали городом XXI века. По замыслу автора, это был двухуровневый полис, на первом уровне которого располагались бы рабочие мастерские, магазины, хранилища, дороги. Второй же уровень предназначался для пешеходных прогулок. В трактате А. Палладио «Четыре книги об архитектуре» отмечалось, что город – это большой дом, а сам дом – маленький город. И это не случайно: действительно, многие малые города представляют собой «большой» уютный дом. Многочисленные проекты идеальных городов воплотились в единственной реально построенной крепости Пальманова, имеющей в плане форму девятиугольной звезды; создание крепости приписывают В. Скамоцци.

К концу XVI века многих теоретиков привлекли вопросы оборонительных сооружений. Это было требованием времени: с изобретением разрывных снарядов на смену стенам и башням пришли бастионы, а город по своим очертаниям стал напоминать многолучевую звезду с бастионами, спланированными таким образом, чтобы защищать соседние. Планы идеальных городов причудливы, обладают некоей странной красотой и иногда являются фракталами. Они напоминают лабиринты, квадраты, подчас представляют собой шестиугольные, восьмиугольные, двенадцатиугольные и т. д. «звезды». Это города Ч. Чезарино, Д. Барбаро, П. Катанео, Ж. Перре и многие другие. Идеи создания идеального города продолжил К.-Н. Леду, который, получив звание королевского комиссара, развернул в Шо строительство своего идеального города. Идеальными городами интересовался Жюль Верн, оставивший размышления о таком городе – «Une ville ideale» (1875). В России архитекторы также разрабатывали проекты идеальных городов. Это города-

заводы XVIII века. Они строились как идеальные города и имели правильную геометрическую форму плана, что, по сути, напоминало проекты промышленных городов Леду.

В начале XX в. интерес к идеальным городам переживает второе рождение. Теперь на смену звездообразным городам-крепостям приходит городсад. Впервые эта градостроительная концепция описана в книге «Городсады будущего» английского социолога-утописта Э. Говарда и опубликована в 1898 г. Такой город близок к идеальному, так как его план представляет собой структуру из концентрических круглых зон, в центре которых находится парк.

XX век продолжил эти поиски «идеального города»: появились «лучезарный город», город-завод, линейный город, город-модуль и т. д. Именно эти города, построенные в XX в., представляют наибольший интерес, хотя строительство их связано с тоталитарными режимами. Эти города должны были, по замыслу их авторов, стать первым этапом построения нового образа жизни и укрепления режима, поэтому обращение к «идеальным» городам не случайно. Так, в Италии в 1930-х гг. возникло большое количество городов-«новостроек»: сельскохозяйственные поселения, шахтёрские города, промышленные центры, рабочие поселки. Построенные на государственные средства, они словно воплощали планы идеальных ренессансных городков. Большинство из них было рассчитано на 15 тысяч жителей. В каждом городе – площадь, окруженная аркадой, церковь, кампанила. А здание суда и даже райком фашистской партии выглядят как традиционные палаццо ренессансных городков. Примером может служить Сабаудии, рассчитанный на 15 тыс. человек и построенный в 1934 г. по приказу Муссолини за 253 дня.

В период индустриализации в СССР почти на пустом месте было построено 364 новых города. К сожалению, отечественная градостроительная архитектура этого времени представлена рядами одинаковых домов барачного типа, расставленных по прямоугольной сетке. Однако предпринимались попытки отойти от этой схемы. Так, в 1929 г. началось строительство в центре Свердловска (Екатеринбург) «Городка чекистов». Существует версия, что в основе его планировки – советские символы: серп, молот и развевающиеся знамена. Интересный проект социалистического городка Нижнекурьянска был предложен швейцарским архитектором и директором «Баухауза» Х. Мейером (1932). Ситуация начинает меняться в конце 1940-х гг. Сталинский ампиризм вырабатывает свой проект идеального города, соответствующего

новому времени и новой идеологии. Примером может служить город Волжский Волгоградской области, по сути являющийся городом-«энергетиком», хотя изначально в проекте предусматривалось лишь строительство посёлка на 50 тысяч жителей.

В 1950 г. начинается сооружение Сталинградского гидроузла (Волжская ГЭС). Интерес представляет его проект, главным композиционным элементом которого является монумент Сталину, размещенный с учётом того, чтобы гигантская фигура была видна «как с водных путей по Волге и Сталинградскому обводнительному каналу, так и с шоссе и железнодорожных дорог» [1]. У центрального шлюза проект предусматривал и статую Воина-победителя. При этом все сооружения, как указывалось в проекте, должны быть «подчинены единому стилю, основанному на лучших образцах русской классической архитектуры» [1].

В целом это решение напоминает проекты представителей революционного классицизма – Леду и Буле. В проекте гидроузла словно повторены их мотивы и формы: монументальные пилоны, нерасчленённые плоскости стен, триумфальные порталы, ликторские связки, воинские доспехи, лавровые венки и т. п. Одновременно с началом строительства ГЭС началось и строительство посёлка по единому плану. Сразу же было определено, что строить его «надо солидно, красиво, со всеми удобствами. Никаких временных бараков и сооружений!» [2, с. 22]. Позднее посёлок был преобразован в город. Если построенная ГЭС в ходе строительства полностью изменила свой первоначальный облик, то основные здания города утратили лишь декор и скульптурное убранство.

Сам город построен с применением трёхлучевой системы, разработанной Д. Фонтана в 1580-е гг. для римской площади Пьяцца дель Пополо. Тяжёлые монументальные формы, пилоны, колонны, рельефы повторяли элементы проекта гидроузла. Построен был и парк, хорошо сохранившийся и представляющий собой маленький оазис сталинской скульптуры: аллеи, ротонды, многочисленные статуи «девушек с вёслами», ткачих, сталеваров и т. д. Какими должны были быть ГЭС, город Волжский, сейчас можно представить только по проектам, рисункам, плакатам. В дальнейшем, с ростом города, произошло его разделение на две части: старую, ставшую памятником сталинской архитектуры, и новую, которая напоминает спальные районы больших мегаполисов. Идеальный город не получился, но идеи создать такой город постоянно звучат в современной архитектуре.

В 1989 г. в Англии начинается строительство городка Паундбери. Генеральный план его разработан Леоном Крие, заказчиком стал принц Уэльский Чарльз. Городок возводится по образу и подобию средневекового английского города: преобладают типично английские дома, в них применены ресурсосберегающие технологии, а сам город позиционируется как альтернатива безликим постройкам современной архитектуры, игнорирующим человека. Кроме того, новый город, по замыслу авторов, должен решить многие социальные проблемы аналогично проектам «идеальных городов» прошлого.

Однако обе концепции будущего города исходят из размеров города (ограничение роста или неограниченное расширение) и удобства существования в нём личности или социума. Попытки ограничить рост города предпринимались и раньше. Так, во Франции в XVIII в. делается попытка создания новых стен вокруг Парижа, хаотичный, неограниченный рост которого вызывает протесты даже писателей (Вольтер). «Проклятый архитектор короля» Леду начинает строительство кольца застав вокруг города, представляющих собой сплошную цепь вала с 47 заставами и 33 контрольными постами. Скрыть это был призван широкий бульвар по внутреннему кольцу. Во время Французской революции заставы подвергались разрушению как символ королевской власти, а затем, в XIX в., по мере роста города были окончательно уничтожены. В СССР также создавались проекты превращения крупных городов в небольшие. В 1930 г. братья А. и Л. Веснины создают проекты генерального плана Сталинграда, в одном из которых они предложили расчленив всю протяжённую вдоль Волги территорию на пять небольших городов с населением 50 тысяч человек.

Но существует и ещё одна концепция, которая вызывает многочисленные нарекания и рассматривается как утопическая. Это проект автора теории о формах человеческих поселений («экистики») греческого архитектора-градостроителя Доксиадиса. На основе «экистики» утверждается правомерность неограниченного роста городов и предусматривается в будущем создание городов-гигантов в виде непрерывных полос, размещённых вдоль транспортных путей. На первый взгляд, эта теория выглядит неприемлемой. Но если рассмотреть её с позиции развития именно транспортной полосы, то она не лишена содержания.

Действительно, как мы представляем себе город? Если рассмотреть это в свете нового клипового мышления, то складывается интересная картина. Париж вызывает представление об Эйфелевой башне, Москва – об ансамбле

Красной площади, Афины – об Акрополе и т. д. Сам город (радиальная или линейная структура, наличие водного потока, размеры и т. д.) представить при таком мышлении практически невозможно. Средневековые города, построенные по принципу «неизвестно-что-за-поворотом», соответствовали ритму жизни человека. Старые города (так называемые малые города, возникшие в XVIII–XIX вв.) можно обойти за день. Современные города (мегаполисы и т. д.) воспринимаются только из окна транспорта. Старые центры остаются в них островками, в которые можно приехать. Весь остальной город откладывается в памяти как некий стандартный набор построек: высотные дома, трассы, торгово-развлекательные комплексы и реклама. Они похожи друг на друга. Этому способствует и типовая архитектура, и реклама, и сетевые магазины. Создаётся впечатление, что мы живём в одном городе, в некоем шпенглеровском «мировом городе». Попытки изменить это видны в проекте «Города культуры» П. Айзенмана, в котором очертания города сходны с путями средневековых христианских паломников, т. е. с теми самыми дорожками, что протоптаны средневековыми осликами.

Город – это поле человеческой деятельности и визуальное пространство, в котором взгляд перескакивает с предмета на предмет, а не покоится на отдалённом горизонте. Город навязывает своим жителям темп, который влияет на всё находящееся в этом особом пространстве. Неоновое освещение; расплывчатость как результат взгляда из окна всё более убыстряющегося транспорта; незафиксированность взгляда, который не останавливается ни на зданиях, ни на предметах – всё это особенности современного восприятия города. А сам этот город мы видим из окна транспорта или в коротких пешеходных переходах от остановки до конечной точки маршрута. В результате мы видим не сам город, а размытую картинку и несколько фотографий известных нам мест.

Впервые к пониманию этого пришли футуристы с их многочисленными «шагающими», «движущимися» людьми и животными. Позднее их стремление запечатлеть движение прослеживается в пейзажах экспрессионистов, которые передают впечатление от природы, города, которые мы видим из окна движущегося транспорта. И тогда главным в городе становится именно магистраль – с удобным и, главное, быстрым движением. Теперь уже не город формирует удобные для передвижения улицы, а эти магистрали (прямые и жёсткие) формируют новый город. Происходит трансформация улицы (магистрали, трассы). Первые прямые улицы (первая из них – улица

Уффици – проложена Д. Вазари в 70-е годы XVI в.) рассматривались архитекторами Возрождения как победа человека над стихией невежества, «тёмными веками», над варварской, готической архитектурой. Но первые прямые улицы – это аллеи в парках, лабиринтах, создающие «исторические перспективы». Прямыми городские улицы станут только в XVII в., когда начнётся их «пробивка» в старых европейских городах. Но это всё улицы, основная задача которых – представить здания, стоящие на её красной линии. Это лишь подиум к величественной архитектуре. И трёхлучевая система Фонтаны – это только три эффектные прямые улицы, служащие для оформления въезда в город и обрамления двух церквей.

По мере роста количества транспорта улица расширяется. Это уже не та удобная улочка, «протопанная осликами», это уже транспортная магистраль. Теперь не она служит архитектуре города, а город служит ей: она расширяется и выпрямляется. И уже «парижский диаметр» формирует город, а не наоборот. Не архитектурные ансамбли, а транспортные развязки и широкие магистрали определяют архитектуру. Такой улице не нужны парки и тихие места. Она может подняться и дозвлет над самим городом (проекты современного города Л. Корбюзье). Подчиняя себе город, улица (трасса, магистраль) начинает формировать свою философию: ведь если движение – это способ существования материи, то прямая трасса, по которой она движется, это сама жизнь.

Движение ускоряется. Появляются автобаны с восемью полосами движения по одной стороне. Такой поток не нуждается в остановке, главное – это движение. Города вдоль таких трасс воспринимаются на скорости не как естественный мир. Сам город превращается в некую абстракцию: здания, улицы... Он становится виртуальным, к нему можно применить понятие контента (англ. content – содержание). В данном контексте это информационное наполнение самого города: видеоряд (здания, дома, улицы, памятники), текст (реклама), звук (шум города) и т. д. Он становится контентом сайта Глобальной паутины, который можно посмотреть, почитать, послушать.

И тогда проект Доксиадиса становится вполне реальным будущим, в котором всё движется по глобальной мировой трассе вдоль одного города. Город превращается в странную систему, выживаемость в которой вновь под вопросом.

Список литературы

1. Архитектурное решение сооружений Сталинградской гидроэлектростанции на р. Волге [Текст]: пояснительная записка / МВД СССР; ГИДРОПРОЕКТ. – М., 1951.
2. Башлыкова, Т. А. Волжскому – 50: хроника. События. Судьбы [Текст] / Т. А. Башлыкова. – Волгоград : Издатель, 2004. – 450 с.

В. Г. Рыженко

ГОУ ВПО «Омский государственный университет»,
Сибирский филиал Российского института культурологии, г. Омск

ЮБИЛЕЙ ГОРОДА: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ)¹

Статья посвящена особо актуальным в настоящее время в мировой и российской исторической науке проблемам поиска междисциплинарных моделей исследования сложных объектов, одним из которых является город как социокультурный феномен. На основе авторской модели «культурно-цивилизационный ландшафт – опорная матрица образа города» соединяются история и современность в многомерное пространство «мест и фигур памяти». В нём вырабатываются способы региональной и локальной идентификации. В то же время одним из важнейших звеньев коммуникационного поля становятся концептуально ориентированные научные конференции, обеспечивающие оперативное и эффективное продвижение исследовательских идей и результатов их апробации.

В современном научном знании важная роль отводится понятию «коммуникативное поле». Его принципиальный для учёных и практиков смысл интерпретируется как конструирование социокультурного пространства связей, в котором рождаются, функционируют, трансформируются, транслируются научные идеи – интеллектуальные продукты. В создании такого коммуникативного поля особое значение имеют конференции. Они служат индикатором перемен, вызревающих внутри научного и шире – социокультурного

¹ Выполнено в рамках проекта Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

сообщества. Одновременно они могут быть представлены в виде своеобразных «узелков», придающих прочность междисциплинарным «сетям общения», объединяющим исследователей, деятелей культуры, художников, музейных работников.

Всё чаще на конференциях, имеющих общий объект внимания участников (в данном случае это юбилейный город), но разный организационный статус (от международных до региональных), набор обсуждаемых проблем составляется на основе согласования интересов «большой» науки и прагматически ориентированных потребностей практики. Только за последние два – три года в Урало-Сибирском регионе состоялось несколько крупных научных и научно-практических конференций, продемонстрировавших подобные консенсусы. Так, в одном из инновационных центров городоведческих исследований (метафизическое направление), в Перми, в 2008 г. состоялась дискуссия «Культура и искусство как ресурс развития города», проходившая в рамках IV Пермского экономического форума (12–13 сентября 2008 г.). Её материалы, опубликованные в 2009 г. [1], дают возможность перенять позитивный опыт поиска стратегий развития, выявления имиджевых ресурсов территорий, определения технологий существования искусства и использования культурного наследия в современной городской среде. К тому же году относится проведение VII Всероссийского научного симпозиума в Омске по проблемам культуры городов России [2, с. 35], в его организации участвовали управленческие органы, которые соотнесли этот форум с программой подготовки к 300-летию г. Омска.

В 2007 г. начало целого цикла городских мероприятий в честь 420-летия первопрестольной столицы Сибири (Тобольска) открывал представительный научный форум Международные Ремизовские чтения, прошедший при финансовой поддержке администрации города. [3]. В ряду знаковых событий своё место должна занять Всероссийская научно-практическая конференция «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города и горожан», концептуально ориентированная на поиск путей, способов, междисциплинарных моделей осознания специфики города в разных его конкретно-исторических ипостасях для стратегирования перспектив его развития (14 ноября 2008 г.). Её материалы – многоплановый источник движения современной интеллектуальной мысли [4]. Список таких коммуникативных событий можно и нужно составлять. Пока же замечу, что замысел концепции Второй конференции «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города

в переходный период» представляется одновременно фундаментальным и соответствующим выделенной тенденции к достижению оптимального консенсуса интересов науки и практики.

Заявленная тема имеет несколько возможных вариантов рассмотрения. Среди мотивов действия автора есть и факт проживания в Омске – одном из старейших городов Сибири, в символическом капитале которого – неоднократно возникавшие «столичные» амбиции, имевшие под собой конкретно-исторические основания. (Замечу, следуя принципу объективности, что Омск не является моей малой Родиной, поэтому интерес к теме носит в большей степени академический, чем краеведческий, характер.) В настоящее время город движется к своему 300-летнему юбилею. Из состава старинных сибирских городов, уже отметивших крупные юбилеи (Тобольск, Тара, Томск, Красноярск, Иркутск), Омск выделяется тем, что вместе с только что, в 2009 г., отпраздновавшим свои 300 лет Бийском, относится к так называемым «Городам Петра Великого». Недавно состоялась Всероссийская научная конференция «Влияние Петровской эпохи на развитие сибирских городов» (тоже служащая вехой на пути продвижения к юбилею) [5]. Представляется, что будет небесполезным для обсуждения феномена юбилейного города в контексте проблем конструирования исторической памяти, региональной коллективной и индивидуальной идентичности обратиться к некоторым положениям сделанного мною доклада.

Основных задач тогда было выделено три. Первая – это краткая характеристика перспективных исторических исследований феномена «юбилеев городов» в контексте проблемы сохранения исторической памяти с пропорциональным соотношением реалий и наслоившихся позже исторических мифов. Вторая – обозначение возможных методик анализа современного пространства «символических юбилейных городов» (на примере сибирских Городов Петра Великого – Бийска и Омска). Наконец, третья задача – постановка вопроса о причинах различного отношения к памяти о Петре Великом как основателе этих городов в массовом сознании их современных обитателей. В данном случае добавлю четвёртую: обозначить «юбилей города» как цепочку переходных состояний в динамике «образа города» и рассмотреть возможность применения для его анализа авторской модели «Культурно-цивилизационный ландшафт – опорная матрица образа города».

В конце XX–начале XXI вв. резко обострился интерес исследователей (историков, культурологов, социологов и т. д.) к проблемам конструирования

и трансляции исторической памяти, к закреплению в коллективном и индивидуальном сознании «мест и фигур памяти», которые олицетворяют поворотные вехи в истории большой и малой Родины. Этот интерес совпал с волнообразным нарастанием потребностей в конструировании способов формирования региональной и локальной идентичности. Мощным стимулом соединения воедино научного и практического мотивов становилась подготовка юбилейных мероприятий. Особое место среди них занимают «круглые» даты рождения отдельных городов. Отдельного изучения заслуживают презентационные материалы, либо появляющиеся к этим событиям, либо непосредственно их сопровождающие. Необходимо, в частности, систематизировать информацию из интернет-ресурсов по каждому из переходных состояний феномена «юбилейного города» в российской и «местной» культуре. Весьма любопытно, например, проследить за предъюбилейным образом Иркутска, который в 2011 г. отметит 350 лет; электронная версия газеты «Восточно-Сибирская правда» даёт такую возможность [6, с. 80].

В связи с вышесказанным появляется ещё одна мотивация к междисциплинарным исследованиям, вовлекающая учёных, занятых обозначенными проблемными блоками, в научно-практическую сферу. Её провоцирует заказ «власти» на проведение так называемого брендинга территорий и на поиск «людей-брендов» для подкрепления программ инвестиционной привлекательности того или иного региона в целом или его городов-центров. Сюда же относится поиск имиджа территории/региона/города. Стоит подчеркнуть, что во время конференции в Омске бурные споры возникли вокруг возможности использования фигуры Петра Великого в качестве бренда Омска.

Необходимо учитывать, что «фигуры» и «места памяти» определяются не только из интеллектуальных конструктов, создаваемых современными исследователями. Их появление и формирование в определённый набор связано с глубинной коллективной и индивидуальной потребностью обеспечить преемственность времён, определить свой образ *Места* обитания, осуществить самоидентификацию. Сама же потребность имеет множество социокультурных вариаций.

Поскольку к первой задаче относятся изменения в историографической ситуации, то назову эту линию «академической». Её ядром, на мой взгляд, является популярная в мировой исторической науке, а в последние 10–15 лет и в российской, теория «мест и фигур памяти». Чаще всего её связывают с французскими исследованиями (от Пьера Нора). Образы отдельных исто-

рических личностей в национальной культурной памяти привлекли внимание немецких авторов. Интерес к особо символическим персонам русской истории (Александр Невский) был представлен в недавно переведённом труде Ф.-Б. Шенка (на языке оригинала появился в 2004 г., в русском переводе – в 2007 г.). На прошедшей в Москве в ноябре 2008 г. международной научной конференции «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век» [7] отчётливо обозначился поворот к вопросу о специфике «присвоения прошлого», в частности, к распределению «присваиваемого прошлого» по «местам памяти» и его репрезентации с помощью комбинаций «знаковых фигур» («фигур памяти»).

В рамках этой конференции мною была предложена условная типология (иерархия) «фигур памяти» с учётом их значения для национально-государственной, региональной и локальной коллективной идентификации. Первый тип (высший уровень) – фигуры общегосударственной значимости, закрепляющие официальную версию исторической памяти, решающие вопрос о региональной идентификации в пользу страны в целом и осуществляющие «мобилизацию образов единого прошлого» с помощью «силовых актов» присвоения прошлого. Среди таких фигур несомненно присутствуют, а в новейшей постсоветской ситуации ещё более упрочили свою знаковую роль фигуры святых Русской православной церкви, Сергия Радонежского как символа московской линии в русской истории за Уралом. Новые «места памяти» конструируются с использованием мотивов необходимости возрождения духовности, а среди их образов преобладают восстанавливаемые и возводимые культовые сооружения (преимущественно православные храмы).

Из светских «фигур памяти» к этому типу принадлежит фигура А. С. Пушкина, напоминающая, что «Пушкин – наше всё». (В Омске любопытно соединение фигур Сергия Радонежского и Пушкина в виде скульптур на фронте областной научной библиотеки, носящей имя поэта.) Причём, по устным свидетельствам, первой на своё символическое место была вознесена скульптура Сергия. Резонно было бы отнести к этому первому типу и фигуру Петра Великого. Однако ещё предстоит выяснить, насколько память о нём включена в региональные культурные пространства (имею в виду в первую очередь интересующие нас крупные города Сибири).

Второй тип (условно – это средний, собственно региональный уровень) содержит «фигуры памяти»/знаковые фигуры, дающие опору для

коллективной и индивидуальной идентификации обитателей каждого конкретного региона непосредственно с данной территорией как своей. Впрочем, и здесь следует выделять ту часть «набора» соответствующих «фигур», а также «знаков-символов памяти», которые формируют официальную версию региональной идентичности и составляют своего рода «капитал региональной уникальности». Как правило, эти фигуры и знаки используются в проектах имиджевой привлекательности регионов, в соперничестве региональных «столиц», в политике взаимоотношений с Центром. В конструировании соответствующих «наборов» принимают участие представители региональной историографии и краеведения. Однако здесь есть над чем задуматься. Например, можно ли будет отнести ко второму типу скульптуру «Бабра»¹, которую предполагается установить в Иркутске, и как её интерпретировать в связке с соответствующими «фигурами памяти», непосредственно олицетворяющими основание города?

Вернусь к ситуации с «петровскими городами». Именно поэтому в двух сибирских «городах Петра» среди знаковых фигур памяти встречаются «слуги государевы» – исполнители его указов. Существенное место в дискуссиях учёных и краеведов-любителей занимает вопрос о дате рождения города, о правомочности считать отцом-основателем города именно Петра. Такие споры характерны как для Омска, так и для Бийска.

Третий тип (низовой, повседневный уровень) «фигур памяти» определяет формирование локальной (коллективной и индивидуальной) идентичности, закрепляя её в «вещах» культуры, появляющихся в пространстве любого конкретного обитаемого *Места*, в мифах и легендах, порождённых и транслируемых устной традицией стихийной исторической памяти. Под «вещами» культуры, одновременно выступающими в качестве не общего выражения»), понимается в первую очередь городская беспостаментная скульптура, переводящая исторические смыслы/ассоциации или прямые аналогии, или даже овеществлённые факты/события истории в контекст повседневности и тем самым, вторично, в массовое историческое сознание.

Остановлюсь на возможной методике анализа пространства «юбилейного/петровского города». Далее приведены её элементы и исследовательские процедуры:

¹ См.: Скульптура Бабра появится в Иркутске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vesti.irk.ru/obshchestvo/2010/10/13/103359/>. – Дата обращения: 13.11.2010 (примеч. науч. ред.).

- Использование в качестве исходного исследовательского инструмента модели «Культурно-цивилизационный ландшафт – опорная матрица юбилейного образа города», с выделением трёх уровней (накануне, непосредственно во время празднования, после юбилея).
- Выявление с помощью методик натурного обследования «вещей» и символов петровской (в более общем случае – любой исходной для основания города) эпохи, сохранившихся в современной планировке.
- Фиксация их соотношения с последующими историческими слоями, особенно с «местами и фигурами памяти» советской эпохи. Это имеет особое значение для городов, считающихся символами «советского города», как, например, Новокузнецк (допускаю, что таким он видится со стороны).
- Оценка степени отражения в картографических источниках «мест памяти» о первых крепостных (и прочих знаковых для будущего города) сооружениях и их последующей эволюции; то же относится к городской топонимии.
- Специфика использования в юбилейных презентационных материалах соответствующего визуального ряда.

Далее предлагается остановиться на некоторых характеристиках процесса конструирования исторической памяти о знаковых фигурах и символах, назовём это «Вехи конструирования памяти о Петре I в сибирских «Городах Петра» (рубеж XX–XXI вв.)». Начнём с ситуации в Бийске:

- В период подготовки к юбилею и после него в городском пространстве появляются знаковые акценты (от ледяной фигуры Петра во время новогодних праздников, после получения Бийском в ноябре 2005 г. статуса наукограда, к неофициальному топониму «Бульвар Петра Великого» и знаковому месту проведения городских торжеств; затем к строчкам гимна Бийска, утверждённого 5 февраля 2008 г. городской Думой: **«...Он нравится нынешним всем горожанам, Поставленный здесь по указу Петра...»**) (выделено мною – *В. Р.*).
- Установка по инициативе губернатора Алтайского края памятника **«молодому царю, полному радужных надежд и планов»** (выделено мною – *В. Р.*). В информационных сообщениях этот выбор скульптора прокомментирован примечательно: «Значит, все его свершения, побе-

ды и открытия ещё впереди. Как и у города-наукограда Алтайского края, который он основал 301 год назад»).

Ситуация в Омске:

- В ознаменование 275-летия города с 1991 г. на площади им. И. Бухгольца стояла колонна, увенчанная двуглавым орлом (скульптор С. Голованцев).
- В середине 1990-х гг. появилась идея установки на площади им. И. Д. Бухгольца памятного знака в честь основания г. Омска и людей, причастных к этому событию. В 1997 г. (после празднования 280-летия города) появился памятный знак – семиметровый в диаметре шар-держава, опоясанный рельефами, повествующими об освоении русскими первопроходцами южных территорий Сибири (скульптор Василий Трохимчук). Одна из интерпретаций: это символ союза народов, начала новых свершений, могучего семени, из которого возникло дерево новой культуры, давшее добрые плоды. Изображены С. У. Ремезов, И. Д. Бухголец, Г. Н. Потанин (Петра нет).
- В дискуссиях краеведов доминирует точка зрения, высказанная ещё Г. Е. Катанаевым (о Матвее Гагарине как более значимой «фигуре памяти» для Омска, так как Петр «слишком был занят делами Запада»).
- В современных конкурсных текстах на создание гимна Омска (акция 2005–2007 гг.) в описаниях истории города на различных сайтах (включая специальный сайт «Город многоликий: 300-летию Омска посвящается...») подчеркивается **случайность, вынужденность** (выделено мною – *В. Р.*) закладки первой крепости. Отсюда и Пётр не является отцом-основателем. Гимн «тихого города» (один из немногих, где упоминается имя Петра) начинается так: «В слиянии Оми и Иртыша, Где сходятся сибирские ветра, Явилась твоя пылкая душа От Ермака и грозного Петра!»
- Показательно плачевное состояние памятного знака «Держава» за неделю до Дня города-2010.

Предварительные выводы после сравнения ситуации в Бийске и Омске:

- В современном пространстве двух сибирских «Городов Петра» по-разному репрезентируется причастность государя к «гену» рождения

Бийска и Омска. Историческая память в качестве ресурса регионального развития включается пока только в Бийске.

- Современный Бийск, уже переживший 300-летие, принимает Петра в качестве главной «фигуры памяти», определившей судьбу города («от крепости к наукограду»). Этот вариант, несмотря на краеведческие дискуссии, принимается местным городским сообществом с поправкой на необходимость воздать должное казакам-первопроходцам, в том числе опираться на «фигуры памяти» всех трёх уровней, взятых в исторической динамике вплоть до советского периода нашей истории).
- Омск, примерявший на себя неоднократно статус «столицы», до сих пор не определил, стоит ли сохранять память о Петре Великом в своём культурно-цивилизационном ландшафте и образе. В топонимии так и не реализовано предложение городской Думы о наименовании проспекта. Судьба «Стрелки» (Омского трилистника) уже не волнует горожан (от власти и бизнес-элиты до рядовых). В качестве брендовой исторической личности Омска Пётр Великий явно уступает Колчаку, Ермаку и даже Врубелю.
- Стоит ли сохранять Омск в составе «Городов Петра»? Выяснение причин сложившейся ситуации требует взвешенного научного мониторинга.

Список литературы

1. Город > Пермь. Смысловые структуры и культурные практики [Текст] / отв. ред. В. В. Абашев; Мин-во культуры и массовых коммуникаций Пермского края; Перм. гос. ун-т; лаб. политики культурного наследия Перм. гос. ун-та. – Пермь, 2009. – 200 с.
2. Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография [Текст] : материалы VII Всероссийского научного симпозиума (Омск, 23–24 октября 2008 г.) / отв. ред. Д. А. Алисов, Н. А. Томилов. – Омск : Наука, 2008.
3. Провинция в культуре. Литература. Искусство. Быт [Текст] // Наука в Сибири. – 2007. – 12 июля. – № 26–27; то же [Электронный ресурс] URL <http://www.sbras.ru/HBC/article.phtml?nid=425&id=15>
4. Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города и горожан [Текст] : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новокузнецк, 14 ноября 2008 г.) / под общ. ред. Ф. И. Иванова; отв. ред. И. П. Решикова, Е. Б. Макарчева; НФИ ГОУ ВПО «КемГУ». – Новокузнецк, 2008. – 364 с.
5. Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура) [Текст] : материалы Всероссийской научной конференции (Омск, 11–14 октября 2010 г.) / под ред. П. П. Вибе, А. А. Кильдюшевой, Т. М. Назарцевой. – Омск, 2010. – 293 с.

6. См., например: URL <http://www.vsp.ru/social/2010/09/28/505338>.
7. Обзор работы конференции см.: Вместо предисловия. Научная конференция «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век» [Текст] // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2009. – № 27. – С. 5–15; в 2011 г. выйдет специальный сборник статей / отв. ред. Л. П. Репина.

Л. И. Рыженко

ГОУ ВПО «Сибирская автомобильно-дорожная академия»,
НОУ «Международный институт стратегического проектирования»,
г. Омск

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ НОВОКУЗНЕЦКА

В докладе рассматривается вопрос о возможных приоритетах развития Новокузнецка. В центре внимания два обстоятельства. С одной стороны, все города России в начале XXI в. столкнулись с похожими проблемами, с другой – Новокузнецк к настоящему времени обладает дополнительными возможностями, предоставляющими ему конкурентные преимущества.

О потере городом ресурсов

Первый вопрос, который возникает в связи с развитием города – вопрос о его месте в общей экономической системе. Надежды на инвестиции в территорию, как правило, связаны с промышленностью. Промышленная деятельность может принимать разные формы с разной результативностью для города. Надо заметить, что традиционные представления о «градообразующей базе» сегодня сильно изменились.

Промышленные предприятия принимают всё меньшее участие в развитии города. И дело даже не в избавлении от непрофильных активов и объектов соцкультбыта. Главный процесс, набирающий силу – потеря городом налоговой базы. На это влияют два фактора: перевод предприятий на процессинг в рамках холдингов и падение производства. Прибыль, остающаяся в распоряжении промышленных предприятий Новокузнецка в 2009 г., составила 1,4 % от объёма отгруженной продукции, а налоги от этой деятельности практически нулевые. В целом сальдо входящих и исходящих финансовых потоков в городе уменьшается. Актуализируется вопрос: за счёт каких средств город будет развиваться в условиях потери налоговой базы? Обост-

ряется борьба за помощь вышестоящих бюджетов (в настоящее время эта помощь составляет более половины бюджета города).

В последние годы распространяется точка зрения, что фактором развития городов становятся крупные градообслуживающие предприятия сетевого типа (ритейлерские сети, развлекательные комплексы и т. д.). Однако эти предприятия в своём большинстве становятся инструментом вывоза прибыли. Интерес города здесь проявляется в привлечении инвестиций в городскую инфраструктуру, но такие решения закрепляют «колониционную схему» выкачивания ресурсов с территории [1]. При размещении таких объектов необходимо оценивать, что перевешивает: полученные инвестиции или упущенные возможности местного бизнеса и вывозимая прибыль.

В этих условиях вопрос о привлечении инвестиций теряет традиционный смысл. Какие инвестиции интересны городу? Новые ресурсы уместно привлекать лишь тогда, когда поставлен заслон их утечки с территории (бесполезно наполнять решето водой). Это тем более важно, что в Новокузнецке нарастающими темпами уменьшаются свободные территории, пригодные для развития города. Неэффективное использование и низкая капитализация земли не может быть компенсирована прирезкой новых территорий, поскольку это порождает потерю территориальной связности, с которой у города и так проблемы. Привлечение инвестиций необходимо увязать с формированием территориальных механизмов развития, которые пока очень слабо развиты. Такие механизмы позволили бы городу участвовать в доходах от использования его ресурсов, влиять на эффективность этого использования и, что самое главное, – стимулировать новые виды деятельности [2, с. 35].

Особое значение для Новокузнецка приобретает один из главных факторов развития – человеческий капитал, создающий условия привлечения остальных ресурсов. Однако и этот ресурс уходит с территории. В исследованиях [3; 4] показано, что темпы воспроизводства человеческого капитала зависят от культуры, духовного и физического здоровья городского сообщества и системы образования. Причём все эти факторы имеют стоимостную оценку и рассматриваются как актив, инвестиции в который приносят доход и индивиду, и обществу в целом. Например, более четверти роста дохода на душу населения в мире может быть объяснено повышением уровня образования среднего работника [5]. В настоящее время в вузах учатся не менее 60 % молодых людей в Северной Америке и Западной Европе и почти до 100 % – в Японии. Что касается миграции человеческого капитала,

то при прочих равных условиях она идёт с территорий, где темпы развития (модернизации) территории ниже, туда, где они выше; с пунктов более низкой привлекательности – туда, где она выше. В работе [3] показано, что для регионов добывающей промышленности современной России утечка человеческого капитала проявлена более значимо по сравнению с другими территориями.

Фактор саморазвития

Важным вопросом для города является то, в какой степени его будущее определяется управленческой деятельностью, а в какой – берут верх процессы саморазвития? Следует обратить внимание на то, что города России представляют собой агломераты сложного взаимодействия разных хозяйственных укладов и разных субкультур. Новокузнецк не является исключением. Для уточнения позиции уместно проследить смену типов хозяйственных укладов в истории человечества (таблица 1).

Таблица 1 – Историческая смена хозяйственных укладов

Тип уклада	Ресурсно-технологическая основа развития	Основной способ и итог продвижения
Традиционный	Эксплуатация окружающего ландшафта при помощи хозяйства, основанного на традиционной большой семье	Сельское поселение под защитой замка либо монастыря (оседлые народы), кочевой стан. Итог – гужевая связность территорий
Ранний индустриальный	Мануфактурное производство с развитием коммуникаций (сухопутных и морских)	Города на базе сёл, торговые города и порты. Итог – транспортная (сухопутная и морская) связность ойкумены
Зрелый индустриальный	Индустриальные формы производства, обеспечивающие транснациональные технологические цепочки переработки ресурсов	Урбанизация. Итог – создание межнациональной инфраструктуры движения товаропотоков (ресурсная связность человечества)
Ранний постиндустриальный	Перманентная и ускоренная модернизация общества и формирование новых рынков ресурсов	Технопарки, академгородки, наукограды, особые экономические зоны. Итог – информационная связность человечества
Зрелый постиндустриальный (когнитивный)	Переработка информации в новые типы ресурсов на базе технологизации и производство новых смыслов	Мировые сети. Ожидаемый итог – создание общечеловеческой смысловой связности

Становление укладов осуществляется неравномерно на территориях как вне, так и внутри стран, более того, предыдущие формы хозяйственной деятельности продолжают сосуществовать наряду с новыми. Итоги исторического развития России, в том числе в её советский период, таковы, что в стране до сих пор представлены различные формы социальной организации и субкультуры, вытекающие из её огромного территориального и исторического многообразия (то, что Н. А. Бердяев называл «совмещением нескольких исторических и культурных возрастов» [6, с. 80]). Россия характеризуется уникальным «симбиозом» между хозяйственными укладами. На этот же феномен, принявший при социализме специфическую форму, указывал академик Ю. В. Яременко [7]. Согласно этим взглядам, советская экономика напоминала трёхъярусную пирамиду. Её нижний ярус включал низкотехнологичные, в том числе доиндустриальные уклады (сельское хозяйство и др.). Этот тип хозяйства господствовал в деревне и малых городах, население которых находилось вне системы социальных гарантий. Среднему ярусу этой пирамиды, куда входил Новокузнецк, соответствовали отрасли добывающего и перерабатывающего комплексов, в которые вкладывались государственные инвестиции, а слои населения, обслуживавшие эти отрасли, имели определённые социальные гарантии. Верхушку составлял высокотехнологичный военно-промышленный комплекс (космос, связь, атомная энергетика и др.), которому обеспечивался максимальный уровень инвестиций в городскую среду и человека. В современном обществе эта иерархия упразднена, но «стартовые условия», заданные уровнем развития города, остались.

Многоукладность экономики РФ постепенно «размывает» функциональную ориентацию поселений. В работах [1; 8] исследованы городские виды деятельности как источники новых ресурсов, в противовес сельскому хозяйственному укладу – источнику воспроизводства семьи. Традиционный (сельский) уклад, принявший в России во второй половине XX в. форму приусадебного домохозяйства (и частично дачного хозяйства), адаптировался к индустриальной экономике путём теневого присвоения части обращающихся в ней ресурсов. В последней трети XX в. эта адаптация выросла из теневой экономики в один из секторов современной коррупции. Таково постсоветское (читай – постиндустриальное) наследство России.

В современном Новокузнецке при господстве индустриального уклада определённую роль играет и традиционный (домохозяйства частного сектора

и дачи). Ранний индустриальный уклад проявляется в некоторых секторах малого бизнеса, а постиндустриальный – представлен в разной степени учреждениями науки, образования, предприятиями, использующими новые постиндустриальные технологии, а также виртуальной сферой. Каждый из укладов в городе завоевывает своё положение и осваивает свои территории. Между ними сложился и симбиоз, и конкуренция за ограниченные ресурсы. Только учитывая данные процессы, можно сделать прогноз, как та или иная инвестиция повлияет на город: положительно или отрицательно.

Фактор управления

Проблема, на которой хотелось бы заострить внимание, – это необходимость смены технократического мышления, которое господствует в сфере управления городами. В рамках такого мышления на многоукладный город смотрят как на производственно-технологическую систему, средство развития индустриального уклада, а не социум, способный производить новые ресурсы.

Стратегически важным для Новокузнецка вопросом является сохранение человеческого капитала. В этих условиях необходим отказ от технократических представлений и переход на гуманитарные позиции. Социальные процессы в России до последнего времени недооценивались как источник ресурсов, носитель значительного инновационного потенциала. По опыту автора, при разработке концепции и планов стратегического развития Омска (2002 г., [9]) идеи такого рода были исключены из проектных документов. По прошествии нескольких лет в Ишиме (2005 г., [10]) к подобным идеям стали относиться более благосклонно. Тем не менее недопонимание этой проблемы в практике государственного и муниципального управления сохранилось и сегодня.

Город зачастую сталкивается с серьёзными проблемами из-за того, что управленцы оказываются в плену очередных заблуждений. В строительстве Сталинска по сравнению с другими городами были вложены значительные средства. Начало индустриализации в СССР вообще характеризуется высокой степенью экспериментаторства (идеи конструктивизма, города-сады). Впрочем, новаторство первых лет быстро переросло в помпезный классицизм. Сталинск – наиболее яркий градостроительный пример индустриального периода. Город и сегодня удивляет логикой планировки центральной части. Однако утопические идеи статически замкнутого поселения, заложенные в этот и другие аналогичные проекты (например, соцгород Челябинского

тракторного завода), вошли в противоречие с законами территориального развития, согласно которым поселенческие системы, с одной стороны, реализуют максимальную связность жилья и работы, с другой – обеспечивают открытость рынка труда. В итоге Новокузнецк оказался разбросан на огромной площади.

Для города характерна «чересполосица» участков селитебного и промышленного назначения. Эта проблема усугубляется применением градостроительной концепции, при которой: «в центре – жилье, по периметру – промышленность». Город всё время пытаются окружить плотным кольцом промышленных зон. В результате начинают осваиваться площадки за их пределами, когда в очередной раз внутренние селитебные территории исчерпываются. Не свободен от этих заблуждений и новый генплан.

Еще одна проблема – уже упоминавшаяся судьба частного сектора, который традиционно считают «временным пережитком» в ткани города. На него смотрят как на резерв для капитального строительства и практически не благоустраивают. В итоге целые поколения людей вырастают в «полусреде». А ведь индивидуальное жильё и хозяйство – идеальные условия для воспроизводства семьи!

Серьезная проблема Новокузнецка – это состояние и перспективы промышленных территорий. Часть жилой застройки (как размещаемой в соответствии с генеральным планом, так и существующей) попадает в санитарно-защитные зоны действующих предприятий. Трудноразрешима проблема уменьшения санитарно-защитных зон и приведения их к проектному уровню. Еще одна проблема – судьба бывших промышленных площадок, превращаемых в общегородские территории. Качество среды, возникающей на этих землях, оставляет желать лучшего. Для таких территорий нужны проекты реконструкции, включающие их в ткань города. Пространства внутри промышленных площадок используются нерационально (пустыри, отвалы, отсутствие внутренней планировочной структуры и коммуникационных коридоров). Необходимы правила землепользования и застройки, а также жёсткие управленческие меры, улучшающие использование промышленных зон. Один из главных ресурсов города – земельный – используется крайне неэффективно.

Итогом развития Новокузнецка является то, что город, представляя фактически систему посёлков при производствах, обладает очень низкой транспортной связностью. Нужны магистрали большой пропускной способ-

ности. Как правило, проектировщики пытаются изобразить город в виде компактного образования, замкнутого объездной автомобильной дорогой. На практике строительство участков объездных дорог затягивается, а повышение доступности территорий, прилегающих к уже построенным кускам, активизирует стихийный выход городской застройки на эти участки, включая земли за пределами указанных колец. При этом растёт плотность транспортных пересечений, уменьшающая связность городской территории. Эффект получается со знаком минус! Немногие градостроители имеют мужество проектировать поселение как открытую систему на пересечении магистральных коммуникаций. Именно так строятся американские и европейские города: путём создания мощных сквозных магистралей непрерывного движения с развитием ответвлений в сеть внутренних улиц. Те же города, которые продолжают упорно наращивать кольца, оказываются в транспортном коллапсе. К счастью, сложный рельеф Новокузнецка в какой-то степени защищает город от «радиально-кольцевого проклятья».

Приоритеты развития

Вывод, который можно сделать, заключается в том, что Новокузнецк является местом взаимодействия разных хозяйственных укладов и систем, осуществляющих сложный обмен ресурсами. Главные внутренние ресурсы, на которые следует делать ставку – это территория (земля) и люди. Возможность использования всех остальных ресурсов, в том числе полезных ископаемых и промышленности, определяется тем, в каком состоянии находятся эти главные ресурсы, поэтому приоритетными задачами развития являются рост капитализации земли и рост человеческого капитала.

SWOT-анализ Новокузнецка показывает, что основные недостатки вытекают из его индустриального наследия. Преимущества заключаются в значительных финансовых ресурсах, которыми он обладает по сравнению с другими городами (доходы бюджета на жителя в два раза выше, чем, например, в Омске). Возможности заключаются в том, что город, используя свои преимущества, может в обозримые сроки повысить капитализацию земли и увеличить человеческий капитал. Основные угрозы связаны с тем, что до этапа нарастания проблем этого может не случиться. Для городов такого типа рекомендуется так называемая «стратегия мангуста» – быстрое использование преимуществ, пока угрозы не проявились в полной мере.

Капитализация земли зависит от двух основных факторов: связности территории и интенсивности ее использования. Кардинально связность мож-

но повысить «мобилизационным» способом: приоритетным строительством магистрали непрерывного движения. Такая магистраль могла бы проходить через центральную часть города по левому берегу Томи к Абагуру. Возможны и другие варианты. От такого проекта, решающего проблему связности, можно выстраивать тактику дальнейшего развития города.

Целью разработки и внедрения механизмов развития, о которых упоминалось выше, является интенсификация использования земли и рост бюджетных поступлений за счёт предпринимательства. Они затрагивают социум, власть, производство, финансы. Организационно-правовыми элементами таких механизмов являются: регламенты проведения тендеров на использование ресурсов территории; регламенты и финансово-организационная инфраструктура осуществления инвестиционной и производственной деятельности; система правовых форм и финансовых гарантий пользования ресурсами территории; система управления доходами от использования ресурсов территории. Технологическими элементами таких механизмов являются соответствующие коммуникационные ресурсы и программные продукты. Если таких механизмов нет, власть после предоставления земель и услуг инженерной инфраструктуре теряет влияние на обустройство и развитие территории, процессы идут стихийно (при том, что ответственность на власти всё же остаётся).

Вопрос о росте человеческого капитала в Новокузнецке имеет свою специфику. Поскольку город в советский период не входил в высший уровень многоукладной хозяйственной пирамиды, инерция традиций диктует неблагоприятные стартовые условия. Для того чтобы повлиять на инновационную обстановку и уровень человеческого капитала, нужен проект, обладающий значительным ресурсным потенциалом. Новокузнецк обладает интеллектуальными ресурсами, однако они разрознены, и даже технопарк, с которым связывают надежды, вряд ли скоро изменит ситуацию. В стратегии развития Кемеровской области обозначены два вектора диверсификации региональной экономики: углубление передела сырья и развитие нового поколения горно-добывающей техники. Эти амбициозные задачи создания новых отраслей могут быть решены только через включение местных инновационных ресурсов в национальную инновационную систему. Каковы могут быть формы такого включения?

Если обратиться к современным инновационным площадкам России, (университеты, технопарки и др.), видно, что эти островки тонут в море ок-

ружающих их других хозяйственных укладов. Трудно найти инновационную площадку, имеющую весь «джентльменский набор» ресурсов (экспертных, инвестиционных, производственных, кадровых и др.), необходимых для обеспечения полноценной инновационной деятельности. В этих условиях активизируются процессы сетевого взаимодействия инновационных площадок разных территорий, обеспечивающие реализацию межрегиональных инновационных проектов. Иными словами, такие сети становятся точками роста для рынков инноваций.

Для Новокузнецка можно предложить проект технологии включения инновационных площадок в формирующиеся глобальные инновационные сети. Этот проект затронет в том числе и агломерацию города. Такой сценарий наиболее адекватен имеющимся возможностям и может обеспечить приток инновационных ресурсов, а также рост и закрепление человеческого капитала. Проект такой технологии, разрабатываемый Международным институтом стратегического планирования, можно посмотреть на его сайте [11].

Таким образом, Новокузнецк за счёт имеющихся средств имеет шансы реализовать крупные инфраструктурные проекты, которые заложат основы привлечения ресурсов и повысят конкурентные преимущества города.

Список литературы

1. Попов, С. В. Современная ситуация в России. Процесс самоколонизации городов. Возможные варианты действия городских властей в этих условиях [Текст] : стенограмма проблемного семинара / С. В. Попов. – Омск : Юг, 1997. – 16 с.
2. Рыженко, Л. И. Методы управления развитием поселений [Текст] : моногр. / Л. И. Рыженко. – Омск : СибАДИ, 2010. – 396 с.
3. Дусь, Ю. П. К формированию модели движения человеческого капитала в современном обществе [Текст] / Ю. П. Дусь, В. И. Разумов, Л. И. Рыженко // Вестник УГТУ–УПИ. – 2010. – № 2. – С. 11–23.
4. Рыженко, Л. И. Внутренние вызовы России в контексте взаимодействия «город – село» [Текст] / Л. И. Рыженко // Известия Саратовского университета. – Сер. Философия. Психология. Педагогика. – Вып. 1. – 2010. – Т. 10. – С. 33–38.
5. Слесарева, Е. В. Институциональные реформы в сфере образования в России и за рубежом (теория и практика) [Текст] : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Е. В. Слесарева. – СПб., 2005.
6. Бердяев, Н. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности [Текст] / Н. Бердяев // Русская идея. – М. : Эксмо; СПб. : Мидгарт, 2005. – 832 с.
7. Яременко, Ю. В. Экономические беседы [Текст] / Ю. В. Яременко; запись С. А. Белановского; Центр исследований и статистики науки. – М., 1999. – 344 с.
8. Разумов, В. И. Баланс и специфика функций города и села в общественном воспроизводстве [Текст] / В. И. Разумов, Л. И. Рыженко // Вестник Омского ун-та. – 2009. – № 4. – С. 21–29.
9. Концепция стратегического развития города [Текст]: грант № МОО 0412 / А. А. Колоколов и др.; администрация г. Омска; фонд «Евразия». – Омск, 2002. – 100 с.

10. Рыженко, Л. И. Методологическая основа концепции стратегического развития города Ишима и Приишимья [Текст] / Л. И. Рыженко и др. // Стратегический потенциал Приишимья. Миссия города Ишима / под ред. В. А. Рейна // Научный альманах. – № 1. Ишим, 2005. – С. 11–19.
11. Международный институт стратегического проектирования [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://thoughttring.com>.

Н. А. Томилов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Сибирский филиал Российского института культурологии, г. Омск

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье обосновывается особая значимость памяти для развития современного российского общества; описываются функции историко-культурного наследия и моделируется его роль в сохранении культурной памяти.

Историко-культурное наследие любого общества, каждой страны и её регионов включает в себя многие компоненты. Это прежде всего памятник, который является предметным результатом творческой человеческой деятельности и отражает историю и культуру. Группа таких памятников, которые связаны исторически или композиционно, образует ансамбль памятников. Такие ансамбли могут составлять старинные части города (или весь город целиком, как, например, Суздаль), ансамбли площадей и улиц городов и селений, дворцово-парковые и храмовые комплексы. В историко-культурное наследие входят, кроме этого, музеи, библиотеки, архивы, коллекции учреждений и частных лиц, а также явления духовной и материальной культуры в целом (народные и профессиональные).

Необходимость продолжения поисков и разработок в изучении историко-культурного наследия связана с той существенной ролью, которую оно сохраняет (а где-то и увеличивает) в современном обществе. И нам приходится уже не раз утверждать, что центрально-системное положение культуры в жизни человечества определяется тем, что «...культура – это не просто материальные, соционормативные и духовные ценности, но прежде всего способы жизнедеятельности человечества и всех его отдельных общностей» [2, с. 25–26; 5, с. 159]. Культура пронизывает все области человеческой деятельности (скажем, производство, социальную сферу и т. д.), интегрирована и функционально связана с состоянием общества, его политикой, экономикой

и социальной сферой. Есть более узкое понимание культуры, когда в неё включают науку, образование, просвещение, искусство, религию, культурно-досуговую деятельность, нормы поведения, созданные людьми материальные явления и предметы и т. д. Управленческий же подход к культуре ещё более сужает её сферу, включая в неё в основном искусство, просвещение, образование в сфере культуры и культурно-досуговую деятельность. Учитываются нами и современные представления о множественности культур, которые в научном плане развиваются К. Э. Разлоговым и в целом его научной школой (3, с. 84–91).

Историко-культурное наследие человечества, сосредоточенное в народных и профессиональных формах в памятниках, музеях и в собраниях разных общностей, коллективов, учреждений и отдельных лиц в современном мире – это не собрание ненужных сегодня предметов, которое лишь даёт информацию о прошлом, в том числе о культуре, социуме и исторических процессах. Оно играет значительную роль и в современной жизни человечества. Фактически это часть настоящего и будущего бытия. Назовём некоторые социальные функции этого наследия, о которых автору данной статьи приходилось приходилось писать и ранее [6, с. 78–81; 4, с. 28–31].

Функция документирования – через материальные результаты творческой человеческой деятельности доказываются явления и процессы в обществе и его культуре.

Функция интеграции – обеспечивает связи между современной социокультурной действительностью и социокультурными явлениями прошлых эпох. Историко-культурное наследие через эту восполняющую функцию тесно связано с культурой современного общества и входит в неё как часть системы, часть целого.

Функция идентификации – вызывает осознание людьми сходства и различия современных социокультурных систем с прошлым. Это поиск знаков (социокультурных знаков), соответствующих современному социокультурному образу.

Коммуникационная функция – способствует пониманию и общению людей в рамках хронологической глубины истории человечества и его культуры, способствует восстановлению (или установлению) взаимопонимания между поколениями, между социумами разных культур, между конфессиями и т. д.

Консолидирующая функция – объединяет, сплачивает те общности, внутри которых в результате постоянного культурного взаимодействия возрастает культурная однородность, и те общности, которые в результате культурного обмена увеличивают объём общих культурных явлений.

Дифференцирующая функция – разделяет человечество по социокультурным границам, сохраняет возможность существовать человечеству и его общностям как системам с разными историко-культурными ценностями и установками.

Созидательная функция – увеличивает объём участия историко-культурных ресурсов в развитии общества, в том числе через проведение научных исследований прикладного характера и увеличение объема самих историко-культурных ресурсов.

Мировоззренческая функция – формирует установки людей на общность человечества и его многообразие в социокультурной среде, формирует систему обобщенных взглядов на историю и мир культуры.

Познавательная (научно-исследовательская) функция – дает возможность моделирования исторических и историко-культурных процессов, возможность воспроизведения прошлой действительности в мышлении людей (итог: новое знание).

Образовательная функция – передаёт людям знания об историко-культурном прошлом через информативную значимость предметов и памятников; помогает более полноценно через предметность и наглядность историко-культурного наследия усваивать систематизированные знания.

Эстетическая – формирует вкусы в сфере красоты и ценностные оценки художественной деятельности людей.

Экономическая функция – увеличивает ценности человечества, в том числе в финансовом исчислении, позволяет (и даже вызывает необходимость) использовать историко-культурные ресурсы на благо людей, в том числе и с целью дальнейшего наращивания ценностей.

Политическая функция – позволяет использовать историческое социокультурное наследие для доказательства объективных политических процессов и явлений в этнической истории, позволяет использовать ресурсы этого наследия в сфере отношений между разными социумами (общностями, группами) и в сфере формирования государственной деятельности, определения ее форм, направлений, задач и содержания.

Воспитательная функция – вызывает уважение к прошлому человечества и его народов, развивает патриотические установки и чувства, направляет духовное развитие личности, действует против дестабилизации исторической памяти молодых поколений.

В современном периоде жизни человечества основная задача ученых и работников культуры состоит в усилении действия комплекса социальных функций историко-культурного наследия каждой страны. Подчеркнём, что вышеназванные социальные функции относятся и к народной (традиционно-бытовой) культуре городского населения.

В Российской Федерации в условиях преодоления социально-экономического и отчасти мировоззренческого и интеллектуального кризиса и создания базы для стабильного развития российского общества большую значимость в современных ситуациях социальной и культурной жизни страны приобретают мировоззренческая, коммуникационная, политическая, воспитательная, эстетическая и созидательные функции историко-культурного наследия. Основные виды действия этих функций – это музейная работа, научно-пропагандистская деятельность учёных, работа археологических, историко-краеведческих, искусствоведческих и этнографических научных кружков и студий в системе высшего и среднего образования, развитие исторического краеведения и др. Научную базу для повышения эффективности действия вышеназванных функций составляет успешное развитие археологических, историко-краеведческих, искусствоведческих, культурологических и этнографических исследований.

Сегодня нет важнее задачи, чем задача укрепления социально-политической общности россиян. В. В. Путин отмечает, что «духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность». И далее его мнение о единстве страны и роли в этом историко-культурных ценностей: «Убеждён, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом экономических и политических отношений».

Итак, формирование установок россиян на их единство и единство страны – сегодня чрезвычайно важная задача. И в связи с этим представляется, что необходимо значительно увеличить инвестиции всех уровней (федерального, региональных и муниципальных) в программы и проекты, связанные с развитием в обществе роли историко-культурного наследия и с увеличением объёма работ в этом значимом деле со стороны науки.

Учёные всегда проповедовали теорию прогресса. Известный политолог И. А. Василенко в 1998 г. так писала о необходимости концепций прогресса для формирования оптимизма в российском обществе: «Традиции русского нравственного максимализма, направленные на воскрешение идеалов Истины, Добра и Красоты, восстанавливают суверенитет нравственного сознания, способного убеждать и воодушевлять. Только наука, возобновившая союз с ценностными сферами культуры, в состоянии сегодня генерировать альтернативные концепции прогресса» [1, с. 295].

Новый путь, по которому сегодня идёт Россия, закономерно необходим. Но на этом пути значительную роль играют память и историко-культурное наследие. И это нужно учитывать постоянно во всех сферах жизнедеятельности россиян.

Список литературы

1. Василенко, И. А. Альтернативные концепции прогресса [Текст] / И. А. Василенко // Вестник Российской академии наук. – 1998. – Т. 68. – № 4. – С. 291–295.
2. Традиционно-бытовая природно-средовая культура народов Сибири, её место в этнологии и этнической экологии / А. И. Казанник, С. Ф. Татауров, К. Н. Тихомиров, Н. А. Томилов. – Омск : Изд-во ОмГПУ; Наука, 2008. – 214 с.
3. Разлогов, К. Э. Истоки и основания культурологии [Текст] / К. Э. Разлогов // Культурология – культурная политика – развитие. – М., 2001. – С. 84–92.
4. Томилов, Н. А. Роль историко-культурных ресурсов музеев в процессах стабильного развития российского общества [Текст] / Н. А. Томилов // Человек, культура и общество в контексте глобализации. – М., 2007. – С. 28–31.
5. Томилов, Н. А. Северо-азиатская культурная провинция и её место в ареалах российской и мировой цивилизации [Текст] / Н. А. Томилов // Россия и Восток: история и культура: материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». – Омск, 1997. – С. 158–166.
6. Томилов, Н. А. Социальная значимость музейного историко-культурного наследия [Текст] / Н. А. Томилов // Словцовские чтения-2006: материалы XVIII Всерос. науч.-практ. краеведческой конф. (13–17 ноября 2006 г., Тюмень) / под ред. Т. М. Исламовой. – Тюмень, 2006. – С. 43–45.

А. Н. Шептухин, П. С. Линиченко

ГОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет»,
г. Самара

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ ИМИДЖА И БРЕНДА МОНОГОРОДА

В статье рассматриваются аспекты разработки имиджа и бренда города на примере самого крупного моногорода России – г. Тольятти.

Мировой экономический кризис, а также кризис в экономике и социальной сфере в РФ выявили множество структурных и территориальных проблем российской социально-экономической системы. Наиболее остро они сказались на положении монопрофильных городских поселений – моногородов, созданных на базе градообразующих предприятий, в которых, как в капле воды, отразились проблемы всей российской экономики.

Следствием кризиса явились спад объемов производства, нестабильность государственных заказов, хронические неплатежи. Всё это привело к тому, что большинство градообразующих предприятий в моногородах оказалось в критическом положении. Ситуация осложнилась ещё и тем, что большинство предприятий уже свернули все свои социальные программы. Серьезнее всего пострадали те узкоспециализированные города, в которых проживает большая часть населения (Тольятти, Набережные Челны, Нижний Тагил, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий). Под угрозой оказалось само существование многих монопрофильных городов, поскольку их экономика зависит от «экономического здоровья» предприятий, подвергающихся в условиях кризиса значительным рискам, которые и определяют судьбу целого города и его населения.

Не существует единых рецептов нормализации ситуаций в моногородах. Для каждой территории должен быть свой план. Так, в Минрегионе России считают, что самые проблемные города (5 % всех моногородов) не смогут обойтись без вмешательства федеральных властей. Проблемы 15 % городов должны решать регионы. Большинство остальных моногородов должно будет в решении проблем опереться на муниципалитеты.

На региональном уровне проблемы моногородов возможно решить при помощи корпораций развития регионов. Этот инструмент в последние годы эффективно используется, например, Калужской областью, Республикой Саха (Якутия) и др. Муниципальные власти должны создавать бизнес-

инкубаторы, муниципальные фонды поддержки малого бизнеса, поддерживая предпринимательскую инициативу населения вне градообразующего предприятия. Кроме того, ставка на грамотный маркетинг и брендинг города может стать двигателем его экономического развития по новому сценарию, как это произошло, например, в Мышкине и Великом Устюге.

Тольятти (до 1964 г. Ставрополь) – крупнейший моногород в России и второй по величине город в Самарской области, в котором сосредоточен мощнейший промышленный, инфраструктурный и кадровый потенциал региона. Градообразующим предприятием города является ОАО «АВТОВАЗ». В 2009 г. численность его работников достигла 27,5 % от числа экономически активного населения, а его доля в общем объёме отгруженных товаров составила 53,6 %. Также в городе расположено множество предприятий по производству автокомпонентов и материалов, заводы цементного машиностроения, судоремонтно-механический, трансформаторный, противопожарного оборудования, завод защитных покрытий и пластмасс. Хорошо развита в Тольятти химическая промышленность: здесь крупнейший в мире производитель аммиака, завод минеральных удобрений, завод синтетического каучука. Имеются предприятия лёгкой (швейно-трикотажная фабрика) и пищевой (хлебо- и молокозаводы, мясокомбинаты, комбинат шампанских вин и коньяков, ликероводочный завод, винзавод, завод по производству молочных продуктов) промышленности, полиграфические предприятия, развито производство стройматериалов (бетонные и кирпичные заводы, предприятия деревообработки).

В 2009 г. мировой финансовый кризис оказал глубокое негативное влияние на функционирование промышленного комплекса Тольятти. Индекс промышленного производства составил 56,4 % к уровню 2008 г. Спад производства в 2009 г. в наибольшей степени обусловлен сокращением объёмов выпуска продукции ОАО «АВТОВАЗ» и смежными с ним предприятиями.

Рассмотрим некоторые аспекты разработки имиджа и бренда моногорода Тольятти с учётом сложившейся ситуации.

Одной из главных задач стратегического планирования моногорода является снижение неопределённости будущего путём прояснения, согласования действий заинтересованных участников городского развития. Городской флагман, основной бренд г. Тольятти – «АВТОВАЗ» – больше в прошлом, чем в будущем. Чтобы решить проблемы моногорода, надо определить его конкурентные преимущества и возможности в рамках SWOT-анализа.

Тольятти обладает рядом *сильных сторон и преимуществ*. В их числе: заинтересованность его жителей в инновациях; открытость для внешних связей через каналы бизнеса (особенно автомобильного) и культуры (имеются в виду как межнациональные связи внутри России, так и международные с городами-побратимами и городами-партнёрами); наличие трудового, производственного, научно-образовательного и транспортно-инфраструктурного потенциала; высокий инвестиционный рейтинг региона; развитие креативных индустрий, гостеприимство.

Важным моментом в формировании имиджа города является уровень жизни и вследствие этого социальная стабильность, что имеет огромное значение для его гостей. Нельзя исключать из числа достоинств Тольятти местный природный и исторический потенциал – комфортные климатические условия, горы Жигули, выгодное территориальное расположение на реке Волге, богатую природу как за пределами города, так и в городской черте. Положительную роль оказывает и исторически сложившийся образ Средневожья: его легенды известны в России и во всём мире, а его современная история подтверждает статус уникальной территории. Достаточно вспомнить легенды о Самарской Луке – аномальной зоне российского масштаба, о Мирном городе – городе-призраке, и многие другие. В Тольятти накоплен большой опыт проведения культурных, спортивных и деловых мероприятий все-российского и международного масштабов, есть необходимые для этого ресурсы, подготовлена инфраструктура транспорта, связи, размещения и обслуживания.

Возможности города: потенциал для развития автомобильного рынка России; организация высокотехнологичных производств, являющихся национальными и региональными приоритетами; площадка для реализации приоритетных национальных проектов, целевых программ федерального и областного уровней.

Однако у города Тольятти есть и *слабые стороны*. К ним относятся: моноотраслевой тип экономики, низкая конкурентоспособность ОАО «АВТОВАЗ» и автокомпонентных предприятий города, низкая доля малого и среднего бизнеса, высокий износ жилого фонда, наличие экологически опасных объектов, миграция высококвалифицированных кадров, недостаточный уровень развития инновационных и информационных технологий на предприятиях. Существуют следующие *угрозы* для города: усиление конку-

ренции на мировом и внутреннем рынке, рост безработицы, снижение доходов населения, рост тарифов естественных монополий.

На основе SWOT-анализа следует выбрать приоритетные направления специализации моногорода. Таковыми для г. Тольятти являются:

- внедрение современных информационных технологий в автомобилестроение, двигателестроение, авиационно-космическую и нефтехимическую отрасли;
- разработка и внедрение инновационных технологий в промышленное производство;
- создание программного обеспечения в области стратегических информационных технологий, включая компьютерное моделирование технологических процессов;
- подготовка специалистов технического профиля.

Как уже отмечалось выше, для моногорода характерна миграция высококвалифицированных кадров вследствие низкой удовлетворённости их интеллектуальных и культурных потребностей, неясного и непривлекательного будущего для их детей. Для удержания инновационно-активной части населения и привлечения наиболее грамотных специалистов в город необходим новый бренд территории, подкреплённый реальной программой действий в рамках стратегического плана развития моногорода. В целях повышения узнаваемости города и привлечения как российских, так и иностранных инвесторов очень важно и необходимо формировать и продвигать его имидж.

Цель разработки бренда моногорода не ограничивается лишь борьбой за качественные трудовые ресурсы. Традиционно выделяют четыре целевые группы: 1) высококвалифицированные специалисты и управленцы; 2) инвестиционные ресурсы и инвесторы; 3) жители, которые формируют потребительский спрос и от инновационной активности которых, в том числе, зависит качество жизни в городе; 4) туристы, формирующие потребительский спрос.

Для промышленного моногорода целевые группы для брендинга закономерно меняются. Основные направления брендинга могут быть следующие:

- а) бренд для местного населения – социально привлекательный город с ясным положительным будущим для детей;
- б) бренд для высококвалифицированных кадров – лучшее место для реализации интеллектуального потенциала;

в) бренд для внешнего инвестора – лучшая площадка для развития производства.

Согласно исследованиям российских и зарубежных авторов, с целью удержания жителей и привлечения в город новых необходимо:

- формировать имидж города с ясным положительным будущим для детей нынешних жителей;
- позиционировать город как экологически благоприятный для работы;
- привлекать студентов в высшие и средние специальные учебные заведения города;
- позиционировать город как место максимальной реализации интеллектуального и управленческого потенциала.

Ключевыми направлениями бренда «Тольятти – социально привлекательный город» могут быть:

1. Повышение интеллектуального потенциала молодёжи и населения. Целенаправленная работа в данном направлении является плацдармом для развития предпринимательства, конкурентоспособности детей и молодёжи (как внутри, так и за пределами города), повышения привлекательности территории как места обитания и территории для инвестиций;
2. Решение проблем с экологией. Несмотря на значительные усилия местных властей в решении ряда экологических проблем и широкое освещение проводимых мероприятий в средствах массовой информации, требуется формирование механизмов воздействия исполнительной муниципальной власти на промышленные предприятия. Существует потребность в экономическом механизме стимулирования промышленных предприятий в решении проблем экологии;
3. Развитие предпринимательства. Развитие малого и среднего бизнеса в сфере торговли и платных услуг является фактором, способствующим повышению качества жизни населения.

Наиболее часто бренд территории ассоциируют с привлечением туристов. Причины этого очевидны: туристы обеспечивают входные финансовые потоки, оплачивают номера в гостиницах, питание в ресторанах, билеты, сувениры и т. д. Кроме того туристы являются носителями информации о городе. Одним из важнейших аспектов активизации интереса к городу Тольятти как туристически привлекательному месту является его имидж – образ, создаваемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массо-

вой коммуникации с целью формирования определённого отношения к объекту.

Особое внимание следует уделить нейтрализации тех проблемных позиций, которые, к сожалению, характерны для моногорода. Необходимо предусмотреть мероприятия по устранению отрицательного имиджа, проводимого некоторыми СМИ (в том числе местными), когда город представляют как криминализированный, наркотизированный, экологически неблагополучный (что верно лишь частично) и как город с неразвитой культурой (что также отчасти верно). Следует выявить мотивы, исходя из которых формируются подобные представления. Одним из мотивов, как следует полагать, является желание некоторых региональных и российских структур опережающим образом ослабить развитие Гольятти как потенциального конкурента на областном и российском рынке товаров и особенно услуг.

Необходимо сосредоточить усилия на повышении чистоты воды и атмосферного воздуха, повышении экологического благополучия в целом, достижении такого уровня качества городского хозяйства, которое удовлетворило бы и жителей, и гостей города.

Особое внимание необходимо уделить повышению внутренней культуры жителей города, пропаганде бережного отношения к объектам быта и культуры и контролю за их состоянием. К сожалению, «официальная» городская культура мало внимания уделяет такому важному аспекту, как формированию «легенды места», т. е. комплексному представлению об уникальности города, целостности его истории, современности и будущего. Необходимо качественно изменить систему экскурсионного обслуживания. Условия, в которых рождался город, привели к тому, что в нём только недавно стали появляться достопримечательности, своего рода «культовые места», связанные с какими-то значимыми для города личностями и событиями. Поэтому особое внимание необходимо уделить поиску и внедрению имиджевых идей и проектов. Требуется изменения и позиция архитекторов по формированию внешнего облика нашего города. Необходимо очистить от мусора городскую лес и поддерживать его чистоту, усовершенствовать систему визуальной информации (указатели, информационные щиты и др.).

Важно повысить культуру обслуживания в ресторанах, гостиницах, такси и других службах, с которыми в первую очередь сталкиваются гости города. Необходимо предусмотреть мероприятия по повышению комфортности пребывания в городе иностранцев, приближению культуры туристского

сервиса к европейским стандартам. Необходимо развивать народные ремёсла и промыслы, производство спортивного и туристского инвентаря, сувенирной продукции.

Пока ещё главным брендом Тольятти остается «АВТОВАЗ», но он постепенно будет уходить на второй план. Одним из самых ярких туристических брендов может стать лесная зона. Тольятти чуть ли не единственный город в мире, который фактически стоит в лесу. Возможны три направления брендинга города в сфере туризма:

- 1) спортивный событийный туризм;
- 2) паломнический туризм;
- 3) медицинский и реабилитационный туризм.

Для города, расположенного в живописных местах, можно рекомендовать активное развитие спортивного туризма: проведение авторалли, мототуризм, яхтинг, экологические тропы для вело- и пешеходного туризма.

В ближайшей перспективе в Тольятти может появиться новый бренд. Город основан в 1737 г. Василием Татищевым как город-крепость для защиты русских земель от набегов кочевников и переселения крещёных калмыков. В Комсомольском районе города планируется возвести крепость, символизирующую собой ту, с которой начался Ставрополь-на-Волге. Идею создания такого объекта высказывают специалисты отдела предпринимательства и туризма мэрии. Она и может стать успешным брендом, служить отправной точкой для всех городских мероприятий. Для примера: в Ульяновске восстановлена небольшая часть Симбирской засечной черты, и она уже стала традиционным местом самых разных праздников. В Тольятти пока такого места нет, потому-то и планируется его создание. Возможно, внутри крепости при этом разместится информационный центр для туристов.

Определив и обнародовав программу развития туризма, нет смысла надеяться на значимую активизацию местного населения в целях реализации стратегических планов развития города. Опыт показывает, что необходимо привлекать внешних инвесторов со стороны, тиражирующих бизнес. И только по мере накопления опыта местное население включится в развитие туристического бизнеса. Очевидно, что для привлечения инвесторов недостаточно только одной рекламы территории. Позиционирование территории в качестве инвестиционно привлекательной площадки для открытия бизнеса должно сопровождаться построением адекватной инфраструктуры. С этой целью в городе необходимо развивать социальную инфраструктуру европейского

уровня, формировать готовые площадки для открытия бизнеса, как это и делается сейчас в Тольятти.

В основе решения проблем моногородов лежит возобновление экономического роста. В Тольятти, в частности, необходимо решить следующие приоритетные задачи:

- диверсификацию и модернизацию экономики на новой технологической основе;
- создание импортозамещающих производств;
- создание новых высокопроизводительных высокотехнологичных рабочих мест;
- повышение инвестиционной привлекательности;
- создание благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства;
- обеспечение эффективной занятости и роста доходов населения;
- увеличение доходной базы муниципального бюджета;
- налаживание эффективного межмуниципального взаимодействия.

Подводя итог, следует отметить несколько настораживающую тенденцию, когда в России под брендингом территории подразумевают активную рекламную компанию, ориентированную на внешних контрагентов. Бренд территории в идеале должен определяться в период формирования стратегии её развития и неукоснительно подкрепляться реальными действиями по формированию заявленной промышленной, социальной или туристической инфраструктуры. Только в этом случае можно надеяться на формирование долгосрочного бренда, способного окупить вложенные в его продвижение инвестиции. При создании бренда можно использовать следующие основные способы: символика города; рекламные брошюры, сувенирная продукция, Интернет; СМИ (местные, региональные, федеральные); событийный маркетинг; городская архитектура; имидж администрации города.

Л. И. Шептухина, Е. И. Фадеева

ГОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет»,
г. Самара

РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНЫХ ОТРАСЛЕЙ ИНДУСТРИИ В МОНОГОРОДЕ

В статье исследуются проблемы развития креативных отраслей индустрии в городах на примере самого крупного моногорода РФ – г. Тольятти, рассматривается сложный процесс его перехода от индустриального к творческому городу, городу – центру инноваций.

В последние десятилетия весь мир переживает бум информатизации. В процессе перехода от «индустриального общества» к «обществу информационному» происходит кардинальное изменение способов производства, межгосударственных отношений, мировоззрения людей. Новый взгляд на культуру сложился в урбанистической политике. Теперь её считают одним из мощных факторов роста, создающим новые рабочие места, способствующим возрождению города и обновлению его индивидуальности [1].

Взаимосвязь между секторами культуры и производства в XXI в. признана основным источником экономического роста и конкурентоспособности. Слияние современных креативных (творческих) и экспериментальных подходов, типичных для искусства и предпринимательства, порождает инновационные, эффективные идеи в области бизнеса. Способность креативных индустрий создавать стиль и разрабатывать дизайн в сочетании с навыками маркетинга помогает преобразовывать более крупные производства, позволяя им выдержать становящуюся всё более глобальной конкуренцию.

Города как модель общественного устройства претерпевают все катаклизмы «эпохи перемен» и сегодня стоят перед проблемами деструктурирования и дезорганизации жизнедеятельности. Но начало третьего тысячелетия несёт им новые возможности. Принципиально новая концепция общественного развития, основанная на понимании творчества как ведущего фактора развития постиндустриальной экономики, способствовала возникновению новых подходов в управлении городом.

Концепция креативных индустрий как новой экономической модели развития городов известна в Европе уже более двадцати лет. Творческие индустрии с 1998 г. – приоритет государственной политики Великобритании. После 2000 г. программы их развития разворачиваются в Восточной Европе, Юго-Восточной Азии, Латинской Америке. Однако в России о творческих

индустриях заговорили лет семь назад. Это направление получило развитие у нас в стране во многом благодаря одной из программ Института культурной политики.

Сегодня потенциал культурной политики задействован как мощный инструмент возрождения городов. Культурная политика влияет на типологию городов и позволяет поддерживать их конкурентоспособность, выступать инструментом для создания их новых образов – брендов. Революционным явлением урбанистического процесса стал факт превращения культуры из вторичного феномена в важный градообразующий фактор. Примеры из опыта Хельсинки, а также Манчестера и других традиционно-индустриальных городов показывают, что в современном городе ключевым фактором оздоровления городской экономики становятся *креативные (творческие) индустрии и креативная экономика*, благодаря которым у городов появляются новые возможности для развития [2].

Так называемая «креативная экономика» – развивающаяся концепция, основанная на потенциале «творческих активов» производить социально-экономический рост и развитие в глобализированном мире, который во всё возрастающих масштабах доминирует в изображениях, звуках, текстах и символах. Креативная экономика – новый этап развития экономики знаний, когда фундаментом экономического богатства становится творческий и интеллектуальный капитал. Её основой являются *креативные (творческие) индустрии* – сектор экономики, создающий продукты на основе творчества и культурных ресурсов.

Иначе говоря, креативные индустрии находятся на пересечении искусства, культуры, бизнеса и технологий, а также использования интеллектуального капитала как их начального импульса. «Креативные индустрии» – это термин, используемый для обозначения такой предпринимательской деятельности, при которой экономическая ценность продукции неразрывно связана с её существованием в качестве элемента культуры [3]. К креативным индустриям относится вся деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которая несёт в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности. Они формируют сектор экономики, который специализируется на производстве и распространении знаний и информации.

Именно через призму культуры надо рассматривать сегодня городское развитие. В этом смысле креативные индустрии являются источником инноваций, они делают как культуру, так и экономику города конкурентоспособными. В их сфере традиционная мощь классической культуры объединяется с «добавленной ценностью», создаваемой предпринимательским умением и использующим новые знания талантом работы с электронными и иными современными средствами коммуникации.

Креативные индустрии способны вносить свой вклад в экономическую деятельность классических гигантов культуры, но всё же основное внимание они уделяют культуре современной, потому что без эксперимента, без вовлечённости в современную действительность никакая культура не может сохранять жизненные силы и обновляться. К их числу относятся как новые высокотехнологичные отрасли, так и традиционные отрасли культуры: дизайн, кинематограф, видео, музыка, издательская деятельность, изобразительное искусство, народное творчество, СМИ, организация отдыха, видеоигры, мультимедиа и т. п. [1].

Креативные индустрии складываются из следующих элементов [3]:

- крупные коммерческие предприятия, настоящие «индустрии», такие как телевидение, издательства, звукозаписывающие фирмы или Интернет-корпорации;
- малые и средние творческие предприятия, которые являются неотъемлемой частью творческой экономики и часто группируются вокруг крупных компаний или вокруг туристической индустрии, или складываются в городские творческие кластеры;
- негосударственные некоммерческие организации, относящиеся к третьему сектору, где часто сосредоточены значительные творческие и менеджерские силы и осуществляются инновационные культурные проекты;
- государственные и муниципальные организации культуры – архивы, театры, библиотеки, музеи, концертные организации и т. д., обладающие значительными, хотя и не всегда востребованными ресурсами развития творческой экономики;
- независимые творческие профессионалы, которые мигрируют между этими секторами и образуют подвижную творческую среду.

К сожалению, сегодня в большинстве городов нашей страны основной упор при финансировании культуры и создании образа города почти всегда

делается на наследии далекого прошлого, а современное, экспериментальное искусство остается в тени. Городам России надо воспользоваться опытом западно-европейских городов, в частности, Манчестера, Хельсинки, Милана, Берлина, Барселоны, Лондона. В этих городах была переосмыслена роль культуры. Разумеется, культуру нужно любить и беречь и как источник вдохновения, и как основу самоидентификации, но в то же время надо уметь её оценить и, главное, использовать возможности и потенциал этого сектора как источника экономического роста и оздоровления экономики современного города.

Уже давно признано, что в процессе реструктуризации экономики малое предпринимательство играет особую роль. Оно становится двигателем развития городов и в период кризиса. Малые независимые предприятия и фирмы (химчистки, парикмахерские, прачечные, ремонтные мастерские и другие предприятия сферы услуг) создают рабочие места, удовлетворяя первоочередные потребности жителей города. Они обеспечивают доход людям, работающим на этих предприятиях, что вдыхает жизнь в переживающие упадок районы. С другой стороны, малые предприятия, тесно связанные с культурой – такие как галереи, арт-кафе, дизайнерские студии, салоны мод и пр. – неповторимы, имеют своё лицо, создают особую атмосферу и обслуживают не только местных жителей, но и приезжих, привлекая в город дополнительные средства. Туризм, основанный на традиционных культурных достопримечательностях города, но поддержанный и расширенный благодаря малым предприятиям, работающим в сфере культуры, стал новым источником доходов в ряде городов и помог заполнить вакуум, образовавшийся в результате сокращения традиционных производств [4].

Гибкость малых компаний, их способность чутко реагировать на тенденции рынка дает им возможность выживать, приспособившись к переменам, а способность создавать новое, что является основой их существования, может внести значительный вклад в модернизацию устаревшей крупной промышленности. Опыт совсем недавнего прошлого доказывает, что среда малого предпринимательства обретает совершенно новое измерение в городах, где активно развивается современное искусство. Хорошие художественные школы и интенсивная, обращённая к современности артистическая жизнь создают благоприятную почву для экспериментов в области дизайна и стиля, которые, в свою очередь, становятся такими же обязательными ком-

понентами для успешного производства, как оригинальное содержание и сценарий для мультимедийного и телекоммуникационного бизнеса.

С 2003 г. в России осуществляется совместная программа Совета Европы, Министерства культуры РФ и Института культурной политики (ИКП) под названием «План действий для России». Один из двух составляющих её пилотных проектов посвящён развитию в России творческих индустрий. В феврале 2004 г. при участии ИКП был создан Координационный совет по развитию творческих индустрий в России. В начале 2004 г. в Санкт-Петербурге было зарегистрировано в качестве самостоятельного юридического лица Некоммерческое партнерство «Центр развития творческих индустрий». Его создание стало возможным благодаря проекту «Партнерство по развитию творческих индустрий», в котором приняли активное участие правительства городов Санкт-Петербурга, Хельсинки и Манчестера.

Многие мировые города, такие как Нью-Йорк, Париж или Лондон, процветают благодаря развитию именно творческих индустрий. В России этот процесс только зарождается. Помимо Санкт-Петербурга, это направление стали осваивать также в городах Москве, Тольятти, Екатеринбурге и в некоторых регионах – Карелии, Московской, Архангельской и Рязанской областях, где начали функционировать первые консультационные агентства, работающие на развитие творческих индустрий, культурного туризма, информационных технологий.

Их миссия – обучать лидеров, претворять в жизнь творческие идеи, проекты, мечты. Целями функционирования этих агентств являются: выведение творческих идей и проектов на рынок; создание инкубационных условий для эффективного старта и развития; развитие культурного туризма, творческих индустрий, информационных ресурсов в городе и регионе. Функциями агентств культурного развития являются:

- консультирование руководителей проектов, бизнес-организаций, органов власти;
- обучение созданию проектов, привлечению общественного мнения, созданию и выводу продуктов на рынок, управлению организацией, людьми, финансами;
- сопровождение проектов и их лидеров на долгосрочной основе;
- проведение картирования территорий, ресурсов, ценностей;
- разработка творческих проектов и программ культурного развития.

Рассмотрим опыт Тольятти в области развития креативных индустрий. Город Тольятти – молодой индустриальный город в Самарской области, в котором проживает 720,3 тыс. человек. Он является самым крупным моногородом России. Социально-экономическая ситуация здесь находится в высокой зависимости от деятельности градообразующего завода – ОАО «АВТОВАЗ». В 2009 г. был разработан комплексный инвестиционный план модернизации Тольятти, который позволит городу уйти от монопроизводства. Объем финансирования инвестиционной программы на период с 2010 до 2020 гг. из средств бюджетов всех уровней и внебюджетных источников составит 143,6 миллиарда рублей. В частности, предполагается финансирование программы за счёт средств федерального и областного бюджетов – в размере 38,4 и 5,1 миллиардов рублей соответственно, местного бюджета – 72,9 миллиона рублей и внебюджетных источников – 100 миллиардов рублей. Предполагается, что реализация плана обеспечит снижение доли ОАО «АВТОВАЗ» в общем объёме промышленного производства Тольятти с 57,7 % (в 2008 г.) до 32,0 % к 2020 г. В то же время этот индустриальный моногород обладает огромным творческим потенциалом и ресурсами для развития творческого бизнеса и туризма. В пользу этого говорят большое количество высших учебных заведений в городе, в том числе и тех, которые выпускают специалистов творческих специальностей: дизайнеров, журналистов, актеров, специалистов по рекламе, музыкантов, художников, архитекторов.

Культурное наследие Тольятти и традиции искусства несут в себе отличные возможности для города как развитого центра культуры. В нём уже создано достаточно много разных творческих предприятий, которые вносят свой вклад в экономическую и социальную жизнь города. Сегодня в Тольятти работают три профессиональных театра: государственный драматический театр «Колесо», муниципальный театр кукол «Пилигрим», театр юного зрителя «Эксперимент». Кроме того функционирует множество театров студийных, молодежных – «Вариант», «Дилижанс», «Секрет» и другие. Ежегодно в городе проходит фестиваль «Театр – детям и юношеству», стал традиционным также международный театральный фестиваль.

В городе действуют семь дворцов культуры, более десятка кинозалов, краеведческий музей, картинная галерея, филармония, современный выставочный комплекс, взрослая и детская централизованные библиотечные системы, симфонический оркестр. Профессиональную музыкальную и общеэстетическую подготовку осуществляют: институт искусств, музыкальное учи-

лице, лицей искусств, а также семь детских музыкальных, три детские художественные и пять детских школ искусств, хореографическая школа имени Майи Плисецкой. Лучшие студенты учебных заведений искусств г. Тольятти ежегодно участвуют в международном музыкальном фестивале в г. Кольмар (Франция), в рамках которого проводится ещё и выставка детского творчества, концерты юных музыкантов. На протяжении последних десяти лет в Тольятти проводятся Детские ассамблеи искусств и Летняя творческая школа «Новые имена Тольятти». Патронаж над несколькими талантливыми музыкантами взял на себя маэстро Владимир Спиваков. Художественные силы города объединены в творческие союзы – художников, архитекторов, писателей, журналистов, дизайнеров, и представлены довольно разнообразно.

Широко развит сектор общественных и некоммерческих организаций, который насчитывает более ста участников. В городе создана Ассоциация обществ дружбы с зарубежными странами. В неё входят немецкое общество дружбы и общества «Россия – США» и «Россия – Италия», клуб друзей Франции, общество «Немцы Поволжья» и др.

В Тольятти всячески поддерживают развитие культурного туризма. Город очень удачно расположен географически – на берегу реки Волги в обрамлении Жигулевских гор и лесов, имеет развитую для туризма инфраструктуру – базы отдыха, санатории, горно-лыжные базы, высокого качества спортивные сооружения. Всего в Автограде более 130 объектов размещения туристов, загрузка которых колеблется от 50 до 100 % в зависимости от сезона, и более сорока разработанных экскурсионных маршрутов. Среднестатистическое количество туристов составляет около 140 тыс. человек в год.

В городе реализуется множество имиджевых проектов в сфере культуры. Они направлены на повышение роли Тольятти как в масштабе Самарской области, так и страны в целом. Проводятся различные конкурсы проектов, по результатам которых лучшие из них финансируются из Общественного фонда Тольятти. В настоящее время проводятся мероприятия, которые должны сформировать все условия для привлечения инвестиций в индустрию туризма, развитие которого одновременно оказывает стимулирующее воздействие на такие отрасли экономики, как транспорт, связь, торговля, сфера услуг, строительство, сельское хозяйство, промышленное производство, производство товаров народного потребления.

В Тольятти создаются все условия для развития креативной экономики. В декабре 2004 г. при участии мэрии г. Тольятти, ИКП (Москва), «Центра развития творческих индустрий» (г. Санкт-Петербург), Тольяттинской ремесленной палаты, Тольяттинского комитета РСТ, Консультационного бюро «АРТ» в городе проводился семинар «Тольятти: от города индустриального к городу творческому», организованный Советом Европы. Семинар был посвящён вопросам поддержки в моногороде культурного разнообразия и развития культурного капитала.

В 2005 г. при поддержке Общественного фонда Тольятти, Департамента культуры и Совета Европы в городе создано агентство «Культурный капитал». Его целями являются: повышение роли предпринимательства в сфере культуры для формирования новых приоритетных направлений развития города; смещение акцентов в городском управлении от стратегии развития и поддержки крупного промышленного бизнеса к стратегии развития и поддержки малого и среднего творческого бизнеса; развитие и укрепление сектора творческих индустрий; модернизация учреждений культуры г. Тольятти.

Таким образом, город, первоначально задуманный как автомобильная столица России, постепенно становится интеллектуальным и творческим центром. В нём отрабатываются новые социальные технологии – технологии развития гражданского общества, проведения мероприятий федерального значения, и активно развиваются творческие индустрии.

Список литературы

1. Гнедовский, В. М. Современные проблемы развития постиндустриального общества в городах США и Европы [Электронный ресурс] / В. М. Гнедовский. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru>.
2. Лэндри, Ч. Креативный город [Текст]: пер. с англ. / Ч. Лэндри – М. : Классика-XXI, 2005.
3. О'Коннор, Дж. Культурная политика как влияние: экспор. идеи «творческих индустрий» в Санкт-Петербург [Текст] / Дж. О'Коннор // Творческие индустрии в России. Культурные стратегии: экспертный клуб. – Вып. 3. – М. : Институт культурной политики, 2004.
4. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее [Текст]: пер. с англ. / Р. Флорида. – М. : Классика-XXI, 2005.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА
И УРБАНИСТИКА.**

**ЛОКАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
И КУЛЬТУРАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА**

Д. А. Ананьев

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск

КОМПЕТЕНЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЗНЕЦКИХ ВОЕВОД В XVII – СЕРЕДИНЕ XVIII ВВ. (В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ «КОЛОНИЗАЦИИ» И «ФРОНТИРА»)

На основе анализа теоретических подходов, связанных с концепциями «колонизации» и «фронтира» и широко используемых в историческом сибиреведении, автор показывает, насколько перспективно их применение в изучении деятельности местной сибирской администрации – в частности, органов воеводского управления в приграничном Кузнецком уезде.

Изучение историографии, посвящённой начальным векам освоения Сибири, позволяет выделить две наиболее влиятельные концепции, объясняющие ход и итоги многовекового процесса продвижения русских в Северной Азии. Первая концепция связана с понятием «колонизации» и подразумевает акцент на воспроизведении, копировании и последующей трансформации в новых условиях традиционных институтов, того хозяйственного и культурного опыта, который был принесён колонистами на новые земли.

Основоположником «колониционного» подхода в русской историографии был С. М. Соловьёв [2, с. 15], считавший колонизацию специфическим общественно-историческим феноменом и движущей силой исторического процесса. По замечанию Т. В. Воробьёвой, в основу теоретических построений С. М. Соловьёва были положены, с одной стороны, выводы российских историков (в частности, Г. Ф. Миллера и Н. И. Надеждина), а с другой – идеи западно-европейских позитивистов и основоположников «теории колонизации», возникшей в 1840-х гг. в Великобритании и связанной с именами Э. Уэйкфилда [37] и Г. Меривейла [36]. Со временем отношение С. М. Соловьёва к колониционному фактору в истории России эволюционировало от преимущественно позитивного к, скорее, негативному, поскольку историк отмечал, что в конечном итоге колонизация привела к относительно отсталому от западно-европейской цивилизации техническому и культурному уровню в России и усилила самодовлеющие тенденции в общественном развитии [29; 10, с. 22]. В конце жизни С. М. Соловьёв приблизился к пониманию специфики «окраинного» характера колонизуемых территорий, распространяя понятие «окраины», «порубежья» на всю Россию: «Россия есть государство пограничное, есть европейская окраина или украина,

116

со стороны Азии. Это украинское положение, разумеется, должно иметь решительное влияние на её историю» [30, с. 709].

Другая довольно распространённая в историческом сибиреведении концепция подчёркивает уникальность нового общества, возникающего под влиянием новой географической, природной, социальной среды. В наиболее полном виде эти идеи выражены в теории «фронттира», сформулированной в конце XIX в. американским историком Ф. Дж. Тёрнером и активно используемой отечественными историками в последние двадцать лет. Основположник теории «фронттира» отмечал значение для развития американских демократических институтов таких факторов, как удалённость от метрополии; дух свободы, возникающий в поселениях колонистов; высокая степень самостоятельности их обитателей; столкновение на фронттире различных народов, культур, традиций (и, как следствие, появление представителей так называемой «смешанной национальности» поселенцев) и т. д.

Идеи, близкие к положениям Тёрнера, но уже применительно к Сибири высказывали во второй половине XIX в. сибирские областники, пытавшиеся найти причины серьёзного отставания в развитии восточных владений России от темпов экономического роста американского Запада. На рубеже XIX–XX вв. представители либерально-оппозиционных течений (И. Х. Озеров, М. М. Ковалевский, П. Г. Мижурев, А. М. Сибиряков и др.) [28, с. 155–173] рассматривали переселенческое движение в США как модель для решения земельного вопроса в России. В советской историографии изучение «порубежной» сибирской специфики не поощрялось, т. к. в рамках формационного подхода изучалось, в первую очередь, типическое, а не специфическое [5].

Период «перестройки» и постперестроечное время вызвали всплеск интереса отечественных исследователей к теории «фронттира» [32; 33; 34; 35], что было связано не столько с поиском ответа на вопрос о перспективах «демократического развития» страны и её отдельных регионов, сколько обусловлено ростом сепаратистских и националистических настроений, национального самосознания малых народов, в том числе коренных народов Сибири и, как следствие, появлением множества новых «фронттиров», на которых происходило взаимовлияние и столкновение различных миров и культур. По мнению многих историков, при всей разности американского и североазиатского фронттиров использование теории Тёрнера на сибирском материале всё же следует признать целесообразным, поскольку она помогает определить уникальные составляющие той или иной осваиваемой территории.

В этом отношении показательна история Кузнецка, который в XVII – первой половине XVIII вв. был одним из южных форпостов сибирской колонизации. В рассматриваемый исторический период Кузнецк, как и остальные сибирские города, управлялся воеводами, которые стали органом местного управления, общим для российских уездов по обе стороны Урала. Военизированный характер сибирской администрации с достаточно жёстким порядком иерархического подчинения с самого начала способствовал усилению бюрократических элементов местного управления. С 1629 г. Кузнецк был подчинен разрядному центру – Томску, что объяснялось требованиями более рационального административно-территориального деления новоприсоединённого края и эффективного решения военно-стратегических задач [35, с. 57; 6, с.105]. Как и в большинстве сибирских уездных центров, в XVII в. в компетенции кузнецких воевод важное место занимали функции военного управления, тем более что доля служилого населения Кузнецка к концу XVII в. составляла до 70 % [4, с. 32]. В целом рационализация и бюрократизация местного управления вполне вписывалась в общее русло сибирской колонизации, проходившей под бдительным и неустанным контролем центрального правительства.

В то же время Кузнецкая земля была «порубежьем», «зоной фронта» в силу своего пограничного положения и соседства с землями алтайских, киргизских и джунгарских владельцев. Специфика «сибирского фронта» обусловила ряд особенностей хозяйственной компетенции сибирских воевод, в частности, обязанности по организации сбора ясака с коренного населения Сибири (собственно само основание Кузнецкого острога в 1618 г. было во многом вызвано необходимостью организовать регулярный сбор ясака с кузнецких татар). В свою очередь, содержание служилых людей, направлявшихся в ясачные волости для сбора ясака, делало необходимым заведение государевой десятинной пашни, обеспечение поступлений десятинного и оброчного хлеба, устройство новых слобод. Соответственно структура сибирских приказных изб была отмечена большей специализацией, чем в городах Европейской России: к обычным «денежному» и «судному» столам (повытьям) добавлялись повытья «ясачное», «хлебное» и иногда «разрядное» [9, с. 16].

Как полагают исследователи, именно потребность в заведении пашни стала причиной переноса Кузнецкого острога на новое, более удобное для земледелия место в 1620 г. [7, с. 59–60]. Кроме того, сложная обстановка,

складывавшаяся в этом районе, потребовала усилить гарнизон Кузнецка и сделать его более самостоятельным по отношению к Томску, а значит, исключить перебои в снабжении хлебом [7, с. 104; 8].

Особое значение имели дипломатические функции кузнецких воевод. В Южной Сибири прочность позиций России во многом зависела от отношений с ойратами (джунгарами), создавшими в середине XVII в. самостоятельное государство – Джунгарское ханство. Следуя указам из Тобольска и Москвы или же руководствуясь собственными соображениями, воеводы приграничных уездов принимали ойратских посланников и сами направляли посланников, которым поручали собирать разнообразные сведения о ходе политической борьбы между джунгарскими ханами и восточными монголами – правителями Халхи [31, с. 19].

Большой ущерб населению Кузнецкого уезда (не только ясачным иногородцам, но и русским пашенным крестьянам) наносили набеги енисейских киргизов, пользовавшихся покровительством джунгар. Указом от 11 августа 1700 г. Петр I велел томским, кузнецким и красноярским воеводам «смирить их кыргызы за их воровство войною» [11]. Ответные действия сибирских воевод вынудили джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана в июне 1703 г. переселить киргизов во внутренние районы Джунгарии. Однако с 1707 г. ясачные волости Кузнецкого уезда стали подвергаться бесконечным грабежам со стороны джунгарских алманщиков. Кроме того, в том же 1707 г. на территорию Кузнецкого уезда, спасаясь от вторгшихся в Джунгарию цинских войск, прикочевали «во многолюдстве» ойраты, которые разоряли охотничьи угодья кузнецких ясачных, грабили и «побивали» самих «кузнецов». Стремясь защитить свои южные рубежи, сибирские власти развернули масштабное военно-инженерное строительство на берегах Оби и Иртыша.

По мере строительства и укрепления пограничных военных линий ту роль, которую в конце XVI – начале XVIII вв. играли воеводы, во многом стали играть коменданты пограничных крепостей. Кузнецкие воеводы, обеспокоенные непрерывными попытками ойратов собирать алман с населения Кузнецкого уезда, продолжали активно добывать сведения о положении дел в Джунгарском ханстве [27, с. 127]. Вместе с тем, судя по инструкции кузнецкому воеводе Б. Синявину, выданной губернатором А. Черкасским 20 августа 1721 г., на воевод более не возлагались обязанности по приёму иностранных послов и ведению каких-либо переговоров. Несмотря на постепенное уменьшение роли воевод в системе военного управления и в сфере ди-

пломатических контактов между российскими, монгольскими и китайскими властями, на воеводство в Кузнецк направлялись российские дворяне – представители старинных родов, преимущественно в военных чинах [15; 16; 17; 18; 19], что подчёркивало важное стратегическое значение города.

Перераспределение функций сибирских управителей в дипломатической сфере, а также в сфере военного управления вполне соответствовало логике бюрократизации местного управления и общему вектору русской колонизации. Сибирь неизбежно вовлекалась в процесс модернизации страны по западно-европейским образцам, начатый Петром I и в той или иной мере продолжавшийся его преемниками. Однако сибирская специфика неизбежно накладывала свой «фронтальный» отпечаток – в том числе и на развитие административной системы.

В ходе реализации провинциальной реформы 1719 г. Кузнецк был включён в состав Енисейской провинции, а в 1726 г. был передан Тобольской провинции. Серьёзным отступлением от замысла реформы стало подчинение сибирских провинций губернатору и сохранение в составе провинций уездов под властью воевод. Наряду с общей воеводской инструкцией 1719 г., общей для всех чиновников империи [12], кузнецкие воеводы руководствовались в своей деятельности «наказами», издававшимися из Тобольской губернской канцелярии. В системе провинциальных учреждений 1719–1727 гг. воеводы осуществляли надзор и общее руководство деятельностью финансовых и судебных органов власти. Финансовое управление возлагалось на воевод совместно с камерирами (надзирателями сборов), руководившими камерирскими (земскими) конторами. Последние предполагалось учредить только в центрах провинций, однако в Сибири они появились и в некоторых уездных городах, в том числе и в Кузнецке [21].

В непосредственном подчинении воевод и камериров находились земские комиссары, осуществлявшие сбор податей и некоторые функции общего управления населением дистриктов. Наказ кузнецкому воеводе требовал от него «весь уезд... разделить на разные дистрикты, чтоб во всяком дистрикте не болши 2000, а не менши 1500 дворов было» [10, с. 350–364]. Выполнить данное требование воеводе было непросто, если учесть, что по переписи 1710 г. в Кузнецке и уезде насчитывалось всего 674 двора, и за десять лет их число не могло существенно вырасти [6, с. 105]. Однако из материалов Кузнецкой канцелярии явствует, что воевода посылал указы «в кузнецкие дистрикты к прикащикам». Очевидно, что в дистрикты были переименованы

прежние слободы, которые управлялись приказчиками и ранее [22]. Одновременно в начале 1720-х гг. из числа кузнецких служилых людей избирался и утверждался воеводой земский комиссар, по-видимому, являвшийся агентом фиска во всем уезде и подчинявшийся воеводе и камериру [1, с. 60].

Как и в XVII в., на воеводах лежала ответственность за составление и отправку прихода-расходной и отчетной финансовой документации, однако фактическая отчетность воевод была слабой, годами не составлялись ведомости и не собирались недоимки по сборам. Так, в 1726 г. Енисейская провинциальная канцелярия впервые получила из Кузнецкой канцелярии доимочные ведомости за период с 1718 по 1724 гг. Логично предположить, что проведение самих сборов в 1720–1730-х гг. обстояло не лучше. Столь же формальными были заботы кузнецких воевод по устройению десятинной пашни [23; 24]. В конце 1750-х гг. новый сибирский губернатор Ф. Соймонов с возмущением отмечал, что в ряде уездов, в том числе и Кузнецком, десятинная пашня совершенно отсутствовала [3, с. 154].

В то же время гражданские власти Сибири, как и во всей России, попадали во всё большую зависимость от органов военного управления, которая еще более усилилась с 1724 г., когда начался сбор подушной подати с населения уездов и дистриктов. Из «реестра вершенным делам» Кузнецкой канцелярии за 1726 г. следует, что воевода Б. Серединин вёл переписку с «комиссаром подушного сбора» (иначе – «полковым комиссаром», т. е. офицером «у подушного сбора», командированным от полкового двора для приема собранных подушных денег) [22]. Неудовлетворительное состояние системы провинциального управления привело к отмене в 1726–1727 гг. большинства специальных судебных и финансовых органов. Верховная власть предпочла наиболее простое и, с её точки зрения, эффективное решение: «положить всю расправу и суд по-прежнему на губернаторов и воевод».

Упрощение системы местного управления не привело к повышению её эффективности. Отсутствие денежного жалованья в 1730-х – начале 1760-х гг. возмещалось многочисленными злоупотреблениями воевод, прежде всего в той же финансово-хозяйственной сфере. Кузнецкие воеводы посылали ясачных сборщиков за взятки, передавали с ними собственные товары для торговли с ясачным населением, вмешивались в деятельность откупщиков, вымогали деньги с подведомственного населения [25; 26].

Разнообразие функций и размах деятельности воевод порубежных, «фронтирных» сибирских городов, в том числе Кузнецка, показывает, что

в отдаленных уездах местные «управители» не могли целиком зависеть от распоряжений центральной или даже региональной власти. В целях оперативного и эффективного решения насущных вопросов они зачастую должны были обладать самыми широкими полномочиями – от финансовых до дипломатических, от военных до судебных. Но свобода от контроля со стороны центральных и губернских властей ещё не вела к развитию демократических институтов. В условиях Сибири ситуация «фронттира» в меньшей степени способствовала высвобождению творческих, созидательных сил, но скорее усиливала сословно-правовой взгляд дворян-воевод на свою сибирскую службу. В этом отношении следует признать справедливым мнение тех историков, которые полагают, что дальнейшая разработка «фронтирной» проблематики должна сосредоточиться на изучении менталитета колонистов, их правовой культуры, обусловившей специфику сибирского общества.

Список литературы

1. Акишин, М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири в XVIII в.: структура и состав государственного аппарата [Текст] / М. О. Акишин. – М.; Новосибирск : Древлехранилище, 2003. – 408 с.
2. Воробьева, Т. В. Калифорнийская историческая школа о расширении территории Российского государства [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Т. В. Воробьева. – Петропавловск-Камчатский, 2004. – 201 с.
3. Гольденберг, Л. А. Каторжанин – сибирский губернатор [Текст] / Л. А. Гольденберг. – Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1979. – 287 с., ил.
4. Емельянов, Н. Ф. Военно-административный аппарат Сибири в первой четверти XVIII в. и средства по его содержанию [Текст] / Н. Ф. Емельянов // Из истории Сибири. – Вып. 3. – Томск, 1971. – С. 99–105.
5. Ефимов, А. В. К истории капитализма в США [Текст] / А. В. Ефимов. – М. : Соцэкиз, 1934. – 320 с.
6. Кабо, Р. М. Города Западной Сибири: очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX вв.) [Текст] / Р. М. Кабо. – М. : Географгиз, 1949. – 220 с.
7. Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII вв. [Текст] : сб. док. – Вып. 1. – Кемерово : Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2000. – 184 с.
8. Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII вв. [Текст]: сб. док. – Вып. 2. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2002. – 188 с.
9. Леонтьева, Г. А. Организация приказного делопроизводства и профессиональная подготовка сибирских подьячих в XVII в. [Текст] / Г. А. Леонтьева // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX вв.: межвузовский сб. науч. тр. – Новосибирск, 1986. – С. 3–19.
10. Памятники сибирской истории XVIII в. [Текст]: в 2 кн. – Кн. 2 (1713–1724 гг.). – СПб.: Тип. МВД, 1885.
11. ПСЗ. Собр.1: С 1649 г. по 12 декабря 1825 гг. – СПб., 1830. – Т. 3. – № 1542.
12. ПСЗ. – Т. 5. – № 3294.
13. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. [Текст] / Д. Я. Резун и др. – Новосибирск : ИДМИ, 2001. – 113 с.

14. Резун, Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов [Текст] / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский; отв. ред. В. А. Ламин; СО РАН. – Новосибирск : Сова, 2005. – 194 с.
15. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–25.
16. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 327. Л. 32, 34, 69, 102.
17. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 373. Л. 1–9.
18. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 528. Л. 1–12.
19. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Ф. 415. Оп. 1. Д. 43.
20. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–4.
21. РГАДА. Ф. 679. Оп. 1; Ф. 517. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–4.
22. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
23. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 34. Л. 52–52 об.
24. РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 94. Л. 57.
25. РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 301. Л. 1.
26. РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 301. Л. 4 об.
27. Русско-джунгарские отношения (конец XVII–60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения [Текст]. – Барнаул : Азбука, 2006. – 360 с.
28. Соколов, А. С. Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского [Текст] / А. С. Соколов // Американский ежегодник, 1989. (1990). – С. 155–173.
29. Соловьёв, С. М. Об историческом движении русского народонаселения [Текст] / С. М. Соловьёв. – СПб. : Воен. тип., 1867. – 28 с.
30. Соловьёв, С. М. Сочинения: в 18 кн. – Кн. 17. – М. : Мысль, 1996. – 768 с.
31. Уманский, А. П. Сибирские воеводы о событиях в Центральной Азии в конце XVII столетия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/>
32. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное [Текст]. – Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 2002. – 96 с.
33. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное [Текст]. – Вып. 3. – Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 2003. – 128 с.
34. Чернавская, В. Н. «Восточный фронтир» России XVII–начала XVIII века: историко-историографические очерки [Текст] / В. Н. Чернавская. – Владивосток : Дальнаука, 2003. – 176 с.
35. Щеглов, И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. – Иркутск : Восточно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества, 1883. – 779 с.
36. Merivale, H. Lectures on colonization and colonies. Delivered before the university of Oxford in 1839, 1840 and 1841 (reprinted in 1861 by Herman Merivale). – London : Oxford University Press, 1928. – 685 pp.
37. Wakefield, E. G. View of the Art of Colonization in Present to the British Empire in Letters between the Statesman and Colonist. – New York : Augustus M. Kelley, 1969. – xxiv, 513 p.

Е. В. Артюх

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк

АРХИТЕКТУРА ВЛАСТИ КУЗНЕЦКА – СТАЛИНСКА – НОВОКУЗНЕЦКА

Характерной чертой архитектуры зданий власти является отражение в ней государственной политики, выражающей особенности определённого этапа в развитии города Новокузнецка и показывающей его специфику, неповторимость.

Традиционно архитектура является самым политическим видом искусства. Если во всех иных видах искусства параллельно с официально признаваемыми направлениями всегда существуют альтернативные, подпольные, протестные, то лишь в зодчестве они принципиально невозможны: во-первых, из-за дороговизны его произведений, а во-вторых, из-за физической невыполнимости вынести «подпольный» проект в натуре. Поэтому российская и советская архитектура неизменно отражала стиль власти, причём наиболее яркое выражение это явление находило, разумеется, в зданиях, построенных для размещения самих органов власти.

Исторически первым каменным административным зданием города и Кузбасса в целом стало сохранившееся до наших дней Уездное казначейство (ул. Народная, д. 1) на Базарной (ныне Советской) площади. Построил его в 1780 г. иркутский каменщик Почекунин по заказу купца Ивана Дмитриевича Муратова после возведения в 1773–1778 гг. Одигитриевской церкви. В одном с храмом стиле сибирского барокко был возведён и особняк – кирпичный оштукатуренный, с высоким подклётом и остроугольной ярко-зелёной крышей. Квадратные полуколонны-пилястры по краям здания, карниз о восьми уступах, поясок чуть ниже уровня первого этажа и фигурные кирпичные наличники окон – налицо все характерные черты процветавшего тогда в столице Восточной Сибири Иркутске стиля. Планировка же дома незамысловата и рациональна: та же изба-пятистенка, что ставили издавна в русских сёлах. По четыре окна с длинных сторон и по три – с коротких. Казначейство удивительно напоминает приказную избу того же XVIII века в Вятке, что является важной достопримечательностью современного Кирова. Впрочем, удивительного в этом как раз нет, так как строительные тради-

ции именно Русского Севера оказали решающее влияние на сибирское зодчество той эпохи.

Обитал, впрочем, купец в этом доме недолго: уже через два года продал его за 2000 рублей под уездное казначейство. Тогдашний рубль был не чета нынешнему, и сумма эта отнюдь не была смехотворно мала (по архивным данным, за 1772 г. кузнецкий воевода получил 1850 рублей). Но фактически это и был весь годовой бюджет чиновников города. Первым уездным казначеем города Кузнецка Колыванской губернии стал коллежский протоколист Николай Алтухов. Последним, уже при кузнецком совдепе, – ссыльный революционер Виктор Обнорский. В казначейство в XIX в. «подселяли» окружной суд и меняли планировку, а вместо оригинального высокого шатра из теса здание в 1864 г. получило невысокую железную крышу, а к северному фасаду пристроили каменные сени с высокой лестницей. К этому времени относится и любопытная деталь на западном фасаде дома: одно из больших окон было заложено кирпичом, но в самом низу оставили малюсенькое оконце. Это – своего рода предшественник современной службы «одного окна»: к нему была пристроена деревянная лестница, и именно через эту «дырку» власть общалась с народом. Конкретно: тот самый «елистратишко» – коллежский регистратор – принимал от простолюдинов прошения, после рассмотрения выдавал приказы, а по большей части просто отправлял восвояси.

В дальнейшем, вплоть до 1917 г., власть Кузнецка в качестве основного места дислокации использовала Фрололаврскую улицу (она же Большая, позже – Полицейская, а с 1901 г. и поныне – Достоевского). Улица Достоевского, посреди которой возвышалась управа, издавна считалась самой, если так можно выразиться, аристократической улицей города: здесь селились самые богатые горожане. Своё первоначальное имя – Фрололаврская – улица получила по часовне Святых Фрола и Лавра на месте разрушенной Большой крепостной башни. Поскольку эти святые считались покровителями животных, в той часовне освящали лошадей. Со временем главная улица района приобрела и «властные полномочия». Указом от 9 июня 1878 г. в станах Кузнецкого уезда появились помощники станowego пристава – становые урядники. В волостях по-прежнему были сходы десятидворников во главе с волостным старшиной. Теперь сходу дали право ежегодно избирать волостной суд из 4–12 судей. Он занимался тяжбами по искам до 100 рублей (до 1889 г.) и позже до 300 рублей, а также мелкими уголовными делами. И все эти

службы разместились именно здесь, на Флоролаврской улице, в построенной в 1877 г. двухэтажной городской управе с полицейским управлением и домом пожарной команды. Деревянное двухэтажное здание кузнецкой городской управы с возвышавшейся над ним башней пожарной каланчи было одним из достопримечательностей Подгорья.

Хотя ратушу взамен бурмистерской избы в Кузнецке полагалось учредить ещё в 1723 г., с этим новшеством опоздали на 57 лет. Так что город оставался без местного самоуправления, чиновников которого, впрочем, следовало выбирать не из всего населения, а из «граждан первостатейных, добрых, пожиточных и умных». Соответственно город и уезд так и не были разделены по управлению, а про должность земского комиссара с земской канцелярией из подъячих, солдат и рассыльных здесь так и не услышали. Такой отказ от петровских реформ объяснялся слишком малой численностью Кузнецкого дистрикта – 700 дворов при норме 1500–2000.

В 1780 г. в Кузнецком уезде были учреждены и стали действовать сразу три разных суда: уездный – для немногочисленного дворянства, городская ратуша – для горожан и нижняя расправа – для крестьян. Существовал и Сиротский суд в составе городского головы, членов ратуши и старост. Его задача как органа опеки состояла в сохранении собственности вдов, малолетних и «промотчиков состояния». Заново свои коллегиальные учреждения (присутствия) Кузнецк получил в 1804 г., когда он был причислен к разряду окружных городов среднего размера. Город обзавёлся ратушей, сиротским и словесным судами и квартирной комиссией. Кроме того, до 1826 г. Кузнецк считался по-прежнему крепостью, где размещался военный гарнизон, независимый от городского самоуправления.

В 1876 г. по всей империи началась земская реформа. Первый на Кузнецкой земле представительный орган местного самоуправления – Городская дума – был избран в 1876 г. в Мариинске. В Кузнецке же реформа натолкнулась на... отсутствие подходящего помещения: здание окружного казначейства было занято судом, а остальные достойные здания были домами купцов и училищем. И строить было не из чего – своего кирпича в Кузнецке не делали – везли издалека. Можно было бы занять помещения ликвидированных с введением думы и управы в Кузнецке ратуши и квартирной комиссии, сиротского и словесного судов, но они сами размещались где попало. И единственным выходом из такого конфуза стало решение срочно строить для думы не каменное, а деревянное здание на главной (Флоролаврской) улице.

А для придания ему пышности предполагалось возвести над крышей башню – пожарную каланчу с курантами. Поскольку тощий городской бюджет не позволял одновременно возвести и думу, и городскую управу (орган исполнительной власти), то обе ветви власти решено было разместить вместе, но на разных этажах, присовокупив к ним полицейское управление в составе пристава, трёх околоточных и шести городских, а также восемнадцати пожарников.

Вот так в 1877 г. на Фрололаврской, по случаю переименованной в Полицейскую, и была построена деревянная двухэтажная городская управа с полицейским управлением и домом пожарной команды. Бревенчатое здание с двумя рядами по шесть окон на фасаде и довольно скромными наличниками, железной крышей и палисадом выглядело бы неказисто, если бы не выроставшая из крыши деревянная башня с круговой смотровой площадкой ишипилем, над которым по праздникам поднимали флаг. Поскольку курантов так и не установили, их функцию выполнял дежурный пожарник, бивший в полдень и каждые шесть часов в колокол. От проезжей части управу ограждал высокий палисад с рядом берёз. Со двора же был пристроен навес для «служебного транспорта» – лошадей – с заправкой в виде сеного овина.

Городскую думу кузнецане избирали на четырёхлетний срок, но первые выборы 1876 г. вышли комом, большинство горожан их просто проигнорировали. Из 369 человек, имевших имущественный ценз, в голосовании приняли участие всего 38 (10,3 % избирателей), что можно назвать, очевидно, самой низкой в истории Кузбасса явкой избирателей. Впрочем, в других городах нашей губернии народ тоже «голосовал ногами»: в Барнауле из 1370 человек, имевших право выбирать, на участки пришёл только 51 человек (меньше 4 %), в Колывани из 646 избирателей – 270, в Бийске из 873 – лишь 59 человек (6,7 %). В первую городскую думу Кузнецка были избраны 30 гласных (депутатов): 6 чиновников, 14 мещан, 9 купцов и один «прочий». Ни один из них не имел высшего образования, средним могли похвастаться только трое, низшим (начальным) обладали восемь избранников, домашним – 14, а пятеро были вовсе безграмотны.

За свой первый год работы – 1887-й – наша дума провела 16 заседаний, причём лишь семеро депутатов приняли участие во всех. Средняя явка была лишь 10 человек, и зачастую сессии срывались из-за отсутствия кворума. Что немудрено: тогдашние народные избранники жили не коррупцией, а простым трудом – покосами да пчёлами. Первым секретарём (председателем)

гордумы Кузнецка, пребывавшим в этой должности все 1870–1880-е гг., стал господин Фурс.

Городская управа состояла из трёх чиновников: головы и двух помощников. Первым городским головой Кузнецка на четырёхлетний срок был избран купец Конюхов, вторым – купец Медников, два срока головой был тоже купец, а позже золотопромышленник Степан Егорович Попов. Деятельность городской думы, в основном, касалась утверждения городских бюджетов. И у горожан, проигнорировавших выборы вовсе или избравших не учёных грамоте депутатов, была причина пригорюниться: за восемь лет, с 1880 по 1888 гг., доходы Кузнецка не только не выросли, но упали с 8818 рублей до 7867. Бюджет Кузнецка был профицитный, и за те же восемь лет вырос с 6853 до 7851 рубля. Из них на содержание полиции уходило 443 и 502 рублей соответственно, на пожарную часть – 823 и 1290, на судебную часть – 600 и 300, на тюрьму – 426 и 517, на военное ведомство – 1483 и 1575, на городское управление – 1988 и 1991, на благоустройство – 282 и 845, на народное образование – 450 и 647, на медицину – 50 и 50 рублей (в последнем случае сумма не менялась, так как вся до копейки уходила на содержание одной и той же повивальной бабки), на пенсии и пособия для престарелых полицейских, духовенства и учителей – 100 и 260 рублей и на чрезвычайные ситуации – 18 и 30 рублей.

Советская власть, покончившая и с думой, и с управой, и с самим двухэтажным зданием с каланчой на улице Достоевского, изначально обосновалась в Народном доме имени Пушкина. Он был открыт в 1906 г. на Нагорной (позже Народной) улице, сразу за зданием уездного училища, спустя 20 лет после открытия 12 сентября 1886 г. первого в России нижегородского Народного дома. Началось всё с празднования столетнего юбилея А. С. Пушкина в 1899 г. На улице Нагорной решено было выделить участок земли под постройку здания для общественной библиотеки. Затем решение о новостройке приобрело другие очертания: устроить чайную, а при ней аудиторию для «просветительских мероприятий». А чтобы чайная не превратилась в обычный кабак, воплотить идею в жизнь взялось уездное попечительство о народной трезвости. Строили дом всем миром на народные деньги. Довольно крупные взносы делали купцы и золотопромышленники. По рассказам старожилов, записанным краеведом Владимиром Петровичем Девятияровым, особой щедростью отличилась Морозова, владелица маслобойного завода, гостившая в то время у родственников в Кузнецке. Не пожадничал

и золотопромышленник Попов, десять лет возглавлявший городское самоуправление. По простым же горожанам для сбора средств была пущена кружка с прорезью для монет.

Стройку возглавил мастер на все руки, столяр, плотник, стекольщик Карп Савватеевич Шмыков. Возводили дом из сосны и лиственницы. Полуторазэтажный бревенчатый дом стал маленьким деревянным шедевром в стиле сибирского модерна: огромные закруглённые окна и крытый жестью шпиль были мастерски сделаны по последней моде (целые улицы зданий в этом стиле появились тогда в Томске и Барнауле, а вскоре были созданы народные дома в Мариинске и в Анжерке). Стиль модерн просто не мог обойти стороной Кузнецк. При всей своей захолустности город имел постоянную живую связь с цветущим Томском, где на рубеже веков модерн господствовал и был представлен практически во всех своих стилистических разновидностях.

Основа архитектурной системы модерна, как известно, была заложена рационализмом кирпичного стиля и романтизмом стиля неорусского. Деревянный модерн кузнецкого «разлива» объединил формальные находки, характерные для каменных сооружений, с традициями патриархальной деревянной резьбы и плотницкого ремесла. Сложный сплав этих разных тенденций способствовал формированию тех своеобразных образцов провинциального модерна, которые поражают непосредственностью и смелостью трансформации деталей, характерных для «нового стиля».

Хотя дом и предназначался «для самого подлого народа», как выражались прежде, совсем уж простой народ визитами его не баловал. В доме стал собираться тогдашний средний класс: мещане и мелкая буржуазия. Работали кружки шахматистов-шашкистов и бильярдистов, а с 1908 г. и драматический. Сюда перебралась и основанная 17 января 1896 г. обществом попечения о народной трезвости первая в городе публичная библиотека, об открытии которой сообщила даже местная пресса: «И на нашей стороне выпал праздник. Это день открытия публичной библиотеки. Скромно прошёл праздник, немногочисленное было торжество. Но, тем не менее, это дало возможность сплотить силы нашего городка. К сожалению, библиотека не богата книгами и денежными средствами. Но надо думать, хорошему делу не дадут заглухнуть, число сочувствующих новому полезному учреждению будет увеличиваться».

После февраля 1917 г. Народный дом стал центром политической жизни Кузнецка: здесь заседала городская власть – и красные, и белые. В этом доме зародился и городской комсомол: 7 апреля 1920 г. после доклада в Народном доме представителя укома ВКП(б) Пурышева несколько молодых людей во главе с Лёней Приходько записались в комсомол. С 5 по 10 мая здесь прошла и первая уездная комсомольская конференция.

В конце 1950-х г. Народный дом зачем-то переименовали в кинотеатр имени М. И. Калинина, и власти интерес к нему утратили. Уже в 1960-е гг. он оказался, по сути, никому не нужным, кроме бедных и вечно бьющихся о глухую стену непонимания краеведов. Стыдливо названная «консервацией», заброшенность обернулась разорением. Под конец здание передали краеведческому музею, но отмечать новоселье историкам не довелось. Эпопея завершилась в 1977 г. ночным пожаром. Здание загорелось «как бы случайно». Сразу с четырёх сторон и изнутри впридачу. Виновного «как бы не нашли». До сих пор на месте маленького кузнецкого шедевра – безобразный пустырь. Первый Народный дом навсегда останется в памяти горожан в виде своего «прижизненного» макета, что красуется в краеведческом музее среди пятнадцати произведений макетного жанра. Смастерил его в 1960-е гг. самый известный художник-макетчик Константин Кузьмич Перков.

Власть Сталинска долгие годы работала в бараках на Нижней колонии, пока в 1948 г. не обрела здание, которое и поныне в народе упорно зовётся горсоветом. Это здание на проспекте Metallургов, 44 вместе со всей северной частью проспекта – лауреат премии Совета министров РСФСР за лучший проект городской застройки 1948 г. А весь проспект – воистину групповой памятник неоклассической архитектуры. Даже сейчас, испорченный так называемой наружной рекламой, аляпистой и неуместной, из стройной анфилады торжественных фронтонов превращённый в безобразную шеренгу рекламных щитов и гипсокартонных вывесок, проспект способен тем не менее вызвать почтение.

Следующим общегородским зданием для власти стал горком партии. Его приземистое, словно распластанное у площади общественных мероприятий, четырёхэтажное здание – настоящий шедевр последнего по времени архитектурного стиля советской эпохи, номенклатурного брутализма. Это только на первый взгляд горком – просто добротное и скучноватое административное здание. На самом деле это квинтэссенция партийной идеологии в архитектуре. Создали его архитекторы Юрий Журавков и Сергей Мальцев,

а также конструктор Евдокия Ерёмченко. Сам этот стиль, предполагающий сочетание больших глухих поверхностей с незначительным остеклением, использующий грубые крупные объёмы и массивность, родился неслучайно, и наша страна пришла к нему хотя и почти одновременно с Западом, но совсем иным путём. Если Запад обратился к брутализму в середине 1970-х гг., перепробовав все стили и имея высокую культуру строительства, то советской архитектуре после хрущёвского «погрома» просто-напросто ничего другого не оставалось. После выхода Постановления ЦК КПСС об устранении излишеств в архитектуре на двадцать лет исчезло не просто традиционное зодчество (это было бы полбеда) – исчезло и строительство как таковое. Выросло поколение монтажников, которые худо-бедно могли приварить друг к другу панели и приладить к ним плоские крыши. Фигурная кирпичная кладка, лепка декора, вытёсывание камня – всё это ушло в небытие. Поэтому когда партия решила, что общество уже может себе позволить некоторые излишества, оказалось, что строительные навыки утрачены.

Впрочем, вернёмся к нашему горкому. Его стиль – это тот же самый компромисс: проектировать нечто действительно изящное и гениальное не имело смысла, когда архитекторы заведомо знали, что строители строят не как в проекте, а как могут. Что, кстати, и подтвердилось при сооружении оригинальной полуовальной лестницы – трижды делали её неправильно, пока, наконец, не стали изготавливать балку-косоур прямо на месте. И то реализовать в полной мере замысел лестницы, изогнутой в нескольких плоскостях, не смогли.

Новокузнецкая парторганизация традиционно была крупнейшей в Кузбассе, что находило выражение и в камне: не только в монументах, но и в самих зданиях, из которых партия руководила общественными процессами. В начале 1960-х гг. на Пионерском проспекте был построен весьма скромный горком (ныне – сельский суд), а в конце 1960-х – начале 1970-х гг. были построены райкомы Кузнецкий (по проекту Шкрядо) и Куйбышевский (и в том, и в другом ныне размещаются районные суды). Тяжеловесные здания не блистали ни красотой, ни оригинальностью. Вернее, попытка соригинальничать с расположением окон и с интерьерами в случае с Куйбышевским райкомом имела, но привела она скорее к отрицательному результату. Многие окна смотрят буквально в никуда – в них не видно ничего, кроме соседних стен, а Г-образный зал обладает, так сказать, антиакустикой: в двух метрах от оратора не слышно даже громкого голоса.

Когда численность членов партии в городе перешагнула за 40 тысяч и ЦК дал городу ставку четвёртого секретаря, что было в диковинку, партия сказала: надо строить горком. Поскольку здания «привязывались» к количеству ответработников, горкому полагалось объёма 10–12 тысяч кубометров. Архитекторам этого показалось мало: объём прежнего здания на Пионерском проспекте составлял девять тысяч, так что стоило ли огород городить? И тогда был найден гениальный ход: решили объединить в одном здании горком партии с горкомом комсомола, где с числом ответработников всё равно никто не мог разобраться. Так что «Кузбассгражданпроект» без лишней скромности цифру удвоил и выдал на-гора проект гигантского четырёхэтажного, с внутренним двором здания в 24 тысячи кубометров. В управделами ЦК КПСС были экономичные образцы, по ним выстроили, к примеру, горком в Набережных Челнах. Но по причине их примитивности наши зодчие всячески уходили от типажа.

С оригинальным проектом главный архитектор здания Юрий Журавков и полетел в Москву. В ЦК как раз обсуждали проект Иркутского горкома: оригинальное здание предполагалось поставить на опоры. «Что-то вы слишком к небесам вознеслись, от народа, значит, оторвались», – пожурили зодчих партийные начальники и издали лютое постановление «Об архитектуре в Иркутске». Следом рассматривали новокузнецкий проект – его решили сократить до 15 тысяч кубометров (в итоге архитекторы увеличили-таки его до восемнадцати) и отправили Журавкова в Минск на ознакомление со строившимся там горкомом.

Решение № 344(3) о землеотводе под горком партии было издано 28 ноября 1979 г. На месте главным вдохновителем и советчиком стал сам первый секретарь Н. С. Ермаков. Исходили из того, что строится здание, в котором сосредоточится реальная в городе – партийная – власть, а не показушная советская. Всё здесь должно было строиться именно для удобства самой власти, а вовсе не для притока пресловутых народных масс. Именно поэтому полы здесь не бетонные, а паркетные, окна – не алюминиевые, а из цельного дуба, чего и нынешним городским капиталистам не снилось. Николай Ермаков велел строить два зала заседаний и оба – без окон, дабы ничто не отвлекало от работы, как некогда в прежнем здании брэнчавший по Пионерскому проспекту трамвай. Так получился малый зал на четвёртом этаже – его контуры представляют собой огромный карниз главного фасада.

В его отделке много светлого ясеня и шпона красного дерева. Это и есть настоящий вкус, в отличие от нынешнего гипсокартона и пластика.

Самая любопытная часть здания – круглый зал заседаний на 150 мест. Задумать такой зал в эпоху застоя было равносильно инакомыслию: для выслушивания многочасовых речей и их одобрения строились длинные прямоугольные залы (в круглом зале дремать неудобно, в нём хорошо спорить). Дальше – больше: подъём каждого ряда над предыдущим сделали небывало крутым – 30 см вместо предусмотренных СНИПами 12 см. Все присутствующие не просто видят выступающего, но сам выступающий видит каждого по пояс. Зал словно специально подоспел к эпохе споров и дискуссий. Круглая форма зала поставила перед зодчими немалую проблему. Ведь в круглом помещении звук отражается от стен и многократно повторяется, и если в храме запаздывание звука создаёт особую «неземную» атмосферу, то в зале заседаний, где всё происходит в режиме, так сказать, реального времени, он совсем ни к чему. И над вопросом акустики, равно как видимости, авторам пришлось тщательно поработать: они применили звукопоглощающие материалы и для стен (дерево и гипс), и для пола (ковровое покрытие).

Впервые в Кузбассе в зале был смонтирован убирающийся экран для кино – он выдвигался из межферменного пространства величиной в 3,5 м. Горком обзавёлся и двумя дополнительными лестницами, а также двумя не приметными выходами из здания. Это не только требование пожарников, но, прежде всего, элемент номенклатурного этикета: если в здании находятся высокопоставленные деятели, то персонал должен был пользоваться дополнительными выходами и не смущать руководство. Была запроектирована даже вертолётная площадка на крыше по примеру здания ЦК Компартии Франции, созданного гениальным Оскаром Нимейером.

В ближайшем будущем градостроительная роль бывшего горкома вырастет – по нему проходит ось симметрии запланированного ещё в начале 1970-х гг. широкого бульвара к Томи. Перед зданием планировалось разбить огромную полукруглую площадь Ленина с памятником вождю и эспланадой фонтанов. Сейчас утверждён проект планировки, по которому «луч» к реке должен быть пробит именно отсюда. Другое дело, что при нынешних высотных доминантах приземистый горком не справляется с организацией пространства, не собирает его. Поэтому по плану по бокам здания, слившись с его объёмом, должны встать 25-этажные башни.

Нынешнее главное здание города уникально. Начиная с того, что уникально место его расположения. «Бумеранг» городской мэрии и площадь перед ней с лужайками, ёлочками и цветомузыкальным фонтаном в 148 струй – это градостроительный центр Новокузнецка. Этот комплекс стоит на перекрёстке двух самых широких и длинных перспектив – проспекта Кирова и улицы Тольятти, а своей формой удивительно точно задаёт угол их пересечения. Более того – является своего рода «транспортным» для всего Центрального района и связывает воедино необыкновенно красивый, простой и цельный ансамбль нового центра, которым так гордятся новокузнецкие и которого так не хватает кемеровчанам. У этого уникального шестизэтажного здания три фасада. Или шесть, если смотреть и с торцов. И ещё один – если смотреть... сверху. И каждый – выгодный. Заднего двора нет. Находка чрезвычайно удачная, учитывая то, что центр города – со всех сторон.

Многие подмечают сходство новокузнецкой мэрии со штаб-квартирой ЮНЕСКО в Париже, построенной в 1957 г. в модернистском стиле. Авторы уходят от ответа на этот вопрос. Но, наверное, родство есть, тем более что здание ЮНЕСКО – признанная классика современной архитектуры, и такое заимствование совсем не грех. Оглядку на Ле Корбюзье выдают даже детали, которых у здания ЮНЕСКО нет, например, отдельно стоящие круглые башни-лифты зала заседаний. Они есть у других произведений великого француза, например, у дома-коммуны 1956 г. в Марселе. Кстати, использовал такой элемент и Оскар Нимейер в модернистской столице Бразилии городе Бразилиа – тоже в конце 1950-х гг.

Прямые аналогии связывают это здание с другим легендарным сооружением Ле Корбюзье – зданием Госкомстата на Мясницкой улице в Москве, построенным им в 1929–1936 гг. вместе с П. Жаннере и Н. Колли. Не имея возможности посетить Париж, наши зодчие именно из него почерпнули и пологие спиральные пандусы вместо лестниц, и контраст сплошного остекления со сплошь глухими торцами, и мощные столбы вместо первого этажа, на которых покоится весь массив здания. И даже первоначальный цвет несмотровых окон-пластин (коричневый) был выбран по подобию с Центральным статуправлением СССР, покрытым розово-фиолетовым туфом из Армении. Тот проект заметно опережал своё время, и французам не удалось осуществить идею «нейтрализующих» стеклянных стен, между остеклением которых следовало пропускать зимой тёплый, а летом – охлаждённый воздух. У нас эту идею воссоздать даже не пытались.

Земельный отвод под здание горисполкома был выдан 30 сентября 1976 г., начали его строить в 1979 г. по инициативе заместителя председателя горисполкома В. Н. Ситько, а завершили лишь в 1992 г. Создали его зодчие «Кузбассгражданпроекта» Л. А. Шатохин и Д. Н. Сафин. Полёт фантазии архитекторов сильно сдерживало отсутствие современных стройматериалов, но всё же было решено построить зеркальное здание с имитацией сплошного остекления. Все фасады расчленили алюминиевыми полосами: самый длинный, выходящий на ул. Кирова фасад со второго по шестой этаж – на 100 полос по вертикали и на 11 по горизонтали. Итого 1100 «клеточек». Один ряд – сплошные непрерывные окна, следующий – тоже... окна, но поверх железобетонных блоков. Зеркального стекла в эпоху дефицита всего и вся, разумеется, не было. Первые в стране тонированные светло-коричневые стёкла появились в Воронеже – там их и заказали. Установили поверх железобетона краской внутрь. Лет через семь краска начала облупляться – то тут, то там появились проплешины. И в итоге в 2003 г. ложные окна заменили на пластиковые панели зелёного цвета. Таким образом, первоначальная идея зеркального остекления не была реализована. Хотя сейчас-то как раз проблем с такого рода материалами и нет. Поначалу выбранный цвет панелей вызывал недоумение, но со временем все к нему привыкли.

Явная неудача архитекторов (а более вероятно – строителей-«рационализаторов») – нелепый балкон на третьем этаже, чуть ли не в половину длины фасада. Как вставная челюсть, да ещё с чуждой этому зданию покатою крышей, он выглядит нелепо. Ощущение его чужеродности только увеличивала облицовка светло-серым мрамором с претензией на «роскошь». На поверку этот неказистый мрамор, более уместный в подземных переходах, – просто дешёвый кич. Сейчас мрамор закрыт теми же зелёными плитками. А вот будет ли изуродованный фасад исправлен полным сносом балкона или его «облегчением» – сомнительно.

Первый этаж, где расположены только вход и технические помещения, занимает лишь половину «пятна» здания. Остальная часть площади – уличное пространство со сквозным движением, его поддерживают восемь двухопорных пилонов. Подобного в Кузбассе больше нет. Внутри здания сквозь все шесть этажей – опять же единственная в Кузбассе лестница без ступенек, пандус. Гениальная находка зодчих «Кузбассгражданпроекта» оказалась удивительно удобной – забегаешь на последний этаж и при этом ничуть не устаёшь. О необычности находки говорит уже то, что в большинстве язы-

ков мира само слово «лестница» производно от слова «ступень», например английское staircase от stair. Несколько лет назад был облагорожен объём зала заседаний: его железобетонная «наружность» была обшита алюминиевыми плитами. То же самое сделали с лифтовыми башнями. Конечно, подобные приёмы изменили стиль здания с модернизма на хай-тек, но выглядят они неплохо, равно как и массивный объём зала приёмов из затемнённого стекла.

Правда, замысел конца 1970-х гг. до конца так и не реализован. Северное крыло здания продолжает длинный стилобат, в котором прячется подземный гараж, где хранилась единственная в городе «Чайка» (увы, проданная какому-то междуреченцу). В его оконцовке планировалось возвести ещё один четырёхэтажный корпус-куб. Тоже весь стеклянный. Но он так и не появился – может, и дойдут руки со временем.

И возвращаясь к пресловутому фонтану... Задание на проектирование фонтана изначально было дано на каскадный фонтан, но Кузбассгражданпроект от него отказался, сославшись на отсутствие специалистов. И тогда задание было передано главному архитектору города Александру Выпову. Он переделал весь проект благоустройства, и к площади подвели мощные трубы. Но в итоге вместо большого каскада, идею которого Выпов почерпнул у проекта фонтана перед зданием Совмина Казахстана в Алма-Ате, в начале 1990-х гг. был сооружен фонтан турецкими строителями и по их проекту, несколько несоразмерному площади. Любопытно, что позже сооружение было декорировано не чем иным, как рисунками... Томской писаницы эпохи неолита, что находится вблизи Кемерово.

Сделаем выводы. Здания власти нашего города в своём облике неизменно отражали политику государства и всегда являли собой его ведущий архитектурный стиль: казначейство 1780 г. – барокко, городская дума 1877 г. – казённый стиль, Народный дом на рубеже эпох – модерн, горсовет 1948 г. – сталинские неоклассицизм, горком партии конца 1970-х гг. – брутализм, а мэрия конца 1980-х – модернизм.

АРХИТЕКТОРЫ И ИНЖЕНЕРЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ «ГОРОД-САД» В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье рассматривается участие инженеров и архитекторов в реализации проектов «города-сада» в Западной Сибири. Обосновывается роль гражданских инженеров в проектировании городов будущего.

Во втором десятилетии XX в. в градостроении Западной Сибири появилось новое явление – *город-сад*. Концепция идеального города будущего, разработанная англичанином Э. Говардом, начала применяться и к западно-сибирскому городу. Город-сад здесь стал результатом урбанизационных процессов, наиболее активно начавшихся в Западной Сибири с 1880 г. В архитектуре западносибирских городов появились новые типы зданий и сооружений, уже освоенные в европейской части России, а также новые строительные материалы и технологии. Урбанизационные процессы породили и новые градостроительные проблемы.

В условиях интенсификации градостроительства значительно возросли роли зодчего и, в особенности, инженерно-строительных кадров. Стала востребована не только красивая архитектура, а в первую очередь обоснованная и рационально необходимая. В таких условиях от зодчего требовались не только архитектурно-художественные знания, но и осведомлённость в области конструкций, технологий, геологии и др. Архитекторы, имевшие серьёзную инженерную подготовку, оказались наиболее востребованными в Западной Сибири. Такими специалистами стали выпускники одной из ведущих архитектурно-строительных российских школ – Института гражданских инженеров, а также Томского технологического института.

В проектировании городов-садов в Западной Сибири ведущая роль принадлежала специалистам, имевшим инженерное образование. В основном это были выпускники Института гражданских инженеров. Именно гражданские инженеры стали первыми в Западной Сибири, кто подхватил идею Э. Говарда о создании городов будущего. Институт гражданских инженеров был реорганизован в 1882 г. из российской архитектурно-строительной школы – Строительного училища. Гражданские инженеры, получившие это звание после окончания Института гражданских инженеров, стали зодчими нового типа, отличавшимися от зодчих других архитектурных школ более фун-

даментальными знаниями в области инженерии, экономики, права и т. п. [1]. Универсальность их подготовки делала их наиболее востребованными архитектурно-строительными кадрами в городах Западной Сибири.

Представителем школы Института гражданских инженеров был один из первых российских исследователей движения городов-садов в России – гражданский инженер, профессор А. К. Енш. В своей книге он давал довольно полную картину этого движения во всём мире. Главы книги «Города-сады» были опубликованы в 1910 г. в журнале «Зодчий». Города-сады, или города будущего, должны были представлять собой, писал А. Енш, «созданные по определённом плану поселения на дешёвой земле, которая навсегда должна остаться в общественном владении, так как исключается всякая спекуляция землёю, и прирост её ценности идёт на пользу всего населения» [4, с. 307]. Целью движения в пользу городов-садов, писал А. Енш, должно стать уничтожение тесноты больших городов, что вызывает большую заболеваемость и смертность, а также децентрализация промышленности и более равномерное её распределение по стране. Города-сады призваны были сделаться чем-то средним между городом и деревней, совмещая в себе положительные стороны для проживания в этих двух разных категориях поселений. Города-сады должны были взять от города его цивилизацию, а от деревни – улучшенную экологию.

Местом зарождения идеи города-сада А. К. Енш называл Германию. Именно здесь в 1896 г., констатировал А. Енш, появилась книга Теодора Фрича «Город будущего» (Theodor Fritsch «Die Stadt der Zukunft»). В 1898 г. в Берлине был образован синдикат для осуществления идеи Т. Фрича. Но синдикат просуществовал недолго. Тем не менее идея Т. Фрича была воплощена в разработках англичанина Эбенизера Говарда. В 1898 г. в Англии появилась книга Э. Говарда «Завтра» (E. Howard. «Tomorrow»); следующее издание книги называлось «Garden Cities of Tomorrow». Перевод на немецкий язык был сделан в 1907 г. под заглавием «Gartensiedle in Städte». Но и эта книга была ещё недостаточно востребована и не получила должной оценки у специалистов. Только её переиздание в 1903 г. под названием «Города-сады завтрашнего дня» позволила стать Э. Говарду родоначальником движения строительства новых городов, или городов будущего. Двумя главными факторами реализации своей идеи Э. Говард называл уменьшение количества населения в деревнях и переполнение городов.

К концу первого десятилетия XX в. движение в пользу городов-садов наиболее активно велось в Европе, особенно в Англии и Германии, начали активно включаться в это движение и другие европейские страны. Уже существовали Общества городов-садов во Франции, Голландии и Бельгии. Начиная зарождалось движение за города-сады в Швейцарии, которая старалась пользоваться опытом Германии. В Америке идея города-сада нашла очень горячий отклик: образованная там «Garden-City Association of America» уже в течение первого года существования основала пять учредительных товариществ. Был собран значительный капитал, и 1 октября 1907 г. предполагалось приступить к постройке первого города-сада в Farningdale, Long Island.

В России, писал А. Енш в 1910 г., об устройстве городов-садов ещё не думали и даже с таковыми идеями были мало знакомы (первая заметка о городах-садах появилась на страницах российского журнала «Зодчий» в 1904 г.). Исключение составляла только Варшава, где при Гигиеническом обществе образовался отдел, члены которого, преимущественно врачи и техники, стали вести широкую пропаганду идеи городов-садов. Тем не менее, в России квартирный вопрос был в это время очень актуальным как для «обыкновенного рабочего», так и для «интеллигентного труженика» [5, с. 354]. Общество нуждалось в здоровом жилье, особенно вблизи больших городов. К этому времени уже было создано несколько небольших посёлков вблизи крупных городов. Недалеко от Петербурга появились посёлки Подобедовка, Сосновка и др., подобные же посёлки были построены вблизи Москвы, Киева, Харькова и других крупных городов, где проживал «преимущественно средний чиновный люд».

Значительную популярность в России идеи города-сада приобрели во втором десятилетии XX в. Были реализованы следующие проекты городов-садов: Царский лес под Ригой; посёлок, заложенный в 1913 г. Обществом Московско-Казанской железной дороги по проекту А. И. Таманова и В. Н. Семёнова недалеко от станции Прозоровская; строившиеся в 1913 г. города-сады под Петербургом: за Нарвской заставой, у Полюстровского проспекта; города-сады в Москве на Ходынке и др. В России по инициативе Д. Д. Протопопова и А. Ю. Блоха в 1913 г. было создано Русское общество городов-садов, а позднее Общество изучения городского хозяйства [6]. Вскоре Россия стала членом Международной ассоциации городов-садов и городской планировки.

В Западной Сибири идеи городов-садов стали появляться во втором десятилетии XX в. Наиболее крупные и индустриально развитые города Западной Сибири получили проекты городов-садов. Города-сады были спроектированы для Томска, Омска, Барнаула, Бийска, Кузнецка, Кемерово. Проектировщиками городов-садов выступали, как правило, гражданские инженеры – А. Д. Крячков, И. Ф. Носович, Б. К. Постников, Н. Н. Вернер – или зодчие, имевшие инженерное образование (например, инженер-строитель, выпускник Томского технологического института П. А. Парамонов).

Проект города-сада при Кузнецке был выполнен в 1916 г. гражданским инженером А. Д. Крячковым по заказу руководства акционерного общества «Копикуз» (частное акционерное общество каменноугольных копей и металлургических заводов в Кузбассе) для станции Кузнецк. Проект состоял из генплана, проектов девяти типов одноэтажных жилых домов для железнодорожных служащих, двухэтажного жилого дома на двадцать одного жильца и проект здания для Управления железной дороги [2]. Планировочная система города-сада была радиально-кольцевая. Город-сад предполагалось разместить в 300 м от железной дороги из Кольчугино в Тельбес. Общественный центр города должен был находиться на главной площади, где располагался вокзал, здание управления и церковь. По плану к площади прилегали участки для Народного дома и школы. Три главные улицы расходились от площади лучами, а в местах их пересечения с кольцевой улицей располагались базарные площади. Застройка улиц предусматривалась торговыми зданиями. Одна из улиц-лучей вела к кирпичному заводу, другая – к парку. На краю города находились водонапорные башни и больница. По проекту предусматривалось проведение центрального отопления, канализации и электроосвещения. Проект города-сада при станции Кузнецк не был реализован. Было начато строительство соцгородка при металлургическом комбинате, который стал городским районом. От проекта в планировке города остались три улицы-луча.

Проект города-сада для Барнаула был составлен гражданским инженером И. Ф. Носовичем в 1917 г. и представлен в городскую Думу в октябре 1917 г. При разработке города-сада И. Ф. Носович использовал схему, созданную Говардом и опубликованную в его книге «Города-сады будущего» [7]. Город-сад имел в плане форму круга радиусом 1 км. В центре круга находилась главная площадь, окружённая зелёными насаждениями. Площадь концентрическими кругами окружали улицы, которые пересекались шестью бульварами, идущими радиально. Один из бульваров соединял главную пло-

щадь с вокзалом. По окраине города-сада располагались заводы и фабрики. В жилых кварталах должны были находиться коттеджи с приусадебными участками размерами не менее 0,45 га каждый. В 1918–1819 гг. выделенная для города-сада территория, проходившая вдоль железной дороги, начала застраиваться. Но застройка быстро приобрела стихийный характер. Возможно, одной из причин этого стала необходимость быстрого возведения жилья для горожан-погорельцев, пострадавших от пожара, произошедшего 2 мая 1917 г. Более 10 тыс. человек разместились в наскоро сколоченных лачугах на этом участке. В настоящее время элементы города-сада сохранились в планировке города, формируя одну из площадей города.

В 1915–1917 гг. обществом «Копикуз» проводится строительство железнодорожной ветки от станции Топки Кольчугинской железной дороги до деревни Щегловка. Железнодорожная ветка доходила до левого берега р. Томи, на правом работал каменноугольный рудник, при котором строился посёлок у деревни Кемерово. С 1914 г. стал формироваться центр коксохимического производства на левом берегу у железнодорожной станции, сообщаящийся с рудником подвесной дорогой. Быстрое увеличение поселения у Коксохима потребовало проведения градостроительных мероприятий. Был выполнен проект города-сада для Щегловска. Автором проекта являлся выпускник Томского технологического института П. А. Парамонов. По его инициативе в 1918 г. был организован открытый конкурс на проект города-сада для Щегловска [2]. На конкурс было представлено пять проектов преподавателей Томского технологического института: Я. И. Николина, П. Земскова, два варианта, выполненные А. Д. Крячковым, и проект П. А. Парамонова. Членом жюри по рассмотрению конкурсных проектов города-сада Щегловск Томского района в 1918 г. был ещё один гражданский инженер – Б. К. Постников [3]. По результатам голосования победил проект П. А. Парамонова. По плану П. А. Парамонова город застраивался только до конца 1920-х гг.

Проект перепланировки Омска в город-сад был выполнен в 1921 г. предположительно архитектором А. В. Линецким, занимавшим в это время должность заведующего подотделом благоустройства (в дальнейшем технико-строительный подотдел)¹. В проекте принимал участие и гражданский инженер Д. А. Вебер. Точных доказательств авторства А. В. Линецкого

¹ Возможно, говоря о проектировании города-сада в Омске, следует говорить только о проекте переустройства и расширения Омска. Авторы проекта могли просто использовать некоторые приёмы, близкие к распространённому в то время движению городов-садов. Этот вопрос требует более детального исследования.

до настоящего времени не выявлено. Исследователь В. Г. Рыженко пишет, что «по уровню своей профессиональной подготовки, практическому опыту и интересам к проблемам перспективного развития городов оба инженера-архитектора могли быть разработчиками подобного проекта», но всё же склоняется к авторству А. В. Линецкого [8, с. 230]. Проект города-сада для Омска отличен от проектов для других западносибирских городов. Следует отметить, что центральная часть города Омска уже имела радиально-кольцевую систему, сложившуюся в результате планировки крепости (по её «выстрелам»). Поэтому принципы планировки города-сада хорошо накладывались на уже существующую планировочную систему. При этом следует иметь в виду, что в других западносибирских городах города-сады проектировались не в центральной части города, а вблизи железнодорожных вокзалов или на окраине. Территория бывшей крепости по плану предполагалась под массив сада. Проект расширения и переустройства Омска, выполненный под руководством предположительно А. В. Линецкого, предугадал будущее развитие Омска на левой стороне реки Иртыша. Проект перепланировки Омска демонстрировался на отчётной выставке деятельности отделов губисполкома, приуроченной ко Второму губернскому съезду Советов в июле 1921 г.

Активно велась в Западной Сибири и просветительская работа по вопросу движения городов-садов, в которой принимали участие гражданские инженеры. В созданное в Барнауле отделение Русского общества городов-садов, возглавляемое управляющим Алтайской железной дороги А. В. Ларионовым, входили гражданские инженеры И. Ф. Носович, А. Ф. Ильин, Лупицкий [6]. Активным организатором проекта города-сада для Барнаула был секретарь городской Думы, член Барнаульского отделения Русского общества городов-садов А. И. Петров. Барнаульское отделение занималось вопросами благоустройства, выполнялись и проектные работы. Так, в декабре 1917 г. Барнаульская городская Дума рассматривает представленные Обществом городов-садов чертежи профилей Московского проспекта. При этом Общество предлагает издание обязательных постановлений о содержании улиц, подобно тому, как было сделано в Ново-Николаевске. Представленные «принятые профили вводить немедленно» «в новых частях города и при возобновлении сгоревшей части города» [9, л. 276 об.]. Сибирское отделение Русского общества городов-садов имелось и в Бийске. В Ново-Николаевске началом движения города-сада стали две лекции, прочитанные в 1921 г. А. И. Петровым и инженером Журавлёвым в научном обществе

при Народном музее, а также создание общественной комиссии, занимающейся вопросом строительства города-сада под Ново-Николаевском [8, с. 233]. Частые публикации, а подчас и настоящая полемика разворачивается на страницах западносибирских газет и журналов «Голос труда», «Жизнь Алтая», «Коммунальное дело», «Красное знамя», «Сибирский расвет».

Практически все проекты городов-садов в Западной Сибири не были полностью реализованы. Тем не менее идеи города-сада оставили свой осязаемый след в градостроении Западной Сибири. До настоящего времени в планировке Барнаула, Томска, Новокузнецка сохранились участки бывших городов-садов. О наличии в Омске, Новокузнецке, Томске элементов города-сада можно сегодня судить по оставшимся названиям улиц и небольших поселений. Следует отметить, что идеи «города-сада» были практически сразу подхвачены западносибирскими градостроителями вслед за появлением их в городах европейской части России. Только, в отличие от последних, где авторами были представители различных российских архитектурно-строительных школ, в Западной Сибири авторами являлись в основном выпускники Института гражданских инженеров, а также выпускники Томского Технологического института. Таким образом, зодчие, имевшие архитектурно-инженерное образование, оказали значительное влияние на распространение такого явления, как город-сад, в градостроении Западной Сибири.

Список литературы

1. Бадялов, А. В. Архитектурное творчество гражданских инженеров в Петербурге второй половины XIX – начала XX вв. [Текст] / А. В. Бадялов. – Автореф. дис. ... канд. архитектуры. – Л., 1986. – 18 с.
2. Баландин, С. Н. Города-сады в Сибири [Текст] / С. Н. Баландин, Е. А. Смирнова // Рук. деп. во ВНИИИС Госстроя СССР. – № 6715. – Новосибирск, 1985. – 16 с.
3. Богданова, О. В. Гражданский инженер Борис Константинович Постников [Текст] / О. В. Богданова // Проектирование и строительство в Сибири. – 2005. – № 6 (30). – С. 38–42.
4. Енш, А. Города-сады [Текст] / А. Енш // Зодчий. – 1910. – № 30. – С. 307–310.
5. Енш, А. Города-сады [Текст] / А. Енш // Зодчий. – 1910. – № 35. – С. 353–354.
6. Меерович, М. Г. Рождение и смерть советского города-сада [Электронный ресурс] / М. Г. Меерович. – Режим доступа: http://www.archi.ru/lib/e_publication_for_print.html?id=1850569462 (дата обращения 14.09.2010).
7. Поляков, О. Н. Город-сад [Текст] / О. Н. Поляков // Барнаул: энциклопедия. – Барнаул, 2000. – С. 83.

8. Рыженко, В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования / В. Г. Рыженко. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та; Омск : Омск. гос. ун-т, 2003. – 370 с.
9. Центр хранения Архивного фонда Алтайского края. Ф. 51. Оп. 2. Д. 7.

А. Г. Гольцова

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

ОБРАЗ ГОРОДА НОВОКУЗНЕЦКА В ЛОКАЛЬНЫХ ГРУППАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»¹

В статье приводятся основные положения курсового исследования, посвящённого анализу репрезентаций образа города Новокузнецка в локальных группах социальной сети «ВКонтакте».

Возникновение социальных сетей датируется началом XXI в., но само понятие использовалось социологами ещё с середины прошлого столетия. Термин был введён в 1954 г. социологом из Манчестерской школы Джеймсом Барнсом в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе», вошедшей в сборник «Человеческие отношения». До того многие социальные мыслители выражали мнение о важности рассмотрения общества как сложного переплетения взаимоотношений. Концепции социальных сетей развивали такие учёные, как Д. Барнс, М. Грановеттер, Д. Кнок, С. Вассерман и другие [1]. Актуальность исследования социальных сетей растёт, поскольку в настоящий момент происходит глобализация общемировых процессов, трансформируются социальные институты и сообщества, преобразуются структуры, связывающие эти институты в одно целое. Развитие сетевых технологий приводит к тому, что практически у каждого пользователя персонального компьютера имеется выход в Интернет-пространство десятков различных социальных сетей. Практически каждый пользователь всемирной сети зарегистрирован хотя бы в одной социальной сети. В России с каждым годом растёт численность пользователей Интернета, посетители сети вступают в различные интернет-сообщества, образуя определенные группы людей, ко-

¹ Научный руководитель И. П. Басалаева (Рещикова).

торые общаются, соблюдая определённый порядок, составляя структуру сообщества.

Социальная сеть «ВКонтакте» является одной из наиболее популярных социальных сетей в России, количество пользователей увеличивается каждую минуту, на данный момент число зарегистрированных участников составляет около 75 миллионов пользователей. Население России в 2010 г. насчитывает примерно 141 миллион человек, то есть фактически каждый второй житель Российской Федерации зарегистрирован в социальной сети «ВКонтакте». Это говорит о том, что изучение особенностей процессов коммуникации в социальных сетях – актуальная тематика исследований на сегодняшний день. Пользователи конструируют свою социальную реальность в рамках виртуального пространства, анализ которого позволяет делать выводы об особенностях развития современного общества.

Объединения пользователей по территориальному признаку образуют особые локальные группы, посвящённые определённому городу; практически все города Российской Федерации представлены в данной социальной сети. Участники с помощью различных форумов, фотоальбомов, видео и комментариев конструируют образ своего города, который может значительно отличаться от имиджа города, представленного в традиционных печатных и иных изданиях о данной территории. В настоящее время образ города создаётся в том числе с помощью виртуальных способов коммуникации. Данные инструменты конструирования представлений о городе требуют изучения и интерпретации. В рамках курсового проекта весной 2010 г. мы исследовали образ города Новокузнецка, формируемый пользователями в локальных группах социальной сети «ВКонтакте».

В первую очередь при рассмотрении данной тематики стоит обратить внимание на концепции формирования имиджа города. Фундаментальная разработка проблематики стратегии и тактики формирования внешнего имиджа города предполагает корректное использование понятийного аппарата. При всём обилии научной и практической литературы по управлению имиджами различных социальных и политических субъектов нельзя сказать, что имеется единодушие и методологическая определенность в понимании категории имиджа. Имидж – это некий синтетический образ, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного социального объекта, содержит в себе значительный объём эмоционально окрашенной информации об объекте восприятия и побуждает к опре-

делённому социальному поведению. Имидж находится в ряду таких понятий, как рейтинг, репутация, известность, популярность, престиж, авторитет и др. В социологии, и прежде всего социологии управления, имидж может рассматриваться в контексте теории социальных статусов и ролей, концепции социального действия и взаимодействия, теории конфликта. Образ здесь – продукт собственной психической активности субъекта, связанной с освоением информации об объекте. А имидж – продукт внешней имиджевой деятельности других субъектов, навязанный данному субъекту. Имидж – это действительно некоторый образ объекта, результат активности психики субъекта, связанной с объектом. Но при этом не любой образ объекта может с полным основанием трактоваться как его имидж. В гуманитарных науках образ понимается как отражение в психике субъекта различных (как эксплицитных, так и имплицитных) характеристик какого-либо феномена. Имидж города представляет собой культурно и исторически обусловленное проявление коммуникативной функции культуры и базируется на такой константе, как ценность. Имидж города по сравнению с простой констатацией фактов о городе имеет одно неоспоримое отличие: он является знаково-символической конструкцией. Имидж территории – это совокупность или система базовых обобщённых представлений об определённой территории, создаваемая, представляемая и транслируемая преимущественно с помощью СМИ в конкретных политических, социокультурных, экономических целях [2].

Образ города представляет собой совокупность элементов группового (городского) сознания, куда входят: стиль городского управления; восприятие города; городской психологический климат (эмоциональная сторона жизни в городе); система групповых ценностей и норм городской жизни; городское общественное мнение; традиции города, которые могут иметь типичные или индивидуальные компоненты. Образ города – это синтез статуса, облика, «души» города, городского фольклора (в том числе «городской мифологии»), стереотипных представлений о городе, эмоциональных связей с городом (эмоции, чувства, ожидания, надежды, отношение к городу), городской символики (название, флаг, герб, эмблема, девиз, гимн и т. п.). Образ города выполняет ряд функций:

- коммуникативную. Через образ города (на основе каких-либо его особенностей) происходит установление контактов между горожанами и формирование соседства, сообщества;

- мировоззренческую функцию. Особенности территориального образа во многом конституируют картину мира горожанина;
- социализирующую функцию. Социальные нормы, которые усваивает человек – это опять же нормы непосредственного окружения. Особенно значимы первичные нормы поведения. Большинство людей, наверное, их усваивают в семье. Но в городах всегда было немало «людей улицы». Гаврош – беспризорный мальчик Парижа из романа В. Гюго «Отверженные» – стал нарицательным именем. Культура беспризорников – это в значительной степени городская субкультура. Образ города включает в себя представления о нормах поведения в городе вообще;
- функцию личностной самореализации. Образ города – это прежде всего конструкция личностного пространства: пространства отношений, связей, значимых предметов и фрагментов городской среды. Личностно значимые аспекты жизни определяют и траекторию территориальной мобильности;
- прагматическую функцию. Адекватный образ города «практичен» в том смысле, что он позволяет правильно ориентироваться и на территории, и в пространстве отношений. Но у людей разные представления о пользе, поэтому и различна прагматика отношения к городу. Образ города возникает в процессе осознания прагматических целей [3].

Особенностями искусственного построения имиджа и образа города занимается городская маркетинг, призванный формировать и совершенствовать представление о городской территории. *Городской маркетинг* – это процесс планирования, координации и контроля прямых связей городского управления... с его различными партнерами и целевыми группами. Информационный маркетинг города – это совокупность действий, направленных на продвижение положительной информации о городе с целью создания как во внутренней, так и во внешней среде благоприятного отношения к городу.

Один из способов работы с образом города – формирование представления о городской территории в виртуальном пространстве сети. В современной философии виртуальная реальность рассматривается: а) как концептуализация революционного уровня развития техники и технологий; б) как развитие идеи множественности миров; в) как технически конструируемая при помощи компьютерных средств интерактивная среда порождения и оперирования объектами.

Социальная сеть – интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками сети. Сайт представляет собой автоматизированную социальную среду, позволяющую общаться группе пользователей, объединённых общим интересом. К таким сайтам относятся и тематические форумы, особенно отраслевые, которые активно развиваются в последнее время. Социальная сеть направлена на построение в Интернете сообществ из людей со схожими интересами и/или деятельностью. Связь осуществляется посредством сервиса внутренней почты или мгновенного обмена сообщениями. Существуют социальные сети для поиска не только людей по интересам, но и самих объектов этих интересов: веб-сайтов, прослушиваемой музыки и т. п. Обычно на сайте сети возможно указать информацию о себе (дату рождения, школу, вуз, любимые занятия и другое), по которой аккаунт пользователя смогут найти другие участники. Социальные сети бывают следующих видов:

а) по принципу вступления пользователей:

- открытые (для любого пользователя);
- закрытые (социальная сеть для особых лиц).

б) по видам целей:

- сервисные социальные сети. Позволяют пользователям объединяться в режиме он-лайн вокруг общих для них интересов, увлечений или по различным поводам. Например, некоторые сайты предоставляют сервисы, с помощью которых пользователи могут размещать для общего доступа персональную информацию, необходимую для поиска партнеров. Примеры: «*LinkedIn*», «*ВКонтакте*»;
- коммерческие социальные сети. Ориентированы на поддержку бизнес-транзакций и формирование доверия людей к брендам на основе учёта их мнений о продукте, о том, как сделать его лучше и т. п., тем самым позволяя потребителям участвовать в продвижении продукта и расширяя их осведомленность.

Существует статистика относительно количества сайтов, обслуживающих социальные сети, и доли их пользователей среди жителей России (таблица 1).

Таблица 1 – Рейтинг по посещаемости социальных сетей в России

Социальная сеть	Электронный адрес	Доля российских пользователей, %
1. «ВКонтакте»	vkontakte.ru	78,8
2. «Мой мир»	mail.ru	72,0
3. «Одноклассники»	odnoklassniki.ru	67,5

Социальные сети, представленные в Интернете, можно упорядочить по странам, в которых наиболее интенсивно используются данные ресурсы:

- 1) Россия: «ВКонтакте», «Мой мир», «Одноклассники», «ЛайвДжурнал», «Рутуб», «Дайри», «Мамба», «Лавпланет», «Беон», «Мир тесен», «Мой круг»;
- 2) США: YouTube, Wikipedia, Blogger, Facebook, Twitter, Flickr, Myspace;
- 3) Великобритания: Party Pocker;
- 4) Германия: Travian.

Социальные сети, создающиеся для отдельной группы лиц, объединённых по какому-либо признаку, называются закрытыми. Для вступления в ряды членов данного интернет-сообщества индивид должен обладать какими-либо физическими качествами, заниматься определенным видом деятельности, иметь значительный денежный капитал и т. п.

По мере зарождения и развития регионального сегмента российского Интернета, расширения спектра технических и технологических возможностей, наряду с классическими методами городского маркетинга всё большее применение стали находить он-лайн-технологии формирования имиджа города. В период 1999–2005 гг. в регионах стали понимать, что сайт не только является удобной площадкой для размещения информации, адресованной различным группам общественности, в том числе находящимся в других странах и регионах, но и предоставляет возможность для налаживания обратной связи с аудиторией. Сайт перестаёт быть просто визитной карточкой территории. Он становится основным каналом формирования имиджа территории в Интернете. С появлением технологий Web 2.0 практически каждый представитель общественности в той или иной степени может оказывать влияние на формирование имиджа региона, например, с помощью публикации своих постов о регионе в блогах. Блоги (или он-лайн-дневники) довольно быстро заняли достойное место в региональном интернет-пространстве. Пользователи сетевых дневников активно комментируют все потенциально

интересные события, происходящие в мире и в регионе. В сети уже существуют блоги, посвящённые отдельным регионам и городам.

В данном исследовании для изучения образа города использовался метод контент-анализа, который нередко применяется в визуальной социологии. Это новое направление социологической науки, изучающее социальные и культурные явления сквозь призму социальных образов и репрезентаций. Визуальная социология как метод входит в число качественных методов социологии. К визуальным источникам социологической информации относят фотографии, фильмы, произведения искусства, рекламу. В нашей курсовой работе использовался контент-анализ – метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления или измерения различных фактов и тенденций, отражённых в этих документах. Объектом контент-анализа в нашей работе были фотоальбомы города Новокузнецка в локальных группах социальной сети «ВКонтакте», составленные пользователями и помещённые в специальные локальные группы, посвящённые городу Новокузнецку. Данные группы имеют свою структуру, которая включает в себя:

- название;
- тип (например, «Клуб»);
- категория (например, «Общие интересы – Общество»);
- описание;
- контактная информация;
- обсуждения (форум);
- фотоальбомы;
- видео;
- аудиозаписи.

Мы анализировали следующие элементы групп: название, описание, фотоальбомы, обсуждения (в некоторых группах). В частности, представленные в локальных группах фотоальбомы города Новокузнецка мы рассматривали по следующим категориям анализа:

- 1) Административно-территориальное деление города (фотографии районов: Центрального, Кузнецкого, Новоильинского, Новобайдаевского, Орджоникидзевского, Заводского, Куйбышевского) и периферийные участки городского пространства;
- 2) Природные ландшафты городской и внегородской территории (пейзажные снимки, фотографии «природных объектов» в черте города;

пейзажные снимки внегородской территории – прежде всего природных ландшафтов);

- 3) Объекты промышленности (фотографии заводских территорий – Западно-Сибирский металлургический комбинат, Новокузнецкий металлургический комбинат, а также снимки с маркерами индустриальности, в частности, дым из труб на фотоснимках городских пейзажей);
- 4) Новокузнецк «как мегаполис» (фотографии ночного города, торгово-развлекательных центров, банков, новостроек, снимки транспортной динамики, в том числе запруженных автомобилями улиц, дорожных развязок, пешеходных мостов);
- 5) Символически выделенные объекты города (скверы, сады, парки, фонтаны, некоторые символически нагруженные административные объекты, храмовые сооружения);
- 6) Объекты сугубо урбанистического пространства (городские площади, вокзалы, театры и кинотеатры, мосты, фонари, уличные урны и др.);
- 7) Исторические объекты города (Кузнецкая крепость, Спасо-Преображенский собор, памятники, памятные места);
- 8) Горожане (дифференцированные по возрастному, гендерному, субкультурному признакам);
- 9) «Тексты города» (в этой категории анализировались вывески, наружная реклама, геральдика, граффити и др.).

Контент-анализ фотоальбомов локальных групп социальной сети «ВКонтакте», осуществлённый по выделенным категориям, даёт возможность описать образ города Новокузнецка, репрезентированный в данном интернет-сообществе.

Во-первых, город позиционируется как современный, «продвинутый», развивающийся мегаполис, который, кроме дневной «рабочей» жизни, имеет и «ночную» жизнь, ориентирующую горожан на развлечения, на самые разнообразные способы проведения досуга. Свет ночных огней, неоновые лампы торгово-развлекательных центров, блеск фар автомобилей – элементы картины яркого, современного города, который живёт активной жизнью.

Во-вторых, город Новокузнецк в пользовательских фотоальбомах представляется как город промышленный, город металлургии и тяжёлой промышленности. Дым из труб, строительство различных объектов, заводы являются часто встречающимися объектами съёмки. Городское пространство

позиционируется как своеобразно сочетающее в себе элементы двух противоположных сторон: это и «город-сад» (цветущий, зелёный, яркий), и город промышленный (задымленный, олицетворяющий тяжёлое производство). Вместе с этим позиционирование города включает в себя репрезентацию различных исторических объектов; Новокузнецк представляется как *город с историей*, как город, имеющий культурно-историческое наследие.

Помимо традиционных образов города Новокузнецка, в виртуальном пространстве конструируется его совершенно необычный образ: город с неизвестным опытом, содержащий в себе непривычные элементы городской архитектуры, не вписывающиеся в традиционные ряды позиционирования города. Новокузнецк представляет собой пространство, включающее в себя отдельные территории, объекты, тексты, несущие в себе неизвестный и прямо таинственный смысл, привлекающий к себе внимание, порождающий различные догадки, версии появления. Данная особенность отличает виртуальный образ города Новокузнецка от привычного «реального», представленного в сознании жителей города.

Характерно, что виртуальный образ города Новокузнецка не включает в себя его жителей; фотоснимки различных элементов производства, архитектуры, достопримечательностей не подразумевают рядом с этими объектами никаких людей – ни их создателей, ни их «пользователей». Город представляется как отчуждённый от своего населения, возможно – пользователи не идентифицируют себя с городской территорией.

Начало XXI в. – это начало новой эпохи с глобальными изменениями социальной реальности. Развитие компьютерных и сетевых технологий привело общество к возможности существования в «параллельном мире» – в виртуальной реальности, которая воспринимается индивидами как неотъемлемая часть повседневной жизни (живое общение заменяется виртуальным, привычные коммуникации переносятся в сетевой мир). В локальных группах социальных сетей, созданных по территориальному признаку, в результате коммуникаций пользователей конструируется образ территории, на которой живут участники этих сообществ. Данный образ содержит в себе компоненты и общеизвестного представления о городе, и новые, созданные в результате виртуальных коммуникаций. Изучение виртуальных процессов конструирования образа города – новая отрасль социологических исследований, которая широко развивается в современном мире.

Список литературы

1. Градосельская, Г. В. Сетевые измерения в социологии [Текст] : учеб. пособие / Г. В. Градосельская. – М. : Новый учебник, 2004. – 196 с.
2. Гавра, Д. П. Категория имиджа: сущность и основные характеристики // Имидж государства и региона в современном информационном пространстве: материалы симп. / под ред. А. Д. Кривоносова. – СПб., 2010.
3. Куриленко, Е. А. Образ города как объект социологического анализа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sociologist.nm.ru/articles/Kurilenko_01.htm
4. Панкрухин, А. П. Имидж Москвы: динамика и ресурсы развития [Текст] /А. П. Панкрухин // Имиджеология-2004: состояние, направления, проблемы. – М., 2004. –109 с.
5. Социальная сеть. Материалы свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

А. С. Двуреченская, А. В. Фёдорова

ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», г. Кемерово

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГОРОДЕ В КУЛЬТУРЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В статье рассматриваются ренессансные модели образа идеального города и его конкретные воплощения в эпоху Возрождения.

Образ идеального города волновал многих европейских философов, архитекторов, скульпторов и живописцев на протяжении сотен столетий. Эпоха Ренессанса внесла свои культурные и творческие коррективы в этот образ. Мастера Возрождения воплощали те идеи, которые уже звучали в античной культуре и философии: гуманизм, гармония природы и человека. Не случайно мыслители этого периода вновь обращаются к мечте Платона об идеальном государстве и идеальном городе. Новый образ города рождается сначала как творческий замысел, некая формула идеального пространства. В то же время идея идеального города появилась как своего рода протест против Средневековья, выразившийся в развитии античных градостроительных принципов.

В отличие от средневекового города, воспринимавшегося как некое, пусть и несовершенное, подобие «Небесного Иерусалима», воплощение не человеческого, но божественного замысла, город Возрождения был создан человеком-творцом. Человек не просто копировал уже существующее, он со-

зидал более совершенное и делал это в согласии с «божественной математикой». Город Возрождения был создан для человека и должен был соответствовать земному миропорядку, его реальной социальной, политической и бытовой структуре. При этом в градостроительстве Возрождения теория и практика развиваются параллельно. Строятся новые здания и перестраиваются старые, формируются архитектурные ансамбли и одновременно пишутся трактаты, посвящённые архитектуре, планировке и укреплению городов. Изучаются вопросы композиции, гармонии, красоты, пропорции. Этим идеальным построениям, как и планировке ренессансного города, свойственны рационализм, геометрическая ясность, центричность композиции, гармония между целым и частями. Архитектуру Возрождения роднит с античной архитектурой не только понятие красоты пропорций, но и идея человека, стоящего в центре всех построений. Внимание к личности было столь велико, что даже архитектурные сооружения уподоблялись человеческому телу как эталону совершенных пропорций.

Образ идеального города заинтересовал прежде всего архитекторов Ренессанса, непосредственно занимавшихся проблемами градостроительства. Уже в раннем Возрождении итальянский архитектор Антонио Филарете в «Трактате об архитектуре» даёт описание «идеального города» Сфорцинды. Город представлял собой в плане восьмиугольную звезду, образованную пересечением под углом в 45° двух равных квадратов со стороной 3,5 км. В выступах звезды располагались восемь круглых башен, а в «карманах» – восемь городских ворот. Ворота и башни соединялись с центром радиальными улицами, часть из которых представляла собой судоходные каналы. В центральной части города на возвышении располагались главная, прямоугольная в плане площадь, по коротким сторонам которой должны были находиться княжеский дворец и городской собор, а по длинным – судебные и городские учреждения. В центре площади размещались водоем и дозорная башня. К главной площади примыкали две другие, с домами наиболее именитых жителей города. На пересечении радиальных улиц с кольцевой улицей располагались ещё шестнадцать площадей: восемь торговых и восемь для приходских центров и церквей [3].

В 50-е гг. XV в. появляется знаменитый трактат «Десять книг об архитектуре» Леона Альберти. Это был, по существу, первый теоретический труд новой эпохи на тему градостроительства. Особый интерес представляют его рассуждения о понятии красоты. Альберти считал, что «красота есть строгая

соразмерная гармония всех частей, объединяемых тем, чему они принадлежат, – такая, что ни прибавить, ни убавить, ни изменить ничего нельзя, не сделав хуже» [3]. Фактически итальянский архитектор первый провозгласил основные принципы городского ансамбля Возрождения, связав античное чувство меры с рационалистическим началом новой эпохи. К этим принципам относятся: заданное соотношение высоты застройки к расположенному перед ней пространству, согласованность архитектурных масштабов главных и второстепенных зданий, уравновешенность композиции и отсутствие диссонирующих контрастов.

Видным теоретиком городской архитектуры Возрождения был Андреа Палладио. В своём трактате «Четыре книги об архитектуре» он размышляет о целостности городского организма и взаимосвязи его пространственных элементов, считая, что «город – не что иное, как некий большой дом, и наоборот, дом – некий малый город» [3]. Заметное место в трактате Палладио отводится вопросам интерьера зданий, их габаритам и пропорциям.

Построение теории города в эпоху Возрождения было тесно связано с изучением наследия античности, в частности, трудов Платона и Витрувия. В диалогах «Государство» и «Критий» Платон даёт описание идеального города-государства. В плане центральная часть данного города представляла собой чередование водных и земляных колец. Внешнее водное кольцо было соединено с морем каналом длиной в 50 стадиев (1 стадий – около 193 м). Земляные кольца, разделявшие водные, имели вблизи мостов подземные каналы, приспособленные для прохода судов. Самое большое по окружности водное кольцо имело в ширину три стадия, таким же было и следовавшее за ним земляное; следующие два кольца, водное и земляное, были шириной в два стадия; наконец, водное кольцо, опоясывающее находившийся в середине остров, было в стадий шириной. Остров, на котором стоял дворец, имел пять стадиев в диаметре и был, так же как и земляные кольца, обведён каменными стенами. Кроме дворца, внутри акрополя находились храмы и священная роща. На острове имелись два источника, в изобилии дававшие воду для всего города. На земляных кольцах было сооружено множество святилищ, садов и гимнасиев. На самом большом кольце по всей его длине был устроен ипподром. По обе его стороны стояли помещения для воинов, но менее верные из них были размещены на меньшем кольце, а самым надёжным стражам были даны помещения внутри акрополя. Весь город на расстоянии

в 50 стадиев от внешнего водного кольца опоясывала начинавшаяся от моря стена. Пространство внутри нее было густо застроено [3].

Мыслителям и архитекторам Возрождения был также хорошо знаком трактат М. Витрувия «Десять книг об архитектуре». Авторитет Витрувия подчеркивали Альберти, Палладио, Вазари. В работе, посвященной императору Августу, древнеримский зодчий обобщил опыт архитектуры и градостроительства Греции и Рима. Он рассматривал ставшие уже классическими вопросы выбора благоприятной местности для основания города, размещения главных городских площадей и улиц, типологии зданий. С эстетической точки зрения Витрувий советовал придерживаться известной системы архитектурных ордеров, разумной планировки, соблюдения равномерности ритма и строя, симметрии и соразмерности, соответствия формы назначению и распределения ресурсов [1]. Сам Витрувий не оставил изображения идеального города, однако многие архитекторы Возрождения создали схемы городов, в которых отразили его идеи. В частности, А. Гутнов и В. Глазычев в исследовании по истории города отмечают, что среди теоретиков ренессансной архитектуры была популярна схема города в виде звезды. Они полагают, что это было связано с идеями осевой перспективы и центрального сооружения [2]. Эти идеи нашли свое отражение не только в проектах идеальных городов, но и в художественных образах Возрождения. В частности, работы художников Пьеро делла Франчески «Идеальный город» и Рафаэля Санти «Обручение Марии» демонстрируют живописный вариант реализации данных идей.

Проект звездообразного города был осуществлён в реальности итальянским архитектором Виченцо Скамоцци при строительстве города-крепости Пальма Нуова. От расположенных в форме многоугольника бастионов к зданию в центре города вели радиальные улицы. В центре города либо стояла башня, либо он оставался свободным от застройки, из этой идеальной точки можно было просматривать диагонально идущие улицы в перспективном ракурсе. Несомненно, что резко очерченная форма города в виде шести-, девяти- и двенадцатиконечной звезды определялась функцией обороны с применением огнестрельного оружия. По мнению А. Гутнова и В. Глазычева, результат подобного воплощения идеи города-звезды оказался обескураживающим: «Примитивная геометрия плана порождает быстрое разочарование и скуку у всякого, попавшего в этот город» [2].

Некоторые современные исследователи полагают, что образ идеального города воплощает в себе ещё один итальянский город – Пиенца, в плане

которого присутствует прямоугольная сетка улиц. Подобные сетки закладывались при строительстве греческих и римских городов.

Таким образом, с одной стороны, идеальный город в эпоху Ренессанса виделся архитекторам и художникам через градостроительные идеи, характерные для античности. Это выразилось в разумной планировке, соблюдении равномерности ритма и строя, симметрии и соразмерности, соответствии формы назначению и распределении ресурсов, применении ордерной системы в планировке и декоре зданий. С древних времен и до Возрождения центральным местом города оставалась площадь. С другой стороны, идеи осевой перспективы и центрального сооружения, выраженные в проекте города-звезды, стали основой для городского планирования ренессансного города как военного бастиона. Подобная звездообразная планировка становится существенной характеристикой в строительстве последующих европейских городов периода барокко.

Список литературы

1. Витрувий. Десять книг об архитектуре [Текст] / Витрувий. – М. : Архитектура-С, 2006. – 328 с.
2. Гутнов, А. Э. Мир архитектуры: Лицо города [Электронный ресурс] / А. Э. Гутнов, В. Л. Глазычев. – Режим доступа: http://www.glazychev.ru/books/mir_architecture/index.htm.
3. Хромов, С. Мечты об идеальном городе [Электронный ресурс] / С. Хромов. – Режим доступа: http://www.newacropolis.ru/magazines/3_2001/Mecht_o_ideal_gorode/.

Е. Н. Дюдина

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВОКУЗНЕЦКА В ПРЕЗЕНТАЦИОННЫХ ИЗДАНИЯХ О ГОРОДЕ¹

В статье приводятся основные положения курсового проекта, посвящённого анализу репрезентаций города Новокузнецка в презентационных изданиях о городе.

¹ Научный руководитель И. П. Басалаева (Рещикова).

В начале XXI в. вопросы городского развития тесно связываются с репрезентацией города. Причина этого – новая ступень развития общества, когда вопросы имиджа, образа, бренда становятся факторами изменения реальности. Положительный образ города необходим для привлечения финансовых инвестиций, туристов и улучшения социального самочувствия жителей города. Образ города влияет на различные стороны городского развития, прежде всего на экономику, культуру, миграционные процессы, а также на отношение жителей к городу.

Репрезентация – это создание образа, дающего определённое представление об объекте, это представление объекта, но не прямое, коим является презентация, а опосредованное, т. е. посредством каких-либо идей или образов. Репрезентация возникает в силу отсутствия в момент представления объекта, который она репрезентирует [1]. В рамках курсового проекта весной 2010 г. мы исследовали репрезентацию города Новокузнецка в так называемых презентационных изданиях о городе, которые в настоящее время должны рассматриваться как один из инструментов территориального маркетинга.

Территориальный маркетинг – это маркетинг в интересах территории, её внутренних субъектов, а также внешних субъектов, во внимании которых заинтересована территория. Конкретным инструментом маркетинга территорий является *программа продвижения территории*, которую разрабатывают территориальные органы власти и управления. Она представляет собой систему действий, которые выявляют и поддерживают конкурентные преимущества территории, способные сохраняться длительное время. Это формирует имидж территории. *Имидж территории* – это совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков территории, собственного опыта и слухов, влияющих на создание определенного образа [2]. На основе ярко выраженного положительно имиджа формируется бренд. *Бренд* территории рассматривается как совокупность непреходящих ценностей, отражающих неповторимые оригинальные потребительские характеристики данной территории, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей [3]. Город является «ядром» определенной территории, поэтому для создания бренда территории именно город изначально должен иметь положительный имидж.

Нужно различать понятия «имидж города» и «образ города». *Образ города* можно определить как относительно устойчивую и воспроизводящуюся

в массовом или индивидуальном сознании совокупность эмоциональных и рациональных представлений о городе, складывающаяся на основе всей информации, полученной о нём из различных источников, а также собственного опыта и впечатлений [4]. То есть в самом широком смысле образ города можно определить как совокупность характеристик города, отражённых в сознании людей. Целенаправленно формируемый образ города называется имиджем города.

Для изучения структуры имиджа города Новокузнецка нами были использованы фотографические материалы – как современные, так и относящиеся к советскому времени. Детальное рассмотрение города и его образов, воссозданных в фотографиях, становится важным приёмом рефлексии и понимания городской жизни, поскольку именно оно дает возможность открыть новые грани повседневности. На фотографии могут отображаться различные аспекты окружающей действительности. С первых лет существования фотографии взаимоотношения города и фотографического изображения оказались гораздо сложнее, нежели простое техническое удобство фиксирования городской жизни на фотопластинках. Репрезентации города создают клише от реального городского пространства. Так, псевдоисторичность, тиражируемая туристическими открытками, стремится превратить города в застывшие архитектурные шедевры прошлого. Её активным агентом становится турист, инвестирующий определённые смыслы в «узнавание» городского пространства, запечатлённого на многочисленных открытках и в путеводителях. Для привлечения туристов город меняется, стремясь соответствовать вкусам публики и потенциальных инвесторов [5]. Эти изменения можно изучить с помощью презентационных изданий о городе. Презентационные издания о городе – это издания, которые представляют город в специфическом ракурсе. Вообще под презентацией понимается рекламное мероприятие, включающее в себя демонстрацию товара. Презентация может быть представлена в виде видеофильма, слайдов или в текстовом варианте. В данном случае в роли «товара» выступает город, который демонстрируется некоторому кругу потенциальных потребителей посредством печатных изданий.

В рамках курсового проекта было проанализировано четырнадцать презентационных изданий о Новокузнецке разных лет, среди которых можно выделить фотоальбомы о городе, наборы открыток о городе и информационные издания о городе. В фотоальбомах чаще всего бывает представлена минимальная историческая справка о городе, основной массив информации –

именно фотографии городских объектов или сюжетов. Информационные издания содержат систематизированные сведения о документах (опубликованных, неопубликованных) либо результаты анализа и обобщения сведений, представленных в первичных источниках [6]; фотографии являются дополнением к основному тексту. Презентационные издания мы разделяем на две группы в зависимости от времени издания: советские (изданные до 1990 г., их пять) и постсоветские (их девять). Среди четырнадцати презентационных изданий насчитываются три набора открыток, семь фотоальбомов о городе и четыре информационных издания.

С формальной точки зрения, фотография – это прежде всего документ, прямое назначение которого – иллюстрация, регистрация, подтверждение различных событий. Следуя этой логике, анализ фотографии как документа должен осуществляться соответствующим методом, которым является контент-анализ [7]. Для контент-анализа презентационных изданий о городе было выдвинуто четыре категории:

- 1) статус издания (определяемый наличием вступительного слова и/или фотографии главы города/губернатора; местом издания; качеством полиграфии; наличием воспроизведённой геральдики; тиражом; наличием благодарностей (и статусом их адресатов); указанием на спонсорскую помощь; заказным характером издания; фотографиями высокопоставленных лиц и/или их факсимильными подписями; наличием информационных подписей фотографий; наличием аннотаций исторического характера; переводом на иностранные языки; наличием таких элементов традиционной книги, как атласные закладки, футляры и пр.);
- 2) нарративная структура издания. Нарратив представляет собой форму, внутренне присущую нашим способам получения знания, которая структурирует наше восприятие мира и самих себя. Нарратив может очерчивать сугубо индивидуальные и ситуационно-специфические версии реальности, используется в общепринятых лингвистических формах, таких как жанры, структуры сюжета и т. д. В общепринятом и обобщённом смысле нарратив – это имя некоторого ансамбля лингвистических, визуальных и психологических структур, передаваемых культурно-исторически [8]. Нарративная структура издания определяется в том числе построением повествования в логике перехода «от района к району» (существенна уже самая их последовательность), риторика обложки и этикетных частей текста (приветствия, благодарно-

сти и т. п.), специфика текстов (подписей под фотографиями), интертекстуальные связи в пределах издания;

- 3) объекты съёмки. Выделяется несколько типов объектов съёмки: градостроительные объекты, символически выделенные объекты, городская инфраструктура, «мегаполис» (образ современного города), промышленные объекты;
- 4) сюжеты съёмки (сезон года, погодные условия, время суток, жанровые съёмки).

Всего нами было проанализировано 1068 фотографий, в том числе 37 % (395 шт.) из советских изданий и 63 % (673 шт.) из постсоветских, так или иначе изображающих городское пространство.

При анализе фотографий советского периода существует определенная сложность с идентификацией районов города, настолько в настоящее время изменились соответствующие локусы. Но среди тех, которые можно без затруднений соотнести с современными, явно преобладают Кузнецкий и Центральный районы. На постсоветских фотографиях представлены все районы современного Новокузнецка, но в разном соотношении: 75,5 % объектов находятся в Центральном районе, 11,6 % – в Кузнецком, в наименьшей степени представлен Новоильинский район – 1,7 % снимков. Центральный район, как и следует из его названия, является современным центром города, его наиболее презентабельной территорией. Кузнецкий район считается «исторической частью» города. Именно поэтому данные районы, особенно Центральный, отражены в большей степени. Новоильинский район ещё совсем молодой и не обладает большим количеством отличительных и презентационных локусов, возможно, поэтому он и представлен минимально.

Среди других градостроительных объектов в равной степени в фотоальбомах представлены мосты и новостройки. В советских альбомах преобладают стройки 72 % (по сравнению с 15,2 % в постсоветское время). Это можно объяснить тем, что в советское время исторический Кузнецк активно застраивался. Но в альбомах постсоветского времени преобладают фотографии автостоянок (17,7 %) и дорог, заполненных автомобилями (46,8 %). Город презентуется как динамично развивающийся, мобильный, полный движения и жизни.

Среди объектов городской инфраструктуры в альбомах преобладают снимки досуговых учреждений (25,6% – в советских и 27 % – в постсоветских), имеются фотографии магазинов (6,3% – в советских и 7,2 % – в пост-

советских). В достаточном количестве представлены символически выделенные объекты. В советских изданиях это преимущественно парки, скверы, сады (29,5 %), памятники (27,3 %) и храмовые сооружения (20,5 %). В постсоветских альбомах наиболее часто изображаются памятники (32,1 %), парки, скверы, сады (20,4 %), исторические здания (15,8 %) и фонтаны (13,6 %). Таким образом, в рассмотренной нами выборке на постсоветских фотографиях появляются фонтаны и исторические здания, и в то же время реже фиксируются храмовые сооружения (возможно, потому, что в последние годы появляются специальные фотоиздания, посвящённые храмовым сооружениям кузбасских городов).

Объекты, показывающие город как «мегаполис», в советских альбомах почти отсутствуют. В настоящее время активно конструируется образ Новокузнецка как мегаполиса, самая распространённая технология при этом – обильная фотофиксация большого количества банков (50 %) и торговых центров (33,3 %).

Основной отраслью в Новокузнецке считается промышленность, поэтому почти все презентационные издания содержат фотографии промышленных объектов. Со временем количество этих фотографий сильно не меняется: в постсоветских альбомах наряду с заводами, дымом из труб, металлургическим производством появляются фотографии угольных компаний и шахт, хотя в очень малом количестве (6 % и 1,5 % соответственно).

Для контент-анализа репрезентаций города в альбомах были также выделены специфические условия съёмки, к которым отнесены сезон года, время суток и погодные условия. Явно преобладает лето: 74,6 % фотографий, снятых в советское время, и 58,4 % постсоветских. Достаточно редко встречаются фотографии, сделанные осенью или весной. Летние фотографии придают городу образ «вечнозелёного», молодого, красивого города-курорта, где люди могут постоянно отдыхать, – таковы, видимо, современные представления о положительном образе города. В советских фотоальбомах 95,1 % фотографий сделаны в ясную погоду. В постсоветских альбомах такие снимки тоже преобладают – их 63,8 %, но уже появляются кадры, сделанные сразу после дождя, в облачную или пасмурную погоду. В современных альбомах 7,2 % в сравнении с советскими увеличилось число ночных фотографий Новокузнецка. Так фотографически легитимирована его «ночная жизнь».

Среди жанровых снимков преобладают посвящённые повседневным городским ситуациям. В советское время это были митинги, демонстрации

и – значительно реже – свадьбы. После 1990 г. чаще встречаются фотографии праздников, концертов, выставок, шествий, что создаёт образ «перманентно праздничного» города.

Итак, в постсоветских презентационных изданиях появляются фотографии, представляющие город как современный, динамично развивающийся, самодостаточный, в то время как альбомы советского периода фиксируют в основном период строительства города и его начального развития. В настоящее время, когда территории стали «товаром», который нужно «продвигать» на рынке, любому городу стараются придать положительный образ. Основные модели образов, которые конструируются в презентационных изданиях о Новокузнецке, можно условно-лаконично сформулировать так: «Новокузнецк – город металлургов», «Новокузнецк – новый, развивающийся город», «Новокузнецк – город-сад», «Новокузнецк – южная столица Кузбасса» и «Новокузнецк – сибирский город». Будет интересно проинтерпретировать эти условные модели.

Список литературы

1. Ким, И. В. Модели репрезентации и проблема социальных симулякров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0048\(04_02-2007\)&xsl=showArticle.xslt&id=a04&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0048(04_02-2007)&xsl=showArticle.xslt&id=a04&doc=../content.jsp).
2. Петрова, Е. А. Геополитическая имиджелогия: начало и перспективы развития // Имидж государства и региона в современном информационном пространстве [Текст]: материалы симп. (23–24 марта 2009 г.) / отв. ред. А. Д. Кривоносов. – СПб : Роза мира, 2010. – 428 с.
3. Панкрухин, А. П. Территориальный маркетинг [Текст] // Маркетинг в России и за рубежом. – 1999. – № 5.
4. Дмитриевская, Н. Ф. Образ города как социальный феномен [Текст] / Н. Ф. Дмитриевская. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 1999. – 192 с.
5. Запорожец, О. Потеряться, чтобы увидеть: опыты фотографического восприятия города [Текст] / О. Запорожец, Е. Лавринцев // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. / под ред. Е. В. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. – Саратов : Научная книга, 2007. – 528 с.
6. Кушнарченко, Н. В. Характеристика отдельных видов и типов документов [Текст] // Делопроизводство. – 2002. – № 3.
7. Печурина, А. В. Особенности репрезентации современного спорта (на примере Евро-2004) [Текст] : магистерская диссертация. – М., 2005. – 63 с.
8. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы [Текст] / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.

И. С. Жигалова

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

ФЕНОМЕН ПРАЗДНИКА В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. НОВОКУЗНЕЦКА)

В статье исследуется функциональная и идеологическая трансформация советской и постсоветской праздничности, начиная с 1930-х гг. и заканчивая сегодняшним днём.

Праздник во все времена у всех народов был особым событием, выделяющимся из череды будней, имеющим особое значение. На протяжении истории человечества праздничная культура выработала множество правил и ритуалов, мифов, которые сохраняли память о значимых датах, событиях, отмечаемых в разных странах, городах, семьях, трудовых сообществах. Несмотря на многокрасочность и разнообразие культурно-исторических форм празднования, выработанных многовековым опытом всех народов мира, праздник всегда оставался универсальной формой эмоционального, символического, ценностного и мировоззренческого выражения установок коллективного и индивидуального субъектов. Праздник как важнейшая составляющая социальной истории и современности, как неотъемлемый элемент социокультурной системы служит залогом социальной гармонии и интеграции, но одновременно обладает потенциалом нестабильности и беспорядка и потому часто выступает инструментом идеологического управления. В динамично изменяющейся современной социокультурной ситуации в ценностном бытии праздника происходят трансформации: празднества не всегда согласуются со смыслообразующими ценностями, их взаимоотношения приобретают противоречивый характер, праздник сводится к сугубо развлекательно-му явлению ускоренно трансформирующегося бытия [7, с. 18]. Несмотря на это, праздник пронизывает социальную биографию каждого человека и, изменяясь в ходе истории, выступает явлением многоплановым, представляя интерес для социологического осмысления феномена праздника в системе культуры.

Первое советское десятилетие сотворило уникальную гибридную праздничную культуру, вобравшую в себя не только революционный интер-

националистский пафос и романтику, но и – подчас независимо от воли и осознания ее творцов – опирающуюся на опыт, традиции, формы вековой российской праздничности. Эта гибридная праздничная культура, несколько видоизменённая и дополненная в последующие советские десятилетия, пережила сотворившую её политическую систему и вступила в новое столетие [5, с. 26]. Всю советскую праздничную культуру пронизывает идеологическая составляющая, особенно это касается первой половины советского периода. Демонстрации, шествия, митинги, парады являются основными формами праздников в молодой стране Советов. Они служат инструментом идеологической пропаганды и воспитания патриотизма к своей родине. Так, в «сталинский» период все праздники были подчинены следующим основным целям:

- мобилизации, приведению в активное состояние трудящихся масс, сосредоточению и напряжению имеющихся ресурсов, сил и средств для достижения трудовых успехов;
- трансляции мифов господствующей идеологии, которые в принципе пронизывают советские праздники на протяжении всего периода: это мифы монолитности, чуда, труда как высшей ценности, установки на гигантизм и спешку и т. д.;
- поддержанию культа личности И. В. Сталина.

Годовщина Октябрьской революции и День солидарности трудящихся – центральные, главные праздники Советского Союза. Данные праздничные даты отмечались в первую очередь демонстрацией трудящихся. Термин «демонстрация» происходит от латинского *demonstratio* – показывание. По природе своей демонстрация далека от понятия праздника, она определяется скорее как организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации [2]. Таким образом, можно сказать, что демонстрации были необходимы для отслеживания общественных настроений и их контролирования, в то же время они являлись специфической отчётной деятельностью о проделанной работе трудящимися в определённый период времени, в частности, в периоды предпраздничных социалистических соревнований. Трудящиеся не только отчитывались, но и давали клятвы в том, что все усилия бросят на повышение производительности труда. Помимо всего прочего, демонстрации являлись поддержанием идеи монолитного единства советского народа, которая являлась одним

из главных элементов легитимности советского государства, *советского лагеря*, мирового коммунистического движения. Неотъемлемой частью любой советской демонстрации выступал пантеон жёстко регламентированных символов: портреты членов политбюро, Ленина, Сталина, серп с молотом, Маркс с Энгельсом вместе и по отдельности, красные стяги с лозунгами и призывами, улицы, украшенные кумачом, знамена, транспаранты.

Массовые празднества являлись в довоенный «сталинский» период одной из важнейших форм идейно-политической организации и самоорганизации масс, инструментом собирания сил, проявлением энергии творчества инициативы трудящихся. В крупнейших праздниках данного периода определились многие отличительные черты советских массовых празднеств. Основными среди этих черт были: революционное содержание и политическая актуальность, грандиозный размах, широкое привлечение тысяч участников. Праздники, не наделённые символикой из вышеперечисленного списка, в сталинское время – не в почёте.

Такова картина празднования *красных дат* в довоенное сталинское время. С последующим периодом, который мы идентифицируем как «военный», картина меняется, но, скорее, не качественно, а количественно – праздники исчезают с улиц города. Первым изменившим данную ситуацию праздником является День Победы над фашистской Германией – 9 мая, который впоследствии был упразднён на двадцать лет. В этот день люди выходили на улицы праздновать не по гудку теплоэлектростанции, а ведомые внутренними эмоциями – радостью, ликованием, искренней гордостью за свой народ. Несмотря на послевоенную разруху и необходимость восстановления многих сфер народного хозяйства, идеологическая обработка посредством праздников продолжалась. В послевоенный период праздничная культура полностью оживает, вновь по улицам города начинают течь алые потоки ноябрьских и майских демонстраций.

После смерти Сталина начался процесс «десталинизации», который сопровождался постепенным смягчением режима. Официальная идеология стала терять рычаги воздействия на частную жизнь граждан социалистического отечества, но сущность режима всё-таки мало изменилась, и настоящей свободы дано народу не было. Отсюда самым заметным изменением в традиции праздничных демонстраций в «хрущёвский» период является исчезновение лика Сталина из пантеона портретов, достойных быть элементом праздничного убранства. Ноябрьские и майские демонстрации помимо традиционного

кумачового оформления сопровождают макеты плодов, кукурузы, других растений, которые выступают символами дальнейшего подъёма сельского хозяйства страны; присутствуют панно, рассказывающие о светлом завтрашнем дне, о грандиозных планах народного хозяйства и культуры. Страна теперь держит курс не на индустриализацию, а на восстановление сельского хозяйства, поднятие целинных земель, освоение новых сельскохозяйственных культур и пр.

Изменяется отношение к празднованию Нового года. Клубы и дворцы культуры устраивают не только детские новогодние утренники, но и вечера с балами и маскарадами для представителей старших групп населения. Помимо этого, данный праздник выходит на улицы города, о чём в Сталинске (Новокузнецке) свидетельствовала новогодняя ёлка, установленная на площади Маяковского, вокруг которой вращались искусственные модели спутника и ракеты.

Данный период знаменателен появлением, точнее, возрождением, праздника Проводов русской зимы, который ни в одной из статей советских газет того времени не называется Масленицей. Причина этого, скорее всего, в том, что Масленица, будучи изначально языческим славянским праздником, впоследствии слилась с церковной православной традицией. Потому введение подобного праздника было опасным шагом для атеистической советской культуры, и его осторожно называли просто праздником Проводов русской зимы. Естественно, данный праздник в XX в. не может носить той же функции, что сто лет назад, потому как в первую очередь это праздник аграрный, крестьянский, знаменующий собой приближение весеннего сева, – подобные праздники со всей их символикой для индустриального города не являются актуальными. Проводы зимы сегодня – это вариация на тему традиции, которая уже не наделяется тем же смыслом, что раньше, а используется в развлекательных целях.

В «хрущевский» период начинает отмечаться День советской молодёжи, который сопровождала всё та же советская символика – алые стяги, транспаранты и лозунги, молодёжное шествие и карнавал в заключение празднования. К профессиональным праздникам День шахтёра и День железнодорожника добавляются День строителя и День металлурга, которые празднуются по единой схеме: торжественная часть – спортивные соревнования – концертные программы.

В «брежневский» период некоторые праздничные традиции претерпевают изменения. Например, можно увидеть трансформации в праздновании 8 марта, которое всё так же отмечается торжественным собранием, но из сюжета празднования исчезают доклады «О Международном женском дне», речи из напутственных становятся поздравительными. В данную эпоху вообще можно отметить некоторую «приватизацию» праздничного пространства. Международный день трудящихся женщин стал уверенно превращаться в «женский день» – праздник всех женщин, вне зависимости от возраста и статуса занятости.

В Новокузнецке в это время центр майских и ноябрьских демонстраций и митингов перемещается с площади Побед на Театральную площадь. Исчезает сельскохозяйственная символика. На демонстрациях появляются разноцветные шары. Содержание лозунгов становится более аморфным, пропадает конкретика, и фразы звучат округло-абстрактно: «Слава КПСС!», «Да здравствует нерушимое единение партии и народа!», «Май, мир, дружба!». Остальное остаётся прежним.

Данный период знаменателен началом «реанимации» Дня Победы, который, по сути, праздновался лишь единожды – непосредственно в сам День Победы 9 мая 1945 года. Во всех районах Новокузнецка проходят митинги и торжественные вечера, посвященные ветеранам Великой Отечественной войны, на площади Побед во главе с участниками войны возлагаются венки к памятнику советским воинам, павшим в боях за Родину, а на Театральной площади проходят митинги. Такова картина празднования Дня Победы в Новокузнецке на начало «брежневского периода». Ближе к его концу День Победы проводится уже на отстроенном к тому времени бульваре Героев и начинается с демонстрации, которая продолжается митингом, минутой молчания и ритуалом возложения венков и цветов к Вечному огню.

«Горбачёвский» период интересен тем, что в нём модифицируется на локальном уровне один из центральных советских праздников – 1 мая. Вот как начинается одна из статей в новокузнецкой газете того времени, посвящённая Первомаю: «Меняется страна, меняются люди... Меняется и Первомай» [8, с. 1]. И действительно, в одном из районов города вместо традиционной демонстрации Первомай отмечается в форме маёвки, а точнее, майского агитпредставления. Его начало знаменуется рассказом об истории празднования Первомая. Прошло сто лет со дня провозглашения 1 мая Международным днём солидарности трудящихся, поэтому в небо взлетают разноцвет-

ные шары с цифрой «100». Праздник продолжается большим концертом, кукольным представлением для детей, спортивными соревнованиями. «На маёвку люди пришли семьями, они не торопились, и их никто не торопил» [8, с. 2–3].

В горбачёвское время была предпринята первая попытка празднования Дня города. В плане его проведения – довольно широкий круг мероприятий зрелищно-развлекательного характера: марш-парад духовых оркестров по проспекту Metallургов, театрализованное представление на Театральной площади, праздничный концерт лучших художественных коллективов самодеятельности города, демонстрация моделей одежды и причёсок, в парке Гагарина – выставки народно-прикладного искусства, на Водной станции – спортивные соревнования и пр. В итоге праздник был испорчен плохой погодой, которая сорвала большинство мероприятий. Встаёт вопрос, действительно ли дело в погоде, когда, например, празднование Дня молодёжи также не увенчалось успехом. Неудаче праздника поспособствовала его никчемная организация: люди, пришедшие на праздник, долго ждали начала, которое благополучно сорвалось, и не ожидали такого быстрого окончания праздника, после которого, как говорит сам автор статьи: «Кто-то пойдёт домой, кто-то самостоятельно устроит дискотеку прямо на площади, а кто-то будет драться. А пока ещё даже не стемнело» [6, с. 1].

Очевидно наступление кризиса праздничности в конце советского периода, плавно перетекающего в постсоветский. О том свидетельствует, например, празднование Дня Победы в первые годы постперестроечного периода, которое состояло в митинге и возложении цветов к Вечному огню. Данное мероприятие описывается как немногочисленное, оно укладывается в полчаса, после чего Бульвар героев пустеет. Об остальных праздниках, отмечаемых на городском уровне, в газетах первых пяти лет постперестроечного периода вообще практически не идёт речи. Праздник Первомай лишается своего идеологического содержания и приобретает название Праздника Весны и Труда, а Годовщина Октябрьской революции практически канула в лету, сначала замаскировавшись под День согласия и примирения, а потом и вовсе исчезнув по воле власть имущих.

К концу 1990-х гг. намечается тенденция возрождения праздничной культуры, которая наделяется новым содержанием и символикой. Она черпается из досоветской эпохи [9, с. 249]. Советская символика уходит в небытие вместе с советским строем. Происходит попытка возрождения, во-первых,

национальных русских дореволюционных традиций в целом, во-вторых, православных религиозных традиций в частности. Примером может служить проведение в некоторых школах вечеров, посвящённых Рождеству, Пасхе, Крещению. Новый год окончательно превращается в семейный праздник. Как и прежде, не обходится без предновогодних хлопот, традиции «выпить» за год уходящий и год наступающий, поздравлений главы государства с экранов телевизоров, традиционного выхода на улицу «со стрелялками», а далее, «изрядно отпивши», большинство новокузнецчан устремляется на площадь Торжеств, где периодически вспыхивают фейерверки, народ развлекается, катаясь с горки и фотографируясь на фоне снежных скульптур. Затем с песнями люди разбредаются по домам к остаткам телепрограмм.

Из советского в постсоветский период перетекает традиция празднования Проводов русской зимы или Масленицы: «...Пошла "стенка" на "стенку", полетели наземь шапки, замелькали кулаки; потешными боями, весёлыми хороводами, удалой кадрилию провожали зиму-матушку горожане на Вознесенской горе близ бастионов Кузнецкой крепости» [1, с. 1]. В постсоветский период начинается освоение нового праздничного пространства, которое в советское время находилось в запустении. Не только Масленица, но и Дни города из года в год начинают своё торжественное открытие именно с Кузнецкой крепости, восстановленной уже после перестройки. В воротах крепости, которые названы Барнаульскими, с самого утра дежурят молодые казаки. О наступлении торжества теперь свидетельствует не гудок теплоэлектростанции, а колокольные перезвоны с башен Преображенского собора и пушечные выстрелы со стен крепости. От собора начинается Крестный ход, посвящённый празднику. Торжества продолжаются в Центральном районе всевозможными зрелищно-развлекательными мероприятиями, художественными выставками и ярмарками на центральных улицах города. Праздник, таким образом, становится одной из форм театрализованного представления на тему народного праздника и выполняет по меньшей мере две задачи: коммерческую (главным образом) и культурную.

Стоит отметить, что День Победы становится одним из центральных праздников настоящего времени. Теперь в честь 9 Мая на улицах Новокузнецка устраиваются военные блиц-парады и парады боевой техники, за которыми следует традиционное шествие к Вечному огню для проведения минуты молчания и возложения цветов к памятникам боевой славы: «Когда закончился военный блиц-парад, красные знамена Победы, медленно качнув-

шись, поплыли к мемориалу, уводя за собой людей. Вечный огонь утонул в нарциссах и гвоздиках, а живой водоворот людей тихо склонился к его подножию; сыпал цветами. Скромно и гордо несли свои медали ветераны войны» [3, с. 1]. День Победы на сегодняшний момент можно отнести к таким праздникам, которые имеют особое эмоциональное акме – точку соприкосновения всех людей, что-то общее, искренне переживаемое большинством, а не навязанное правительством, которое устанавливает праздники, не способные консолидировать граждан.

Сегодня бóльшую значимость имеют праздники местного значения, в отличие от советского периода, когда любое проявление инициативы, выходящей за рамки всеобщих идеологем, не приветствовалось. Кроме того, некоторые праздники «уходят» в дома людей, теряют массовость, становятся индивидуализированными. Таким образом, можно заметить, что в нашем праздничном календаре отражаются разные системы идеологии, разные представления о человеке и его идеалах. С одной стороны, сохранились многие праздники, доставшиеся в наследство от бывшего СССР (8 Марта, 1 Мая, многие профессиональные праздники). С другой стороны, мы являемся свидетелями и участниками возрождения ряда традиционных праздников, прежде всего религиозных. И, наконец, у части населения, в особенности у молодежи, становятся популярными новые, заимствованные у других культурных систем праздничные традиции [4, с. 135], такие, как День Св. Валентина, Хэллоуин и т. п.

В итоге можно говорить о том, что современное общество диктует новые формы и смыслы празднику, со временем изменяется содержание праздничной культуры, её функции и внешнее выражение.

Список литературы

1. Елько, А. После наших проводов зима обязана сдаться [Текст] / А. Елько // Кузнецкий рабочий. – 2004. – 16 марта. – С. 1.
2. Ерасов, Б. С. Праздник как институт культуры [Электронный ресурс] / Б. С. Ерасов // Социальная культурология: учебник для студентов высших учебных заведений. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/erasov-soc_cult-a.htm.
3. Казьмина, Е. Бессмертие подвига в нашей памяти [Текст] / Е. Казьмина // Кузнецкий рабочий. – 2008. – 10 мая. – С. 1.
4. Карпова, Г. Г. Праздник в контексте социальных изменений: традиции и власть [Текст] / Г. Г. Карпова. – Саратов : Научная книга, 2008. – 150 с.
5. Малышева, С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927) [Текст] / С. Ю. Малышева. – Казань : Рутен, 2005. – 400 с.

6. Нестерова, Е. Для кого праздник [Текст] / Е. Нестерова // Кузнецкий рабочий. – 1989. – 27 июня. – С. 1.
7. Тихомирова, С. В. Динамика социальных представлений о празднике у современной российской молодежи : автореф. дис. ... канд. псих. наук [Текст] / С. В. Тихомирова; Институт психологии РАН. – М., 2008. – 25 с.
8. Щербакова, М. Май течёт рекой нарядной... [Текст] / М. Щербакова // Кузнецкий рабочий. – 1989. – 2 мая. – С. 1–3.
9. Юрлова, С. В. Новая модель праздничной культуры и проблема национальной идентичности [Текст] / С. В. Юрлова // Медиакультура новой России: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 2 / под ред. Н. Б. Кирилловой и др. – Екатеринбург; М.: Академический проект, 2007. – С. 244–253.

Ю. П. Иванов, И. М. Макашова, Л. Н. Бармотина¹

ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия», г. Новокузнецк,
МОУ «Гимназия № 73», г. Новокузнецк

НОВОКУЗНЕЦК-400: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

В статье анализируется современное географическое положение Новокузнецка в связи с реализацией научно-исследовательской программы «Новокузнецк-400», а также предлагаются пути для изменения вектора развития города на ближайшие десятилетия.

Разработка и реализация научно-исследовательской программы «Новокузнецк-400» всё более остро ставит перед научным сообществом необходимость детальной оценки географического положения города, а в перспективе – и её изменение в ближайшие годы. Проблема территориального развития юга Кемеровской области в условиях экономического кризиса сегодня особенно актуальна. Становится ясно: Новокузнецк не может развиваться далее как индустриальный моногород. В то же время Новокузнецк не может повторить судьбу типичных рабочих посёлков Кузбасса, в которых жизнь, как правило, останавливается в связи с исчерпанием наиболее выгодных для добычи угольных пластов в данном месте. В настоящее время в городе проживает около 600 тысяч жителей, а во всей Новокузнецкой агломерации насчитывается более 1 100 тысяч населения. Переселение столь многочисленного насе-

¹ В коллективных статьях, где авторы представляют различные организации, перечисление последних в надзаголовочных данных каждой статьи соответствует порядку упоминания авторов.

ления в случае резкого ухудшения социально-экономической обстановки в регионе – задача неразрешимая даже для развитых экономик мира.

Почти четыре столетия Новокузнецк оставался «пограничным» городом. Стоит взглянуть на первую карту Сибири П. И. Годунова (1668 г.) и на современную карту – положение города ничуть не изменилось [3]. В то время как другие города Сибири – Новосибирск, Омск, Красноярск – сделали большой рывок вперед благодаря прокладке через них около столетия назад Транссибирской магистрали. Новокузнецк остался своего рода «таёжным тупиком». В настоящее время Новокузнецк стоит на пороге постиндустриальной эпохи. Географическое положение города претерпело значительные изменения, но их необходимо увидеть. Очень важно именно сейчас не упустить время, а также верно расставить приоритеты развития города на долгосрочную перспективу [5].

Конец XX в. был ознаменован многими явлениями, весьма существенно изменившими географический облик планеты. Одно из них – феномен туризма, который вышел по экономической эффективности на первое место в мире. По прогнозу Всемирной туристской организации, в XXI в. нам предстоит пережить туристский бум, уже к 2020 г. число путешествующих приблизится к 1,6 млрд человек [6]. Как же наш край вписывается в данный процесс? С. Н. Пивень справедливо отмечает: «Туристские ресурсы Западной Сибири мало ещё известны мировому сообществу. Да и сами сибиряки мало о них знают» [4, с. 4]. Надо честно признаться, данному вопросу мы уделяем недопустимо мало внимания.

В течение последних десятилетий в Южном Кузбассе сложилось уникальное сочетание физико-географических и экономико-географических особенностей. Такого разнообразия природных ландшафтов, полезных ископаемых, изученных и пока ещё не открытых достопримечательностей нет, наверное, нигде в мире. До сих пор мы можем увидеть на относительно небольшой территории, с одной стороны, резкие контрасты индустриального развития, и с другой стороны – сохранение относительно нетронутых современной цивилизацией участков первозданной природы и элементов патриархального уклада хозяйства коренных жителей Горной Шории и староверов. Значение краеведческих исследований, прежде всего направленных на изучение и популяризацию туристских ресурсов Кемеровской области, трудно переоценить. Например, социальные проекты, разрабатываемые учащимися гимназии № 73 г. Новокузнецка, имеют весьма широкий обществен-

ный резонанс. Благодаря юным исследователям один из неприметных ранее объектов природы в черте города – ручей Водопадный – был признан голосованием новокузнецчан самым значимым среди других достопримечательностей в городском конкурсе «Семь чудес Новокузнецка».

Вследствие распада СССР пространственная структура Российской Федерации сильно изменилась, это не могло не повлиять на изменение экономико-географического положения как субъектов РФ, так и отдельных городов. Особенно это коснулось таких удалённых от центра городов, как Новокузнецк. В. Л. Каганский (Институт географии РАН, Москва) в статье «Новое пространство новой России» отмечает: «Заработала – и это везде, на всём огромном пространстве – логика географического положения. Географическое положение если не оказывается пока более сильным фактором, нежели институциональное положение (положение в пространстве институциональных структур, особенно административно-территориального деления), то становится всё более и более сильным; собственно география берёт реванш над географией административной» [2]. Процессы глобализации значительно усилили данный фактор географического положения, более того, В. Л. Каганский делает вывод: **«Из барьерных границы государства превратились в контактные!»** [2]. Следовательно, у Новокузнецка как бывшего «порубежного города» в настоящее время есть существенные преимущества, не учитывать которые в изменившихся условиях неразумно.

Творческой группой географов Кузбасской государственной педагогической академии и МОУ «Гимназия № 73» г. Новокузнецка (науч. рук. Иванов Ю. П., канд. пед. наук, доцент кафедры географии, геологии и методики преподавания географии КузГПА) в течение последних двух лет разрабатывается проект географической стратегии развития города Новокузнецка на ближайшие 10–15 лет. На наш взгляд, Новокузнецк в ближайшие годы должен развиваться как центр туризма. Данное направление уже сейчас частично реализуется в Горной Шории (горнолыжный комплекс в Шерегеше и строящийся музей «Трёхречье» в Усть-Кабырзе). Однако вряд ли такой «точечный» подход имеет большую перспективу. Это лишь полумеры, которые существенно не смогут изменить географический облик Новокузнецка, тем более – юга Кемеровской области. Вновь открываемые преимущества географического положения Новокузнецка здесь не используются. Мы предлагаем включить в программу «Новокузнецк-400», разрабатываемую в НИИ КемГУ, следующие пункты:

1. Детальное изучение ресурсов, способных активизировать развитие туристско-рекреационного комплекса на юге Кемеровской области и сопредельных территориях (особенно на южном направлении).
2. Географическое просвещение всего сообщества Новокузнецка и по возможности – всего населения области (используя всевозможные каналы: СМИ, социальное партнёрство, развитие географического профиля в школе, поощрение исследовательских инициатив в системе дополнительного образования и проч.).
3. Разработка туристского проекта «Алтай – Золотые Горы» – кольцевого железнодорожного маршрута, проходящего по самым интересным местам Алтая.
4. В дальнейшем возможен переход к осуществлению более амбициозного проекта – Трансевразийской железнодорожной магистрали (предлагаем дать ему название «Сердце Азии»), при этом кольцевой железнодорожный маршрут частично войдёт в новый проект.

Несколько подробнее опишем предлагаемые проекты железнодорожных магистралей.

Кольцевой железнодорожный маршрут «Алтай – Золотые Горы».

Его осуществление возможно на основе межгосударственного партнёрства с Казахстаном. И для России, и для Казахстана он может стать своеобразным «локомотивом» экономики нового типа. Маршрут, на наш взгляд, должен пройти следующим образом: Новокузнецк – Таштагол – Турочак – Артыбаш (Телецкое озеро) – Усть-Улаган – Акташ (Чуйский тракт) – Иня – Аргут – г. Белуха – Берель (Казахстан) – Зыряновск – Усть-Каменогорск – Лениногорск – Усть-Кан (Россия) – Белокуриха – Бийск – Новокузнецк. Частично маршрут пройдёт по уже действующим железным дорогам: от Новокузнецка до Таштагола и до Бийска (на территории России) и от Зыряновска до Усть-Каменогорска и далее до Лениногорска.

Наиболее сложный участок маршрута проходит по высокогорью, от Артыбаша до Чуйского тракта и далее в Казахстан через самые высокие горы Сибири (массив горы Белухи). Его строительство может осуществляться во вторую очередь, в то время, когда будет вступать в строй первая очередь кольцевой магистрали – два радиальных маршрута из Новокузнецка на юго-запад, на Белокуриху, и второй – на юг, к Телецкому озеру.

Началом кольцевого туристского маршрута должен стать Новокузнецк, где предлагается реконструировать аэропорт, придав ему международный статус. Новокузнецк располагает необходимыми ресурсами (железнодорожные рельсы, цемент, квалифицированные кадры и проч.). «Коридор развития», возникающий вдоль железнодорожной магистрали, придаст новый импульс для развития туристско-рекреационного комплекса. Международный аэропорт Новокузнецка будет способствовать притоку иностранных туристов и сможет обслуживать транзитные рейсы из Европы в Восточную Азию (в том числе производить дозаправку топливом самолётов, следующих в Сеул, Токио, Пекин и обратно), а также из Южной Азии через Северный полюс в Канаду и США.

Трансевразийская железнодорожная магистраль «Сердце Азии». Предлагаемый маршрут: Новосибирск – Новокузнецк – Таштагол – Турочак – Артыбаш – Усть-Улаган – Акташ – Кош-Агач – Улэгэй (Монголия) – Кобдо – Алтай – Баян-Хонгор (развилка на Улан-Батор) – Мандал-Гоби – Сайн-Шанд – Пекин – Тяньцзинь. Начальный и конечный участок магистрали уже существует, остаётся проложить железнодорожное полотно через Алтай и далее через Гобийское плато вдоль Чуйского тракта. Отметим, что предлагаемый маршрут значительно короче Транссиба и проходит через уникальный регион, слабо освоенный в хозяйственном отношении, но располагающий исключительным богатством. Он выгодно отличается даже от магистрали, достроенной в последние годы Китаем и Казахстаном несколько южнее, через Урумчи. Предлагаемый нами маршрут может дать России и большие геополитические преимущества на азиатском направлении, поскольку он послужит основой для плодотворного сотрудничества многих государств, как европейских, так и азиатских. По сути, Трансевразийская железнодорожная магистраль может стать тем самым «мостом» между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом, об осуществлении которого много говорится в последние годы.

В таком случае Новокузнецк из индустриального моногорода становится одним из центров тяготения на Евразийском континенте. Безусловно, развитие транспортной инфраструктуры потянет за собой развитие международной торговли, сферы услуг (в том числе – туризма), науки, образования, медицины и т. д. В осуществлении данного проекта будут заинтересованы зарубежные инвесторы.

Только такому крупному и обладающему целым комплексом географических преимуществ городу, как Новокузнецк, возможно стать «фокусом роста» нового евразийского «коридора развития». Однако следует помнить, что географические преимущества – это всего лишь возможности, реализация которых, в целенаправленной и последовательной деятельности сообщества города и России в целом.

Список литературы

1. Иванов, Ю. П. Проблема развития географического профиля в условиях индустриального города (опыт работы инновационной площадки МОУ «Гимназия № 73» города Новокузнецка) [Текст] / Ю. П. Иванов // Теория и практика педагогической науки в современном мире: традиции, проблемы, инновации. Материалы Международ. науч.-практ. конф. Часть III / Ю. П. Иванов, И. М. Макашова, Л. Н. Бармотина. – Новокузнецк, 2010. – С. 70–74.
2. Каганский, В. Новое пространство новой России [Электронный ресурс] / В. Каганский // Русский журнал. – 2005. – 11 января. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Novoe-prostranstvo-novoj-Rossii>.
3. Лаппо, Г. М. География городов [Текст] / Г. М. Лаппо. – М. : ВЛАДОС, 1997. – 480 с.
4. Пивень, С. Н. Историко-краеведческий аспект использования туристских ресурсов территории Западной Сибири вдоль бывшего Московско-Сибирского тракта в рамках проекта «Чайный путь» [Текст] / С. Н. Пивень. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – 54 с. + 6 цв. вкл.
5. Решикова, И. П. Строим новый город. [Текст] / И. П. Решикова // Кузнецкий рабочий. – 2010. – 27 февраля. – № 22. – С. 2.
6. Соколова, М. В. История туризма: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / М. В. Соколова. – Изд. 5-е. – М. : Академия, 2008. – 352 с.

Г. С. Иванова

Муниципальное учреждение «Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя», г. Новокузнецк

ИВАН СЕЛИВАНОВ В НОВОКУЗНЕЦКЕ

В статье рассказывается о неизвестных страницах жизни выдающегося мастера наивного искусства и философа, связанных с нашим городом.

Ещё двадцать лет назад были все предпосылки для появления на музейной карте г. Новокузнецка музея всемирно известного самобытного художника Ивана Селиванова, но музея нет и сейчас. Притягательная сила лич-

ности Ивана Селиванова, несомненно, привлекала бы в наш город людей со всего мира.

Селиванов Иван Егорович (1907–1988 гг.) проживал в Кемеровской области с 1941 г. до последних дней своей жизни. Это всемирно известный художник наивного (самодеятельного) направления. Заслуженный работник культуры РСФСР с 1987 г. И. Е. Селиванов родился в 1907 г. в Архангельской области, рисовать начал в 1947 г. Его живописные и графические работы экспонировались в Москве, Париже, Лондоне, Токио, Праге, Бонне, Берлине, Будапеште, Монреале. О жизни и творчестве И. Е. Селиванова сняты документальные и художественный фильмы. Статьи о его творчестве, репродукции его произведений опубликованы во многих книгах и журналах. Его имя занесено в «Энциклопедии наивного искусства», изданные в Загребе и Лондоне.

Кто хоть однажды встретился с его творчеством, тот испытал на себе власть его картин и слова. Наша Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя удивительнейшим образом соприкоснулась с чистой радостью открытия творчества великого мастера Ивана Селиванова.

22 апреля 1986 г., в 17 часов, в библиотеке мы встретились с этим уникальным кузбасским самородком и воочию ощутили его родниковую чистоту и мудрость. На встречу Иван Егорович привёз последний «Автопортрет» (1986 г.), который завершил за несколько дней до приезда к нам. Мы были первыми, увидевшими эту работу. Сила и мощь произведения удивительная. В портрете воплотился редкий талант провинциального самородка, гениального самоучки-примитивиста, являвшегося вечной мишенью для насмешек толпы и мужественно сносившего все издевательства.

Каждое селивановское слово высекает искру и приобретает особую убедительность и силу. «Пишу, когда во мне ликует природа» или «Я рисую тех, кто сам зарабатывает себе на честную жизнь», – говорил Селиванов. Он всегда испытывал жгучий интерес к познанию. И каждый день воспринимал как радость открытия мира.

Встреча в библиотеке продолжалась несколько часов. «Факелом своей жизни» назвал её художник. Все двести человек ощутили огромное воздействие его личности. Впечатление от этой встречи не ослабевает с годами. За время, прошедшее с этого события, нашей библиотекой были проведены выставки, вечера памяти, посвященные светлому гению – кузбасскому самородку И. Е. Селиванову (1990, 1992, 1998, 2000, 2007, 2010 гг.).

В 1992 и 2000 гг. проводились выставки и вечера его памяти совместно с Новокузнецким художественным музеем. Любительским театром киноклуба «Диалог» по страницам жизни и творчества «нищего мудреца» И. Селиванова был поставлен спектакль (реж. А. Бартенев). Новокузнецкими кинорежиссёрами, членами киноклуба «Диалог» Владимиром Шкодой и Сергеем Шакуро, был создан пятнадцатиминутный документальный фильм о нашем выдающемся земляке «Иван Селиванов. Фрагменты жизни» (1986–1988).

На открытии выставок, вечерах памяти выступают люди, лично знавшие Селиванова. Приезжают гости из города Прокопьевска, где мастер жил с 1943 по 1985 гг.

Новокузнецкий автор живописных картин Альбертина Фёдоровна Фомченко выполнила серию произведений о жизни и творчестве И. Селиванова. Она лично знала кузбасского мудреца и с большой любовью изображала корифея наивного искусства. Новокузнецкий скульптор Владимир Белякин создал в 1987 г. натурную скульптуру Ивана Селиванова в полный рост – 155 см. Эти произведения хранятся в Новокузнецком художественном музее.

В 2007 г. исполнилось сто лет со дня рождения И. Е. Селиванова. В нашем городе благодаря просветительской работе библиотеки многие жители знают не только имя художника, но знакомы и с его творчеством. Проект «СЧИТАЮ СВЯТОСТЬЮ ТРУДИТЬСЯ», посвящённый столетию со дня рождения мастера, вызвал большой интерес. В этом проекте были представлены подлинные рисунки художника, редкие фотографии, письма, дневники, рукописи, записные книжки, предметы быта, книги. Все эти реликвии, связанные с памятью художника, придали уникальность экспозиции. Особенно ценными были подлинные произведения автора: рисунки, акварели, живопись. Среди рисунков были представлены первые работы художника (1947 г.), с которых начинался его творческий путь, а также последние карандашные произведения 1986 г. Библиотечные сотрудники подготовили развёрнутую выставку книг, журналов, газет с материалами о Селиванове. На ней было представлено более ста двадцати наименований, в том числе статьи новокузнецких журналистов, так как местная печать всегда с огромным пиететом относится ко всему, что связано с нашим великим земляком.

При жизни Селиванов мечтал о создании своего музея и поэтому высылал свои работы в Заочный народный университет искусства им. Н. К. Крупской, который он закончил с отличием в 1969 году. Но до кон-

ца своей жизни автор отправлял большую и лучшую часть своих работ в Москву, где они и находятся до настоящего времени.

Искусствовед из Польши, познакомившись с работами И. Селиванова, сказал: «Ели б у нас был такой художник, мы бы отдали ему самое прекрасное здание Варшавы». Американский художник Антон Рефрежье, увидев картины Селиванова, произнес потрясённо: «Вот с кем бы я хотел встретиться, поговорить о жизни, об искусстве». Работы нашего земляка Селиванова хотели поместить в Русском музее, Третьяковской галерее.

Весь тот аутентичный материал, связанный с именем Селиванова, который находится в городе, даёт нам абсолютную уверенность, что музей Селиванова достойно вошёл бы в музейный ряд городских достопримечательностей. Всё, что создал Селиванов, озарено его мечтой, любовью, надеждой. Эти чувства высекали замыслы, вели к высокому мастерству. Селиванов говорил: «Это большая печаль, когда человек работает, а о нём никто не знает». Он надеялся, что будет создан его музей. И люди, любящие его творчество, чтящие его, на пути к осуществлению этой мечты: СОЗДАНИЮ МУЗЕЯ.

Хотелось бы видеть в нашем городе ещё один музей, а именно музей Альбертины Федоровны Фомченко. В этом году она ушла из жизни. Замечательная художница-палешанка, самобытный автор прекрасных живописных картин, самых различных по охвату тем, Альбертина Фёдоровна Фомченко (1939–2010 гг.) много лет жила в нашем городе. Её творческое наследие – картины, рисунки, иллюстрации, письма, статьи, рукописи, фотографии... Её вклад в культурную жизнь нашего города – преподавательская деятельность, участие в городских уличных праздниках (Днях города, «АРТбаты у Гоголевки»), кукольное творчество, работа с детьми, песенно-поэтическое творчество, участие в заседаниях поэтического клуба «Дилижанс», сотрудничество с творческим объединением художников «Палитра» при библиотеке имени Гоголя. Работы А. Ф. Фомченко находятся в фондах Новокузнецкого художественного музея, литературно-мемориальном музее им. Ф. М. Достоевского, а также в московских музеях.

Было бы логично объединить эти два музея (или две экспозиции, либо два отдела) под одной крышей. Открытие такого музея весьма обогатит культурную и туристическую карты города.

Т. А. Кискидосова

Республиканское государственное научно-исследовательское учреждение
«Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории», г. Абакан

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРАСНОЯРСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905–1907 ГГ.)

В статье рассматривается повседневная жизнь горожан Красноярска во время первой русской революции (1905–1907 гг.). Работа основывается на широком круге архивных материалов и местной периодической печати.

В последние годы одним из активно разрабатываемых направлений в исторической науке является история повседневности. Как справедливо заметил В. Г. Кокоулин, «перед исследователями пока стоит задача первичного сбора и анализа материала по истории повседневности» [6, с. 141]. Интерес представляют исследования обыденной жизни людей в эпоху великих потрясений. Революционному движению в Красноярске посвящён ряд работ. Исследователи пришли к выводу, что события в Красноярске перекликались с революционными событиями в других городах Сибири и страны. В данной статье рассмотрена повседневная жизнь красноярских горожан в годы первой русской революции.

До начала первой русской революции в 1904 г. в городах Сибири получила распространение «банкетная кампания», целью которой была критика властей и требование проведения политических реформ в стране. В Красноярске до начала первой русской революции политическая жизнь города была достаточно активной. Первые марксистские кружки появились еще в 1895 г. В начале XX в. в губернском центре прошел ряд политических стачек рабочих железнодорожных мастерских. Как правило, рабочие требовали 8-часового рабочего дня, своевременной выплаты зарплаты, восстановления бесплатных проездных билетов и др., иногда ими выдвигались политические требования. В Красноярске лидеры «банкетной кампании» требовали проведения коренных реформ управления.

Революционные события 9 января 1905 г. в Петербурге способствовали многочисленным волнениям в отдалённых уголках провинции. Известие о начале революции в Петербурге поступило в Красноярск на следующий день. В городе проводились стихийные митинги, на которых звучали политические требования, а также призыв к свержению самодержавия. С самого

утра 17 января 1905 г. по городу стали распространяться слухи о забастовке рабочих железнодорожных мастерских, которые решили поддержать рабочих Петербурга. В этот день рабочие железнодорожных мастерских и паровозного депо в три часа дня двинулись по Большой улице к квартире енисейского губернатора Н. А. Айгустова. Демонстрация насчитывала свыше тысячи человек и носила политический характер [7, с. 19]. Однако демонстранты были остановлены вооружёнными солдатами и казаками. Собравшемуся народу объявили, что в данный момент губернатор находится в губернском управлении. После известия о местонахождении губернатора толпа двинулась к дому Гадалова в Театральном переулке, где располагалось управление губернатора. Н. А. Айгустов вышел на переговоры с делегированной к нему небольшой группой рабочих. После разговора рабочие разошлись по домам. И, как утверждала газета «Енисей», «столкновений рабочих с войсками и полицией в этот день не было. Полиция держала себя очень корректно» [4; 19 января, с. 3]. Во время трёхдневной стачки, закончившейся 20 января, по улицам двигались процессии людей, которые пели революционные песни. Организаторы рабочего движения в городе объясняли смысл проведения стачки обывателям так: «Цель стачки – требовать не прибавку к зарплате и сокращения рабочего дня. Она направлена против монархии. Это было проведение репетиции великой сибирской стачки» [12, с. 17–18].

К концу января в городе стала ощущаться нехватка некоторых товаров. Доставка их по железной дороге затруднялась из-за перевозки войск, боеприпасов и т. д. Поставка товаров с большим опозданием привела к тому, что торговцы стали испытывать постоянные убытки. Представители сибирского купечества решили возвратиться к старинному способу доставки клади – гужем. Например, красноярский купец Гадалов отправил таким способом товары в свои магазины в Канск. В это время в Красноярске, как и в других сибирских городах, начался «керосиновый голод». В городе нельзя было купить керосин не только бочками, но и пудами, что способствовало спекуляции. В лавках керосин существенно подорожал и стал стоить по 10–11 коп. за фунт. На складах Нобеля керосин вообще отсутствовал [4; 30 января, с. 3].

В течение всего 1905 г. влияние революции остро ощущалось в губернском центре Енисейской губернии повсюду. О революции говорили на улицах и базарах, в солдатских казармах, в учебных заведениях, на собраниях просветительских обществ, в домах чиновников, купцов и золотопромышленников. Политические вопросы обсуждались учащимися красноярских

гимназий. Например, в марте ученическая организация «Светоч» от имени Красноярского местного комитета выпустила первый номер журнала «Школа и жизнь». В этом печатном издании, кроме школьных проблем, затрагивались политические вопросы [2, с. 4]. В беспокойные и нестабильные времена в народных массах получали распространение различные суеверия, «предсказания провидцев» и т. д. Например, в начале февраля 1905 г. какие-то праздные люди стали рассылать по почте горожанам Красноярска непонятного содержания молитву. К ней прилагалась приписка, чтобы молитва была переписана и послана другому. В случае неисполнения «ожидался гнев Божий». Как утверждали обыватели, «содержание этого письма было совершенно бессмысленным и составляло, вероятно, плоды творчества лжемонаха. Такие «святые» письма сочинялись тунеядцами, которые собирали деньги и подаяния и всё пропивали» [4; 13 февраля, с. 3].

В это нестабильное время горожан интересовали, прежде всего, политические вопросы, поэтому культурные мероприятия не вызывали у большей части населения интереса. Организованный городской управой маскарад был скучным и унылым. На вечере собралось незначительное количество масок, а жюри, приглашённое антрепренёром, не знало, кому выдать приз. В конце концов золотые часики получила маска «горшок чайных роз» [4; 20 февраля, с. 3]. Интерес у горожан вызвал доклад доктора В. М. Крутовского о порядках в психиатрическом отделении Красноярской городской больницы. Несмотря на то что Крутовский много времени уделял политическим дебатам, выступая на митингах и собраниях, он находил время для проведения познавательных лекций. Выступление известного красноярского врача собрало многочисленную публику [4; 2 марта, с. 4].

В масленичную неделю в городе много говорили о странной краже, произошедшей в магазине крупного красноярского торговца Н. Г. Гадалова. Магазин находился в центральной и хорошо освещённой части города, в связи с праздниками в ночное время улица была достаточно оживлённой. Торговое заведение Гадалова охранялось собственным сторожем и двумя пикетчиками. Кража была осуществлена через балкон магазина, воры вынесли разнообразные готовые платья на сумму 3 тыс. руб. [4; 6 марта, с. 3]. Согласно новостям местной газетной периодики, в городе участились кражи и грабежи, особенно в ночное время. Взволнованные горожане, стремясь уберечься от воров, стали поверх забора натягивать проволоку [4; 20 мая, с. 3].

После обнародования в апреле 1905 г. императорского рескрипта о введении земств в Сибири в ряде сибирских городов появились комитеты по разработке проекта земской реформы. 20 апреля 1905 г. в Пушкинском народном доме прошло собрание Общества попечения о начальном образовании. Участники выступали за созыв Учредительного собрания. Пока в Красноярске шли активные политические дебаты, ряд горожан предпочитал активно проводить свой досуг. С приходом тёплых весенних дней активизировались велосипедисты. Корреспондент «Енисея» возмущался: «Велосипедисты, считая, что улицы им мало, стали производить езду по средним и боковым тротуарам, делают звонки, чтобы прохожие очищали дорогу» [4; 10 апреля, с. 3]. В конце апреля в железнодорожном собрании прошёл концерт балалаечников под управлением Бедросова. Хотя концерт привлёк небольшое количество слушателей, но присутствовавшие остались довольны исполнением [4; 1 мая, с. 3]. Общество врачей Енисейской губернии проводило бесплатные народные чтения на тему «О холере» в здании городской лечебницы. Целью проведения подобных мероприятий было ознакомление народных масс с разнообразными заболеваниями, мерами предохранения и оказания медицинской помощи. Как правило, чтения вызывали интерес со стороны населения [4; 15 мая, с. 3].

С 1 мая продавцы винных лавок должны были предоставлять ежедневную отчётность о количестве проданного вина в четвертях, бутылках и т. д. Также необходимы были сведения об остатках, о принятии посуды по категориям. Газета «Енисей» выразила сочувствие продавцам винных лавок: «Ранее приходилось видеть продавцов с куском в руках, закусывающих на ходу, так как на обед и чай времени не полагалось, а теперь и посидеть не удаётся. Эксплуатация полная» [4; 15 мая, с. 3]. К концу мая, с наступлением тёплых дней, красноярцы стали выезжать на природу, пикники, дачи. Как отмечал современник: «С утра до вечера тянутся по улицам ломовики, увозившие домашний скарб за город по направлению Гремячего, Монастыря и деревень Торгашино и Базаихи». Также у горожан пользовался популярностью курорт на озере Шира, расположенный в Минусинском уезде. Несмотря на то что курорт был плохо обустроен и квартир хватало не для всех отдыхающих, многие горожане желали там непременно побывать [4; 22 мая, с. 3].

Летом 1905 г. красноярские рабочие заметно активизировались, получили распространение собрания, массовки и митинги. Так, например, в июле было проведено шесть закрытых массовок. На подобные мероприятия соби-

ралось от 80 до 130 человек. Заметным событием лета 1905 г. стало движение рабочих к дому губернатора. По этому поводу газета «Енисей» писала: «В пятницу 3 июня в 5 часов вечера по Воскресенской улице двигалась цепь запыленных сажей и в рабочей одежде мастеровых железнодорожных мастерских. Рабочие пришли к губернаторскому дому и требовали выполнения обещаний, данных министром путей сообщения князем Хилковым при проезде его через Красноярск на Дальний Восток. Губернатор обещал принять решение на следующий день, и рабочие разошлись. Часть из них пела «Марсельезу», двигаясь по Воскресенской улице» [4; 5 июня, с. 3].

Начатая в конце июля 1905 г., политическая стачка в Сибири была поддержана красноярскими рабочими железнодорожных мастерских. После принятия решения о проведении забастовки в городе часть рабочих двинулась на работу. Рабочий патруль воспрепятствовал идущим на работу, при этом в ход шли и словесные уговоры, и булыжники. Однако часть рабочих всё-таки вышла на работу [1, с. 17].

На митинге 10 августа, проходившем на Николаевской горе, приняло участие свыше 3 тыс. рабочих. В целях безопасности на митинг была отправлена жандармская рота. В результате столкновения рабочих и жандармов был убит рабочий М. Чальников, 50 человек получили ранения разной тяжести. Смерть рабочего вызвала возмущение со стороны общественности. Его похороны, состоявшиеся 13 августа, превратились в политическую демонстрацию, в которой приняло участие около 10 тыс. человек. Демонстранты призывали к вооруженному восстанию и бойкоту Государственной думы. Постепенно события в Красноярске стали угрожать серьезными последствиями, и 20 августа по просьбе местных властей в город прибыл из Барановичей железнодорожный батальон [9, с. 80–81].

В Красноярске не все социальные слои увлеклись политикой, некоторые горожане предпочитали оставаться аполитичными и предаваться развлечениям. Корреспондент «Енисея» заметил: «Напротив городского бульвара собираются весёлые компании, злоупотребляя монополькой, они неприлично себя ведут и нередко устраивают драки. В подобных дебошах были замечены офицеры и прилично одетые люди в штатском [4; 5 июня, с. 3].

Начавшаяся в октябре 1905 г. в Москве и Петербурге всероссийская политическая стачка вызвала поддержку со стороны красноярцев, 13 октября железнодорожники призывали население присоединиться к общероссийскому революционному движению [9, с. 80]. Значительная часть красноярцев

примкнула к стачке, прекратили работу заводы, лавки, телеграф, почта, телефон. Стали закрываться учебные заведения. Например, железнодорожное училище закрылось до начала 1906 г. Администрация этого учебного заведения объясняла причину закрытия: «Невозможно продолжать спокойно школьное дело по причине усилившегося возбужденного состояния учеников, их многократного проявления своеволия» [2, с. 5]. При полной отстранённости местных властей регулировалось движение поездов по железной дороге, рабочие контролировали порядок в городе, на предприятиях явочным путем устанавливался 8-часовой рабочий день [8, с. 122].

Осенью активизировалась учащаяся молодёжь Красноярска, проходили массовые молодёжные митинги. Ученики требовали свободы для ученических организаций и кружков, уничтожения всякого принуждения, права свободно посещать театры, библиотеки, общественные собрания, отмены формы и т. д. К учащимся присоединилась также молодёжь, лишённая возможности учиться. Из учащейся молодежи позднее всех к движению примкнули воспитанники учительского училища и духовной семинарии. По поводу выступлений учащихся владыка духовной семинарии высказался следующим образом: «Сходки разрешить, но лишь в экстренных случаях и с особого каждый раз разрешения. Чтение книг, газет и журналов разрешается, но под наблюдением преподавателя, обыски отменить, но с тем, чтобы воспитанники не держали у себя оружия, порнографических, революционных и других вредных изданий» [2, с. 5].

Крупнейшим историческим событием для горожан Красноярска стали декабрьские события. Исследователи подробно рассмотрели период существования «Красноярской республики». В конце октября – начале ноября 1905 г. в Красноярске постепенно нарастало напряжение. Об обстановке в городе накануне декабрьских событий очевидец вспоминал: «Протекавшая вначале тихо, без значительных уклонений в сторону революционного выступления, жизнь города и, в частности, его бастующего населения, под влиянием общего подъема революционной энергии, вышла из колеи обычного нормального уровня. Сначала агитацией крайней революционной партии были охвачены круги местного населения, но затем под влиянием пропаганды приезжих революционных агитаторов волнения передались и в среду войск местного гарнизона. В конце ноября местные и приезжие революционеры ежедневно устраивали митинги и демонстративные шествия, в которых участвовали и нижние чины железнодорожного батальона» [1, с. 17].

В период «Красноярской республики» улицы города патрулировали солдатские и рабочие дружины, что позволило избежать разгула убийств и грабежей. В обычном режиме работали магазины и рынки, 9 декабря состоялась грандиозная демонстрация, в которой приняли участие 15 тыс. человек (в это время в городе всего проживало примерно 35 тыс. человек) [3, с. 40–41]. Демонстрация двигалась по Большой улице до Старобазарной площади, в её рядах шли рабочие, ремесленники, служащие, военные, учащиеся. В Красноярской республике власть перешла в руки Советов рабочих депутатов. Однако объявленные свобода слова, создание народного суда и других нововведений республики не устраивали все слои населения. Представители либеральной интеллигенции, купечество и чиновники отказались признавать новую власть.

10 ноября мужская гимназия выступила за участие во всеобщей забастовке, полностью прекратились занятия. Женская гимназия также поддержала призыв, кроме учениц 7–8 классов. Они заявили о сочувствии к освободительному движению, но не считали забастовку всеобщей и поэтому отказались присоединиться. Общеученический митинг, прошедший в железнодорожном училище в количестве 300 человек, постановил принять решение об участии во всеобщей забастовке всех учебных заведений. Либеральная часть красноярского общества отнеслась к движению среди учащихся если не благожелательно, то терпимо. Враждебную позицию приняли только черносотенцы. Они подготовили специальное письмо, в котором выразили своё отношение к участию в революционном движении учащихся и предупреждали о дальнейших последствиях. В качестве примера можно привести отрывок из послания черносотенцев: «Господа учащиеся! Наша партия для первого раза решила простить вас за ваши ученические митинги, главарём и язвой которых был развратитель Манюшко. Предупреждаем Вас, юных граждан, что первое же повторение митингов и забастовок с вашей стороны повлечёт за собой поголовное избиеание вас и кончину ваших главарей» [2, с. 5–6].

Подавление декабрьского восстания в Красноярске 3 января 1906 г. способствовало концу народовластия в городе и спаду революционного движения. Массовые волнения переместились в уезды Енисейской губернии. В Красноярске начались преследования деятелей либерально-демократических партий. Постепенно городские обыватели стали возвращаться к размеренной жизни, многих горожан перестали волновать политические проблемы. Однако будет неверным считать, что революционные стра-

сти в 1906–1907 гг. в губернском центре полностью утихли: периодически возникали забастовки и волнения. Например, летом 1906 г. началась забастовка на пароходах Средне-Сибирской компании пароходства и торговли. Забастовка продолжалась в течение нескольких дней. Бастовавшие служащие требовали повышения зарплаты, 8-часового рабочего дня, бесплатного медицинского страхования от несчастных случаев и т. д. В результате значительные убытки потерпели предприниматели [11, с. 1–3]. В конце сентября забастовали приказчики магазина Прозоровского, требуя повышения жалованья [5; 1 октября, с. 3].

О революционном духе красноярцев в 1906 г. свидетельствует случай, произошедший в городском театре: 7 октября шла пьеса «Мятежник» о борьбе американцев с англичанами за независимость. В последнем акте прозвучали слова пастыря: «Никакими казнями не победить свободного духа народа!». Зрительный зал ответил бурными и долго не смолкавшими аплодисментами. Очевидно, что революционные идеи продолжали жить в умах многих посетивших театр [5; 8 октября, с. 2].

Знаменательным событием в истории Красноярска стало открытие школы фельдшерниц-акушеров летом 1906 г. В условиях острой нехватки фельдшеров и акушеров в губернии создание подобного учебного заведения имело важное значение. С 15 июня начался набор слушательниц на 1906–1907 гг., общий курс длился четыре года. В школу принимались девушки не младше 17 лет, при этом указывалось, что лица иудейского вероисповедания будут приниматься без ограничений [11; 2 июля, с. 1].

Революционные волнения в стране привели к дефициту товаров первой необходимости, спекуляции и соответственно росту цен. Корреспондент «Енисейского края» констатировал: «В последнее время в базарные дни на толкучке появляются всё новые лица, торгующие старьем. «Тяжёлые времена» – безработица и дороговизна всего заставляют бедноту нести свой "скарб" на базар. Продается все, что можно продать. Много перепадает на долю переторговцев-скупщиков». Многие товары продавались по завышенным ценам. В результате проверки лавки потребительского общества было обнаружено, что куль сахара, реальная цена которого была 36 коп., предлагался за 75 коп., сервиз за 7 руб. продавался по 12 руб. 70 коп. и т. д. [5; 11 ноября, с. 3].

Падение уровня жизни, недоедание, неустроенность и стрессовое состояние в революционное время вызвали у горожан волну эпидемий. Возрос-

ло количество заболевших дифтеритом и тифом. Больницы города были переполнены, чувствовалась острая нехватка медицинского персонала, мест для больных, лекарств. Нередко политические деятели пользовались сложившейся обстановкой в своей предвыборной борьбе. Так можно объяснить противостояние представителей либеральных сил Д. Е. Лаппо и В. М. Крутовского. Лидер кадетской партии Д. Е. Лаппо выступил против общества врачей Енисейской губернии, возглавляемого В. М. Крутовским, обвинил его в плохой постановке хозяйственной и врачебной организации амбулаторий и в отсутствии хирургического барака. В ответ В. М. Крутовский объяснял позицию Лаппо провалом на выборах в Государственную думу, поэтому он заблаговременно начал свою предвыборную кампанию и старался устранить ненавистных ему соперников [5; 22 сентября, с. 3].

Санитарное состояние в городе заметно ухудшилось. Очевидцы отмечали: «В городе за последнее время открылась масса кухмистерских и столовых. Владельцы подобных заведений стремились уклониться от санитарного надзора. Многие хозяева открывали заведения и даже не приглашали санитарного врача для освидетельствования помещения [5; 6 сентября, с. 3]. Нередко в хлебопекарнях и колбасных города рабочие не осматривались врачом, на работу выходили в грязной одежде. На вокзальной площади съестные лавки находились в антисанитарном состоянии. По этому поводу газета «Сибирские вести» писала: «Торговцы тут же около своих дверей выбрасывают сор, выварки, остатки обеда, кости, гнилые куски ветчины, словом, все нечистоты» [11; 2 июля, с. 1].

Наряду с тем что полиция пыталась держать под контролем порядок в городе, периодически организовывались облавы на нелегальные собрания и общества, типографии и т. д. Так, например, 7 октября городские ходили по городу и в массовом порядке отбирали у разносчиков почты газеты и телеграммы. Подобные действия вызвали возмущение со стороны горожан: «Кто дал право полиции отбирать издания, не запрещённые и не конфискованные цензурой, например, телеграммы?» [5; 8 октября, с. 2]. В это же время была исключена из гимназии ученица пятого класса Когачевская за распространение революционных прокламаций в городском театре. При этом администрация гимназии фактическими свидетельствами данного обвинения не располагала [5; 1 октября, с. 1].

Таким образом, революционные события в стране непосредственно сказались на всех сферах жизни горожан Красноярска. В переломное и не-

простое время многие жители проявили активность, они являлись участниками демонстраций, митингов, выступлений. В период революции обычные красноярцы столкнулись с голодом, несвоевременной поставкой товаров, болезнями и т. д. Со спадом революционного движения жизнь горожан стала постепенно возвращаться в привычное русло.

Список литературы

1. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 5.
2. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 382.
3. Гришаев, В. В. Подлинное народовластие в Красноярске [Текст] / В. В. Гришаев // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее: материалы междунар. конф., посвящённой 75-летию Красноярского края. – Красноярск, 2009. – Т. 1. – С. 39–41.
4. Газета «Енисей». – 1905.
5. Газета «Енисейский край». – 1906.
6. Кокоулин, В. Г. Повседневная жизнь Томска в 1917–1919 годах // Вестник НГУ. – Новосибирск, 2010. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 141–150.
7. Кожевников, Г. Н. Красноярск в трёх революциях: хроника революционных событий в Енисейской губернии в 1895–1920 гг. [Текст] / Г. Н. Кожевников, И. Л. Прядко, Л. П. Славина. – Красноярск, 1974. – 119 с.
8. Очерки истории Красноярской партийной организации: т. 1. – Красноярск: Красноярское кн. Изд-во, 1967. – 406 с.
9. Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС. 1895–1980 гг. [Текст]. – Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1982. – 600 с.
10. Газета «Сибирские вести». – 1906.
11. 1905 год в Красноярске. Сборник документальных материалов [Текст]. – Красноярск: Крайиздат, 1955. – 228 с.

П. П. Лизогуб

МУК «Новокузнецкий краеведческий музей», г. Новокузнецк

КОГДА КУЗНЕЦКИЙ ОСТРОГ СТАЛ ГОРОДОМ?

В статье поднимается вопрос о времени обретения Кузнецким острогом статуса города, обосновывается новая, отличная от традиционной, датировка.

Вопрос о том, когда Кузнецкий острог стал городом, не получил в историографии удовлетворительного решения. Устоявшееся в краеведческой

литературе мнение о 1622 г. как о времени присвоения Кузнецкому острогу царским указом статуса города¹ вызывает сомнение по двум причинам.

Начнём с анализа реального содержания понятий «город» и «острог», поскольку здесь мы сталкиваемся с проблемой терминологической интерпретации этих слов в сибирском делопроизводстве XVII в. Специальное исследование Д. Я. Резуна показало, что значение указанных терминов в сибирской приказной практике тех лет было многозначно [8]. К 1620-м гг. под «городом» и «острогом» подразумевали не только два различных типа укреплений (что диаметрально разводило эти понятия), но и использовали эти слова для обозначения близких по типу городских поселений, когда необходимо было противопоставить их по своим функциям деревням и слободам. То есть в последнем случае значение слов «город» и «острог» наполнялось юридически-правовым смыслом, и в этом отношении эти понятия были близки между собой². С другой стороны, анализ употребления этих терминов в сибирских документах в указанное время (1620-е гг.), основанный как на выводах упомянутой работы Д. Я. Резуна, так и на наших собственных наблюдениях, не даёт оснований утверждать, что «город» и «острог» в административном плане были связаны между собой жёсткой иерархической соподчинённостью одного (острога) другому (городу). С этих позиций сама постановка вопроса о повышении административной значимости Кузнецкого острога в 1622 г. путём присвоения ему статуса города оказывается несостоятельной³. Это во-первых.

Во-вторых, известие о преобразовании Кузнецкого острога в город в 1622 г. по царскому указу не подтверждается никакими документальными источниками. Тем не менее в краеведческой литературе версия о «превращении» в это время Кузнецкого острога в город появляется достаточно рано. Самое первое упоминание об этом встречается в статье «Кузнецк» «Географического лексикона» Ф. А. Полунина 1773 г. [5] Поскольку в дальнейшем именно она послужила, как представляется, источником

¹ Эта дата фигурирует не только в популярной краеведческой литературе, но и в авторитетных научных трудах по истории Сибири, включая энциклопедические издания. См., в частности [11; 7]. Показательно, что исследователи, специально занимавшиеся историей Кузнецка XVII в., стараются избегать подобной датировки.

² В таком понимании Кузнецк назван городом уже в царской грамоте тобольским воеводам от 19 января 1625 г.: «И как к вам ся наша грамоте придет, и вы б в Кузнецкой острог про тотар, и про ясачных людей, и про закладчиков хлебных запасов посылали по кузнецким отпискам, сколко пригож, чтоб хлебных запасов было вперед про ясачных людей, как приходят *в город* с ясаком, было сколко чем накормить...». Как видно, в данном случае город как центр сбора ясака противопоставлен ясачной (сельской) округе [4, с. 45].

³ В связи с этим нельзя согласиться и с мнением Д. Я. Резуна о том, что в 1622 г. Кузнецк получил *права* уездного города, поскольку сам автор этой работы не показал, что в 1620-е гг. сибирский город официально обладал иными, более обширными и весомыми правами в сравнении с острогом [8, с. 175].

для всех будущих суждений о том, что Кузнецку в 1622 г. был присвоен статус города, приведём интересующее нас место полностью: «Однако же сие не удержало киргисцев учинить в 1622 году в июле месяце на Кузнецк нападение и Абинскую волость ... разорить. Тогда построили здесь для вящего защищения деревянный рубленый город, и с того времени Кузнецк назывался городом» [5, с. 47]. Неясен источник этих сведений. Известно, что Ф. А. Полунина готовил своё издание при участии Г. Ф. Миллера, который «поправлял и пополнял» этот «Лексикон». Но у Г. Ф. Миллера ни в его «Истории Сибири», ни в «Описании Кузнецкого уезда... в сентябре 1734 г.» такой информации нет. Более того, «отец сибирской истории» в «Описании...» даёт точную датировку царского указа о переводе Кузнецка в разряд городов – 1689 г. (источник этой информации будет разобран ниже). В чём причина такого противоречия?

Возможно, никакого противоречия в этом нет. И вот почему. Строго говоря, цитированный отрывок из «Лексикона» Ф. А. Полунина не позволяет утверждать, что после нападения кыргызов на Кузнецкий острог в 1622 г. тот вскоре становится городом (в административном понимании этого термина). Скорее этот отрывок надо понимать так, что Кузнецк становится городом с точки зрения типа укреплений. Но, приняв такое допущение, происхождение этих сведений всё же остаётся неясным, поскольку в сочинениях Г. Ф. Миллера о постройке в Кузнецке в 1622 г. (или в ближайшие после этого годы) каких-либо укреплений также ничего не говорится. Следует ли из этого, что данные Ф. А. Полунина в цитированной части оказываются неверны? Возможно, в распоряжении Ф. А. Полунина был либо какой-то не известный нам источник, либо, что более вероятно, он воспользовался копиями архивных документов из собрания Г. Ф. Миллера, которые сам историк к моменту публикации своего главного труда по Сибири ещё не до конца обработал. С другой стороны, утверждение Ф. А. Полунина, что «в верхней части (Кузнецка. – *П. Л.*) стоит упомянутый рубленый город (имеются в виду построенные в 1622 г., по версии Полунина, укрепления – *П. Л.*)» [5, с. 48] явно неверно. Здесь смешаны разные постройки: в верхней части, т. е. на Вознесенской горе, строения появились не ранее 1717 г. [1, с. 173].

Таким образом, приходится признать, что Г. Ф. Миллер, хотя и курировал издание Ф. А. Полунина, не редактировал скрупулёзно каждую его статью. В целом можно констатировать, что в основе статьи «Лексикона» «Кузнецк» лежат достоверные сведения, требующие, однако, критического

к себе отношения. Итак, попробуем выяснить, о каком большом строительстве в Кузнецке, последовавшем за событиями 1622 г. и давшем автору основание говорить о постройке «деревянного рубленого города», идёт речь в полуинской работе.

В определённой степени это подтверждается документальными источниками. Так, Е. И. Баскаков, кузнецкий воевода в 1622–1625 гг., отчитываясь о своей службе в Кузнецке, писал: «Я... прибавил в четвера Кузнецкаи острог, боин башню зделал и ворота» [6, с. 84]. Однако здесь речь идёт не о качественном изменении кузнецких укреплений, а лишь об увеличении площади острога; не поменялась, соответственно, и терминология в отношении Кузнецка как в цитированном выше документе (датируется сентябрём 1626 г.), так и во всех последующих официальных бумагах, где он по-прежнему именуется «Кузнецким острогом».

На этом фоне резко выделяется обозначение Кузнецка как «Кузнецкий город» на кузнецкой печати, описание которой дано в «Росписи государевым... сибирским печатям» и помещённой в «Служебной чертёжной книге С. У. Ремезова» [10, с. 204–208]. Данная «Роспись», как полагают, отражала реально существовавшие в сибирских городах государевы печати по состоянию на 1635 г. Однако насколько точно данный источник описывает печати сибирских городов и острогов? Сравним описание тобольской печати, помещённой в «Росписи», и описание этой же печати, извлечённое из отписки тобольских воевод царю с сообщением о том, что в результате пожара 9 декабря 1628 г. «печать тоболская ростопилась» (таблица 1).

Таблица 1 – описания печати Тобольска

«Роспись» (1635 г.)	Отписка тобольских воевод (1628 г.)
«На тобольской два соболя, а меж ими стрела. А около печати вырезано: «Печать царства Сибирского города Тобольска»» [10, с. 207]	«На печати было подписано «Печать царства и государства сибирского города Тобольска». А в середках вырезано два соболя, а меж ими стрела» [4, с. 57]

Как видим, описание печати по воеводской отписке, которое является, бесспорно, более точным, поскольку сам характер данного послания царю по поводу сгоревшей печати и изготовленной взамен копии требовал скрупулёзной точности, несколько отличается от того, что указано в «Росписи». Та-

ким образом, есть основание полагать, что и в описании печатей прочих сибирских городов встречаются неточности, поскольку полного соответствия нет даже в отношении печати главного сибирского города – Тобольска.

Ещё одним подтверждением этому, уже на кузнецком материале, может служить один архивный документ: в отделе редкой книги научной библиотеки Томского государственного университета имеется уникальная рукопись под названием «Выписки из старинных столбцов (свитков) Кузнецкого архива при окружном и земском суде, находившиеся и впоследствии отосланные в Археографическую комиссию» [3]. Как известно, часть этих документов была напечатана в изданиях самой Комиссии. Однако большинство из них так и не было опубликовано. Вероятно, какие-то из этих документов отложились в центральных архивохранилищах страны, но значительная часть оказалась безвозвратно потеряна. Тем ценнее имеющиеся «Выписки»¹, которые в очень сжатой, зачастую отрывочной форме передают содержание подлинных кузнецких актов. На л. 15 под порядковой записью № 50 дано описание печати Кузнецка: «Томского разряда остроги: Енисейский, Красноярский, Кетцкий, Нарымский, Кузнецкий. Печать Кузнецка ... в полчетверти золотника, на ней вырезано: «Печать государевой земли сибирской Кузнецкого острога, в середине волк».

Таким образом, приходится признать, что либо параллельно существовали две печати Кузнецка (в одной он обозначен как «город», в другой как «острог»), что крайне сомнительно, либо необходимо допустить, что описание кузнецкой печати в «Росписи» указано неточно и упоминание в ней «Кузнецкого города» не может рассматриваться как доказательство в пользу существования в это время де-факто Кузнецкого города.

Итак, когда же в таком случае Кузнецкий острог становится городом? Наиболее верный путь – это проследить, когда Кузнецк в документах XVII в. начинают именовать городом. Если следовать официальным актам – наказам и памятям сибирских воевод и их отпискам в центр, а также прочей делопроизводственной документации Сибирского приказа, – формулировка «Кузнецкий острог» сохраняется вплоть до середины 1650-х гг., когда при обозначении Кузнецка его название всё чаще начинают употреблять в форме «Кузнецкой», т. е. без самого определяемого слова, под которым можно понимать и всё ещё «острог» или уже «город» [9, с. 46; 4, с. 116]. 1670-е годы закреп-

¹ Насколько можно судить по пояснительным записям на л. 1 и л. 5 об. данной «Выписки», она была сделана в 1830-х гг. неизвестным лицом в архиве Кузнецкого окружного и земского суда по просьбе известного историка П. А. Словцова для его работы над «Историческим обозрением Сибири».

ляют эту тенденцию. Теперь в одном документе можно встретить обозначение Кузнецка и как «Кузнецкого острога», и как «Кузнецкого города». Насколько можно судить, впервые Кузнецк как «государев город» упоминается в памяти Сибирского приказа, составленной осенью 1673 г. [9, с. 255]. Показательно, что рассматриваемая выше «Выписка» прямо говорит о том, что в «1676 г. Кузнецк назван городом» [3]. Впрочем, и после этого времени Кузнецк в документах конца 1670 – начала 1680-х гг. упоминается зачастую и как «Кузнецкий острог».

Г. Ф. Миллер в «Описании Кузнецкого уезда» чётко указывает на то, что «момент, когда острог по высочайшему указу царского величества был возвышен и провозглашён городом, падает на 1689 год Рождества Христова» [2, с. 22]. Однако в данном случае сибирский историк оказался слишком категоричен, поскольку источник его информации – ответы Кузнецкой воеводской канцелярии на присланные незадолго до этого его же вопросы – не несли в себе такой определённости. Прочитав дословно ответ кузнецких чиновников на анкету Г. Ф. Миллера 1734 г.: «Как город Кузнецк от первого построения малого острога со временем распространился, – такого известия в Кузнецкой канцелярии не сыскано. Токмо по разбору прежних лет з делами до 197 году писан Кузнецк острогом, а со 197 году показан в разных делах городом»¹ [1, с. 173]. Как видим, никакого специального царского указа о переводе Кузнецка в разряд городов в распоряжении Канцелярии не было, да и быть не могло в силу уже рассмотренных нами выше причин (смысловое содержание терминов «город» и «острог» в XVII в.). Г. Ф. Миллер реалии своего постпетровского времени, когда в законодательстве Российской империи уже утвердилась практика возведения верховной властью того или иного населённого пункта в ранг города (как административно-территориального центра), перенёс на принципиально иную, с точки зрения прежде всего юридически-правовых воззрений, эпоху.

Но так или иначе, после 1689 г. в подавляющем большинстве документов, связанных с Кузнецком, о нём действительно говорится как о «Кузнецком городе» либо как о «Кузнецком», без термина «острог». При этом несколько особняком стоит «Ведомость сибирских городов 1701 г.», где Кузнецк указан как острог [4, с. 144]. Однако это объясняется спецификой данного документа. В нём Кузнецк (впрочем, как и Нарым, Кетск, Красноярск, Енисейск, Сургут, Туринск и Илимск) указан острогом именно с точки зре-

¹ Указанный в документе 197 год (7197 от сотворения мира) соответствует периоду с 1 сентября 1688 по 31 августа 1689 гг. от Рождества Христова.

ния строения кузнецких укреплений. Иными словами, в начале XVIII в. Кузнецк оставался острогом в плане его военно-оборонительных сооружений, но в административном смысле уже давно рассматривался как город – центр уезда.

Итак, подытожим всё вышесказанное. Представляется необходимым полностью отказаться от 1622 г. как даты присвоения Кузнецку статуса города и придерживаться в этом вопросе более корректной датировки, а именно: всю последнюю четверть XVII столетия рассматривать как время постепенного закрепления за Кузнецком новой терминологической реалии (обусловленной как ростом непосредственно Кузнецка, его численности и площади, так и неизбежной эволюцией содержания самого термина «город»). При необходимости использования фиксированной датировки можно, с известной оговоркой, за точку отсчёта превращения Кузнецкого острога в город брать 1689-й год.

Список литературы

1. Лизогуб, П. П. Ответы Кузнецкой воеводской канцелярии на анкету Г. Ф. Миллера 1734 г. [Текст] / П. П. Лизогуб // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2007. – Вып. 9. – С. 172–175.
2. Миллер, Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 г. [Текст] / Г. Ф. Миллер // Сибирь XVII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – С. 63–85.
3. ОРК НБ ТГУ. Витрина 784.
4. Первое столетие сибирских городов. XVII в. [Текст] / изд. подг. Н. Д. Зольникова, А. И. Мальцев, Д. Я. Резун. – Новосибирск, 1996. – 192 с.
5. Полунин, Ф. А. Кузнецк [Текст] / Ф. А. Полунин // Повествование о Земле Кузнецкой. – Кемерово, 1992. – С. 47–48.
6. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII–начала XVIII вв. [Текст]: сб. док. / составитель М. О. Акишин. – Новосибирск, 2000. – 400 с.
7. Резун, Д. Я. Летопись сибирских городов [Текст] / Д. Я. Резун, Р. С. Василевский. – Новосибирск, 1989. – 304 с.
8. Резун, Д. Я. Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII в. [Текст] / Д. Я. Резун // Вопросы истории. – 1979. – № 7. – С. 172–176.
9. Русско-монгольские отношения. 1654–1685 гг. [Текст]: сб. док. / составитель Г. И. Слесарчук. – М., 1996. – 560 с.
10. Соболева, Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. [Текст] / Н. А. Соболева. – М., 1981. – 264 с.
11. Сыроваткин, А. Н. Новокузнецк [Текст] / А. Н. Сыроваткин. – Кемерово, 1967. – 124 с.

ОБРАЗ ГОРОДА НОВОКУЗНЕЦКА В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

В статье исследуются аспекты зонирования городского пространства Новокузнецка с точки зрения студенческой молодежи.

Город является объектом изучения многих научных дисциплин, потому что в нём сфокусировались все сферы жизнедеятельности человека: в нём человек живёт, работает, саморазвивается как личность в психологическом, социальном и метафизическом планах. В силу многоаспектности и отсутствия общей концептуальной схемы город чаще всего описывают в отдельных ракурсах. Разные авторы, в зависимости от своих профессиональных интересов, акцентируют внимание на разных аспектах городской жизни. Город в силу своей сущности «вынуждает» заниматься самыми разными вопросами и интегрировать разнообразные знания в некоторую единую концепцию.

Город – доминирующая в настоящее время социально-пространственная форма существования общества, которая отличается большим разнообразием форм, видов деятельности населения, динамизмом социального развития, архитектурным разнообразием. Молодежь обнаруживает наибольшую активность в освоении новых возможностей и форм проведения свободного времени в городе. Повседневное общение, широкие социальные контакты, досуговые предпочтения являются важнейшими характеристиками избираемого стиля жизни, практически главными критериями идентификации молодого человека с определенной группой, средой или даже городом.

Анализ специализированной литературы позволил выделить четыре основных подхода к определению понятия «город»:

- функциональный подход представлен сочетанием функций: политической, религиозной, культурной, торговой, промышленной [2, с. 5];
- под правовым подходом подразумеваются административные права, правовой статус, административно-территориальное устройство города [1, с. 9];
- социальный подход рассматривает город в аспекте концентрации людей на сравнительно небольшой территории; их совместную деятель-

ность, направленную на достижение общей цели, удовлетворение социальных потребностей [8, с. 96];

- экономический подход описывает город как автономный, независимый от других поселений подобного рода, с дифференциацией занятости – в основном в сфере промышленности и торговли, с разделением труда и концентрацией производства [3, с. 53].

Для определения сущности города недостаточно лишь экономического аспекта, несмотря на то, что экономический фактор, пожалуй, является доминирующим в определении понятия *город*: невозможно добиться экономических успехов без оптимального уровня социальной стабильности и безопасности, без территориальной организации населения, без присвоения городу определённой самостоятельности в принятии решений. Это говорит о необходимости комплексности рассмотрения понятия города с учётом всех подходов к его определению.

Различают несколько видов образа города, выделяемых по различным основаниям. По воспринимаемому образ субъекту различаются внутренний и внешний образы города. Носителями внутреннего образа являются жители данного города, внешнего – его «гости» и население других поселений [7, с. 106]. Целенаправленно формируемый образ города по этому же основанию разделяется на подаваемый и принимаемый. Подаваемый образ отражает мнение жителей о восприятии их города остальным населением. Принимаемый образ – мнение жителей других населённых пунктов о данном городе. Если подаваемый и принимаемый образ значительно отличаются друг от друга, значит субъекты образа неверно позиционируют свой город [6, с. 359–360].

По способу восприятия образ города делится на осязаемый и неосязаемый. Осязаемый образ создаётся вследствие восприятия города при помощи пяти чувств: впечатление о городе складывается из того, что можно увидеть, услышать, почувствовать, вдохнуть, потрогать. К этому виду относится всё, начиная от названия города, его символики, заканчивая архитектурой и чистотой улиц. Неосязаемый образ города представляет собой эмоциональные связи с определённым городом. Зачастую средства массовой информации формируют предпосылки неосязаемого образа.

По числу носителей образа города выделяют индивидуальный и групповой образ. Групповой, или общественный, образ города создается наложением одного на другой множества индивидуальных. Ряд общественных обра-

зов вырабатывается значительной группой людей. Групповые образы необходимы для того, чтобы индивид мог успешно функционировать в пределах своего окружения. Всякий индивидуальный образ уникален. Он охватывает какое-то содержание, которое никогда или почти никогда не передаётся другим, но при этом в большей или меньшей степени совпадает с общественным образом [5, с. 50–51].

Образ города описывается через субъективное отношение к городу различных групп населения и представляет собой прежде всего представление о городе. Однако при описании образа необходимо учитывать и объективные характеристики состояния и развития города, так как именно посредством отношения к ним у человека и формируется образ города. Классифицировать региональные характеристики можно по-разному, но суть от этого не изменится: на образ города влияют они все. Образ города складывается из представления о следующих составляющих[4, с. 144]:

- Население (демографические характеристики, этническое и конфессиональное разнообразие);
- Экономика (структура рынка труда, экономические показатели – такие, как уровень зарплаты и прочее);
- Образование, культура, наука (мировоззрение, мораль, индустрия развлечений и прочее);
- Средства массовой информации;
- Здравоохранение, спорт;
- Политика, властные структуры (региональные лидеры, отношения между ними и прочее);
- Нормативно-правовая база;
- Быт, коммунальное и транспортное хозяйство;
- Архитектура, эстетический облик;
- Географические особенности (климат, ландшафт, флора, фауна, наличие полезных ископаемых, соседство с другими регионами и т. п.);
- Историческое прошлое.

Образ города обладает свойствами изменчивости, историчности, относительной устойчивости, комплексности, плюрализма точек зрения, зависимости от объективных характеристик городского развития. Таким образом, образ города можно определить как относительно устойчивую и воспроизво-

дующую в массовом или индивидуальном сознании совокупность эмоциональных и рациональных представлений о городе, складывающуюся на основе всей информации, полученной о нем из различных источников, а также собственного опыта и впечатлений.

В 2010 году на базе Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета было проведено социологическое исследование, целью которого было выявление образа города Новокузнецка в восприятии студенческой молодежи. Анкетный опрос был проведен в шести вузах города по 5-процентной выборке от численности студентов в каждом вузе с первого по четвертый курс, всего опрошено 1078 человек. Среди них студенты следующих вузов:

- НФИ КемГУ (Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета);
- МИЭПа (Международный институт экономики и права);
- КиФСИН (Кузбасский институт федеральной службы исполнения наказаний);
- КузГТУ (Кузбасский государственный технический университет);
- КузГПА (Кузбасская государственная педагогическая академия);
- СибГИУ (Сибирский государственный индустриальный университет).

Анкета состояла из нескольких тематических блоков: 1) «Отношение студентов к городу»; 2) «Досуг студентов»; 3) «Особенности быта студентов»; 4) «Миграционные интенции студентов»; 5) блок демографических вопросов.

Среди опрошенных студентов 56,1 % составили уроженцы города, 30,5 % – иногородние и 13,3 % переехавших в Новокузнецк на постоянное место жительства. Следует обратить внимание на достаточно высокий процент молодежи, приезжающей в Новокузнецк для обучения в высшей школе из других городов Кемеровской области. Многие из них в дальнейшем хотели бы остаться в Новокузнецке и найти здесь свою нишу для профессиональной самореализации (рисунок 1).

Вы являетесь уроженцем г. Новокузнецка?

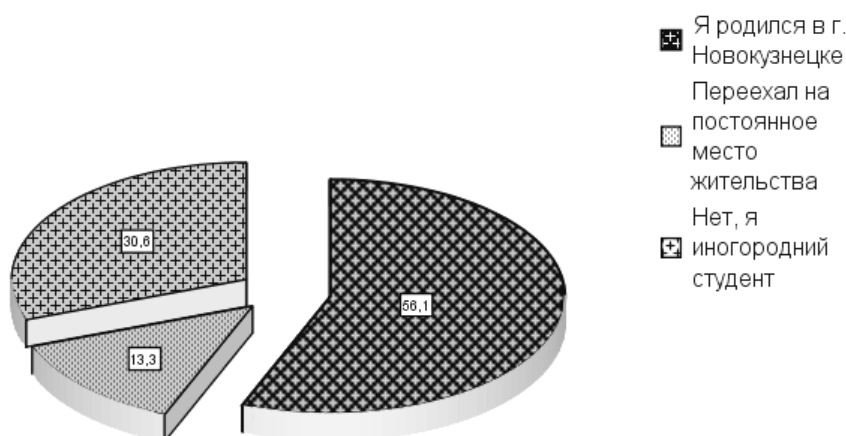

Рисунок 1 – Связь респондентов с Новокузнецком

Анализируя блок «Отношение студентов к городу», мы выявили, что большей части студентов (30,3 %) нравится жить в городе, 29,7 % ответили – «скорее да, чем нет», и только 13,5 % дали отрицательный результат. Иными словами, большая часть студентов имеет благоприятное отношение к городу.

При ответе на вопрос: «Что Вас привлекает в г. Новокузнецке?» – 25,8 % выбрали наличие мест досуга, 19,3 % – перспективы профессионального роста и 13,8 % выбрали статус «южной столицы Кузбасса». В свою очередь, главным фактором, влияющим на негативное восприятие города со стороны молодёжи, является неблагоприятная экологическая ситуация города. На вопрос «Что Вас не привлекает в городе?» – 66,6 % выбрали вариант «экология», 9,9 % отметили относительно низкие заработные платы по сравнению с другими городами, и только 7,2 % – отметили ориентированность города на рабочие профессии.

Оценки города студентами распределились в следующем порядке: 15,1 % дали оценку «отлично», 41,3 % оценили город на «четыре», 31,5 % – на «тройку». Большая часть студентов придерживается средних положительных оценок (среднее значение равно 4,02). Это говорит о том, что среди молодёжи нашего города нет радикально и негативно настроенных по отношению к городу (рисунок 2).

Оцените по пятибалльной шкале Ваше личное отношение к городу
(5-положительно настроен, 1 – отрицательно).

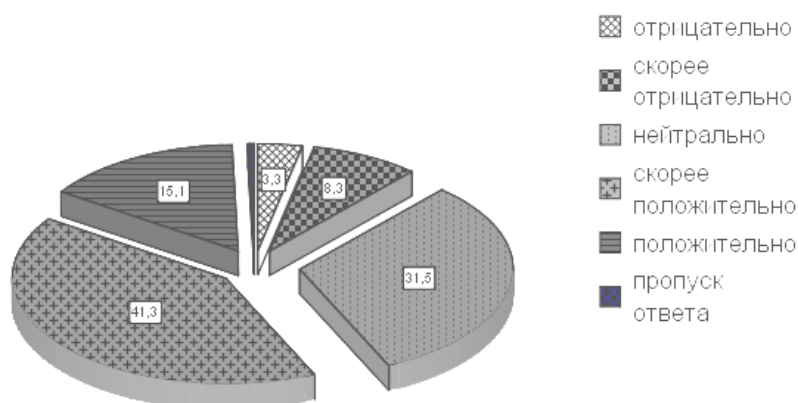

Рисунок 2 – Отношение респондентов к Новокузнецку

При анализе блока «Досуг студентов» были получены следующие результаты. Большинство студентов совсем не посещают театры (61,2 %), примерно одно посещение в полгода характерно для 28,9 % студентов и только 6,6 % посещают театр один раз в три месяца. Что касается музеев, то 40,5 % студенческой молодежи посещали музеи более чем полгода назад, 32,4 % – совсем не посещают музеи и 13 % – около полугода назад. Частота посещений художественных выставок: 51,1 % совсем их не посещают, 27 % – более чем полгода назад и 6,4 % – около трёх месяцев назад. Это свидетельствует о низком уровне интереса со стороны молодежи к культурной или духовной жизни города.

Своё свободное время 24 % студентов проводят в кафе (59,6 % девушек и 40,4 % юношей), 23,8 % молодёжи обычно в своё свободное время посещают кинотеатры (58,1 % девушек и 41,9 % парней), а 13,1 % – спортивные залы и фитнес-центры (51,1 % юноши и 48,9 % – девушки. Кроме того студенты посещают залы для боулинга – 10,4 %, ночные клубы – 12,1, библиотеки – 6,2. Такое распределение указывает на то, что рекреационный тип досуга в наибольшей степени распространен среди студенческой молодежи. Другие виды проведения свободного времени, требующие аналитической деятельности, уходят на второй план, что иллюстрирует следующее распределение.

Пребывание в исторически значимых местах имеет следующее распределение: 32,2 % студентов их не посещают, при этом 31,9 % составляют те, кто появляется там, когда есть желание, 31,4 % – крайне редко, и 4,2 % сту-

денческой молодёжи бывают там только в памятные даты, с которыми связан тот или иной памятник.

При этом, отвечая на вопрос: «Какой памятник вы бы хотели установить в городе?», 21,8 % выбрали такие варианты, которые связаны с производственной деятельностью (завод, доменная печь, кусок угля и т. д.), 14 % выбрали монументы (Кирову, Бардину, Суворову, Достоевскому, Тимченко, Волкову и т. п.), 3,6 % – памятники изобразительного искусства (фонтан, город-сад, большая белая берёза, восходящее солнце), 1,9 % – памятные места, связанные с государственным устройством (макет администрации города, мэр на фоне администрации и т. д.) и 45,2 % затруднились ответить. Это свидетельствует о высокой значимости профессиональной деятельности, а большой процент затруднившихся ответить говорит о низком уровне инициативности молодежи. Значимость вопроса заключается в определении специфики нашего города с точки зрения именно студенческой молодёжи. Памятник – это не просто составляющая архитектуры города, но и своеобразное послание в будущее, содержащее в себе наиболее важные моменты для своего времени. Поэтому ответы на данный вопрос были так важны для исследования.

Не менее значимым аспектом, влияющим на оценку города, являются те условия, в которых проживают студенты. Анализируя блок «Быт студентов», были выявлены следующие данные. Большинство проживают с родителями, которые имеют собственную квартиру в Новокузнецке – 60,3 %; количество студентов, которые арендуют квартиру, составляет 13,8 %; студенческая молодежь, которая проживает в общежитии, в общей сложности составляет 9,2 % от общего количества опрошенных, и 8,1 % респондентов являются иногородними и приезжают каждый день на занятия. Таким образом, большая часть студентов проживает в городе с самого рождения, поэтому имеет представление об исторически значимых местах, архитектуре, географии города и непосредственно является «частью» самого города.

Среди основных критериев выбора места проживания можно назвать следующие: 26,8 % студенческой молодежи предпочитает приближенность к месту работы и учёбы (52,2 % девушек и 47,8 % юношей); 22,5 % выбрали приближенность к центру; 17,8 % предпочли наличие развитой транспортной коммуникации и 13,8 % выбрали наличие большего количества мест досуга и культуры (39,6 % юношей, 60,4 % девушек). Что касается престижности самого района, то 11,5 % выбрали данный вариант ответа (53,3 % – юноши,

46,7 % девушки), и только 7,6 % предпочитают жить поближе к родственникам и друзьям. Студенческая молодежь находится «в гуще событий» и желает тратить как можно меньше времени на такую деятельность, как проезд до места учёбы и работы, а также относительно независима от ближайшего окружения.

Согласно логике рассмотрения специфики города, особенно важным является анализ ожиданий студентов в отношении города Новокузнецка, своей жизни в нём и особенностей личностного и профессионального роста, а также развития города в целом. По окончании вуза по своей специальности планируют работать 57,8 % студенческой молодежи, 15,8 % студентов не хотели бы работать в дальнейшем по специальности и лишь 26 % затруднились ответить. 50,3 % студентов думают, что они смогут найти работу по специальности в г. Новокузнецке; 41,5 % также ответили утвердительно, но предвидят, что это будет связано для них с небольшими проблемами и трудностями, и только 3 % уверены, что в Новокузнецке нельзя будет найти работу по своей специальности. Это свидетельствует о в целом оптимистическом настрое молодежи относительно собственного карьерного роста в нашем городе.

Проанализировав блок «Миграционные интенции студентов», мы получили следующие результаты. Что касается переезда в другой город, то результаты получились противоречивые, а именно: 37,9 % студенческой молодежи хотели бы остаться в городе (39,2 % – это уроженцы города, 37,1 % переехали в Новокузнецк на постоянное местожительство и 35,9 % являются иногородними студентами) и 37,5 % хотели бы уехать в другой город (из них 37,2 % – это коренные жители, 33,6 % – студенты, которые переехали на постоянное место жительства и 39,8 % составляют иногородние студенты), и лишь 23,4 % затруднились ответить на данный вопрос.

Что касается конкретного города для выбора места жительства, то 18,6 % выбрали административные центры, 12 % хотели бы переехать в «научные» города, например Томск, Новосибирск, 9,6 % – в другую страну (Америка, Австралия, Германия, Канада, Испания и т. д.), 6,6 % предпочли индустриальные города (Калтан, Мыски, Осинники, Прокопьевск) и только 3,5 % хотели бы жить в курортных городах (Сочи, Краснодар). При этом большинство студенческой молодежи привлекают в других городах перспективы собственного профессионального развития (17,7 %), климатические и географические особенности (11,7 %), возможность получения высокой за-

рабочей платы (11,2 %), архитектура города и получение работы (10 %), высокий уровень культуры (7,7 %).

И в заключение хотелось бы сказать о перспективах развития города Новокузнецка, по мнению студенческой молодежи. Большинство студентов (47,1 %) считают, что через 15 лет город будет развиваться, но не настолько, чтобы соперничать с передовыми городами нашей страны; 21,3 % думают, что ничего не изменится, 13,7 % студенческой молодежи предполагают динамичное развитие г. Новокузнецка, и только 9,2 % настроены на неблагоприятные изменения в развитии города. В целом примерно треть опрошенных имеет негативные и крайне негативные оценки относительно данной ситуации.

При ответе на вопрос о том, имеет ли наш город шанс когда-нибудь встать на одну планку со столичными городами, процентные соотношения распределились так: 51,9 % студентов не думают об этом, но всё-таки это возможно, 21,8 % ответили однозначно «нет», 14,9 % студенческой молодежи предположили, что скорее всего да, и только 7,7 % считают, что, безусловно, г. Новокузнецк может в будущем встать на одну планку с другими столичными городами.

В целом образ города в глазах студенческой молодежи представлен с положительной стороны. Большинство опрошенных студентов нравится жить в г. Новокузнецке (60 %). Их привлекает наличие мест проведения досуга и перспективы профессионального роста. Часть студентов планируют остаться после окончания обучения в нашем городе и продолжить свою профессиональную карьеру. Большая часть студенческой молодежи уверена, что найдет работу по своей специальности. Таким образом, город воспринимается студентами как пространство, имеющее определённые досуговые центры, перспективы профессионального развития и построения дальнейшей жизни в нём самих студентов.

Список литературы

1. Велихов, В. А. Основы городского хозяйства [Текст] : в 2 ч. Ч. 1 / В. А. Велихов. – Екатеринбург : Госиздат, 1928. – 129 с.
2. Жуков, Д. М. Экономика и организация ЖКХ города [Текст]: учеб. пособие для вузов / Д. М. Жуков. – М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 26 с.
3. Занадворов, В. С. Экономика города [Текст]: учеб. пособие / В. С. Занадворов, А. В. Занадворова. – М. : Магистр, 1998. – 143 с.
4. Кирюнин, А. Е. Имидж региона как интериоризация культуры [Текст] / А. Е. Кирюнин. – М. : Университет, 2000. – 144 с.
5. Линч, К. Образ города [Текст] / К. Линч. – М., 1982. – 180 с.

6. Матюшевская, П. А. Имидж [Текст] / П. А. Матюшевская, Н. В. Ефимова, Е. В. Мавевская // Социология: энцикл. – Минск, 2003. – С. 384 с.
7. Петрова, Е. А. Имидж Москвы – имидж столицы России [Текст] / Е. А. Петрова // Имиджеология-2004: состояние, направления, проблемы. – М., 2004. – С. 165.
8. Российская социологическая энциклопедия [Текст] / под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. – М. : Издат. группа НОРМА-ИНФА-М, 1998. – 658 с.

И. В. Никитина

ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», г. Кемерово

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ДЕКОРИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ КУЗБАССА: НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

В статье исследуется проблема взаимосвязи национального своеобразия и интернациональных черт художественного образа в декорировании городских пространств Кемерова и Новокузнецка.

Ускоренные темпы современной жизни общества связаны с выходом на новый виток развития в области художественного декорирования городской пространственной среды, с переходом от одной экономической системы к другой. Объединение главных отраслей общественной хозяйственной деятельности – земледелия, торговли, обрабатывающей промышленности, обращения ценностей – позволило развить гибкие динамичные структуры на основе разделения труда, сформировавшие крупное промышленное производство. Данный аспект связан с возникновением индустриальной системы, а позднее – с формированием индустриального общества [5, с. 47]. Следующим шагом урбанизации стал постиндустриализм. Этот термин был введен в научный оборот учёным А. Кумарасвами в начале XX в. Новая система позволила осуществить переход от преимущественного производства товаров к производству услуг, главным ресурсом становятся информация и знания [1, с. 284]. У дизайнеров появилась возможность экспериментировать и свободно самовыражаться в творчестве, создавать ограниченные серии изделий. наиболее крупных города Кузбасса – Кемерово и Новокузнецк. Это было

связано с реализацией специфических функций и задач, вложенных в изначальную планировку этих городов (оборонительная крепость-острог Кузнецк и угольная шахта-поселение Красная Горка).

Господствующая тенденция в становлении современного дизайна городской пространственной среды определяется бездумным копированием мировых шаблонов. Процесс глобализации напрямую связан с вытеснением традиционных особенностей из городского пространства, а также и национальной культуры в качестве опыта, накапливаемого веками. Актуальность обусловлена недостаточным развитием традиционных специфических начал в проектировании художественного образа отечественного дизайна в условиях сложного диалектического взаимодействия национального своеобразия и интернациональных компонентов. На фоне перехода от индустриальной системы к постиндустриальной формируется проблема, связанная с сохранением исторической структуры и самобытности в современных художественных формах.

Данная проблема рассматривает визуализацию современного художественного образа в декорировании пространств постиндустриальных городов Кузбасса как синтеза национального своеобразия и интернациональных черт в условиях крупных промышленных центров Новокузнецка и Кемерова. Они представлены в качестве носителей исторически сформированных специфических функций и задач, выраженных с помощью символических образов, присущих традиционной культуре. Семантическая невнятность многих художественных образцов в дизайне городской индустриальной и постиндустриальной среды связана с применением лаконичных инородных носителей визуальной информации в несоответствии с системой образов национальной самобытной культуры. Это сопровождается кардинальными изменениями первоначального генерального плана и облика городской застройки центрального и периферийных районов, благодаря внедрению интернациональных компонентов в виде современных высотных офисных и жилых зданий, деловых центров американизированного типа, сокращению пешеходных, парковых и буферных зон в пользу промышленных и транзитных. Всё это приводит к снижению эстетики проектируемых образцов как визуального решения образа художественного, а также символизирует отказ от идеи и предметно-чувственного содержания, характерных для национального своеобразия.

Дезорганизованная композиционно-пространственная схема одного из самых престижных жилых комплексов города Кемерово «Томский причал» (2007 г.), расположенного на пересечении улицы Весенней и Притомской набережной, является наглядным примером внедрения чужеродного традиционной специфике элемента в виде шестнадцатиэтажной постройки: она «вставлена» в национальную среду из пяти- и шестиэтажных зданий периода советского монументального классицизма с ярко выраженными стилевыми особенностями. К последним относятся членение зданий в пропорциональном отношении 2:3 или 1:3 с помощью цвета (низ – красная терракота, верх – нежно-жёлтый), использование руста в нижней части постройки, декорирование фасада пластическими элементами, треугольная крыша, соразмерность зданий пропорциям человеческого тела, организация окружающего пространства (дворовая и парковая территории, озеленение). Возникает визуальное несоответствие, нарушающее художественность, образность и живописность городского пространства.

Примером удачного композиционного и художественно-образного решений в рамках специфических функций постиндустриального города-острога является жилой комплекс «Изумрудный город» (1998 г.) Новокузнецка. Это синтез национального своеобразия и интернациональных черт, выраженных в индивидуальности конструкции и планировки.

Открытость отечественной культуры к восприятию новых актуальных форм мировой практики при наличии специфической фундаментальной базы декорирования пространства способствует обострению сформулированной проблемы в проектировании графических образцов. Должное внимание не уделяется сохранению исторической структуры и самобытности современных художественных решений. Это связано с утратой специфики восприятия цвета, формы, пространства, необходимых для понимания реципиентом, и задач, вложенных в схемы-проекты городов изначально.

Планировка и застройка населённых пунктов должна создавать наиболее благоприятные условия для жизни социума, отвечать требованиям экономики, исторически сложившемуся профилю отраслей промышленности, характеризовать уровень жизни городского населения. Формирование традиционных особенностей в архитектуре, инфраструктуре, зонировании и благоустройстве городского пространства определяет самобытность населённого пункта, ценности его культурной самоидентификации. Исследователь В. А. Бутягин в книге «Планировка и благоустройство городов» выделяет

факторы, необходимые для выбора территории приемлемой городской застройки. Перечислим основные: рельеф местности, грунты и качество почвы, водоснабжение, воздушные потоки, инсоляция, естественные и искусственные зеленые насаждения, пригодность территории к отраслям промышленности [2, с. 74–75]. Они лежат в основе ведущих кузбасских городов, промышленных по техническим и производственным характеристикам и постиндустриальных по темпам развития информационного хозяйственного сектора.

Отправной точкой основания и развития кузбасских городов является исторически сложившаяся специфика разработки профилирующих промышленных отраслей. Открытие залежей каменного угля в начале XVIII века М. Ф. Волковым стало причиной возникновения небольшого населённого пункта Красная Горка. В 1918 г. он приобрёл статус города и был переименован в Щегловск, а позднее – в Кемерово. В 1617 г. был основан город-острог Кузнецк (современный Новокузнецк), на прилегающих территориях которого добывались и разрабатывались металлические руды, но ещё не в масштабах промышленности [3, с. 58, 80]. Перечисленные основания определили специфические функции рассматриваемых городов: Кемерово – разработка угля, Новокузнецк – металлургия.

Становление отраслевых индустрий в городах Кузбасса невозможно представить без зонированного, постоянного развивающегося средового пространства и растущего городского населения. Это становится возможным благодаря функциям и задачам, реализуемым внутри сформированного пространства. Они закладываются в рамках национальной культуры, придерживаются вековых традиций, а также трансформируются с переходом к последующей общественной структуре, например, от индустриализма к постиндустриализму. Неотъемлемым фактором формирования городского пространства является художественный образ. Он связан с поиском визуальных решений зонирования территории, с реализацией поставленных обществом задач. Образ художественный, лежащий в основе конструктивной схемы декорируемого пространства, влияет на облик развивающегося города, отличает его от множества иных населённых пунктов, выражает национальное своеобразие градостроительных объектов и объёмов. Данные черты отражены в генеральных планах описываемых городов, изначально созданных для решения конкретных задач, связанных со специфическими функциями населенного пункта [2, с. 181–187].

Декорирование пространств городов Кузбасса, как и других городов страны, связано с отличительной особенностью образных составляющих. Они характеризуются универсальностью взглядов на проектировочную реальность. Молодой индустриальный Кемерово и сформированный исторической вехой город-острог и опорная крепость Новокузнецк имеют разный визуальный облик. Города изначально решали разные задачи: в Кемерово велась разработка каменного угля для снабжения прилегающих территорий, а Новокузнецк был основан для покорения племён, проживавших в верховьях Томи. К середине XX в. индустриализм стал для них объединяющей и ведущей функцией [3, с. 58–79].

Плановая застройка населённого пункта начинается с его центральной части, формирует исторический национальный визуальный облик. Она отражает особенности и трудности стремительного роста городов. Наибольший вклад в изменение внешнего вида сибирских промышленных городов Кузбасса внёс немецкий архитектор Эрнест Май. В генеральном плане Кемерова 1931 г. он предусмотрел жёсткую регулярную линейную систему улиц из кварталов двухэтажной каркасно-засыпной застройки, противоречащую сложному рельефу местности на правом и левом берегах реки Томи. Они присутствуют в визуально-художественном облике современного города в Центральном, Заводском, Кировском, Рудничном районах [3, с. 74]. Данная схема типична для функционирования молодого индустриального объекта в рамках видоизменяющихся культурных традиций, связанных со сменой стилевой направленности (от советского монументального классицизма к соцреализму), и проникновения интернациональных компонентов в сформированную среду.

Основную ось центра Кемерова (проспект Советский) в качестве сопоставления её ведущей функции, связанной с промышленными разработками правого и левого берегов реки Томи, провёл архитектор Л. К. Моисеенко. Он спроектировал органичное пространство индустриального города из четырёх- и пятиэтажных зданий индивидуального художественного оформления и целостного образного решения как комплекса из множества открытых площадей с эффектной перспективой на живописный сосновый бор правого берега. Город не только должен был функционировать как зона промышленных объектов, но и реализовывать идею «города-сада», способствующую благоприятному проживанию [4, с. 37–39]. Современный облик проспекта Советского связан со смещением поставленной задачи в сторону постинду-

стриального развития, размещением торговых, культурных, просветительных, информационных и общественных зданий. Проектирование интернациональных визуальных образцов на территории проспекта (торговые центры «Я», «Байконур», «Мебельвилль») в рамках сформированного национального художественного образа усиливает поставленную проблему синтеза традиций и инноваций мирового дизайна.

Художественный образ компактного комплекса центра промышленного города Кемерово решён как примыкающие одна к другой площади (областной театр драмы им. А. В. Луначарского, музыкальный театр Кузбасса им. А. К. Боброва, площадь Советов, Кемеровская государственная областная филармония им. Б. Т. Штоколова, площадь А. С. Пушкина, площадь С. М. Кирова). Он связан с отражением специфических функций культурного потенциала страны в разные временные периоды (индустриальное развитие до 30–40-х гг. XX в., 60–70-х гг. и постиндустриальное развитие с 90-х гг. XX в. до настоящего времени). Перечисленные черты дополняются визуально-образными акцентными формами в виде скульптур, венчающих площадь («Городам-побратимам», «Двое в пространстве», «Экология», «Ради жизни на Земле», «Труженикам тыла» скульптора А. П. Хмелевского; «Журавли», «Памятник воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане», «Архитектура» архитектора Б. П. Лермана) и фонтанов (на площадях драматического театра и областной филармонии). Центральная часть приобретает завершённый, композиционно целостный художественный вид организованного геометрически «города-сада». Решается проблема визуального и эстетического оформления, формируется культурное достояние в виде национальных черт, обеспечивающее связь прошлого и будущего [3, с. 75].

Плановая застройка 1931 г. Эрнста Мая сформировала черты современного промышленного города Новокузнецка. Немецкий архитектор разработал линейную схему первых кварталов заводской площадки на склоне Старцевых гор. Позже выяснилось, что основная площадка между металлургическим заводом и рекой Томью не обеспечивает развитие города, в связи с чем началась разработка новых планировочных схем с радиальным развитием [3, с. 80]. К середине XX в. Новокузнецк был сформирован как город с децентрализованной полицентрической планировочной структурой, наделённый специфической функцией, способствующей развитию металлургической промышленности. Масштабность индустриальных предприятий повлияла на общую схему застройки. Она состоит из крупных визуальных про-

странств, расположенных вне шаговой доступности, не сомасштабных человеку, объединённых улицами, проспектами, ландшафтом. Это связано с индивидуальными принципами художественной организации, заключением в единый композиционный объект (кольца на пересечении улицы Кирова и проспекта Октябрьского, проспекта Строителей и проспекта Metallургов, проспекта Строителей и улицы Ноградской) [7, с. 229]. В настоящее время генеральный план города является одним из наиболее сложных, так как развитие Новокузнецка в XX веке предусматривало многочисленность населения. Генплан призван решать задачи крупного угледобывающего и металлургического центра страны.

Постиндустриальный Новокузнецк имеет чётко обозначенную ось – улицу Кирова как источник информационного насыщения и производства услуг. Она состоит из трёх частей: старой, средней и новой, – они обеспечивают связь старой традиционной культурной системы с интернациональными компонентами [3, с. 85]. В отличие от Кемерова, улицы Новокузнецка не создают компактного комплекса, так как направлены на решение иных задач. Это индустриальный город с активно проникающим информационным сектором (бурно развивается рекламная индустрия: крупноформатные рекламные установки, баннеры, перетяжки). Композиционно-пространственная среда требует проектирования дифференциальных образований, реализация которых разрушает художественно-образную систему композиционного пространства города, так как не решает проблему взаимосвязи накопленного культурного опыта с интернациональными компонентами.

Образец традиций и культурного наследия Новокузнецка с учётом региональных особенностей, формирующий художественность и образность города, представлен старой частью улицы Кирова от проспекта Курако до проспекта Metallургов. Это структурно-целостные сооружения советского монументального классицизма с ярко выраженными индивидуальными особенностями, обращёнными к историческому прошлому. Они увязывают город со специфическими функциями промышленного оснащения и задачей по благоустройству территории в целях комфортного пребывания в нём.

Средняя часть улицы от проспекта Metallургов до Кузнецтроевского проспекта связана с размещением торговых, культурных и общественных зданий застройки 70-х гг. XX в. Она функционирует как зона проведения праздничных и общественных мероприятий в рамках крупного промышленного города, представлена живописной и открытой с трёх сторон театральной

площадью с большим фонтаном (Новокузнецкий драматический театр имени С. Орджоникидзе), Садам металлургов. Организация отрезка улицы Кирова обусловлена постановкой новых социалистических общественных задач, повлиявших на культурное достояние прошлого, с отказом от основ и традиций, обращением к типизации. Однообразность и повторяемость визуальных решений создали гомогенные поля, отрицательно влияющие на восприятие реципиентом [8, с. 17] Это обострило проблему сохранения художественного образа декорируемых пространств Новокузнецка, но усилило узконаправленную специфическую функцию города.

Улицу Кирова завершает новая часть, ограниченная проспектом Кузнецтстроевским и крупной транспортной развязкой Левого берега. Она связана с быстрыми темпами развития Новокузнецка, с добавлением функций и задач, которые необходимо решать крупному городу, например, налаживание объема производства услуг, просвещение, межкультурное взаимодействие, сокращение промышленных разработок. Внедрение интернациональных компонентов (торгово-развлекательных комплексов «Ника», «Глобус», «Континент» и блочных многоэтажных жилых комплексов) в декорируемую среду лишают город художественно-образной содержательности, в силу чего утрачивается связь с национальным достоянием. Проблема формирования и сохранения визуально-пространственной среды Новокузнецка решается частично (на отрезке улицы Кирова от проспекта Курако до улицы Тольятти). Его центральная часть имеет композиционно завершённый художественный образ крупного торгово-промышленного города, активно транслирующего и использующего инновационные компоненты в своей среде.

Исследование планировочных решений постиндустриальных городов Кузбасса показало, что разница в специфике историко-культурной ситуации (разработка каменного угля на Красной Горке и металлургия в Кузнецке) непосредственно влияет на дальнейшие масштабы развития визуальной составляющей населенного пункта. Наличие схожих функций в них (промышленность, рыночная экономика, межкультурные коммуникации, информационное насыщение) является неотъемлемой характеристикой любого города. Эти факторы становятся обязательными для дальнейшего развития. Специфические задачи, исполняемые городом, позволяют занять нишу (промышленное, информационное, культурное, просветительское производство), подчёркивающую индивидуальность. Этим обусловлено характерное отличие декорирования Кемерово и Новокузнецка. Это связано с оборотами производства

компактного Кемерово, сомасштабностью его человеку, и крупномасштабностью Новокузнецка, удалённостью его районов друг от друга.

Анализируя опыт прошлого и современный подход к декорированию визуального облика города, дизайнеры и архитекторы находятся в постоянном поиске идеальной формулы проектирования. Постановка вопроса о сохранении традиционных черт или трансформации интернациональных компонентов в контексте исторически сформированного художественного образа городского пространства раскрывается в характеристике застройки разных периодов (30–40-х гг., 60–70-х гг., 90-х гг. XX в.). Специалистам необходимо связывать планировку городов с их специфическими функциями и задачами.

Традиции декорирования промышленных композиционно-пространственных центров страны согласованы с культурной системой, историей, художественными качествами, а также реализуемыми задачами. Значительную роль в этом сыграли образцовые проекты для массовой застройки советского монументального классицизма 30-х–40-х гг. XX в. [7, с. 43]. Автор книги «Строительство городов Сибири» Б. И. Оглы пишет, что «роль образцовых фасадов сводилась к примерным эталонам для выработки определённого стилевого направления в застройке центральных кварталов города... Переработанные в различных вариантах с элементами народной импровизации, они были привязаны к конкретной местности» [7, с. 43]. Например, проспект Советский, площадь Пушкина, улица Н. Островского, улица-бульвар Весенняя в городе Кемерово; старая часть улицы Кирова, проспект Курако, проспект Бардина, проспект Metallургов в городе Новокузнецке являются олицетворением национального своеобразия. Это формирует ряд особенностей, направленных на сохранение сложившегося художественного образа декорируемых городских пространств Кемерово и Новокузнецка. Синтез промышленной ориентации населённого пункта с ландшафтом воплощается в живописности и пластичности визуальных решений. Реализуется тенденция «город для человека» – развитие экономической отрасли как фактора роста населения и благоустройства территории [4, с. 57].

Ускорение темпов жизни общества, введение новой политической системы (социализм) связаны с выходом на новый рубеж совершенствования, отмеченный усилением специфических функций населённых пунктов. Бурный рост городского населения полсужил основой для реализации масштабных проектов, например, увеличения промышленного производства за счёт функционирующих и строящихся предприятий и комбинатов; реализации

жилищной программы в 60-е–70-е гг. XX в. в соответствии с новым типом строительства. Декорирование городского пространства приобретает упрощённые черты: типизация проектов жилых микрорайонов, строительство пяти- и девятиэтажных кирпичных и железобетонных конструкций с гладкими монотонными фасадами без учёта особенностей рельефа местности и климатических факторов [2, с. 274]. Эта тенденция повлияла на визуально-образную характеристику кузбасских городов. Кемерово и Новокузнецк становятся схожими в общем проектировочном решении периферийной застройки (например, новая часть улицы Кирова Новокузнецка и проспекты Ленина и Ленинградский Кемерова). Происходит отказ от сформированных традиций и задач города в пользу лишённых художественного начала компонентов, поиска новых однообразных подходов и решений. На данном этапе задача у городов становится общей, она направлена на урбанизацию.

Обратим внимание, что рассматриваемый период также сопровождается художественным декорированием и проектированием визуально-пространственной среды. Это связано с поиском образных решений соцреалистического направления в культурной ориентации, постановке смыслов и задач. Данные композиционные объекты масштабны, жизненны, в проектировании используют научный художественный метод, реализуют специфические функции городов (ориентация на массовое промышленное производство). В Новокузнецке построены гостиница «Новокузнецкая» (1970 г.), Центральная городская библиотека имени Н. В. Гоголя (1971 г.), здание цирка (1973 г.). В качестве акцентных точек, дополняющих найденный художественный образ и подчеркивающих масштабность сооружений индустриального города социалистической эпохи, устанавливаются памятники и мемориалы. Например, «Борцам Революции» (1963 г.) архитекторов Е. А. Авдеева и В. Ф. Казакова, И. П. Бардину (1965 г.) скульптора С. Д. Шапошникова и архитектора Ю. Н. Гумбурга, В. В. Маяковскому (1967 г.) скульптора Б. А. Плёткина и архитектора В. П. Литвякова [3, с. 81–83]. В городе Кемерово реализованы следующие объекты: Кемеровская государственная областная филармония им. Б. Т. Штоколова (1954 г.), здание главного корпуса Кемеровского государственного университета (1974 г.), музыкальный театр Кузбасса им. А. К. Боброва (1964 г.).

Период после 90-х гг. XX в. связан с постановкой новых задач, в числе которых переход к рыночной экономике (резкое сокращение доли производства товаров, увеличение производства услуг), от индустриального общества

к постиндустриальному (сокращение доли промышленного производства в экономике, формирование знаковой эстетики, где знак служит носителем единицы информации), межкультурная коммуникация (ориентация на мировые образцы, заимствование их прототипов). В города Кузбасса начинают проникать интернациональные черты европейских и американских художественных образов, противоречащих традиционной основе. Декорирование композиционного пространства Кемерово и Новокузнецка осуществляется по иному плану, отличному от опыта предыдущих десятилетий. Это выражается в обилии стекла и света, больших помещениях, сочетании неожиданных форм и объемов, высотном строительстве по образцу, инородному специфике культуры. В Новокузнецке проектируются торгово-развлекательные комплексы «Ника», «Континент», «Глобус», «Парус», жилые комплексы невысокого художественного уровня и низкой себестоимости «Алый парус», «Три богатыря». В Кемерово появляются проекты «Променад-1», «Променад-2», «Лапландия», «Я», а также жилые комплексы «Радужный», «Кемерово-Сити», «Серебряный бор». Данный тип проектирования противоречит облику сформированных городов, сохранению национального своеобразия. Эти черты обуславливают отчуждение традиций и выход к обезличенности и эклектичности декорируемого пространства, отсутствию ансамблей и художественно-образной составляющей. Такой подход к решению задач, связанных с функционированием городского пространства, усугубляет обозначенную проблему синтеза национального своеобразия и интернациональных компонентов [2, с. 327].

В сложившейся социокультурной ситуации постиндустриальных городов за последние десятилетия были достигнуты положительные результаты. Они связаны с попыткой трансформации потока интернациональных символов в рамках основы традиционной. Это связано с профессиональным творчеством и генерацией новых идей [6, с. 40]. Предпринимается поиск художественных образов для организации композиционно целостных проективных решений на профессиональном уровне. К данным инновациям относятся следующие визуальные комплексы городов Кузбасса:

- кемеровский торгово-развлекательный комплекс «Променад-3», который сформирован в синтезе стилевой направленности архитектурного сооружения, сочетания новых материалов, технологий, компонентов и сложившейся исторически художественно-образной системы;

- новокузнецкий автосалон «Toyota», расположенный за чертой крупного города (в 19 км). Объём здания с использованием современных строительных материалов (стекла и бетона) соответствует сложившемуся исторически художественному образу крупномасштабного населённого пункта.

Поиск новых визуальных форм позволяет соответствовать тенденциям постиндустриализма и уважительно относиться к национальному своеобразию промышленных городов Кузбасса, связывать их план-схемы с поставленными функциями и задачами (соотношение доли промышленности к доле сферы услуг, трансформация знаковой системы с заимствованием интернациональных компонентов).

Сохранение национального своеобразия и проблема визуализации нового художественного образа в декорировании пространств постиндустриальных городов Кемерово и Новокузнецка в духе современных тенденций остается нерешённой. Это связано с недостаточной сформированностью изобразительных элементов отечественного дизайна, в связи с чем в процессе проектирования образцов возникают трудности. Эмпирическое исследование по сопоставлению визуальных объектов в городах Кузбасса показало, что существует тенденция заимствования интернациональных компонентов без трансформации для объективного восприятия их реципиентом. Трансляция инородных художественных образов в национальную среду формирует общие черты современного городского пространства. Трансформация интернациональных компонентов в рамках традиционной основы является сложной задачей, необходимо предпринимать попытки для её решения.

Отметим, что сформулированная проблема ярко представлена как в пространстве города Кемерово, так и Новокузнецка. Это обусловлено деструктивным подходом к процессам декорирования и моделирования, когда утрачивается связь прошлого и настоящего. Образ приобретает опосредованное значение, на первый план выдвигается эклектичность и инородность визуального облика объекта. Перспективный путь дальнейшего развития художественного образа с целью сохранения самобытности в постиндустриальной городской среде Новокузнецка и Кемерово должен быть связан с реализацией синтеза различных составляющих культуры и искусства, к которым относятся:

- точная формулировка функций и задач города в соответствии с социокультурной ситуацией;

- объединение архитектурных форм (гражданские, жилые, промышленные здания) с суперграфическим решением фасадов (устранение монотонности и однообразности объектов с помощью цвета);
- постановка акцентных точек в виде фонтанов и скульптур;
- соотнесение крупноформатных установок графической рекламы с декорируемым пространством.

Вышеописанные характеристики отечественного дизайна необходимо осуществлять с помощью диалектического сочетания в нём лучших мировых достижений и архетипических, символических образов, сформированных национальными традициями.

Список литературы

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество [Текст] / Д. Белл. – М. : Академия, 1999. – 782 с.
2. Бутягин, В. А. Планировка и благоустройство городов [Текст] / В. А. Бутягин. – М. : Стройиздат, 1974. – 381 с.: ил.
3. Глотов, Г. А. Будущее городов Кузбасса [Текст] / Г. А. Глотов, Е. Н. Перцик. – Кемерово : Кемеровское книжное издательство, 1972. – 142 с.
4. Захарова, И. В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910–1930-х гг. [Текст] / И. В. Захарова. – Кемерово : Агентство рекламных форм, 2005. – 104 с.
5. Гринин, Л. Е. Производительные силы и исторический процесс [Текст] / Л. Е. Гринин. – 3-е изд. – М. : КомКнига, 2006. – 272 с.
6. Лихачев, Д. С. Заметки о русском [Текст] / Д. С. Лихачев. – М., 1984. – 64 с.
7. Оглы, Б. И. Строительство городов Сибири [Текст] / Б. И. Оглы. – Л. : Стройиздат, 1980. – 357 с.: ил.
8. Филин, В. А. Видеоэкология и архитектура [Текст] / В. А. Филин. – М. : Видеоэкология, 1995. – 52 с.

В. Б. Паничкин

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НОВОКУЗНЕЦКА: ЧТО ИМЕЕМ – НЕ ХРАНИМ?

В статье рассматривается проблема ограниченности состава объектов, подлежащих охране в Новокузнецке, и доказывается необходимость

радикального пересмотра отношения к сохранению архитектурного наследия города как дореволюционной эпохи, так и 1920–1950-х гг. в комплексе.

Мир, в котором мы живём – это, прежде всего, улицы нашего города. В их каменных теснинах проходит большая часть жизни людей. Музыкой в камне справедливо называют архитектуру. И «важнейшим из искусств» для нас является отнюдь не кино, а зодчество: двадцать четыре часа в сутки мы в буквальном смысле находимся рядом с архитектурными творениями или внутри них. С этой точки зрения Новокузнецк – настоящее произведение архитектуры: на его улицах запечатлели себя едва ли не все стили русского и советского зодчества XVIII – XXI вв.: барокко, классицизм, неорусский и «кирпичный» стили, сибирский и рациональный модерн, конструктивизм, освоение классики, сталинский ампир, функционализм, «стекло и металл» – интернациональный стиль 1960-х, «брутализм» 1970–1980-х, постмодернизм 1990-х и, наконец, современный стиль, название которому придумают, наверное, позже.

Здесь творили самобытный сибирский каменщик Почекунин, великие архитекторы мирового масштаба академик Жолтовский, профессор Крячков и братья Веснины, апологеты немецкого конструктивизма Эрнст Май и Герхард Козель, создатель крупнейшего архитектурного бюро мира американец Мориц Кан, замечательные столичные зодчие Градов, Лужбин, Лихер и Уманский, плеяда легендарных сталинских архитекторов: Бровкин, Громов, Отурин, Савченко. Стоит отметить и архитекторов, которым в годы запрета «излишеств» удалось не только спасти от хрущовок новый центр города, но и создать великолепные произведения: это Авдеев, Выпов, Геращенко, Ермаченко, Журавков, Маслов, Комар, Шкрядо... Впечатляют и современные сооружения города – плод труда архитекторов Побожия, Тена, Тиманова, Усольцева и многих других.

В 2000 г. на страницах новокузнецких газет «Фронт» и «Кузнецкий край» мы провели опрос полусотни архитекторов из разных городов области с вопросом о десяти самых значительных сооружениях всего Кузбасса. И профессионалы, словно сговорившись, проявили почти полное единодушие: из 133 названных зданий и ансамблей почти половина – в Центральном районе Новокузнецка, в том числе почти вся первая десятка расположена на проспекте Metallургов, либо в районе Театральной площади, либо в кварталах новой застройки Левого берега...

Наш город, история которого насчитывает почти четыре века (лишь на несколько лет моложе Томска), резко отличается от остальных историче-

ских городов России почти полным отсутствием памятников. Нет, речь не о помпезных и бездушных гранитных монстрах – их хоть отбавляй, речь не о сомнительных садово-парковых скульптурах типа «памятника» Кирову, Суворову или солдату у ресторана «Москва» – они тоже вполне обихожены. Всё это на самом деле никакие не памятники, а средства агитации и пропаганды: как гениальные («цветок» в честь 50-летия СССР у Дома быта и Бульвара героев), так и заурядные (Ленин с Горьким у бывшей гостиницы «Металлург», стелы в честь юбилея комсомола напротив универмага). Разумеется, ни при чём тут и расплодившиеся по всей Руси псевдооригинальные композиции вроде красноярского «сантехника Васи», омской «профурсетки Любочки» или памятника... колбасе в Новокузнецке – этот кич может понравиться только недалёким людям.

Речь о подлинных памятниках старины, которые и представляют собой истинную ценность, формируя лицо города и его мифологию. С ними у нас совсем плохо. Собственно, и до 1917 г. каменных зданий в Кузнецке было немного: крепость с тремя башнями, двумя казармами и гауптвахтой, Спасо-Преображенский собор с часовней Иверской Богоматери, Одигитриевская и Успенская церкви, казначейство, училище, дом купцов Муратовых-Васильевых, Русско-Азиатский банк, «магазин», два здания ликеро-водочного завода и жилой дом при нём. Итого восемнадцать зданий. С натяжкой к ним можно присовокупить дом купцов Конюховых-Фонарёвых и ещё один – на набережной р. Иванцевки, у которых кирпичными были первые этажи. Получается двадцать. И 546 деревянных домов.

Советская власть не щадила наследия предков: Одигитриевскую и надвратную Ильинскую церкви сожгли роговцы в 1919 г., а через десять лет комсомольцы первую и вовсе разобрали; Успенский храм и часовня были снесены в 1934 г., собор полуснесён в 1937 г. Гражданские постройки большевики не трогали. Их черёд пришёл в середине 1960-х, когда Старокузнецк решено было застроить пятиэтажными хрущовками. Под скребком бульдозера погибли красивейшие одно-двухэтажные здания, обрамлявшие по периметру бывшую Базарную площадь, которую с тех пор, в виде очищенного от исторического хлама пустыря с тюрьмой, с полным основанием именовали Советской. Кстати, ни банк, ни магазин пятиэтажной застройке вообще не мешали: на их месте до сих пор ничего нет, кроме безобразных ларьков.

Движение духовного возрождения, начавшееся в среде советской интеллигенции в конце 1960-х – начале 1970-х гг. (эпоха второго открытия Ки-

жей и «языческого» художника Константина Васильева), краешком коснулось и нашего города. Архитектор Александр Выпов сделал тогда макет Кузнецкой крепости – едва ли не центральный экспонат краеведческого музея, а воодушевлённые студенты города в 1971 г. на общественных началах восстановили из руин здание гауптвахты, где поселился сторож крепости. В итоге к 1986 г. в качестве исторических памятников мы имели эту самую гауптвахту, три руинизированные башни, половину собора, казначейство без крыши (именно тогда из его здания съехало почтовое отделение), два полубесхозных бывших купеческих дома и училище. В хорошем состоянии были оба здания ликеро-водочного завода и жилой дом при нём. Итого двенадцать – половина от изначального.

Почему в качестве итоговой даты взят именно 1986 год? Тогда горсовет утвердил проект историко-архитектурной зоны «Кузнецк» и началось восстановление собора. В 1992 г. «Кузбассшина» отреставрировала казначейство, а ликеро-водочный завод надстроил в историческом стиле свой административный корпус. Другими отрадными явлениями тех лет стали передача собора верующим; счастливое назначение его настоятелем Александра Пивоварова, воссоздавшего храм; передача музею «Кузнецкая крепость» дома Фонарёва; а также медленная, но верная реставрация училища и купеческого дома на Народной улице.

Тогда же начались раскопки в районе бывших казарм Кузнецкой крепости, в которых принимал участие и автор этих строк. Сотни носилок земли, кучи битого бутылочного стекла – «вот он какой культурный слой Советской эпохи», – шутили ребята, работавшие с археологами на раскопках. Они открывали сложенные из дикого камня фундаменты здания, нашли с десятков кандалов. И всем казалось, что вот-вот на этом фундаменте будет воссоздано историческое здание, а за ним – камень за камнем – стены и башни крепости...

Но реальность приняла совсем другой оборот: в преддверии 380-летия города Кузнецкую крепость было решено не бережно и планомерно реставрировать, а по сути... отстроить заново. При таком подходе и аккуратно открытые фундаменты, и сохранившиеся по большей части башни были строителям не подспорьем, а помехой. Поскольку крепость, построенную в своё время за двадцать один год, требовалось сдать «под ключ» едва ли не за квартал, то церемониться со стариной строители не стали: фундаменты снесли бульдозером, а половину башни – отбойными молотками. И тут последовал нешуточный скандал: последние полвека своей активной жизни

(в 1864–1919 гг.) башня служила надвратным храмом Ильи Пророка (её купола сгорели в 1934 г.). Получается, что в эпоху официальной дружбы и даже любви государства к православной церкви в одном отдельно взятом городе – Новокузнецке – с санкции властей и за счёт городского бюджета был снесён исторический каменный храм! Дело дошло до Патриарха всея Руси Алексия II. Конфуз кое-как удалось уладить: не храм-де сносится, а Подзорная башня восстанавливается по первоначальному (1799 г.) проекту, и надстройка образца середины XIX в. тому помеха.

Так и получилось: вместо снесённых святых и намоленных стен полуторавековой кладки быстренько был сложен аккуратный макет из новенького облицовочного кирпича. То же сделали и с казармой. Не беда, что на такой керамический кирпич не цепляется штукатурка (а старая башня была целиком оштукатурена) – в моде-то нынче евроремонт. Спасибо хоть виниловым сайдингом эту «красоту» не обшили, хоть казарму гипсокартоном не отделали... В общем, юбилейный День города отмечали с новостройкой.

Что показательно, на фоне «стахановской» стройки крепости в марте 1998 г. в ста метрах от неё дотла сгорела та самая, восстановленная в 1971 г., гауптвахта (её-то воссоздавали по всем правилам научной реставрации – даже крышу покрыли тёсом). Разумеется, винить некого – здание незадолго до того опустело и стало местом сборищ наркоманов. И поныне здесь – груда развалин...

Картина в итоге не очень светлая. Из двадцати дореволюционных каменных зданий города имеем на сегодня наново отстроенную Подзорную башню крепости и две башни-сортии, казармы-новоделы (их памятниками считать нельзя), Спасо-Преображенский собор, казначейство, училище, дома купцов Муратовых-Васильевых и Конюховых-Фонарёвых, два здания ликеро-водочного завода и жилой дом при нём. Итого девять.

По сути, за все годы «капитализма» и мнимого возрождения наш город так и не обрёл своё историческое лицо: не только не восстановил толком былое, но умудрился безвозвратно утратить и часть того, что чудом выжило даже при Советской власти. Осознавать это ещё более тягостно на фоне успешного воссоздания исторического образа других крупных городов Сибири: наш ровесник Томск с вдвое меньшим городским бюджетом лелеет и доводит до лоска свою старину, успешно подгоняя под неё и новую архитектуру, Омск и Красноярск обустроили свой Арбат. А не имеющий возможности похвастать стариной Кемерово обихаживает свой центр 1920–1950-х гг. Да что

говорить: маленький, не дотягивающий до 40 тысяч населения и небогатый (это если мягко выражаться) Мариинск ревностно чтит всю свою старину, которая присутствует здесь не вкраплениями, а сплошной застройкой: ремонтирует, воссоздаёт утраченное, а новое строит с почтением к истории.

А что же наш полумиллионный Новокузнецк, денежным оборотам которого позавидует добрая половина российских регионов? Что происходит в одном из старейших городов Сибири – основанном (представьте себе!) в последний год Средневековья? В городе, которому впору готовиться к своему 400-летию?.. А у нас, как пару лет назад отметили наши журналисты, вдруг встал вопрос о сносе двухэтажного здания, расположенного на улице Ленина, 31 (проходящего по документам как «Дом жилой казённого винного склада»). О сносе, заметим, ЕДИНСТВЕННОГО в городе каменного дореволюционного здания, сохранившегося вообще без каких-либо изменений. Сейчас судьба этого уникального здания, кажется, определилась: его новый владелец производит капитальный ремонт, и снос дому вроде бы больше не грозит. Но сам факт постановки вопроса вопиет о немыслимом в современных условиях положении дел в отношении к памятникам старины в Новокузнецке.

Простояв весь шальной XX век и пережив все революции, войны и сносы, в начале века XXI-го уникальный дом стал помехой рынку. Нет, не рыночной экономике вообще – он и построен был в эпоху самой что ни на есть рыночной экономики, в эпоху империализма (этой «высшей стадии капитализма»). Был, можно сказать, дитятей буржуазии – по уровню коммунальных удобств он не знал себе равных в Кузнецке. Помешал этот дом доморощенному рынку – мясному базару, что бесцеремонно обосновался в годы разгула торговли с рук внутри жилого квартала. В «лихие девяностые» тихой сапой была сломана продолжавшая дом старинная ажурная ограда – её заменили глухим железным щитом. Затем рядом с домом вырос железный скелет навеса. На сам дом тогда ещё никто не покушался. И вот наконец в эпоху, когда рынки и ларьки вроде бы признали нецивилизованной формой торговли, когда по городу растут как грибы огромные светлые торговые центры, именно теперь памятник архитектуры стал помехой то ли рынку, то ли жителям других домов, которым затруднил проход – заметьте, даже не дом, а всё тот же рынок. Удивительно (или характерно), что жертвой описанных обстоятельств вполне мог стать не базарчик, а уникальный жилой

дом. И город, который лишился бы в этом случае своего единственного не искажённого временем старинного здания.

На наш взгляд, порочна сама оценка значимости объектов и необходимости их охраны, прямо связывающая таковые с формальным закреплением за ними статуса памятников архитектуры. Соответственно, судьбу здания определяет не его историческая и художественная ценность, а бюрократическая процедура. В условиях отсутствия в обществе архитектурной и эстетической культуры выбор объектов для этой процедуры зачастую носит случайный характер.

В. Б. Паничкин

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк

НОВОКУЗНЕЦК: РОВЕСНИК КМК ИЛИ СВИДЕТЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ?

В статье ставится проблема точного установления официальной даты основания Новокузнецка и даётся её решение, иное, чем принятое официально. Доказывается необходимость признания в качестве времени основания города даты на восемь лет раньше 1618 г.

В Советскую эпоху днём рождения Новокузнецка было принято считать 2 июля 1931 г. С 1990-х гг. отсчёт стали вести с 1618 г. Но истинное начало истории нашего города уходит своими корнями куда глубже...

Ещё недавно полагали, что первые люди пришли в Кузнецкую котловину с Алтая 30 тысяч лет назад, доказательством чему считается клад изделий из камня близ деревни Аил около с. Кузедеева на реке Кондоме. Так думали до тех пор, пока археологи не обнаружили на глубине 37 метров на Моховском разрезе близ Ленинска-Кузнецкого древнейшую в Кузбассе археологическую стоянку – её возраст ок. 150 тысяч лет (ещё более древняя стоянка неандертальцев не в счёт – они, как теперь установлено, предками человека разумного не являются).

В андроновскую же эпоху Кузнецкую котловину населяли вполне европеоидные люди, светловолосые и светлоглазые, истинные, так сказать, «арийцы с нордическим характером», одна из ветвей индоиранцев.

К III тыс. до н. э. кузнецкие арийцы освоили горное дело и металлургию, изобрели колесо и кое-какой транспорт, строили срубные дома, а на рубеже новой эры освоили плужное земледелие. И ни с кем не воевали. Арийскую цивилизацию на земле Кузнецкой смели в 250 г. н. э. тюрко-монголы – шла эпоха Великого переселения народов.

«Отметились» здесь и скифы. Именно им, «с раскосыми и жадными очами», носителям тагарской культуры, принадлежали первые исследованные в области курганы (в 1896 г. их раскопал Г. О. Оссовский у сёл Тисуль и Барандат). А совсем рядом с центром старого Кузнецка в 1998 г. было найдено древнейшее в Кузбассе культурное погребение – захоронение людей с лошадьми, относящееся к первым векам новой эры. Здесь же, на высокой Крепостной горе, обнаружены и «следы всемирного потопа»: на макушке горы лежит речная галька, что означает, что десять тысяч лет назад, в конце последнего ледникового периода, эти места были затоплены.

Но все те доисторические тысячелетия мы вряд ли зачтём в историю Новокузнецка. В поисках истинной даты начала города обратимся к эпохе позднего Средневековья, ко времени шорского святилища Аба-Тура в устье Кондомы, ко времени освоения Сибири русскими людьми. И заново откроем для себя свою же историю: датой возникновения русского поселения в пределах современного Новокузнецка следует считать отнюдь не 1618-й, а 1610-й или по крайней мере 1615-й год. И дело совсем не в том, что «врут календари»: просто мы стали своеобразными заложниками мнения участников Второй научной экспедиции по изучению Сибири под руководством натуралиста, доктора медицины и профессора Иоганна Георга Гмелина, историка и географа, профессора Герарда Фридриха Миллера и Степана Петровича Крашенинникова, что посетила наши края летом 1734 г. Они исследовали многое, можно сказать, почти всё, что видели. Но не всё, что было до них. Зато именно с лёгкой руки Миллера 1618-й год буквально бронзовыми буквами «вбит» в камень основания города. Правда, ставить педантичному немцу в упрёк «потерю» восьми лет истории Кузнецка не совсем справедливо. «Арифметическая ошибка» появилась уже в легендарном памятном кресте, что заказал для Вознесенской часовни города сам государь император Пётр Великий в 1718 г. А исполнявший заказ томский иконописец Яков Лосев не нашёл ничего лучшего, как связать царский дар со столетним юбилеем Кузнецка. Часть святыни, к счастью, сохранилась и красуется в краеведческом музее как доказательство того, что всё это не пустые басни.

Полагаем, что не обошлось здесь и без низкопоклонства перед правящей династией Романовых. Увязать основание города с началом её правления как зримый результат мудрых деяний государя Михаила Фёдоровича было куда сподручнее, чем согласиться, что город основан вообще в период Смуты, когда в Москве правили то Лжедмитрии, то польский королевич Владислав, то вовсе Семибоярщина, а Сибирь была предоставлена самой себе. Изограф Яков Лосев, выражаясь современным языком, не допустил «пиара вхолостую». Историческая ошибка оказалась не просто удивительно живой, но вообще превратилась в аксиому. Причём последующие поколения историков и в самом деле стали прямо связывать основание Кузнецкого острога с необходимостью вывода страны из жестокого кризиса и разрухи, вызванных Смутой. 1610-й же год никак с этим увязать нельзя.

«Удревнение» нашего города едва ли изменит картину прошлого, ведь достоверная история нашего края вообще началась гораздо раньше. Обратимся к статистическому сборнику «От Абы до Яи». Историки вычислили, что вероятной датой основания старейшего поселения Кузбасса является (представьте себе!)... 1400 г., когда на левом берегу Кондомы был основан шорский улус Аил (ныне часть с. Кузедеева). В 1526 г. появился улус Проточный (ныне часть с. Безрукова) и улус Барзас в верховьях Кондомы. В 1535 г. был основан улус Челухой (ныне с. Челухоево Беловского района), а в 1560 г. улус Шанда (ныне деревня в Гурьевском районе), то есть эти пять поселений вообще основаны были ещё до покорения Сибири Ермаком. Наконец, в середине июня 1598 г. появилась деревня Юрты Константиновы Яшкинского района, а в 1600 г. татарами было основано село Мозжуха. Заметьте, всё это случилось ещё до основания Томска в 1604 г.!

Да и не странно ли, что во времена, когда казаки присоединили всю Сибирь на шесть тысяч вёрст от Урала до Тихого океана за полсотни лет, от Томска до недалёких Кузнецких волостей с их несметными запасами пушного зверя, куда по реке пути несколько дней, бесстрашные казаки «добирались» 14 лет?.. Уже в конце 1604 г. к томским воеводам Гавриле Писемскому и Василию Тыркову вернулись из поездки к белым калмыкам (телеутам) тобольский литвин Иван Поступинский и томский конный казак Бажен Константинов, наладив отношения с местными племенами. В 1605 г., приехав в Москву, князец томских татар Тоян подал царю Борису Годунову челобитную: «В Томской вершине живут двести человек кузнецов и делают доспех и железцы стрельные, а кузнецких людей в Кузнецкой земле тысячи с три».

В 1608 г. томские воеводы Гаврила Писемский и Василий Тырков отправили «посольство» к князю Абаку во главе с князем Тояном и казаками Иваном Коломной, Василием Мелентьевым и Иваном Петлиным. Переговоры увенчались успехом: Абак с мурзами бил челом царю Василию Шуйскому, пообещав «быти неотступными и прямить государю, служить всё своими головами если царь пошлёт их воевать на своих непослушников». Царь в ответ «ясаку с них имать не велел». Так к России официально присоединили Притомье. Кто-то скажет: ну это на бумаге, формальность. Да, ещё долгие годы налоги выплачивались нерегулярно, и вели себя калмыки и «кузнецы» нелояльно, но принципиально важно другое: с 1608 г. кузнецкие народы стали подданными русского царя или, современным языком говоря, гражданами России. И всё, что здесь происходило, стало уже внутренней жизнью самой России, а не отношениями с границей. И именно с этой точки зрения надо рассматривать всё происходившее после. Впрочем, этот логический ряд продолжим ниже, а пока обратимся к событиям 20 ноября 1608 г.

В этот день воеводы Василий Волынский и Михаил Новосильцев отправили в Кузнецкие волости за ясаком казачий отряд во главе с конными казаками Баженом Константиновым, Львом Олпатовым и Иваном Шокуровым. Не только собирать ясак с тюрков хотели казаки, но и торговать, для чего «с ними было взято товару для государева имени». Но малочисленных казаков аборигены, послушные Бадачаку, Кубасаку и Басараку, ограбили и хотели убить, от чего их спас князёк Абинской волости Базаяк, о котором сказано, что он «государю служит и прямит и государевых людей не дал побить». Благодарные казаки «кузнецкого князька Базаяка звали в Томский город к царскому жалованию», но он отказался, побоявшись, что «кузнецкие люди ево разграбят и жену и детей побьют». Вернулись они в Томск 11 февраля 1609 г. ни с чем и отписали царю в Москву: «И прежь сего, государь, кузнецкие люди ясаку тебе, государю, платили не сполна, недособолишка худые, которые в твою государеву казну не пригодятца».

4 февраля 1609 г. воеводы отправили послов к князю Абаку во главе с князем томских татар Тояном и казаками Иваном Коломной, Василием Малентьевым и Иваном Петлиным. На сей раз многодневные переговоры удались. Русские убедили-таки телеутских вождей в том, что не собираются оставлять их в закладе. Абак и мурзы, прибывшие в Томск с богатыми дарами, били челом царю Василию Шуйскому, чтобы он разрешил им кочевать у Томска, пообещав взамен «быти неотступными и прямить государю, слу-

жить всё своими головами если царь пошлёт их на своих непослушников». Взамен телеуты просили, чтобы царь «ясаку с них имать не велел». Так и порешили. Обитавших в притомских лесостепях телеутов царь оберегал от Алтын-хана, орд кыргызов и чёрных калмыков (джунгар), они же «почали часто с базаром, с лошадьми и с коровами приходить в Томский город, и коровами служилые люди наполнились».

11 февраля 1609 г. воеводы Волынский и Новосильцев отправили в Москву отписку: «А воевать Кузнецких людей послать в Томском городе мало и воевать осенью и зимой Кузнецких людей невозможно, что живут в крепостях великих и болота обошли, и забели великие, и ржавцы, а зимою живут снега великие, и воевать их кроме лета, в жары, не можно, а в те поры служилые люди живут в рассылках, а в Томском городе люди остаются не многие и те стоят в караулах на отъезжих, и в городе и на остроге по воротам стоят безпрестани немногие люди. Служилых людей в Томском городе мало и тех посылают пополам в Тобольский летом против государевы казны денежной и хлебной».

И вот, наконец, мы вплотную подошли к основанию здесь острога. В 1610 г. для сбора ясака с кузнецких татар послан был казачий атаман Иван Павлов с командой из сорока казаков. Павлову наказали, чтобы он, прибыв по назначению, выбрал удобное место, укрепился в нём от нечаянного нападения, а потом послал уже по волостям людей для требования ясака и увещания, чтобы татары прислали в Томск аманатов. Но результат этой экспедиции был почти такой, как у предшествующих. В феврале 1610 г. Павлов возвратился в Томск с самым ничтожным ясаком, и хотя тюрки на него не нападали, однако же и не давали команде никаких съестных припасов, так что ей нужно было заботиться более о скорейшем возвращении назад, нежели об исполнении возложенного на нее поручения. Но важно другое: первый острог был поставлен, и назывался он именно Кузнецким! А стоял он как раз на территории современного Центрального района, в сегодняшнем Абагуре-Лесном. В 1611, 1612 и 1613 гг. казаки вновь приплывали сюда, отбивали у «кузнецов» свой острог и укреплялись в нём, хотя попытки собрать с шорцев ясак успеха почти не имели.

В 1614 г. киргизские военачальники сумели организовать набег на Томск, чем нанесли большой урон томским татарам и русским горожанам. В осаде участвовали и абинцы (видимо, лояльного русским Базаяка к тому времени уже не было в живых). В документах после 1611 г. его имя

не упоминается. Впрочем, его могли принудить к злему делу кочевники. Тогда, после сокращения поступления пушнины с ясачного населения, томские воеводы поставили перед Сибирским приказом задачу строительства постоянного укрепления в верхнем течении реки Томи, чтобы обеспечить регулярные сборы ясачных платежей. К слову, в 1615 г. было основано село Ягуново. В мае 1615 г. казаки сотника Ивана Пущина и казачьего атамана Бажена Константинова «Абинский улус повоевали, городок у них взяли...». Что ещё за городок? Ведь шорцы никаких городков не строили. Да тот самый городок, что был построен казаками пятью годами раньше! В июне 1615 г. в кузнецкие волости были посланы отряды для захвата заложников (аманатов) из числа «лутчих людей» (представителей местной знати) и доставки их в «городок», дабы принудить «кузнецов» к повиновению, а заодно наказать «государевых изменников» (участников осады Томска). Так, отряд из 27 казаков и 16 татар (на государственной службе в Томске находились и местные татары князца Тояна) был отправлен из Кузнецкого острожка в Баштаков улус, откуда он вернулся с шестнадцатью пленными. А отряд из 50 казаков и 30 служилых татар был направлен в Сарачеры. Казаки «Сарачерский улус повоевали, Сарачерсково князька Кызгу лутчева взяли и привели в городок...». И везде: «городок» да «городок»! А нам пытаются внушить, что не было тут ничего: пустая степь да глухая тайга, и всё!

Заметим: только в этих двух отрядах было 77 казаков и 46 служилых татар (итого 123 русских подданных). А ведь ещё команда оставалась и в «городке». А это в несколько раз больше отряда Остафия Харламова, «официально» основавшего Кузнецк в 1618 г. О том, что население «городка» в 1615 г. было значительным, говорит и такой факт. В конце июня 1615 г. городок был осаждён; в осаде приняли участие «...кузнецкие люди с колмаками с черными и с белыми (с джунгарами и телеутами) и с киргизами и с кучюгуцкими тысяч пять и больши...». Продолжалась осада десять недель. Многие казаки «...голодную смертью помирали» и в начале сентября решились на отчаянный шаг: с помощью быстрой и неожиданной вылазки прорваться в Томск. Эта операция завершилась успешно, казакам удалось даже обратить врагов в бегство и захватить пленных; выйдя из острога, они «на драке изменников побили, князьков и лучших людей взяли живых в полон и в Томск в закладчики привели». Вот и представьте себе острог, способный два с лишним месяца без помощи извне обороняться от пяти тысяч бойцов: в остроге , где можно ночевать и прятаться от непо-

годы, амбары для хранения съестных припасов. И вновь официальная наука твердит нам: нет, не было ничего. А острог – этакий потешной городок. Воистину, мазохизм какой-то – запросто отрезать от своей истории такой славный «ломоть» и выкинуть его в никуда.

Что же представлял из себя тот Кузнецкий «острог стоячей»? Самые простые сибирские остроги состояли из тыновой ограды без башен. Ограда могла быть «стоячей», как у нас, «косой» или сочетаться ещё и с земляным валом. Заострённые бревна стен были врыты в землю или в земляной вал и укреплены горизонтальными связями. В брёвнах-тынинах вырубали бойницы. Иногда вдоль стоячего острога с внутренней стороны устраивался помост для организации «верхнего боя» через стены и с целью большей устойчивости самого тына. Сочетание земляного вала с тыновой оградой повышало обороноспособность, но требовало и больших трудозатрат при их строительстве. Поэтому подобный фортификационный приём при возведении Кузнецкого острога не применялся. Высота тыновых стен острогов и городов колебалась от 4 до 6 метров. К слову, разновидность тынового укрепления – косые остроги с поставленными наклонно внутрь стенами. Косой острог имел помост с внутренней стороны стен, на который опиралось тыновое ограждение. Низ брёвен тына мог быть вкопан в землю, но, видимо, больше распространены стеновые конструкции с невкопанными в землю тынинами. Это было обусловлено необходимостью быстро возводить укрепления в опасной обстановке, избегая трудоёмких земляных работ и потери времени на сооружение укрепления.

В 1616 г. казачий отряд из Томска двинулся в Кузнецкую землю «ко князьком и к лутчим людем для государева ясаку и к шерти (к присяге) приводить». В волостях Чорской, Елесской, Абинской, Тюлиберской, Сарачевской, Карге, Кове и Кобе, где побывали сборщики, ясак собрать не удалось. Казак Иван Теплинский в челобитной царю сообщал: «Кузнецкие, государь, князьки и лутчие люди тебе государю ясак не дали и не шертовали и меня, государь, холопа твоего, ограбили, и платье поснимали, и санапал (самопал) и саблю отняли. Вышел из Кузнецов душою да телом, и голод, и стужу, и великую нужду терпел, и от того грабежу обдолжал великими долги». Осенью 1616 г. казаку В. Ананьину удалось собрать небольшой ясак в некоторых ближних Кузнецких волостях.

Итак, до того как 6 августа 1617 г. царь Михаил Федорович подписал указ «поставити острог в Кузнецках или где пригоже, а для острожных ставки

людей послати изо всех Сибирских городех», на нашей земле уже семь лет как шла героическая борьба за «городок». Как минимум девять раз русские приходили «в Кузнецы», минимум трижды местные князцы били челом о присоединении к России, дважды русские засиживались в Кузнецком городке довольно надолго, то есть жили в нём. Причём, заметим, неизменно возвращались именно на прежнее место – не строили новый острог, а отбивали у абинцев старый. Очевидно, считая именно его своим, хотя и временно оставленным. Поэтому поздней осенью 1617 г. томские воеводы Федор Васильевич Бабарыкин и Гаврила Юдич Хрипунов отправили отряд из 45 казаков Тобольска, Тюмени, Верхотурья, Туринска и Томска с наказом «поставити острог при устье Кондобы и Томи» не на пустое, а на обжитое место.

Кроме того, вернёмся к идее о принятии Кузнецкой земли и «кузнецов» под власть русского царя ещё в 1608 г. Дело ведь не только в том, что русские возвращались в прежний острог. Даже если бы и не возвращались – что это меняет? Дело ещё и в нашем несколько высокомерном отношении к аборигенам, чего ни у наших пращуров, ни у царя-батюшки не наблюдалось. Давайте же признавать предков шорцев юридически равными русским, какими их и считали в XVII в.! Давайте исходить из того, что одни русские подданные – казаки – в 1610 г. построили на российской уже земле острог, жили в нём и, собрав с других русских подданных – шорцев – налоги, ушли, а последние в острог вселились и стали там жить. Затем такие же граждане России – казаки – вновь заняли острог на несколько месяцев, а потом всё это повторялось четыре раза. Наконец, в 1618 г. русские поставили в версте от старого острога, уже на высоком месте, «Кузнецкой острог новой». Который три года спустя, в 1621 г., вновь перенесли – на противоположный берег, где он «встал» уже навсегда.

Где здесь пресекается история Кузнецкого острога как населённого пункта или даже как российского поселения? Да нигде: непрерывная историческая нить жизни нашего города тянется именно с 1610 г. Ведь если брать на вооружение логику абсолютной осёдлости поселения, то и 1618 г. придётся забыть. На своём постоянном, уже не менявшемся никогда месте – в нынешнем Старокузнецке – поселение находится отнюдь не с 1618, а с 1621 г. Но ведь не пытаемся же мы «отрезать» от истории ещё три года. Так почему «отрезаем» восемь?..

Взять, к примеру, Курган: днём его рождения считается 1636 г., хотя после основания его сожгли тюрки, и лишь через 50 лет он был возобновлён.

Причем в полусотне вёрст от первоначального расположения. Справедлив ли такой подход? Не знаю, но курганцы убеждены, что да. А у нас-то случай куда более явный. Санкт-Петербург отмечает день рождения 3 мая 1703 г., в день издания Петром указа «отсель грозить мы будем шведу – здесь будет город заложен», то есть в день, когда на месте города ещё даже никого не было: имелся только лист бумаги, да и тот в Москве. И, заметьте, никто ещё не сказал, что это неправильно.

Мы же проявляем то ли какую-то немислимую политкорректность, то ли исторический мазохизм и искусственно «омолаживаем» свой город, хотя годы его только красят. Кто-то скажет: да какая разница – 1610, 1615 или 1618 год? А разница есть. В мировой истории именно 1618 г., дата начала Тридцатилетней войны в Европе, считается водоразделом между Средними веками и Новым временем. Согласитесь, жить в городе, «родившемся» в позднее Средневековье (а таких в Сибири единицы) – почётней, чем числиться среди сотен остальных. И ещё один довод: возвращение истинной даты рождения городу полностью и окончательно решит вопрос о соотношении Кузнецка и Новокузнецка и крепко «привяжет» центр города к его многовековой истории. Если сам Кузнецкий острог изначально стоял на территории сегодняшнего Абагура, относящегося к Центральному району, то и центр становится не социалистической альтернативой уездному Кузнецку и не разросшимся безродным придатком завода, но самим началом города.

НАРУЖНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА ТЕРРИТОРИИ В СОВРЕМЕННОМ НОВОКУЗНЕЦКЕ¹

В статье освещаются современные проблемы создания и размещения так называемой рекламы территории – особого сегмента современной социальной рекламы.

Мы живём в эпоху транзитивности – эпоху перехода от общества советского к постсоветскому. Переход выражается в изменениях, происходящих во всех сферах общественной жизни: в политике, экономике, образовании и т. д. Изменения наблюдаются и в средствах массовой информации, в том числе в рекламе, и прежде всего в рекламе социальной. Меняется декорирование городского пространства: в советский период город украшался агитационными плакатами, которые носили сугубо идеологический характер; сегодня городское пространство перенасыщено рекламными объектами, транслирующими ценности общества потребления. Преимущественно это наружная реклама (outdoor-реклама), т. е. графическая, текстовая либо иная информация рекламного характера, которая размещается на специальных временных и/или стационарных конструкциях, расположенных на открытой местности, а также на внешних поверхностях зданий, сооружений, на элементах уличного оборудования, над проезжей частью улиц и дорог или на них самих. Иногда к наружной рекламе относят рекламные сообщения, размещённые внутри магазинов/супермаркетов – конструкции POS (point of sale), TPD, экраны и др., но чаще их выделяют в отдельный вид «внутренней» рекламы (indoor-реклама).

Средства наружной рекламы весьма разнообразны. Применительно к городской среде ими могут быть различные носители рекламных сообщений, размещаемые на территории города и рассчитанные на визуальное восприятие из городского пространства (крышные установки, электронные табло, панно, рекламные щиты, мультитеlevisionные установки, кронштейны, маркизы, штендеры, растяжки и т. п.).

¹ Научный руководитель И. П. Басалаева (Рещикова).

В массиве рекламных сообщений выделяется социальная реклама. Это вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям [3]. Можно выделить несколько тематических групп социальной рекламы [4]:

1. *Реклама определённого образа жизни.* К ней относится, с одной стороны, реклама, направленная против курения, наркомании, алкоголизма, а с другой – реклама, пропагандирующая защиту от СПИДа, занятия спортом, правильное питание и воспитание, крепкие семейные отношения.
2. *Реклама ценностей законопослушания, конституционных прав и свобод человека.* В качестве примеров подобной рекламы можно привести такие телевизионные рекламные ролики, как «Заплати налоги и спи спокойно», «Пора выйти из тени», «Образование будет неполным, если налоги платить наполовину», «Впиши себя в историю России» (реклама переписи населения).
3. *Патриотическая реклама.* Приурочена к праздникам, юбилеям, спортивным событиям, призвана объединять нацию.
4. *«Наружная социальная реклама территории»* – рекламные сообщения, в которых сообщается «о любви к поселку, городу, району, региону». Данный вид рекламы используется для формирования у населения определенного отношения к месту [6]. Наружная социальная реклама территории представлена баннерами, то есть носителями рекламного сообщения, рассчитанного на восприятие из городского пространства» [4]. К баннерам относятся растяжки, ситилайты, биллборды, мультимедийные установки, брэндмауэры и т. п.

Весной 2010 г. авторами был выполнен курсовой проект, имевший целью исследование рекламного пространства современного Новокузнецка; предметом анализа стала наружная социальная реклама территории. Методом количественного контент-анализа нами были проанализированы 179 баннеров о городе Новокузнецке по восьми категориям: рекламирование определённого образа жизни; адресность рекламных сообщений; апробация благотворительности; спецификация Новокузнецка; «единство через политику»; любовь к городу; город как «праздник»; «интимизация» городского пространства. Единицы анализа в данных категориях совпадали с единицами счёта.

Таблица 1 – Основные категории и единицы контент-анализа

Категории	Критерии отнесения к категории	Количество баннеров
1 Рекламирование определённого образа жизни	1.1 Мотивация на здоровый образ жизни	11
	1.2 Обличение негативных общественных тенденций	6
		ИТОГО: 17
2 «Персональность» рекламных сообщений	2.1 Реклама деятельности различных служб и учреждений Новокузнецка	9 ИТОГО: 9
3 Благотворительность	3.1 Помощь в сборе денежных средств	1 ИТОГО: 1
4 Спецификация Новокузнецка	4.1 «Город-сад»	3
	4.2 Уникализация Новокузнецка	3
		ИТОГО: 6
5 Политика	5.1 «ТриЕдинство»	10
	5.2 Реклама социальных программ	3
		ИТОГО:13
6 «Любовь к городу»	6.1 Открытые признания	23
	6.2 «Констатации любви»	26
	6.3 «Констатации гордости»	19
		ИТОГО: 69
7 Город как «праздник»	7.1 День Победы	36
	7.2 День Города	13
	7.3 Праздник «вообще»	12
		ИТОГО: 61
8 Интимизация городского пространства	8.1 Личные признания	2
	8.2 Поздравления	1
		ИТОГО:3
		Общий итог: 179

В результате проведённого контент-анализа рекламные сообщения распределились по категориям в следующем порядке:

- «Любовь к городу» – 69;
- Город как «праздник» – 61;
- Рекламирование определённого образа жизни – 17;
- Политика – 13;
- «Персонализированная» реклама – 9;
- Спецификация Новокузнецка – 6;
- Интимизация городского пространства – 3;
- Благотворительность – 1.

Таким образом, первое место занимает категория, в которой ключевым рекламным слоганом является «Любимый Новокузнецк». «Слоганы в жанре «любовь к *месту*» стали санкционированной заменой советских лозунгов типа «Слава КПСС!»: обе группы вполне сопоставимы по частотности и по их размещению в ключевых точках городского ландшафта. Известно, что концепт *любимый* был одним из центральных в языке агитпропа: так принято было говорить о партийных и государственных деятелях СССР. Слова *любовь*, *любить* были заняты под описание отношения народа к партии и советской Родине. Сквозь очевидное сознательное намерение власти сделать тему любви к городу приватной и лично-значимой просвечивает неявное стремление эту же тему официализировать и контролировать. «Любить город» следует так, как это рекомендовано» [6].

Второе место занимает категория «город как праздник». Праздник – это противопоставленный будням временной отрезок, который характеризуется «санкционированными» радостью и торжеством. Праздник всегда выделен в потоке времени и связан со сферой сакрального. Праздник выполняет множество функций, среди которых можно выделить две основные: функцию сплочения большого количества людей и психотерапевтическую функцию, которая состоит в снятии напряжения у участвующих в нём лиц [7, с. 2]. Тем самым реклама территории, ориентированная на создание атмосферы праздника и торжества, является инструментом снятия напряжения и достижения определённого душевного состояния у населения, она служит средством «переориентации» внимания жителей территории с острых общественных проблем на приятное времяпровождение. Подтверждением этого факта является резкое увеличение количества праздничной наружной рекламы в Новокузнецке в кризисный период.

Контент-анализ был дополнен проведением интервью с открытыми вопросами. Вопросы были направлены на выяснение деталей процесса создания и размещения наружной социальной рекламы территории. Эта деятельность осуществляется рекламными агентствами и должна контролироваться соответствующими службами. На данный момент в Новокузнецке существует 33 рекламных агентства (РА), занимающихся созданием наружной рекламы (общее количество рекламных агентств в городе – 109). Нами было выбрано три агентства для проведения интервью: «МарКо», «Новый город», «SibMedia». Выбор именно этих агентств не является случайным, так как из всего перечня РА, занимающихся созданием и размещением рекламы, только

представители этих трёх агентств *согласились* принять участие в исследовании. Интервью проводилось с дизайнерами данных агентств: Ольгой Дудковой, Тахиром Минсагировым, Евгением Паком. Кроме того, мы провели интервью с заместителем начальника Управления архитектуры и градостроительства г. Новокузнецка Виктором Ивановичем Магелем.

Интервью включало 17 вопросов, которые можно распределить на тематические блоки:

- специфика рекламы территории как особого вида социальной рекламы;
- датировка появления рекламы территории;
- нормативно-правовая база, регламентирующая размещение наружной рекламы;
- финансирование производства и размещения наружной социальной рекламы территории;
- процедуры создания и отбора рекламных макетов;
- формирование общественно-значимых ценностей с помощью рекламы территории;
- значимые символические объекты Новокузнецка;
- создание социальной рекламы территории на конкурсной основе;
- социальная реклама территории как инструмент маркетинга территории;
- изменения, необходимые в практике создания и размещения наружной социальной рекламы территории.

В результате интервью были получены следующие сведения.

1. Наружную социальную рекламу территории все респонденты осознают как специфический блок наружной рекламы, но в чём выражается её специфика – ответить затрудняются. Двое респондентов различают цели социальной рекламы вообще и социальной рекламы территории в частности. Это различие, на их взгляд, отражается в том, что в социальной рекламе территории представлена специфика территории – города, района, региона. Такой ответ можно рассматривать как адекватный, потому что в рекламе территории должно репрезентироваться всё то, что отличает данный город, район или регион в ряду других подобных образований.

2. На вопросы о времени появления в нашем регионе такой разновидности наружной рекламы, как социальная реклама территории, никто из респондентов точно ответить не смог. Дизайнеры рекламных агентств считают,

что связь между появлением наружной социальной рекламы территории и традицией празднования Дня города отсутствует. Однако заместитель начальника Управления архитектуры и градостроительства В. И. Магель утверждает, что связь существует, но в чём она проявляется, он затруднился ответить.

3. Ответы на вопросы о нормативно-правовой базе, регламентирующей производство и размещение наружной социальной рекламы территории, позволяют сделать вывод о незнании респондентами нормативно-правовых документов, касающихся сферы рекламы. Примечательным является факт, что ни один из опрошенных не вспомнил о существовании закона РФ «О рекламе», респонденты лишь указали на существование «Положения о рекламе» муниципального уровня.

4. Финансирование производства и размещения наружной социальной рекламы территории осуществляется рекламными агентствами, однако в принципе таким финансированием должен заниматься заказчик – видимо, администрация города/района.

5. Ответы на вопрос о процедуре создания и отбора рекламных макетов оказались особенно интересными. На данный момент созданием как содержания, так и визуального наполнения рекламного сообщения занимается в рекламном агентстве дизайнер – так утверждают все участники интервью. Но их мнения расходятся в ответе на вопрос о том, кто этим должен заниматься в принципе. Так, В. И. Магель утверждает, что дизайнер должен прodelывать всю работу от создания идеи и до её реализации. Дизайнеры рекламных агентств поясняют, что созданием идеи должен заниматься креатор или арт-директор, созданием текста – копирайтер, а реализовывать идею должен непосредственно дизайнер. Такие данные свидетельствуют во-первых, о том, что представители администрации плохо представляют процесс создания рекламы, а во-вторых, об фактическом отсутствии каких-либо правил, регламентирующих функции дизайнера в рекламном агентстве. Формализованных критериев, по которым отбираются макеты в администрации, нет. При их отборе чиновники руководствуются лишь «здравым смыслом». Это свидетельствует о низком контроле за отбором макетов и низком уровне проработки документов, регламентирующих создание и размещение социальной рекламы территории.

6. Только один респондент осознаёт главную ценность, на формирование и поддержание которой должна быть направлена социаль-

ная реклама территории – это «ценность проживания в данном городе». По мнению дизайнеров, существующая наружная социальная реклама территории не формирует у горожан территориальной идентичности, потому что качество этой рекламы очень невысокое. В отличие от дизайнеров, В. И. Магель уверен в том, что она выполняет эту функцию.

7. На вопрос о том, какие объекты могут символизировать современный Новокузнецк, ответы являются достаточно интересными. Такими объектами, по мнению дизайнеров, в первую очередь являются Кузнецкая крепость и КМК. В. И. Магель в качестве подобных объектов выделил здание администрации, потому что «по своей архитектуре оно является уникальным», а также символ Центрального района, памятник, посвящённый 50-летию образования СССР, потому что он нравится горожанам.

8. На вопрос о том, следует ли создание наружной рекламы вывести на конкурсную основу, трое из респондентов ответили, что можно попробовать, но при этом усомнились в качестве возможного результата. И лишь дизайнеру РА «Новый город» эта идея понравилась, но не с точки зрения достижения качества рекламной продукции, а как способ для РА уменьшить расходы.

9. Отношение к социальной рекламе территории как к инструменту маркетинга территории в новокузнецком рекламном секторе двойственное: с одной стороны, продвижение её в принципе возможно, но с другой – Новокузнецк, по мнению респондентов, не обладает какими-либо ресурсами, кроме природных, с помощью которых можно было бы продвигать город.

10. На вопрос о том, что следует изменить в практике создания и размещения социальной рекламы территории, все дизайнеры ответили: необходимо, чтобы администрация брала часть расходов по созданию и размещению рекламы территории на себя. Необходимо определение максимального процента социальной рекламы («потолка»), необходимо большее внимание уделять качеству рекламы и поощрять, хотя бы морально, рекламные агентства за продуманные идеи.

Список литературы

1. Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wikipedia.ru>;
2. Левит, С. Я. Праздник [Текст] / С. Я. Левит // Культурология: XX век. – СПб., 1996. – Т. 2. – С. 132–135.
3. Паршинцева, Е. Социальная реклама [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://polbu.ru/parshinceva_socadvert/ch01.htm.

4. Пирогов, С. Социальная реклама в регионах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.moikompas.ru>.
5. Реклама и полиграфия. Опыт словаря-справочника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovari.ru>.
6. Решикова, И. П. Современная наружная реклама о городе и регионе [Текст] / И. П. Решикова // Вестник Кемеровского государственного университета: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2009. – Вып. 4 (40). – С. 127–133.
7. Топоров, В. Н. Праздник [Текст] / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. – М., 1980. – Т. 2. – С. 329–331

И. Р. Соколовский

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск

ТРЁХМЕРНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КУЗНЕЦКОЙ КРЕПОСТИ ПО СОСТОЯНИЮ НА 1820 Г.¹

В публикации представлены цели, задачи, процесс и результат создания трёхмерной реконструкции Кузнецкой крепости по состоянию на 1820 г. В приложении приведены иллюстрации, представляющие основные этапы и итог работы.

Трёхмерные компьютерные модели могут использоваться для создания компьютерной анимации, компьютерных игр, двухмерных изображений как внешнего облика, так и разрезов. Поскольку речь идёт о так называемой «виртуальной реальности», надо отметить, что, не существуя «в реальности» так, как, например, существуют деревянные или бумажные модели, трёхмерные компьютерные модели обладают некоторыми свойствами реальных – например, свойством быть видимыми. Этот набор «реальных» и «нереальных» свойств позволяет выполнять некоторые действия, которые невозможны или затруднены, когда мы имеем дело с «реальными» моделями. Например, как и «реальные» модели, «нереальные» позволяют установить облик утраченного сооружения, но только они позволяют в течение нескольких секунд поменять его окраску, сменить точку зрения, спланировать работы по озеленению с учётом роста деревьев и кустарников на перспективу в 20–30 лет (только на них можно будет «увидеть», закроют ли разросшиеся

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 25 «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (научный руководитель проекта – канд. ист. наук О. Н. Шелегина).

деревья и кустарники обзор сооружения из конкретной видовой точки или нет). С помощью подобных моделей можно показать эволюцию застройки определённого участка или этапы строительства здания. В нашем случае создание трёхмерной модели было вызвано необходимостью проиллюстрировать статью Д. Я. Резуна и И. П. Каменецкого об эволюции оборонительных сооружений Кузнецка [1].

Для создания моделей мы использовали свободно распространяемое программное обеспечение: для создания прорисовок – редактор векторной графики Inkscape 0.45.1. (сборка 21 марта 2007); для создания моделей – программное обеспечение Blender 2.43 (сборка 16 февраля 2007), а для ретуширования готовых изображений – GIMP (GNU Image Manipulation Programme, 2007).

Не претендуя на знание всей существующей литературы о Кузнецкой крепости (многие статьи по данному сюжету опубликованы в малотиражных изданиях, система межбиблиотечного обмена в России не существует, так же как система учёта краеведческой литературы и т. д.), мы всё же выскажем своё впечатление о том, что история архитектурных сооружений Кузнецкой крепости представляется недостаточно изученной. Поэтому для реконструкции мы использовали планы, опубликованные А. М. Прибытковой, и чертежи, опубликованные на сайте музея «Кузнецкая крепость» [2, 3].

Статья А. М. Прибытковой послужила нам источником для составления более или менее полного списка отдельных зданий и сооружений, имевшихся в Кузнецкой крепости в начале XIX в. [2, с. 235, 237, 239]. Приводимые в работе А. М. Прибытковой сведения не отличаются ни полнотой, ни точностью, однако позволяют установить, что на плане 1820 г. – последнем, который был «сочинён при кузнецкой инженерной команде – в крепости показаны: два штаб-офицерских дома, обер-офицерский дом, две солдатских казармы, кухня, гауптвахта, пороховой погреб, артиллерийский цейхгауз, плетнёвый сарай для извести, крепостные ворота с подзорной башней. Все здания, кроме сарая для извести, – из кирпича» [2, с. 239].

На сайте музея приведён несколько иной список сооружений: гауптвахта, пороховой погреб, солдатская казарма, обер-офицерский дом, солдатская кухня, штаб-офицерский дом, цейхгауз, Барнаульская проезжая башня, полубастионы с каменной облицовкой, южная и северная сортии, штаб- и обер-офицерский дом в одной связи с солдатской казармой, деревянный «покой для хранения огнегасительных машин» [3].

Кроме этого списка, на сайте музея опубликованы копии чертежей планов и фасадов или только фасадов семи сооружений крепости [3]. Это штаб-офицерский дом, обер-офицерский дом, солдатская кухня, пороховой погреб, цейхгауз, надвратная башня, сортия, а также фотографии часовни и комендантского дома. Нет планов или внешнего облика гауптвахты (только фотография здания 1970-х гг., а не подлинного). Нет данных ни о «плетнёвом сарае», ни о покое «для хранения огнегасительных машин». Нет планов и фасадов «штаб- и обер-офицерского дома в одной связи с солдатской казармой». Однако приведённых данных вполне достаточно для реконструкции основных сооружений крепости и её внешнего облика на 1820 г. (приложение А).

Описания четырёх зданий, рисунки которых не даны в приложении А, недостаточно информативны для создания их модели или подробного изображения. Например, здание «гауптвахты» описывается так: «Каменное одноэтажное здание гауптвахты с высокой вальмовой крышей построено до 1806 г. Сохранился чертёж 1810 г. Здание имело печное отопление. Перед домом был устроен приподнятый деревянный настил – плац-фронт, на котором стояла будка часового». Согласно этому описанию можно восстановить только крышу и ближайшее окружение здания. Ещё меньше информации об облике «солдатской казармы». Сайт сообщает, что «здание построено за период 1806–1808 гг.», что «площадь остекления окон в казарме значительно меньше, чем в офицерских домах». О внешнем облике казармы можно узнать только то, что «дом имеет два входных узла со сквозными проходами». Третье здание описано также поверхностно: «Штаб и обер-офицерский дом в одной связи с солдатской казармой». Опять же сообщается, что «это здание было выстроено в период 1810–1813 гг. Оно примыкало к Кузнецкому полубастиону и имело цоколь из бутового камня». Отмечается, что «внешняя сторона каменного цоколя значительно выше внутренней из-за выхода внешней стены здания на резко падающий склон горы». Про входы в здание написано, что «входные узлы обращены вовнутрь крепости и выделены небольшими ризалитами», но о числе и расположении их ничего не сообщается. Из дополнительной информации о взаимном расположении зданий неясно, однако, примыкали ли они друг к другу или нет: «По проекту между двумя зданиями предполагалось разместить сортию, но этого сделано не было. О размещении здесь двух зданий в одной связи можно судить только по планировочному решению. В здании было печное отопление. Крыша крыта же-

лезом». Последняя постройка, для которой на сайте не имеется никаких изображений, – это «деревянный покой для хранения огнегасительных машин». Авторы сайта считают её самой поздней, отмечая, что «здание было сооружено в 1818 г.». Описываются некоторые элементы конструкции: «На каменном фундаменте с кирпичным цоколем», «пол был выложен бутовым камнем». Описано также наличие крыльца и навеса: «Здание использовалось для жилья пожарной команды и имело крыльцо с навесом для хранения огнегасительных машин», а также отмечено, что «дом имел печное отопление» [3]. Этой информации недостаточно для создания полноценных трёхмерных моделей указанных сооружений, что мы постарались показать на рисунке, приводимом в приложении (приложение А, рисунок А.3).

В отношении других построек крепости мы имеем не только описания, приводимые на сайте музея, но и иллюстративный материал, что позволяет нам создать модели отдельных сооружений. После выполнения этого этапа работ можно будет переходить к созданию полноценной трёхмерной модели крепости.

Особенностью Кузнецкой крепости было наличие не только главных, но и боковых ворот (или калиток), которые, возможно, были предназначены для вылазок. Сайт музея объясняет их появление следующим образом: «Большая протяжённость валов с северо-западной и юго-восточной сторон крепости предполагала наличие здесь дополнительных проходов. Для этого в средней части северного и южного вала в 1809 г. строятся две сортии. Южная сортия располагается в куртине между первым и вторым реданами, а северная – между четвёртым и пятым. Перед сортиями проходил ров, и поэтому сортии снабжались деревянными мостами». На сайте даётся описание построек с указанием их различий. Отмечается, что «южная сортия представляла собой прямоугольный объем с двускатной кровлей», а «её ворота были двустворчатые с полуциркульным завершением». Про «северную сортию», говорится, что она «имела больший, чем южная, объем, так как высота вала с северо-востока была значительно больше. Ворота северной сортии также были двустворчатыми и имели полуциркульное завершение. Высота же ворот была меньше ворот южной сортии». Кроме того упоминается мост через ров и тот факт, что «для устройства моста через ров, напротив северной сортии, за ровом, устроена площадка из бутового камня на извести». Сортии представляли собой арочные ворота с полуциркульной аркой, лишённые каких бы то ни было украшений, кроме узкого карниза, увенчанного невысо-

ким аттиком, который переходит во фронтон (приложение А, рисунки А.2 – А.3). На разрезе видно, что деревянный мост имеет балочную конструкцию, его пролётное строение опирается на эскарпную и контр-эскарпную каменную одежду рва, а также на ряд деревянных опор в виде ферм с крестообразными подкосами. Цилиндрический свод сортии прикрыт сверху слоем земли.

На сайте музея описание часовни не приводится. По фотографии видно, что это была восьмигранная постройка из бруса с шатровой крышей с маковкой над простым карнизом. Паперть была прикрыта навесом с треугольным фронтоном. Сдвоенные полуциркульные окна обрамлены прямоугольными наличниками.

В описании порохового погреба сайт музея большее внимание уделяет его истории (включая историю перестройки): «Каменный пороховой погреб построен до 1806 г. Чертёж погреба имеем на 1810 и 1811 гг. Здание предполагалось для хранения артиллерийского пороха. Погреб был огорожен бревенчатым частоколом, несколько превышающим его высоту. В 1810 г. "дерновая" двускатная крыша перекрывается плитами серого камня, а для стоку с крыши воды выкладывается из кирпича карниз. Вокруг погреб обкладывается серым камнем на извести». Погреб имел трёхнефную форму, когда к основному объёму с двускатной крышей с северной и южной сторон были пристроены меньшие объёмы под односкатными крышами. План внутренних помещений погреба нам не известен.

Описание «обер-офицерского дома» предельно лаконично: «Это здание построено за период 1806–1808 гг., здание имело печное отопление». На иллюстрации (приложение А, рисунок А.3) мы видим одноэтажное строение с одиннадцатью прямоугольными окнами, под высокой мансардной вальмовой крышей. На крыше мы видим два мансардных окна и две трубы печного отопления. Цоколь дома выполнен из бутового камня. Вход в здание осуществляется с торцов, к которым пристроены крыльца и небольшие одноэтажные же пристройки под односкатными крышами, с дверьми, выходящими на фасад здания. Возможно, что в этих пристройках, как и в штаб-офицерском доме, размещались помещения санитарно-гигиенического назначения.

Описание «штаб-офицерского дома» также довольно скупо. Отмечается, что «здание построено за период 1807–1809 гг.», и что там «были устроены квартиры для старших офицеров, а одно время располагалась и канцелярия». Не забыт и тот факт, что «здание имело печное отопление». Единствен-

ная архитектурная деталь: «Стены дома оштукатурены». Штаб-офицерский дом имеет облик, схожий с обликом обер-офицерского дома, хотя и с другими пропорциями (приложение А, рисунки А.1 – А.3). Это тоже одноэтажное строение, только не с одиннадцатью, а всего с восемью прямоугольными окнам, под высокой мансардной вальмовой крышей. На рисунке изображены те же два мансардных окна и две трубы печного отопления. Цоколь дома выполнен из бутового камня, а верхняя часть стены, как мы знаем благодаря сайту музея, оштукатурена. Входы в здание оформлены также с торцов и на плане видно, что крыльца тоже покрыты односкатными крышами. На этом же изображении видно, что санитарно-гигиенические пристройки к обоим торцам здания имеют каркас из столбов, вероятно, с заполнением досками, т. е. помещение было достаточно холодным. Балки из брёвен служат также опорой для крыши.

Ещё одной постройкой в крепости была «солдатская кухня». Благодаря сайту музея известно, что здание построено в 1807 г., что «оно предназначалось для приготовления пищи и выпечки хлеба, а также могло использоваться в качестве столовой», его архитектурной особенностью является то, что «план дома имеет восемь выходов». Внешний облик постройки схож со всеми предыдущими. Это одноэтажное строение под высокой мансардной вальмовой крышей, с двумя мансардными окнами и двумя трубами печей (приложение А, рисунок А.2). Цоколь дома выполнен из бутового камня, а верхняя часть стены, возможно, оштукатурена. На фасаде имеется всего четыре окна и четыре двери, каждая с отдельным крыльцом, расположенные по схеме: дверь – окно – дверь – два окна – дверь – окно – дверь. План проясняет загадку такого обилия дверей: крайняя правая и крайняя левая двери ведут в санитарно-гигиенические помещения.

На сайте приведён фасад и план цейхгауза, про который сообщается, что «это каменное здание» было «построено в 1808 г. и предназначалось для хранения артиллерийских орудий и материальной части». Его архитектурная особенность заключается в том, что «у каждого дверного проёма устроены пандусы». Ещё одним важным моментом является то, что «пол в цейхгаузе выложен каменными плитами на извести», а «стены оштукатурены». Поскольку отопление в здании было «не предусмотрено», то, на ставшей нам уже привычной высокой мансардной вальмовой крыше этого одноэтажного здания, мы увидим привычные нам мансардные окна, в количестве трёх штук, но не увидим ни одной трубы. Здание имеет три изолированных поме-

щения и, соответственно, три входа и двенадцать окон, располагающихся по схеме: два окна – дверь – четыре окна – дверь – четыре окна – дверь – два окна. Двери не прямоугольные, как во всех предыдущих случаях, а с полуциркульным завершением, больше похожие на ворота. Окна располагаются в полуциркульных нишах, и каждое разделено на две части кирпичной колонкой-средником.

Описание «Барнаульской проездной башни» дано на сайте достаточно полно: «Каменная трёхэтажная с деревянной подзорной вышкой. Она была построена за период 1809–1810 гг. К этой башне выходила дорога на Барнаул. Нижний ярус крепостных ворот сделан из бутового камня "с выводом сводов и верхних этажей из кирпича". Кровля третьего яруса устроена в виде четырехгранного купола с подзорной башенкой на маковке. Подзорная башенка крыта четырехгранной пирамидой и имеет зарешеченные перила». Это описание, правда, не упоминает фронтон над полуциркульной аркой ворот, два фланкирующих её ризалита с полуциркульными же окнами, сдвоенные окна второго этажа и полуциркульную нишу, в которой помещены окна третьего этажа. На втором этаже на восточный фасад выходят четыре окна, а на северный и южный – по два.

Поскольку Кузнецкая крепость должна была выполнять чисто военную функцию, главную роль в её ансамбле несомненно играла крепостная ограда, с которой бы и следовало начать, однако мы оставили её напоследок, поскольку она, по нашему мнению, не представляет особой проблемы. Нам неизвестна ни высота валов, ни их ширина, ни ширина и глубина рвов. Однако это почти не имеет значения. Для реконструкции общего вида крепости достаточно соотнести их с остальными объектами, и особенно с высотой Барнаульской башни и сортий. На текущем уровне знаний этого будет достаточно для трёхмерной реконструкции общего вида крепости.

Самой значительной частью ограды являлись полубастионы: «По обе стороны от Барнаульской башни, вплотную к ней (без куртины), были сооружены два земляных полубастиона, облицованные бутовым камнем – Томский и Кузнецкий. С внутренней стороны крепости на полубастионы ведут облицованные камнем аппарели».

После установления облика хотя бы части сооружений крепости возникает вопрос об их размерах. На планах и чертежах, опубликованных на сайте музея «Кузнецкая крепость» без ссылки на источник, масштабов нет. Нет их и на планах, опубликованных А. М. Прибытковой. Можно попытаться вос-

становить масштаб, исходя из величины дверных проёмов и размеров помещений для санитарно-гигиенических нужд. На двух планах обозначены такие помещения: в штаб-офицерском доме, в сенях по обеим сторонам здания, на два посадочных места каждое – всего четыре; в солдатской столовой также с каждой стороны здания в помещениях со сквозным проходом (по девять в каждом) – всего 18.

Согласно В. Р. Ранневу, для размещения одного унитаза в настоящее время необходима площадка 80 x 60 см, т. е. вполне возможно предположить, что в начале XIX в. для одного места в туалете отводилось не менее одного квадратного аршина, т. е. около половины квадратного метра [4, с. 144; 5, с. 99]. Исходя из этого параметра, мы получаем примерные расчётные данные о размерах построек Кузнецкой крепости.

Солдатская кухня: ширина без стен – 7,2 м, ширина со стенами – 8,5 м, длина по фасаду – 31,8 м, высота стены вместе с цоколем – 3,29 м, высота крыши – 3,79 м, ширина окна – 0,7 м, высота окна – 1,37 м, ширина двери – 1,3 м, высота двери – 2,1 м, ширина крыльца – 1,98 м, высота крыльца – 0,99 м.

Штаб-офицерский дом: ширина – 11,52 м, длина по фасаду – 17,41 м, высота стены вместе с цоколем – 3,93 м, высота крыши – 4,93 м, ширина окна – 0,7 м, высота окна – 1,37 м, ширина двери – 0,56 м, высота двери – 1,2 м, ширина крыльца – 2,1 м, высота крыльца – 0,89 м. Согласно измерениям, выполненным на приведённом к подобному масштабу плану здания, получается, что площадь каждой из четырёх комнат, выходящих на фасад здания, была равна 14–15 кв. м., а площадь чуланов с «отхожими местами» немногим превышала 4 кв. м (т. е. была примерно равна квадратной сажени). Толщина стен на плане равна 0,48 м.

Обер-офицерский дом: ширина со стенами – неизвестна, длина по фасаду – 23,30 м, высота стены вместе с цоколем – 3,63 м, высота крыши – 4,54 м, ширина окна – 0,7 м, высота окна – 1,4 м; ширина и высота двери, ширина и высота крыльца – неизвестны.

Цейхгауз: ширина – 13,14 м, длина по фасаду – 82,22 м, высота стены вместе с цоколем – 6,19 м, высота крыши – 6,38 м, ширина окна – 2,57 м, высота окна – 3,82 м, ширина двери – 3,49 м, высота двери – 2,57 м, ширина крыльца – 2 м, высота крыльца – 1,29 м. Согласно измерениям, выполненным на приведённом к подобному масштабу плану здания, получается, что площадь каждого из трёх внутренних помещений была равна примерно

290 кв. м. Общая площадь помещений около 870 кв. м. Толщина стен на плане равна около 1,2 м.

Пороховой погреб: ширина со стенами – 5,98 м, длина с тамбуром – 11,42 м, высота стены вместе с крышей – 5,26 м, ширина двери – 1,3 м, высота двери – 2,1 м. Высота частокола ок. 6 м, площадь огороженной охраняемой территории – 264 кв. м.

Как видим, при всей своей приблизительности, эти размеры кажутся правдоподобными. Размеры крепостной ограды устанавливаются с помощью Интернет-сервиса Google Map™. Расстояние между капителями двух полу-бастионов восточной стороны равно примерно 97 м, длина северной стороны – примерно 593 м. На наш взгляд, полученных данных достаточно, чтобы создать модель, представляющую внешний облик крепости в 1820 г., которая приводится в приложении А (рисунок А.5).

Список литературы

1. Резун, Д. Я. Фортификационные сооружения Кузнецка и его административной территории в XVIII–XVIII вв. [Текст] / Д. Я. Резун, И. П. Каменецкий // Известия вузов. Строительство и архитектура. (В печати).
2. Прибыткова, А. М. Кузнецкая крепость [Текст] / А. М. Прибыткова // История СССР. – 1975 – № 1.
3. Сайт музея «Кузнецкая крепость». – Режим доступа: <http://www.kuzn-krepost.narod.ru/>
4. Раннев, В. Р. Интерьер: учеб. пособие для архитектурных специальностей вузов [Текст] / В. Р. Раннев. – М. : Высшая школа, 1987. – 232 с.: ил.
5. Шостьин, Н. А. Очерки истории русской метрологии: XI – XIX века [Текст] / Н. А. Шостьин. – М. : Издательство стандартов, 1975. – 272 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

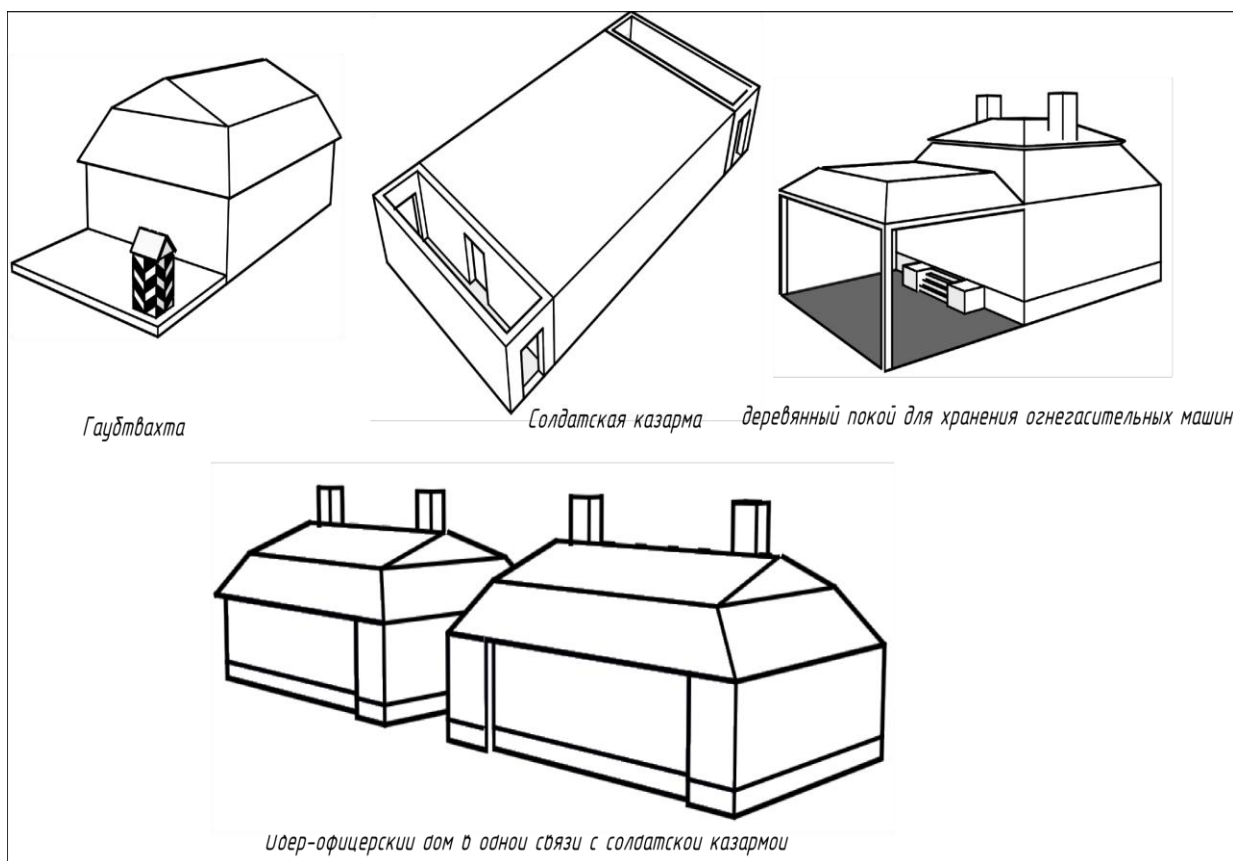

Рисунок А.1 – Гауптвахта, солдатская казарма, штаб- и обер-офицерский дом в одной связи с солдатской казармой, деревянный покой для хранения огнегасительных машин.
(По данным сайта «Кузнецкая крепость». Без соблюдения масштаба.
Рисунок выполнен И. Р. Соколовским)

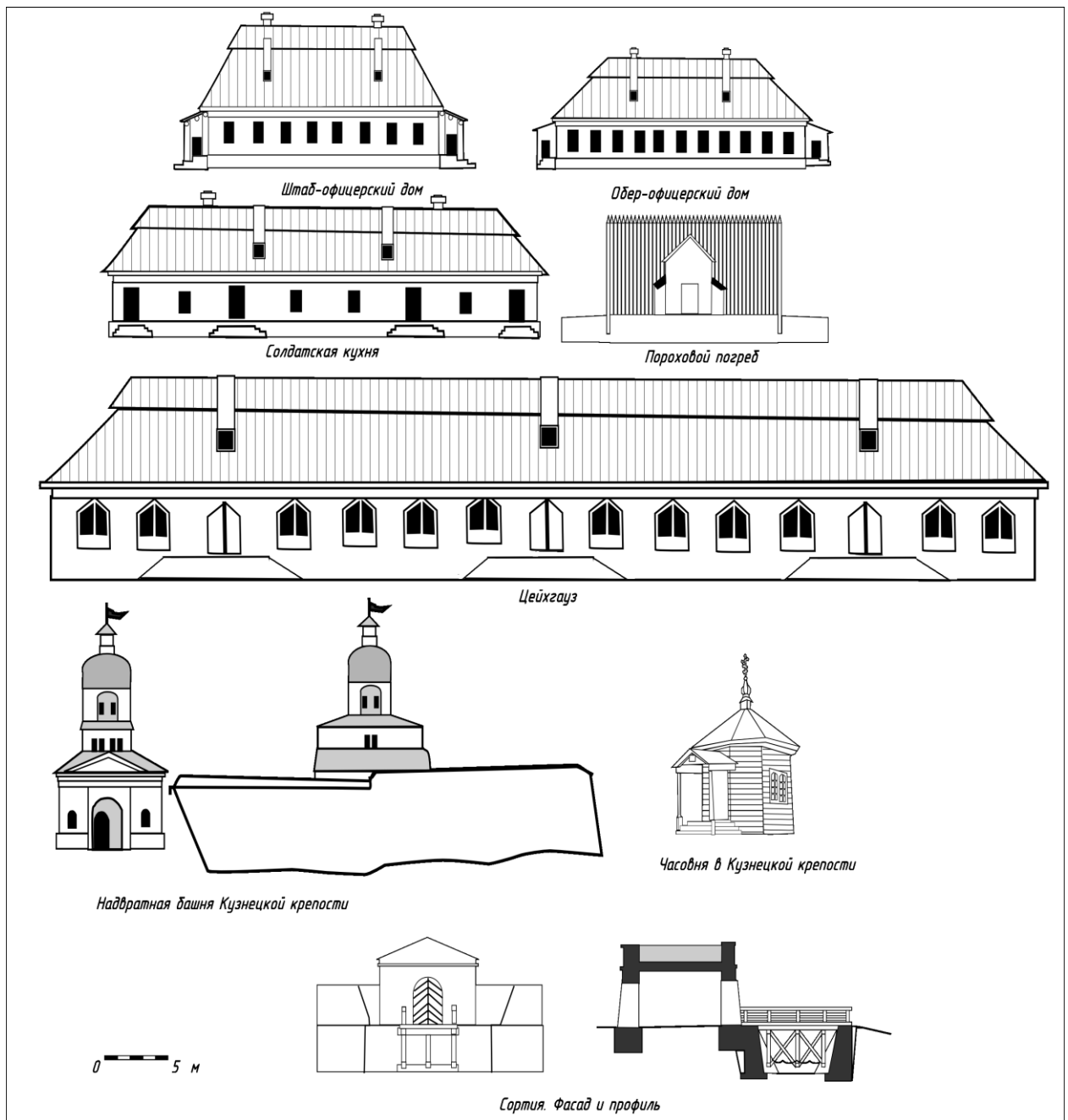
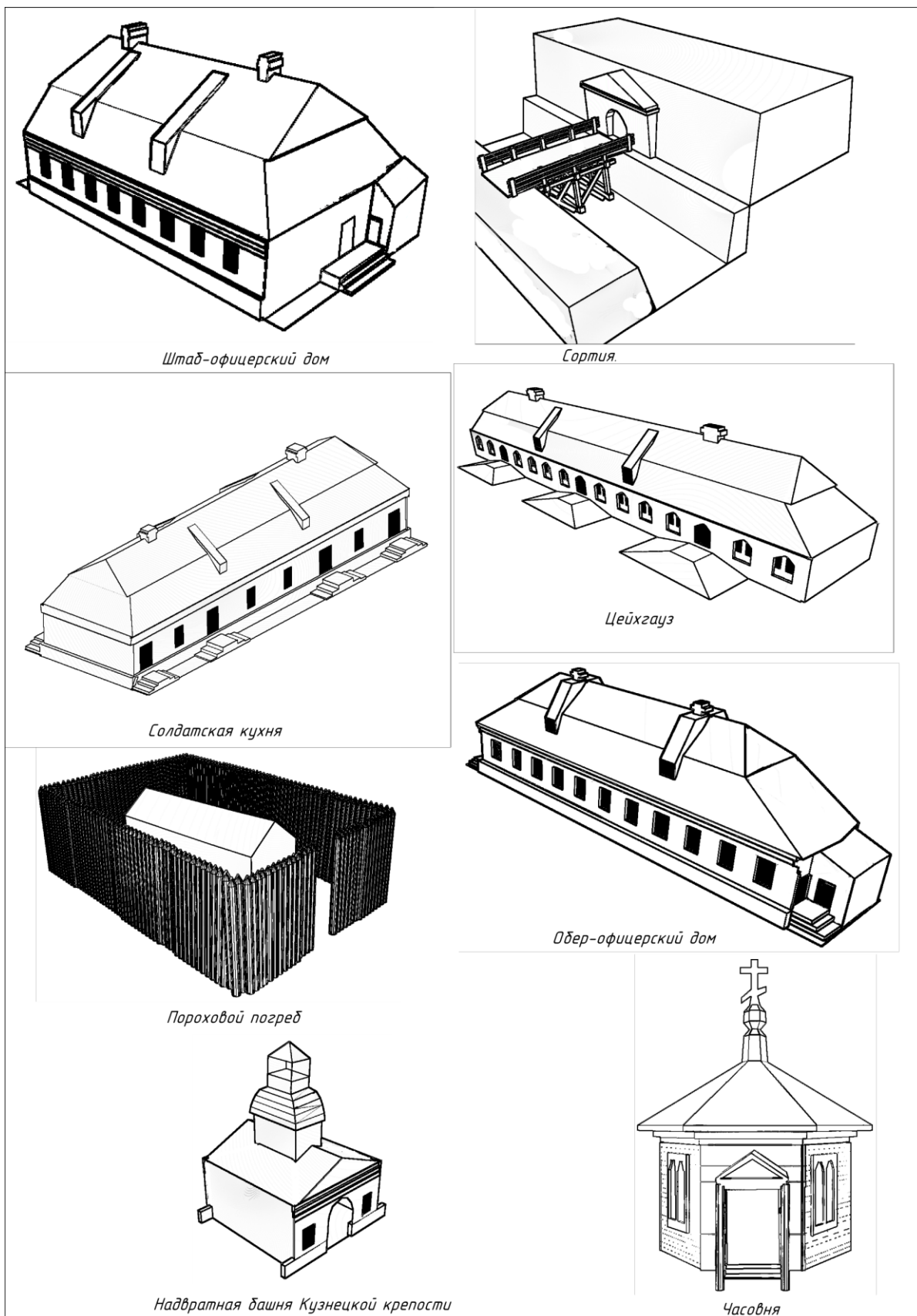

Рисунок А.2 – Прорисовка фасадов и общего вида строений Кузнецкой крепости. Слева направо и сверху вниз: штаб-офицерский дом, обер-офицерский дом, солдатская кухня, пороховой погреб, цейхгауз, надвратная башня (фасад и вид сбоку), часовня (прорисовка фотографии), сортия (фасад и профиль).
 (По материалам сайта «Кузнецкая крепость»)

Штаб-офицерский дом

Сортия.

Солдатская кухня

Цейхгауз

Пороховой погреб

Обер-офицерский дом

Надвратная башня Кузнецкой крепости

Часовня

Рисунок А.3 – Трёхмерные модели зданий Кузнецкой крепости ок. 1820 г.

Слева направо и сверху вниз: штаб-офицерский дом, сортия, солдатская кухня, цейхгауз, пороховой погреб, обер-офицерский дом, Барнаульские ворота, часовня.

(Без соблюдения масштаба)

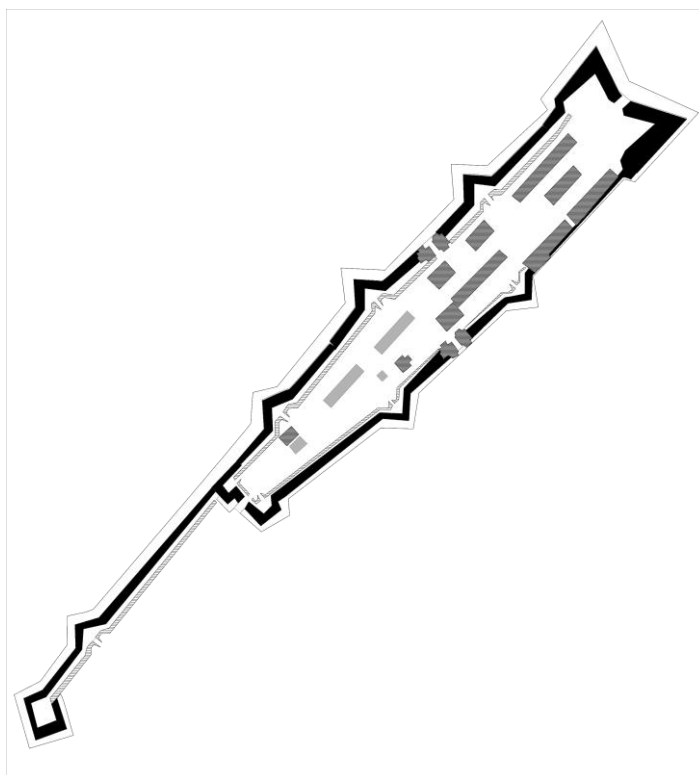

Рисунок А.4 – План Кузнецкой крепости на 1807 г. [2], масштаб неизвестен.
(Прорисовка И. Р. Соколовского)

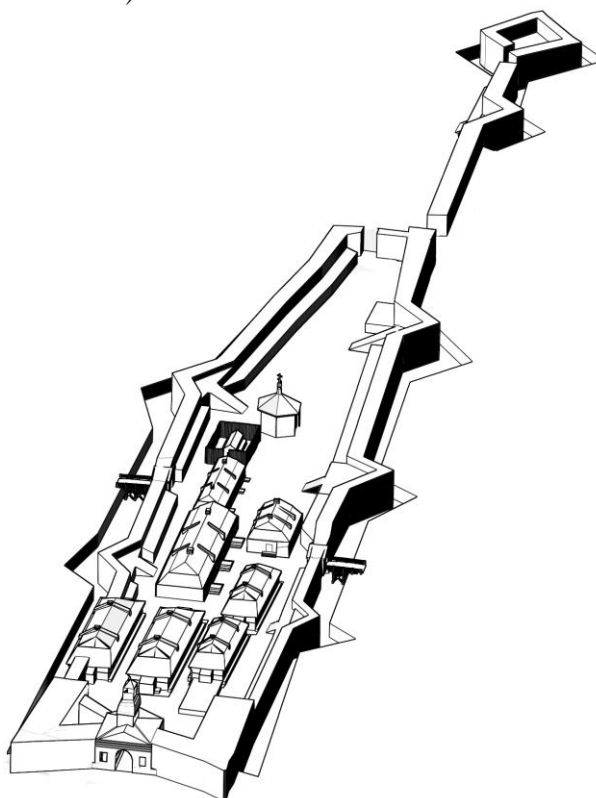

Рисунок А.5 – Кузнецкая крепость. Вид с северо-востока.
(Реконструкция И. Р. Соколовского)

ОППОЗИЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА И ДЕРЕВНИ В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА

В статье рассматривается структура художественного пространства рассказов В. М. Шукшина с актуальной для данного автора оппозицией «город – деревня».

В литературоведении сложились различные подходы к понятию и методике анализа картины мира писателя. Рассматриваемое нами понятие закреплено в различных терминах: картина мира, образ мира, модель мира, поэтический мир и картина поэтического мира, внутренний мир литературного произведения, художественный мир и мир писателя.

М. М. Бахтин определяет образ мира как «эстетическое видение мира» [1, с. 98], которое «создаётся лишь завершённой или завершённой жизнью других людей – героев его» [1, с. 98]. В понимании М. М. Бахтина, употребляющего термины «образ мира» и «картина мира» как синонимичные, «мир художественного видения есть мир организованный, упорядоченный и завершённый помимо заданности и смысла вокруг данного человека как его ценностное окружение» [1, с. 162]. Конкретизируя своё положение о «ценностной ориентации и уплотнении мира вокруг человека», М. М. Бахтин пишет: «Мы видим, как вокруг него становятся художественно значимыми предметные моменты и все отношения – пространственные, временные и смысловые» [1, с. 163].

Д. С. Лихачёв вводит в литературоведческий оборот понимание художественного произведения как «особого мира», предложив термин «внутренний мир литературного произведения» [4, с. 87]. Данный термин – обобщающий и всеобъемлющий; он описывает практически всю поэтику литературного произведения. Д. С. Лихачёв выделяет в качестве элементов внутреннего мира произведения искусства «его время, пространство, социальную и материальную среду» [4, с. 87], также «законы психологии и движения идей» [4, с. 87] и «общие принципы, на основе которых все эти отдельные элементы связываются в единое художественное целое» [4, с.87].

Ю. М. Лотман связывает понятие модели мира с «формами пространственного конструирования мира в сознании человека» [5, с. 239], поскольку

«художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [6, с. 251]. Контуры мира, воплощённого в пространственных формах в произведении искусства, находятся в зависимости от характера модели, то есть некоей схемы мира, существующей в сознании автора. Эти контуры мира запечатлены в словесной форме в виде текста и понимаются Ю. М. Лотманом как картина мира литературного произведения. Считая пространственные координаты художественной реальности наиболее значимым элементом структуры картины мира, Ю. М. Лотман утверждает, что «пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой «здоровый смысл» [5, с. 296].

Картина мира писателя на основе сложившихся в литературоведении подходов к данному понятию может быть определена как художественное целое, включающее пространственно-временной континуум с определёнными героями, образующими ценностное ядро мира и осваивающими данный тип хронотопа в соответствии с художественным заданием автора, и воплощённое («завершённое») в словесной ткани произведения. Основными параметрами картины мира являются художественное пространство и время, предметный мир, система действующих в ней героев и художественная онтология. В художественной картине мира писателя существуют определённые формы организации пространства и времени. Рассмотрим особенности организации художественного пространства в произведениях В. М. Шукшина.

В картине мира рассказов В. М. Шукшина можно условно выделить «материальное» и «психологическое» пространства как составляющие целостной пространственной организации рассказов. К формам «материального» пространства отнесены географическое пространство (включающее пространство города и деревни) и природный мир. «Материальное» пространство – та реальность, в которой существуют и которую «осваивают» герои рассказов. «Психологическое» пространство – это мир фантазии, мечты героев, их духовных «взлётов» и «блужданий души», занимающих особое место в картине мира рассказов.

В. М. Шукшин в рассказах изображает географическое пространство, упоминая реально существующие названия. Топонимию шукшинского «материка» подробно описал В. Ф. Горн [3]. В рассказах географические приме-

ты даны в изобилии. Географическая локализация изображаемых событий, по-видимому, для В. М. Шукшина чрезвычайно значима. Географический центр шукшинского мира – Алтай с его своеобразной и какой-то первозданной природой: горы со снежными вершинами, с трёх сторон окружающие долину, безбрежные степные пространства, поля с «увалами и откосами», быстрая и шумная река Катунь (рассказы «Солнце, старик и девушка», «Лёля Селезнёва с факультета журналистики», «Упорный» и другие). Шукшинский Алтай, ранее литературе практически неизвестный, обретает зримые черты благодаря точности географических примет.

Иногда география обозначается конкретно и точно: упоминаются в текстах Алтай, Катунь, Алтайские горы, как в рассказах «Рыжий», «Лёля Селезнёва с факультета журналистики», «Солнце, старик и девушка» и других. Чаше места угадываются по похожим описаниям природы, повторяющимся названиям деревень и городов. Деревни носят названия: Ясное («Сураз»), Талица («Мастер», «Лёля Селезнёва с факультета журналистики»), Новая («Срезал»), Лебяжье («Земляки»), Игрёво («Племянник главбуха»), Сростки («Рыжий»). Иногда деревня не имеет названия. Повторяются названия городов – Новосибирск, Бийск (иногда обозначенного как «город Б-ск»), Томск, – словом, сибирских городов (в рассказах «Солнце, старик и девушка», «Сельские жители», «Сураз»). Довольно часто город либо не имеет названия совсем, либо назван «городом Н-ск» («Как зайка летал на воздушных шариках»). Небольшой город называется «райцентром» («Мастер»).

Несмотря на обилие конкретных названий деревень и городов, писатель не ставит перед собой задачи описывать реальные географические точки, только намечая географические координаты создаваемой им реальности. Для В. М. Шукшина это лишь средство придать достоверность тому, что он изображает. Он использует названия деревень, распространённые на Алтае, но делает это, так сказать, в своих художественных целях. Писатель творит свой мир. В этом мире есть деревни, свой райцентр, областной центр, далёкие города, очень далёкая Москва и загадочный юг. В рассказах появляется и зарубежье: Париж в песне, которую поёт Колька Паратов (рассказ «Жена мужа в Париж провожала»), в радиопередачах – Америка, Кейптаун («Осенью», «Даёшь сердце!»), однако для большинства шукшинских героев оно за гранью их представлений о мире, являясь проявлением скорее психологического, чем материального пространства.

Деревня – центр шукшинской Вселенной, мир, открытый миру большому, хотя и далёкий от многих географических центров, прежде всего от Москвы («далёкая сибирская деревенька» – читаем в рассказе «Далёкие зимние вечера»). Деревня изображается В. М. Шукшиным как реальная географическая точка. По воле писателя перед нами возникает достаточно обобщённый образ сибирской деревни. Эта деревня обычно располагается на берегу стремительной реки (иногда она названа: «река Катунь») по соседству с другими такими же деревнями и сёлами, стоящими на той же реке выше или ниже по течению. Образ такой деревни создается в рассказах «Осенью», «Упорный», «Лёля Селезнёва с факультета журналистики», «Микроскоп», «Беседы при ясной луне» и других.

В. М. Шукшин изображает обычную сибирскую деревню с домами, стоящими так близко друг от друга, что слышны голоса и звуки, доносящиеся из соседнего двора, с жизнью на виду друг у друга, шумной и многолюдной, с банями, плетнями, огородами, улицей, березами, полями, деревенскими запахами, звуками и тишиной («Хозяин бани и огорода», «Суд», «Алёша Бесконвойный», «Петька Краснов рассказывает», «Осенью», «Упорный»). В шукшинской деревне есть своя школа, потому так часто в рассказах упоминаются учителя – обычно приезжие, «чужие»; есть магазин – сельмаг или сельпо, иногда чайная, изба-парикмахерская, клуб, больница. Образ такой деревни создаётся в рассказах «Хозяин бани и огорода», «Алёша Бесконвойный», «Сураз», «Микроскоп», «Беседы при ясной луне», «Медик Володя», «Артист Федор Грай», «Танцующий Шива» и многих других.

Жизнь в деревне протекает в гармонии с ритмами природы, близка к земле. Жизнь сельских жителей, изображаемая Шукшиным, достаточно грубая и приземлённая, но иногда герои (немногие из них) видят и очень далёкий горизонт, и зори, и солнце, и звёзды, испытывая ощущение гармонии с миром, с природой. Мир деревни обжит, и хотя в нём много «суеты», есть здесь и свои праздники, общие и индивидуальные (разные у Алёши из рассказа «Алёша Бесконвойный» и у героя рассказа «Срезал» Глеба Капустина).

Первая географическая точка, в которую попадают шукшинские герои, выехав из деревни, – райцентр, обычно небольшой город, до которого можно доехать автобусом (рассказы «Мастер», «Ванька Тепляшин», «Версия», «Сапожки», «Микроскоп»). Описание райцентра, названного «городом Б.», находим в рассказе «Из детских лет Ивана Попова»: «Это – ближайший от нас,

весь почти деревянный, бывший купеческий, ровный и грязный». Обычно герои писателя ездят в райцентр по делам. Здесь есть больница, магазины со злыми продавщицами, вокзал, небольшой ресторан, общежития и официальные учреждения – место действия целого ряда рассказов. Райцентр не вызывает у шукшинских героев страха или особой почительности.

Совсем иначе относятся герои В. М. Шукшина к областному центру. Для них это совершенно другой мир, не похожий ни на деревню, ни на райцентр, – часто в прошлом большое село. В областной центр герои писателя ездят только по очень важным делам, как героиня рассказа «Мастер». Это деловой мир. Здесь в хороших квартирах в многоэтажных домах живут те, кто когда-то уехал из деревни и не вернулся. Так через постепенное расширение географии (где центр – это деревня) в концепцию мира В. М. Шукшина входит тема провинции. Причём провинции именно сибирской, удаленной от Москвы.

Москва упоминается в рассказах неоднократно («Сельские жители», «Жена мужа в Париж провожала», «Генерал Малафейкин»), но какие-либо географические и даже просто туристические её черты отсутствуют. В Москву шукшинские герои едут учиться или бывают здесь проездом; если остаются жить, становятся в глазах деревенских жителей «знатными людьми». Для героев писателя Москва – мир очень далёкий, загадочный и необычайно притягательный. Для старухи, героини рассказа «Сельские жители», поездка в Москву к сыну – событие в высшей степени сложное и рискованное. Москва существует в сознании героев В. М. Шукшина скорее как некий символ. Прежде всего Москва – «столица нашей родины», культурный центр. Но жизнь в Москве – это ещё и знак успеха, удачи, удивительного поворота в судьбе. Москва в картине мира В. М. Шукшина – символическое пространство.

Ещё более загадочный мир – это юг, куда герои иногда ездят отдыхать, – экзотическое место, где идёт совершенно непонятная, необъяснимая жизнь (рассказы «Петька Краснов рассказывает», «Хмырь», «Чередниченко и цирк»). Вот как передает односельчанам свои впечатления от поездки на юг героиня рассказа «Петька Краснов рассказывает»: «А полезли куда-то на гору – я чуть не на карачках дополз, мля, ну – красота! море!.. Пароходы... И главное, на каждом пароходе своя музыка». Так постепенно В. М. Шукшин расширяет географию до масштабов всей страны.

Человек в мире В. М. Шукшина соотнесён с такими типами материального пространства, как природное пространство, пространство города и деревни. Пространство в картине мира В. М. Шукшина может быть описано с точки зрения оппозиции *открытое – закрытое*. Проблема «открытости» – «закрытости» пространства в художественном мире В. М. Шукшина, соотнесённого с типом героя писателя, стала предметом исследовательского интереса А. Д. Вартамянц и М. Д. Якубовской [2]. Природное пространство воспринимается героем В. Шукшина как открытое и большое («огромнейший простор»). Линия горизонта либо теряется где-то в степи, либо ограничена далекими горами или столь же далёким лесом, как в рассказах «Лёнька», «Солнце, старик и девушка», «Лёля Селезнёва с факультета журналистики».

Деревня – смысловой центр в картине мира В. М. Шукшина. Пространство деревни – локальное, но при этом открытое, даже если события происходят в избе или доме. Иллюзия отсутствия пространственных границ возникает в тех ситуациях, когда герой писателя смотрит на мир из окна, не ощущая окно как преграду (рассказы «Упорный», «Беседы при ясной луне», «Племянник главбуха»). Такая картина «незатрудненного» пространства создана в рассказе «Беседы при ясной луне»: «Вся площадь между сельмагом и избышкой залита светом; а ночи стояли лунные... В избышке лампочку не включали, только по стенам и потолку играли пятна света – топился камелёк...И так хорошо было сидеть и беседовать в этом узорчатом качающемся мирке, так славно чувствовать, что жизнь за окнами – большая и ты тоже есть в ней».

Как составная часть пространства деревни, пространство деревенского дома открыто окружающему миру. Поэтому спорным представляется тезис А. Д. Вартамянц и М. Д. Якубовской: «Основной признак бытового пространства – его замкнутость» [2]. Далеко не всякое бытовое пространство в рассказах В. М. Шукшина является замкнутым, хотя есть примеры и такого типа пространственной организации: рассказ «Одни» показателен в этом отношении. Пространство деревенского дома в картине мира В. М. Шукшина изображается преимущественно как открытое.

Представляет интерес соотнесённость пространства деревни с природным пространством. Локальное пространство деревни естественным образом слито с беспредельным природным пространством, однако не поглощается им, оставаясь в достаточной степени автономным. За столь любимыми героями В. М. Шукшина степными далями не теряется малый мир деревни,

включающий дом, колодец, ограду, улицу, поля. Дальше располагается река, простирается степь – граница между деревней и миром вне её размывается. Ощущение отсутствия границы между природным миром и «человеческим» миром деревни возникает, когда читаем такое описание в рассказе «Залётный»: «Он смотрел на далёкие горы... Взор его туманился... Покидал далёкие синие горы, наблюдал реку, дорогу, дикий кустик малины под плетнём».

Значимо то, как воспринимают пространство деревни сельские жители в отличие от тех, кто приехал сюда из города. Деревенские жители воспринимают это пространство в динамике: днём как более узкое и ограниченное «видами» самой деревни («серые избы», «берёзки в ограде», «кустик малины под плетнём»), в редкие мгновения на рассвете или на закате, лунной ночью – как предельно открытое (рассказы «Упорный», «Солнце, старик и девушка»). Для «приезжих», оказавшихся в деревне, характерна тяга к замкнутому пространству и некоторый страх перед открытостью мира и его далями (рассказы «Шире шаг, маэстро!», «Лёля Селезнёва с факультета журналистики»).

Город в картине мира писателя в пространственном отношении противопоставлен деревне. Герой писателя – чаще всего деревенский житель или выходец из деревни. Его душа организована таким образом, что легко и естественно он чувствует себя в «открытом» пространстве. Город воспринимается деревенским жителем как закрытое пространство, ограниченное всевозможными барьерами. Герой рассказа «Версия» становится жертвой одного из городских барьеров – стеклянной стенки в ресторане: он «не заметил, что зал отделяет стеклянная стена – пошёл на эту стенку. И высадил её. Она прямо так стоймя и упала перед Санькой и со звоном разлетелась в куски».

Если деревня естественно вписывается в природное пространство как его часть, то город отгорожен от него. В городе нет горизонта и виден лишь «краешек неба», как в рассказе «Лёнька». Герой В. М. Шукшина стремится преодолеть замкнутость городского пространства, тяготея внутренне к пространству открытому.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин / сост. С. Г. Бочаров. – М., 1979.
2. Вартамянц, А. Д. О двух типах художественного пространства и времени в рассказах В. М. Шукшина [Текст] / А. Д. Вартамянц, М. Д. Якубовская // Филологические науки. – 1994. – № 4.
3. Горн, В. Ф. Характеры Василия Шукшина [Текст] / В. Ф. Горн. – Барнаул, 1981.

4. Лихачёв, Д. С. Внутренний мир литературного произведения [Текст] / Д. С. Лихачёв // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87.
5. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров [Текст] / Ю. М. Лотман. – М., 1996.
6. Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя [Текст] / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман: кн. для учителя. – М., 1988.

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
И СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ**

А. Г. Борин, Л. С. Борина

ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия»,

г. Новокузнецк

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

МЕХАНИЗМЫ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОЖАНИНА И ГОРОДСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ ГОРОДЕ 1930-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ СТАЛИНСКА)

В статье рассматриваются факторы, под влиянием которых шло формирование городского образа жизни в индустриальном городе.

Необходимость обращения в условиях трансформационного перехода к обсуждению проблемы локальных вариантов формирования городского сообщества и городского образа жизни диктуется устойчивостью не только моделей городского образа жизни, но и присущих этим моделям стереотипов самовосприятия и поведения. В частности, представления о городском образе жизни, сформировавшиеся в индустриальном Сталинске 1930-х гг. и закреплённые в течение последующего периода развития города Новокузнецка, являются одним из существенных факторов, замедляющих процесс перехода от индустриального к постиндустриальному сообществу.

Сталинск – город, являющийся образцом классической модели советской индустриализации 30-х гг. XX в. Он задумывался как новый город, способный воплотить идеал социалистического строительства. Идеальный советский «город-сад» требовал нового горожанина и нового городского образа жизни, качественно отличающегося от деревенского и городского образа жизни в его дореволюционном варианте.

Горожане – это особая социокультурная общность уже в силу того, что именно они являются носителями городской культуры и городского образа жизни. Содержательно горожан следует отличать от жителей города (всех проживающих на территории города). Проживание на территории города является формальной характеристикой принадлежности к городскому социуму, в то время как содержательные характеристики определяются степенью воспроизведения стандартов городского образа жизни. В свою очередь, устойчивое следование стандартам городского образа жизни зависит от времени проживания в городском социуме. Следовательно, процесс превращения жи-

теля города в горожанина – это сложный трансформационный процесс, связанный с усвоением и воспроизведением городского образа жизни.

На практике горожанами в 1930-е гг. становились достаточно просто: в результате административного приписывания к категории горожан. Статус горожанина фиксировался и закреплялся институтом прописки. Так, с 1931 г. все строители Кузнецкого металлургического комбината и других промышленных объектов, расположенных на территории «города», стали горожанами. Одномоментное и в силу этого формальное превращение всех, вольно или невольно оказавшихся на этой стройке людей, в горожан стало результатом присвоения посёлку-колонии при строительной площадке металлургического комбината статуса города. Для новых «горожан» административное причисление к более статусной категории содержательно не изменило ничего: новый «город», являвшийся строительной площадкой комбината, не мог одномоментно стать «городом» в содержательном смысле, а новый «горожанин» – выходец из деревни – не мог чудесным образом превратиться в носителя городской культуры, а продолжал продуцировать предыдущий социальный опыт.

Анализ состава населения Сталинска 1930-х гг. показывает, что самой многочисленной группой в городе являлись городские селяне. Эти люди не имели предыдущего опыта городской жизни и, следовательно, не могли продуцировать городской образ жизни в принципе. Носителей городской культуры (высококвалифицированные рабочие, инженерно-технический персонал и т. д.) в составе жителей города было абсолютное меньшинство. В контексте исследуемой нами проблемы последнее означает исключение из механизмов формирования городских стереотипов поведения такого универсального механизма, как подражание.

Единственным напоминанием о новом статусе для новых «горожан» являлась фиксация в паспорте города как места проживания. В этом смысле основная масса жителей города не только стала «горожанами по прописке», но и на долгие годы оставалась в таком состоянии. Не случайно сами жители нового «города» определяли свою принадлежность к городскому сообществу через сферу деятельности – работу на промышленном предприятии. На производственной составляющей самоидентификация нового «горожанина» в 1930-е гг. и ограничивалась: поскольку комбинат был главным атрибутом индустриального города, постольку и работа на комбинате стала главным признаком горожанина.

Отождествление строителей и рабочих с горожанами явилось прямым следствием процесса формирования городского населения в Сталинске. Формирование городского населения в городе шло на базе рабочей силы Кузнецкстроя–КМК. Быстрый рост численности населения Сталинска происходил в сжатые сроки в условиях значительной отдалённости от старых промышленных центров и масштабного промышленного строительства в стране. Наиболее значимым каналом формирования рабочей силы Кузнецкстроя и населения Сталинска была принудительная миграция из деревни в город. В результате целенаправленных усилий государства и деятельности управления Кузнецкстроя по обеспечению строительства рабочей силой, в отдельном городе произошла сверхконцентрация рабочей силы, преимущественно дешёвой и малоквалифицированной.

Сообщество жителей города, который образно сравнивали с новым Вавилоном [6, с. 6], представляло собой маргинализированный конгломерат. Это сообщество не обладало не только цельностью и однородностью, но и не осознавало себя в качестве городского сообщества. Последнее достаточно хорошо подтверждается анализом идентификации и самоидентификации жителей города: «...Многие новые рабочие, будучи уже заняты в промышленном производстве, продолжали считать себя крестьянами: в феврале 1931 г. на Кузнецкстрое из 13573 опрошенных лишь 6373 считали себя рабочими (46,9 %), а крестьянами – 7225 (51,4 %)» [4, с. 293]. Сохранение крестьянского самосознания выражалось в сохранении старого самоназвания: новые «горожане» сами себя горожанами («новокузнечанами», «сталинчанами») не называли. Они называли себя по принадлежности к производственному процессу («кузнецкстроевцы»), стройке («строители»), профессиональному признаку (электрики, доменщики и т. д.) и по районам проживания. В официальных документах и в печати первой половины и середины 1930-х гг. жителей города называли «кузнецкстроевцами» или «первостроителями» [2, с. 34–36]. Употреблялись и термины, обозначающие не всё население города, а его отдельные категории (жители Соцгорода, жители Нижней колонии, либо металлурги, пищевики, шахтёры и т. д.).

Не осознавая себя горожанами, жители Сталинска достаточно чётко проводили границу между выходцами из деревни, которые на сравнительно короткий срок прибывали на стройку, и собой, подчеркивая, что «им наш город не нужен» [7, с. 4]. Следовательно, конгломерат жителей города ещё не являлся сообществом горожан, но уже свысока противопоставлял себя

жителям деревни. Внедрению такого высокомерного отношения к деревне способствовало само государство [4, с. 288]. Более высокий статус городской жизни и жителей города подтверждается тем, что, сбегая от невыносимых условий жизни на Кузнецкстрое, вчерашние крестьяне, особенно молодёжь, тем не менее не желали возвращаться в деревню. По данным В. А. Исупова, «мигранты, которые выбывали из городских поселений Сибири, в основном стремились переселиться в другие города страны. Удельный вес людей, переезжавших из городов в сельскую местность, был невелик. На их долю приходилось немногим более $\frac{1}{4}$ мигрантов, тогда как прослойка выбывавших в городские поселения составляла более половины» [5, с. 209]. Приведённые данные подтверждаются данными конъюнктурных отчётов руководства КМК, где отмечалось, что в начале 1930-х гг. рабочие рассчитывались и уезжали из города, а в конце 1930-х гг. основная масса увольняющихся не выезжала из города, а через некоторое время устраивалась на работу в другие цеха или на другие предприятия [6, с. 165]. Это позволяет сделать вывод о том, что увольнение объяснялось не стремлением уехать из города, а неудовлетворённостью заработной платой или условиями труда.

Главным основанием противопоставления являлся род занятий. Житель Сталинска видел свою «городскую» ипостась в сфере деятельности: он был занят на крупном тяжёлом производстве. Именно комбинат был главным атрибутом города уже в силу того, что в деревне такого в принципе не могло быть. В то же время на производственной составляющей самоидентификация нового «горожанина» и ограничивалась, поскольку иные составляющие городского образа жизни в Сталинске либо отсутствовали, либо находились в зачаточном состоянии.

Последнее заставляет ещё раз всмотреться в то, что «город – это особая социально-территориальная форма организации общественного производства, где осуществляется не только производство вещей, но и "производство" самих людей, их образа жизни. Качество "производства" человека во многом, если не во всём, зависит от состояния социально-культурной среды, которое определяется, в том числе, и такими факторами, как наличие и качество жилья и коммунальных услуг, внутригородского транспорта и связи, торговли и общественного питания, бытового обслуживания, состояния здравоохранения, образования и т. п.» [1, с. 10].

В Сталинске факторы, формирующие городскую среду, складывались на протяжении середины и второй половины 1930-х гг. Из этого следует ме-

тодологически важный вывод: процессы формирования города и городского сообщества в индустриальном городе шли одновременно. Не случайны в свете вышесказанного смысловые и содержательные пересечения в наполнении города городским содержанием и в идентификации себя жителями города в качестве горожан. Так, к концу 1930-х гг. Сталинск из города номинального (города – строительной площадки Кузнецкого металлургического комбината) превратился в город реальный. Реальный город обладал такими статусными признаками крупного города, как мощёные улицы, трамвайное сообщение, театр, «благоустроенные» дома и т. д. При этом мы должны оговориться: город в Сталинске 1930-х гг. начинался и заканчивался в центральном районе – Соцгороде. И это понимание «города» с его городским наполнением эпохи Кузнецкстроя устойчиво сохраняется в Новокузнецке начала XXI в.: и в современном Новокузнецке «город» – это старый центр.

Изменение содержания «города» сопровождалось изменением самоидентификации сообщества его жителей: к концу 1930-х гг. не только их стали обозначать термином «горожане», «жители города», но и, что гораздо более важно, они себя сами стали так обозначать. Указанные изменения в обозначении себя жителями города позволяют сделать вывод о том, что на протяжении неполных десяти лет были сформированы такие признаки общности, которые позволили проживавшим в городе осознавать себя как нечто целое – как жителей города Сталинска не только в приписываемом значении, но и в содержательном.

Формирование городских стандартов поведения и общежития новых «горожан» и, следовательно, наполнение соответствующим содержанием категории «городской образ жизни» в его советском варианте стало результатом целенаправленной работы государства в лице администраций предприятий, профсоюзов, горкома партии, горсовета. На складывание городских черт в образе жизни жителей Сталинска оказывали влияние сфера коммунального хозяйства, городская печать, деятельность культурно-образовательных учреждений города.

Хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что идентификация жителями индустриального города себя как «горожан» строилась на иной основе, чем в условиях традиционного общества, где человек идентифицировал себя через традиционные каналы – семью, общину, религиозную принадлежность. Формирование новой идентичности шло через комплексное воздействие по новым каналам: через средства массовой информации, институт прописки,

производство и т. д. Так, институт прописки, введённый с 1933 г., фиксировал принадлежность жителей города Сталинска к сообществу горожан в нормативно-формальном смысле. Содержательное воздействие оказывали средства массовой информации, среди которых особая роль принадлежала городской газете; последняя не только создавала единое информационное пространство для всех жителей Сталинска, но и внедряла в сознание стереотипы восприятия города и городского образа жизни [2, с. 34–36]. К числу стереотипов восприятия города, сложившихся в условиях индустриального города, относится единство города и завода, а городского образа жизни – с работой на промышленном предприятии. При этом завод выступал в роли наиболее значимого интегратора и консолидатора.

Данная модель городского образа жизни и сформированные в рамках этой модели представления о городском образе жизни были вполне жизнеспособны в условиях гипертрофированной сферы производства и функционировали с минимальными изменениями на протяжении всего советского периода. На сегодняшний день сохранение этой модели является одним из существенных факторов, замедляющих процесс перехода от индустриального сообщества к постиндустриальному.

Список литературы

1. Алисов, Д. А. Урбанизация и культура [Текст] / Д. А. Алисов // Городская культура Сибири: история и современность: сб. науч. тр. / отв. ред. Д. А. Алисов. – Омск, 1997. – С. 3–15.
2. Борин, А. Г. К вопросу о роли городской газеты в процессе формирования горожанина (на материалах Сталинска 1930-х гг.) [Текст] / А. Г. Борин // II чтения, посвящ. памяти Р. Л. Яворского (1925–1995): материалы Всерос. науч. конф. – Новокузнецк, 2006. – С. 34–36.
3. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 273. Л. 165.
4. Исаев, В. И. Формирование городского образа жизни в процессе модернизации Сибири [Текст] / В. И. Исаев // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. материалов конф. / под ред. В. А. Ламина. – Новосибирск, 2003. – С. 287–295.
5. Исупов, В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.) [Текст] / В. А. Исупов. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1991. – 291 с.
6. НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.
7. НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 78. Л. 4.

Е. В. Конев

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

ХРИСТИАНЕ ВЕРЫ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ КУЗБАССА В 40–60-е ГОДЫ XX ВЕКА

В статье исследуются эволюция и жизнедеятельность общин христиан веры евангельской Кемеровской области на протяжении трёх десятилетий советского периода. Реконструируется взаимодействие верующих с местной властью.

Христиане веры евангельской (ХВЕ), или пятидесятники, относятся к поздним течениям протестантизма. В 70-е гг. XIX века в баптистских общинах США возникло течение «Движение святости», оформившееся в деноминацию пятидесятников. В течение нескольких десятилетий пятидесятничество стремительно распространилось в США, а затем и по всему миру. Придерживаясь основных протестантских догматов, пятидесятники особое значение уделяли учению о Святом Духе. Последователи ХВЕ верят, что каждый христианин в момент крещения может получить дары Святого Духа в виде способностей к пророчеству, исцелению больных, а также способности говорить с Богом на иных языках (глоссолалия). Главные особенности культа пятидесятников – личный мистический и экстатический опыт общения с Богом и крещение Святым Духом. Строгое следование заповеди «Не убий» определяет пацифизм ХВЕ.

В России пятидесятники появились в начале XX века в Санкт-Петербурге, а в Сибири, в том числе и на территории современной Кемеровской области, в середине 1920-х гг. С самого начала в России действовало несколько направлений пятидесятничества. Среди них следует назвать смолодинцев (или евангельских христиан в духе апостолов), воронаевцев (или трясунов), пятидесятников-сионистов, субботствующих.

Заметно увеличилась численность пятидесятников в Кузбассе во время Великой Отечественной войны и в первые годы после её окончания, когда на спецпоселение прибыло огромное количество верующих из западных областей СССР. Кроме того, очень много ХВЕ в 1940-е гг. реэмигрировали в этот регион из Китая, и 50–60 семей пятидесятников переехали из Средней Азии [3, л. 77; 22, с. 221]. Так, на территории Кемеровской области ХВЕ действовали в Сталинске (Новокузнецке), Кемерово, Прокопьевске, Киселёвске,

Мысках, Таштаголе, Анжеро-Судженске, Юрге, а также во многих районах и сёлах. В Кемерово, например, 15–20 пятидесятников собирались в районе шахты «Северная» и 8–10 в посёлке Заискитимка [6, л. 6–8]. А в Сталинске 20–25 верующих проводили богослужения в Теш-логу и ещё несколько в Байдаевке [2, л. 78; 13, л. 12]. По национальному составу в объединениях ХВЕ находились русские, украинцы, немцы, белорусы.

В связи с общим вкладом религиозных общин в победу, И. В. Сталин сделал шаг к либерализации церковной жизни. Так, в мае 1944 г. образовался Совет по делам религиозных культов (СДРК), председателем которого стал И. В. Полянский. В течение 1945–1947 гг. в регионах регистрировались религиозные объединения, верующим возвращались молитвенные дома. Однако «либерализация» по отношению к протестантским конфессиям коснулась только отдельных общин евангельских христиан-баптистов (ЕХБ). А пятидесятичество Советское государство с первых лет своего существования рассматривало как враждебное социализму вероучение. Властей не устраивали также методы проведения богослужений ХВЕ. В печати нередко публиковались статьи об изуверском характере веры культа пятидесятников. Также в советских средствах массовой информации к объединениям ХВЕ использовался термин «секта». И поэтому организации верующих ХВЕ находились на нелегальном положении вплоть до перестроечных времен.

С целью легально проводить молитвенные собрания часть пятидесятников, в основном воронаевского толка, в августе 1945 г. под нажимом органов власти решила войти в состав Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), образованного годом ранее в октябре. СДРК и пресвитеры общин ЕХБ потребовали от ХВЕ отказа от глоссолалии и омовения ног, а также запретили использование пресного хлеба для хлебопреломления. А 2 апреля 1947 г. лидеры евангельских христиан в духе апостолов Н. П. Смородин, Н. И. Шишков и Е. М. Прудников выразили полное согласие с «Августовскими соглашениями» [см.: 18, с. 234].

Идя на компромисс с пятидесятниками, баптисты выдвинули ряд их проповедников на руководящее положение в зарегистрированных общинах. Например, в южной столице Кузбасса, Сталинске, представители ХВЕ Д. И. Косихин и Д. Г. Денисюк, а в областном центре В. Е. Нужных состояли в церковной двадцатке местных объединений ЕХБ [4, л. 41; 5, л. 21]. И они, являясь талантливыми проповедниками, открыто выступали за свою веру. Поэтому пребывание пятидесятников вместе с евангелистами-баптистами

всегда создавало проблему. Случаи разладов были постоянны, и союзы оказывались непрочны.

Руководство ВСЕХБ всячески старалось снимать напряжённость. Это оно предписывало в циркулярном письме пресвитерам. Тех пятидесятников, которые выступали против объединения, сначала увещевали, а исключали лишь в крайних случаях. В основном ХВЕ сами разрывали отношения с евангелистами-баптистами. В июле 1949 г. из кемеровской общины вышли 11 пятидесятников во главе с В. Е. Нужных [2, л. 240]. Вслед за ними ЕХБ покидали и другие ХВЕ. В результате в первом квартале 1950 г. численность ЕХБ Кемерово сократилась на 50 человек [3, л. 140]. В то же время Сталинский горисполком принял решение о лишении регистрации общины ЕХБ. И 120 пятидесятников, большую часть которых составляли реэмигранты из Китая, несколькими группами в разных районах сразу стали собираться отдельно от баптистов [5, л. 135–136; 14, л. 7].

Байдаевскую общину ЕХБ в начале 1950-х гг. покинуло 15 пятидесятников, лидером которых являлся В. П. Новосёлов. Он так же, как и Нужных, повел активную работу по привлечению евангелистов-баптистов в пятидесятническую веру. Новосёлов даже предсказал, что 7 мая 1950 г. состоится второе пришествие Иисуса Христа на Землю. Но когда миновало это число, авторитет Новосёлова среди верующих баптистов был значительно подорван. И пресвитер ЕХБ Мазанный стал убеждать к возвращению в зарегистрированную общину пятидесятников [10, л. 23, 26].

Следует отметить, что главное средство общения с Богом для ХВЕ – молитва. Именно во время моления верующий может получить духовные дары. Так, осенью 1950 г. в Сталинске, в районе Теш-лога, пятидесятники очень громко проводили богослужение «на непонятных языках» – глоссолалии. И для посторонних наблюдателей это выглядело как всеобщая истерия и коллективное помешательство. Предварительно верующие не вкушали 5–7 суток, доведя себя до физического истощения. В таких условиях человек мог легко поддаваться внушению и самовнушению, у него возникали видения, галлюцинации. Многие из верующих после проведения молитвенных собраний – например, молодая беременная женщина из Старокузнецка – были помещены в психиатрическую больницу.

А в одном из сёл под Прокопьевском проживал старик, объявивший себя пророком, и к нему сталинские пятидесятники ходили за пророчеством. М. И. Ершова «получила» таким способом «духа». Но вскоре она сказала, что

всё это выдуманное. И в конечном итоге была исключена из общины [10, л. 46–48]. Таким образом, дары иноговорения, пророчества являются отличительной особенностью пятидесятнической веры. И сами члены общин рассматривали крещение Святым Духом основным её правилом. Об этом говорилось и в «Уставе церкви ХВЕ».

Следует отметить, что деятельность религиозных общин находилась под жёстким контролем местных органов власти. Выбранных пресвитеров зарегистрированных общин ЕХБ уполномоченные СДРК нередко использовали как своих осведомителей. Например, в Кемерово пресвитер С. А. Кирпиченков информировал уполномоченного Совета как о входивших в состав ЕХБ, так и о нелегально действовавших в областном центре пятидесятников. Аналогичную роль осведомителя в Сталинске исполнял К. Г. Орлов, а в Анжеро-Судженске В. А. Салфетников, переехавший в 1950-е гг. в Барнаул и возглавивший там общину ЕХБ. Сотрудничество пресвитеров с органами власти вызывало недоверие не только представителей ХВЕ, но и многих баптистов.

Большинство пятидесятнических объединений не шло на компромисс с ЕХБ. Более того, лидеры направлений ХВЕ стремились распространять свою веру и привлекать новых членов за счет миссионерской деятельности. Особо отличились в этом общины пятидесятников городов Кузбасса. И на протяжении середины 1940 – начала 1950-х гг. увеличивалась численность верующих, а во многих местах возникали новые организации пятидесятников. Пополняли общины как прибывшие в Кемеровскую область спецпоселенцы, так и местные жители, работавшие вместе с верующими на предприятиях, учреждениях. Так, в Анжеро-Судженске группу из 50 пятидесятников возглавлял С. И. Гаврилов, поддерживавший связь с верующим из Кемерово Ф. Ф. Мацкевичем. Последний являлся благовестником, который разъезжал по городам Кузбасса с целью организации пятидесятников [2, л. 72–74]. А в Таштаголе пророчествовал М. Холодов. Он предсказал, что Анжеро-Судженск, имея огромное количество шахт, в скором времени уйдёт под землю. И многие анжеро-судженские верующие переехали в Таштагол. В 1953 г., например, уверовал будущий пресвитер Б. В. Зудерман [16, с. 22]. Таким образом, во второй половине 1940-х–начале 1950-х гг. пятидесятнические общины возросли численно и усилили миссионерскую работу.

Заметно активизировали свою деятельность ХВЕ во время хрущёвской оттепели. После смерти Сталина многие верующие, судимые ранее

по ст. 58 УК РСФСР за антисоветскую деятельность, получили амнистию. Например, в 1956 г. освободился дважды судимый по статьям 58–10 и 58–11 УК РСФСР В. Г. Плоцкий, уроженец Москвы, временно проживавший в г. Шахты Ростовской области. В течение пяти лет он перемещался по многим городам СССР, занимаясь исцелением, и, наконец, остановился в Сталинске (Новокузнецке)¹. С 1957 г. в Кемеровской пятидесятнической общине состоял М. Д. Котельников, который во время Второй мировой войны служил в казачьих частях гитлеровских формирований, боровшихся против партизан во Франции, Югославии, Болгарии. В 1951 г. он был приговорен Военным Трибуналом СССР к 25 годам лишения свободы [17, с. 591, 596], но после сентябрьского (1955 г.) указа Президиума Верховного суда амнистирован. Кроме того, в объединениях ХВЕ находились репатрианты из Германии и судимые по ст. 193 за уклонение от службы в Советской армии и по ст. 54-1 «а» УК РСФСР за измену Родины. Амнистированные верующие становились лидерами и организаторами отдельных групп ХВЕ, и чаще всего их деятельность, как правило, являлась альтернативной к «советскому образу жизни».

Пятидесятники городов и районов Кузбасса, а также других регионов страны были не только связаны между собой общей судьбой, но и имели родственные связи. В трудных условиях они поддерживали друг друга. Например, анжерские ХВЕ, кроме пятидесятников из городов и районов Кемеровской области, постоянно сотрудничали и переписывались с единоверцами из Томска, Красноярска, Барнаула, Караганды, Черногорска Хакасской автономной области, часто посещали близлежащие города. Один из руководителей пятидесятников Анжеро-Судженска И. П. Яшков в марте 1957 г. выезжал в Москву и встречался с пресвитером Ф. С. Романенко. Дети верующих, например, сын Яшкова, являвшийся студентом горного техникума, а также другие родственники принимали водное крещение и становились членами общин [7, л. 116–117].

С середины 1950-х гг. пятидесятнические общины не раз посылали ходатайства об открытии молитвенного дома и регистрации в СДРК, а также главам местных органов власти и в Москву. Особенно в этом преуспели ХВЕ Кемерово, Сталинска, Прокопьевска, Анжеро-Судженска, Юрги. Например, первые заявления анжерского пресвитера С. М. Трусова, а также юргинских руководителей Г. С. Плат, И. И. Головкова, сталинских – Д. С. Косихина,

¹ В ноябре 1961 г. Сталинск был переименован в Новокузнецк.

И. Головань были поданы в Кемеровский облисполком и одновременно отправлены письма к руководству ВСЕХБ. Главной просьбой пятидесятников являлась официальная регистрация СДРК отдельно от ЕХБ. Но после того как незарегистрированные общины ХВЕ получили отрицательный письменный ответ от местных властей, они стали обращаться в Совет Министров, Президиум Верховного Совета, ЦК КПСС. СДРК и руководство ВСЕХБ обосновывали свой отказ в просьбе пятидесятникам тем, что в вероучении имелись положения, исполнение которых приводит к психическому расстройству верующих, и ХВЕ, согласно августовским соглашениям 1945 г., могут быть приняты только в зарегистрированные объединения ЕХБ [7, л. 122, 385; 14, л. 7, 15–16].

В свою очередь в 1957 г. в Кемерово обсуждался вопрос о соединении ЕХБ и пятидесятников. Местным пресвитером ЕХБ К. К. Григоровским был составлен протокол о его беседе с кемеровскими пятидесятническими проповедниками И. С. Гаврилюк, В. Е. Нужных, Е. Котренко [4, л. 33–34]. Однако ХВЕ не шли на компромисс с евангелистами-баптистами. Пятидесятники кузбасских городов заявляли: «С братьями-баптистами вместе собираться мы не можем по причине больших разногласий в духовных понятиях и обрядовых установлениях Священного Писания». Поэтому только небольшая часть пятидесятников присутствовала на богослужениях в молитвенных домах ЕХБ.

Между тем партийные и советские органы развернули широкую антирелигиозную кампанию среди населения. В 1954 г. вышло два постановления ЦК КПСС, непосредственно касавшиеся научно-атеистической работы: «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» (7 июля) и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (10 ноября) [20, С. 67–72]. Следует отметить, что ведущей формой пропаганды долгое время оставалась лекционная работа. Проводилась она специально подготовленными лекторами-атеистами в основном на предприятиях, учреждениях и в большей степени была обращена к неверующим.

В областных, городских и районных газетах был опубликован ряд материалов, говоривших об изуверском, антигосударственном и антиобщественном характере веры пятидесятников. Необходимо отметить, что у пятидесятников не только имели место разногласия верующих, но и даже случались факты выхода из общин. О таких случаях часто упоминалось в средствах

массовой информации, и особо это отмечали в отчётах уполномоченные СДРК. Например, в областной газете «Кузбасс» в сентябре 1959 г. была напечатана статья «Иисус Христос в Таштаголе», а в феврале 1960 г. «Изуверы», которые обличали лидеров кузбасских ХВЕ [19]. После них партработниками было помещено ещё несколько публикаций. Однако научно-атеистическая пропаганда не имела для партийных и советских органов желаемого результата. И, несмотря на неблагожелательность к пятидесятникам со стороны большинства нерелигиозного населения, общин и верующих не становилось меньше. Тем более что в это время объединения ХВЕ, как и другие протестантские течения, активно вели миссионерскую работу.

Кроме этого, происходили конфликты между ХВЕ и соседями-неверующими. В бараках и общежитиях неверующие возмущались пятидесятниками, проводившими богослужения ночью. Так, в марте 1959 г. в Сталинске уполномоченный СДРК по Кемеровской области Г. М. Яровой проводил беседу с Л. И. Цирульниковой, У. М. Парчайкиной, Н. И. Кайдаловым. Все они отвергли культ, исповедуемый пятидесятниками. И за отказ посещать молитвенные собрания верующие говорили Цирульниковой: «У тебя дети нечистые, ты будешь наказана Богом, ты ходишь в кино, а это значит в ад, а мы идём молиться Богу, показывающему нам дорогу в рай». А в Кемерово гражданка М. М. Суглобова рассказывала в облисполкоме, что её после смерти матери несколько раз приглашала на молитвенные собрания верующая заискитимской группы пятидесятников М. Стенчикова. Её руководителем являлся И. Н. Иванов, с которым вместе в школе училась Суглобова. Хорошо зная криминальное прошлое Иванова, она ни разу не посетила собрание [17, с. 499–500, 595]. Таким образом, стороны конфликта не всегда находили компромисс и взаимопонимание. Неверующие жильцы нередко сами, как Цирульникова и Суглобова, «сдавали» местным властям пятидесятников.

В начале 1960-х гг. начался новый этап антирелигиозной кампании, связанный с репрессиями и гонениями «сектантов». К такой категории относились и пятидесятники. Импульсом для этой кампании явились Постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» и Совета министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Согласно им, уполномоченные СДРК усилили свой контроль. А в небольших городах и посёлках местная администрация без санкции прокурора штрафовала пятидесятников и конфисковывала религиозную

литературу. Аналогичный случай произошел в Таштаголе, где председатель райисполкома Гримм составил акт о незаконной деятельности ХВЕ и изъял у пресвитера Б. В. Зудермана Библию. И только после прошения последнего о возвращении собственности Гримм был приглашен в областной центр для оформления прокурором документа о конфискации религиозной литературы в Таштагольский народный суд [17, с. 547–548].

Информацию, справки о конспиративной деятельности пятидесятников уполномоченные СДРК получали во многом благодаря сотрудникам КГБ. В каждой нелегальной общине присутствовали тайные агенты и осведомители, среди которых могли быть даже активные проповедники [1, с. 73–102]. Именно органы госбезопасности владели наиболее полной и объективной информацией о жизнедеятельности ХВЕ и конфиденциальными сведениями об их руководителях и активистах, которыми в ограниченных объёмах впоследствии пользовались, главным образом, уполномоченные, а также партсовработники, пропагандисты, журналисты. Так, в декабре 1962 г. старший оперуполномоченный Управления КГБ И. А. Мекшун предоставил уполномоченному СДРК Г. М. Яровому справку об активистах заискитимской общины пятидесятников в Кемерово, лидером которой являлся И. Н. Иванов, а о новокузнецких – В. К. Рачков [17, с. 595–597]. Кроме них, работу «по разоблачению деятельности» религиозных общин в Кузбассе, в том числе и пятидесятников, проводили офицеры госбезопасности Е. Ф. Шпагин, А. В. Окунев, С. И. Баранов, М. И. Сащенко [см.: 21, с. 200–211]. Последний в 1970-е гг. занимал должность уполномоченного Совета по делам религий по Кемеровской области. ХВЕ не всегда подозревали, что каждый их шаг контролируется спецслужбами.

Под особым вниманием партийных и государственных органов находились верующие, имевшие судимость по ст. 58 УК РСФСР. Нередко проповедников обвиняли в паразитическом образе жизни, и в этот период их осуждали в основном за «тунеядство» (они не могли устроиться на работу). На первый раз менее активных верующих административно предупреждали. А иногда даже проживание в каком-либо населённом пункте без прописки могло служить поводом не только к высылке из него, но и к осуждению на год изоляции. Так, 31 марта 1962 г. в Абашево (окраина Новокузнецка), в момент совместного богослужения 150 баптистов и пятидесятников, был задержан на трое суток местными органами милиции упомянутый выше В. Г. Плоцкий. Освободили его под расписку с предупреждением об ответст-

венности за «тунеядство». Об этом факте уполномоченного СДРК информировал Рачков [17, с. 591].

Наиболее «злостных нарушителей» советского законодательства о культах органы МВД и прокуратуры привлекали к ответственности на основании ст. 142 и 227 УК РСФСР. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественного полезного труда...» давало возможность властям выселять активных деятелей «религиозных сект» в отдалённые места. Например, уже 16 августа в Мысках был осуждён на 5 лет общим собранием завода «Минвата» В. С. Моисеев. А в январе 1963 г. в этом же городе народный суд на основании ст. 227 УК РСФСР приговорил Я. А. Юшко и С. Г. Воронченко также к 5 годам лишения свободы [9, л. 197–201, 220]. В Ленинске-Кузнецком 3 года получили Г. Г. Кренц и И. Ф. Криволенко [8, л. 392]. Кроме того, в начале 1960-х гг. были осуждены и высланы в районы Крайнего Севера кузбасские пятидесятники из Тисульского района В. И. Воробьёв, М. П. Мисютин, В. Г. Гребенкин, В. П. Попов; из Мариинска – Г. А. Середкин, Д. В. Шарапов; из Анжеро-Судженска – С. М. Трусов и И. П. Яшков [9, л. 219–220]. Пресвитер таштагольских ХВЕ Б. В. Зудерман так же, как и анжерский И. П. Яшков, находился в ссылке на севере Томской области [9, л. 220].

В 1964 г. в стране произошла смена руководства. И с этого времени началось постепенное затухание репрессий и гонений на «секты». Советское государство утратило интерес к антирелигиозной кампании и всё больше старалось искать компромисс с религиозными общинами [см.: 1; с. 221, 320]. Однако местные власти не сразу смягчили политику по отношению к верующим. Сначала действуя по принципу «разделяй и властвуй», администрации городов и районов, по наставлению УКГБ, стали больше делать уступок, послаблений умеренной части пятидесятников. Так, уже в 1964 г. из мест заключения досрочно были освобождены анжерские лидеры И. П. Яшков, С. М. Трусов, выступавшие против выезда из СССР. Они, имея огромный авторитет среди верующих, значительно сплотили пятидесятническую общину, и движение «радикалов» заметно угасло.

Следующим шагом Советского государства явился Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г. «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах». На его основании, на «нарушителей» оформляли документы на наложение штрафа. В этот период на местах создавались комиссии содействия контролю за зако-

нодательством о религиозных культах при райисполкомах и горисполкомах, которые контролировали проповеди религиозных общин и составляли письменные акты. В эти комиссии входили депутаты местных Советов, работники финансовых, административных органов, народного образования, активисты, разбиравшиеся в вопросах законодательства о культах. Председателями назначались, как правило, секретари райисполкомов. Например, в Прокопьевске были созданы три административные комиссии, возглавляемые В. В. Ларионовой, В. В. Борисовой, Е. С. Хорошиловой [12, л. 46]. Кроме того, при горкомах действовали ещё и атеистические советы.

Следует отметить, что большинство ХВЕ во второй половине 1960-х гг., как и верующие других протестантских объединений, устало от бессмысленной борьбы с государством и преследований с их стороны, и они теперь искали пути взаимоотношений с властными структурами, старались действовать в рамках закона. ХВЕ согласились на проведение агитаторами атеистических лекций и бесед во время собраний, на запрет участия несовершеннолетних в богослужениях, на отказ от обряда Святым Духом. Только малая часть пятидесятников шла на конфронтацию с местными партийными и советскими органами. Всего несколько человек из них ещё активно изъявляли желание покинуть СССР. И с этого времени наблюдается массовый исход радикальной части ХВЕ из Анжеро-Судженска, Новокузнецка, Прокопьевска и ряда других городов Сибири в Находку Приморского края. Туда переехали, например, И. П. Яшков, Б. В. Зудерман [15, с. 250; 16, с. 108]. В 1967 г. административной комиссией Анжеро-Судженска за нарушение законодательства о религиозных культах был привлечён к ответственности пресвитер местной общины ХВЕ С. М. Трусов [11, л. 36]. В начале 1970-х гг. он находился в соседнем Яйском районе. Проповедник Воронченко также из Анжеро-Судженска переместился в Среднюю Азию [12, л. 83].

На протяжении второй половины 1960-х гг. лидеры пятидесятничества многих городов неоднократно обсуждали вопрос с местными органами власти, а также с пресвитерами зарегистрированных общин ЕХБ о регистрации. В Новокузнецке, в Байдаевке, состоялось региональное внеочередное заседание ВСЕХБ по вопросу примирения евангелистов-баптистов, пятидесятников и меннонитов. Большинство ХВЕ решило не отходить от глоссолалии и омоления ног. Тем не менее, богослужения евангелистов-баптистов некоторые пятидесятники посещали и принимали водное крещение по баптистскому обряду. Однако окончательного объединения ЕХБ и ХВЕ не произошло. Пяти-

десятники в общинах евангелистов-баптистов численно всегда оказывались в меньшинстве и их интересы нередко ущемлялись.

Таким образом, ХВЕ на протяжении 40–60-х гг. XX века находились на полулегальном положении. Многие их обряды (глоссолалия, омовение ног, коленопреклонение, исцеление и др.) являлись неприемлемыми для идеологии Советского государства. Несмотря на запреты, преследования, непонимание и пренебрежение со стороны большинства населения, пятидесятники поддерживали и распространяли вероучение, пополняли свои ряды, осуществляли богослужебную деятельность. Их высокая активность объяснялась не только наличием талантливых организаторов и проповедников, но и огромной солидарностью и сплочённостью самих верующих.

Список литературы

1. Горбатов, А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг. [Текст] / А. В. Горбатов. – Томск, 2008. – 408 с.
2. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 9.
4. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 17.
5. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 23.
6. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 32.
7. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 41.
8. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 47.
9. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 49 А.
10. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 73.
11. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 10. Д. 251.
12. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 11. Д. 131.
13. ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 58.
14. ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 63.
15. Дударенок, С. М. ХВЕ на российском Дальнем Востоке в советский период российской истории [Текст] / С. М. Дударенок // Свобода совести в России. Исторический и современный аспекты : сб. ст. – Вып. 4. – С. 246–262.
16. Зудерман, Б. В. ...Найдёт ли веру на Земле? Повествование христианина веры евангельской [Текст] / Б. В. Зудерман. – Владивосток, 1989. – 112 с.
17. Из рукописного наследия нашего города. Григорий Митрофанович Яровой. Служебный дневник 1959–1963 [Текст] // Страницы истории города Кемерово: в 3 кн. – Кемерово, 1999. – Кн. 3. – С. 497–615.
18. История ЕХБ в СССР [Текст]. – М., ВСЕХБ, 1989. – 624 с.
19. Газета «Кузбасс» [Текст] / 1959. – 20 сент.; 1960. – 28 февр.
20. О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства [Текст]. – М. : Изд-во политической литературы, 1977. – 144 с.
21. Служение отечеству. Воспоминания, статьи, документы. 1917–2005 гг. [Текст]: в 2 кн. – Кн. 2. 1945–2005 гг./ авторы-составители В. В. Онищенко; Управление ФСБ РФ по Кемеровской области. – Кемерово, 2005. – 896 с.
22. Сосковец, Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX века [Текст] / Л. И. Сосковец. – Томск, 2003. – 348 с.

И. Л. Левина, свящ. Алексей (Нагорный), Ю. Н. Черных

ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия»,
г. Новокузнецк,

МРО «Новокузнецкая православная духовная семинария», г. Новокузнецк

СКОЛЬКО ХРАМОВ НУЖНО ГОРОДУ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД?

В статье рассматриваются вопросы доступности храмовых учреждений для верующих жителей г. Новокузнецка, а также освещается история строительства самого крупного православного собора Западной Сибири.

Как любой современный город, Новокузнецк – место проживания людей самых разных религиозных конфессий, среди которых самой многочисленной является православие. Для православных в городе функционируют Спасо-Преображенский собор, полтора десятка церквей, несколько часовен и домовых храмов – всего 19 приходов. Достаточно ли этого количества приходов для всех православных верующих? Ответить на этот вопрос однозначно нельзя. Если зайти во время богослужения в любой храм в будний день, то можно найти там не более двух десятков молящихся, среди которых преобладают старушки. И тогда ответ на поставленный вопрос будет утвердительным – храмов более чем достаточно! Но стоит попробовать «пробиться» в любой храм на праздничное богослужение, особенно на Пасху, и тогда станет ясно, что храмов явно недостаточно.

Попробуем провести элементарные расчёты, исходя из данных статистики. По самым разным источникам, доля православных среди россиян достаточно стабильна и составляет примерно 57–62 %. Учёные считают, что конфессиональный состав России почти не изменился с дореволюционных времен: 58 % граждан страны – православные, 5 % – мусульмане, 2 % относятся к другим христианским конфессиям, буддистов – менее 1 %; правда, неверующих стало больше – 31 % [1]. В г. Новокузнецке, по данным проведённого в 2008 г. социологического опроса трёх целевых групп – педагогов общеобразовательных школ, учащихся 7–11 классов и их родителей – доля православных несколько больше [2]. Значительная часть опрошенных взрослых (80–81 %) считают себя верующими людьми, идентифицируют себя с христианством и православием. Лиц мусульманского вероисповедания среди опрошенных взрослых не более 2 %, иудеев нет, лишь изредка в анкетах родители указывали на принадлежность к другим нехристианским течениям.

Доля неверующих среди учителей составляет 15 % и 27 % – среди родителей учащихся. Среди последних доля сомневающихся равна 15 %. Подавляющая часть детей – крещёные, однако верующими себя считают только 26 % подростков. В то же время неверующих среди них – 32 %. Достаточно много подростков (41 %), сомневающихся в твёрдости своей веры (ответы типа «когда как», «верю в душе, но в церковь не хожу», «сомневаюсь» и т. д.).

Население города Новокузнецка в 2010 г. составляет 563,5 тыс. жителей [3]. Доля православных – примерно 60 % от всего числа проживающих в городе, т. е. около 338 тысяч человек. По данным исследования М. Тарусина, среди людей, считающих себя православными, посещают храмы несколько раз в год и чаще примерно 29 % и раз в год – ещё 21 % [4]. Исходя из этих данных, можно предположить, что 98 тысяч новокузнецчан могут посещать храмы несколько раз в год, а ещё 72 тысячи – хотя бы раз в год. Каждый приход имеет «пропускную мощность» верующих, как правило, не превышающую 500–1000 прихожан (не одновременно, а при периодическом посещении в течение определённого периода). Пропускная способность прихода зависит от размера, местоположения храма и от того, каким количеством населения он окружен в радиусе доступности. Несложный расчёт показывает, что на 19 православных приходов г. Новокузнецка приходится в среднем по 9 тысяч человек, что в несколько раз превышает их расчётную пропускную способность.

Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что количество действующих православных храмов для такого крупного промышленного города, как Новокузнецк, явно недостаточно. Частично эта проблема будет решена в 2012 г. с пуском собора Рождества Христова (Христа Спасителя). Этот собор станет самым большим в Западной Сибири, он сможет одновременно вместить до 2,5 тысяч прихожан.

История будущего собора тесно связана со спецификой Новокузнецка как шахтёрского города. В декабре 1997 г. на шахте Зыряновская, что в Орджоникидзевском районе, произошёл взрыв, в результате которого погибли 63 шахтёра. На следующий день на место трагедии прибыли премьер-министр России В. С. Черномырдин и губернатор Кемеровской области А. Г. Тулеев. В своем выступлении, которое транслировалось по телевидению, глава правительства обещал помочь семьям погибших шахтёров и в их честь на государственные средства построить православный храм. Обещанные средства были выделены в конце 2000 г. ГлавУКСу г. Кемерово на проектирование

и строительство храма-мемориала погибшим шахтёрам шахты Зыряновская. Как выяснилось позже, эти средства были выделены на закрытие шахты в связи с невозможностью продолжать дальнейшую добычу угля на ней.

В конце декабря 2000 г. между проектным институтом «Кузбассгражданпроект» и ГлавУКСом был заключён договор на проектные работы по православному храму-мемориалу погибшим шахтёрам шахты Зыряновская. Архиепископ Софроний благословил для проектирования эскиз архитектора В. Н. Усольцева (рисунок 1).

Рисунок 1 – Собор Рождества Христова в проекте

В конце января – начале февраля 2001 г. строительной компании «Юж-кузбасстрой» были выданы чертежи свайного поля. С этого началось строительство храма. По ходу строительных работ параллельно выдавалась проектная документация на следующие разделы проекта. Строительные работы продолжались до середины 2002 г., после чего стройка была заморожена, строительные работы прекратились. Проектные работы полностью были завершены в начале 2003 г. и выданы заказчику – ГлавУКСу г. Кемерово. Из строительных работ был выполнен только нулевой цикл.

В 2008 г., по благословию Преосвященнейшего епископа Аристарха, создан благотворительный фонд «Собор Рождества Христова», на средства которого вновь были начаты строительные работы. По словам протоиерея Виктора Буглакова, благочинного III-го Новокузнецкого благочиния, на тер-

ритории которого ведётся строительство собора, его финансирование осуществляется всем миром: «...у нас есть прихожане, они с пенсии определённую сумму ежемесячно жертвуют» [5].

18 августа 2008 г. на строительной площадке храма состоялся молебен, приуроченный к возобновлению строительства. К октябрю 2010 г. возведены стены, установлены луковицы малых куполов, идёт активная подготовка к зиме. Внешняя отделка почти завершена, строители вставят¹ временные окна и двери, запустят отопление и начнут внутреннюю отделку. Большой купол диаметром 18 м и высотой 28 м будут облицовывать не на земле, как все остальные купола, а на высоте пятнадцатипятиэтажного здания. Из-за большого веса (40 т) наверх его поднять просто невозможно. С ноября 2010 г. в алтарной части храма к работе приступят художники. Иконописцы из Москвы и Новосибирска уже разработали проекты будущих иконостасов для собора. За ходом строительства и расходованием собранных денег следит специально созданная комиссия, а контроль осуществляют мэр города Новокузнецка и губернатор области. В мае 2012 г. собор должен освятить Святейший патриарх Кирилл.

Собор Рождества Христова станет центром православной жизни г. Новокузнецка, но и он не сможет решить всех проблем православных верующих, особенно проживающих в таких районах города, как Новоильинский, Заводской, Центральный. Добраться даже раз в году после Всенощной службы, например, на Богоявление, домой в Новоильинский или Заводской район из Орджоникидзевского района города будет практически невозможно при отсутствии собственного транспорта.

Современному человеку, ищущему не только бытовой комфорт или способ веселого времяпрепровождения, очень важно обрести смысл своего существования, духовные основы своей жизни. Для этого нужно такое место, где его ждёт встреча с Богом, – нужен храм. И храм нужен не на другом конце города, а рядом, куда можно и забежать на пять минут, и всей семьёй прийти на праздничное богослужение, и зайти помолиться в тишине и покое. Чем больше будет храмов, и не только православных, в стране, постепенно выздоравливающей от недуга безбожия, тем быстрее будут решаться и другие проблемы.

¹ Речь идёт о ситуации начала ноября 2010 г., когда версталось настоящее издание. – *Примеч. науч. ред.*

Список литературы

1. Конфессиональный состав населения России [Электронный ресурс] // Благовест-инфо. Режим доступа: <http://www.otechestvo.org.ua/vesti/20052/v411.htm>. – Дата доступа: 1 ноября 2010 г.
2. Левина, И. Л. К проблеме введения предмета «Основы православной культуры» в школах г. Новокузнецка / И. Л. Левина, Н. М. Стукова, Н. М. Ожогина // Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города и горожан [Текст]: мат. Всерос. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 14 ноября 2008 г.) / под общ. ред. Ф. И. Иванова; отв. ред. И. П. Решикова, Е. Б. Макарьева; НФИ ГОУ ВПО «КемГУ». – Новокузнецк, 2008. – С. 328–337.
3. Город Новокузнецк [Электронный ресурс] // Википедия – Открытая энциклопедия. Режим доступа: <http://www.wikipedia//wiki>. – Дата доступа: 31 октября 2010 г.
4. Тарусин, М. Исследование «Религия и общество» [Электронный ресурс] / М. Тарусин // Институт общественного проектирования. М., 2005. – Режим доступа: <http://news.ctc-kuzbass.ru/blog/news/286.html>. – Дата доступа: 1 ноября 2010 г.

А. Н. Полухин

ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия»,
г. Новокузнецк

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРОДЕ НОВОКУЗНЕЦКЕ

В статье высказывается точка зрения на проблему развития высшей школы г. Новокузнецка. Описывается модель решения застаревших проблем в этой сфере.

Хотелось бы прокомментировать некоторые положения «Комплексной программы социально-экономического развития города Новокузнецка». Меня в первую очередь заинтересовала та её часть, в которой я считаю себя специалистом, а именно высшее образование (над этой темой я думаю очень давно). Прочитав программу, я понял, что в ней нет тех нужных в этой сфере комплексных долгосрочных мер, которые необходимо предпринять. Наша высшая школа в городе Новокузнецке нуждается в глубоком реформировании. Ею никто последние двадцать лет системно не занимался. Она развивалась хаотично. В городе нет приличных высших учебных заведений. Расплодилось филиалы, которые штампуют дипломы безграмотности, собирают деньги и отнимают у нормальных вузов абитуриентов (по личному опыту

знаю, что часто этими филиалами владеют случайные люди, для которых это семейный бизнес, как какая-нибудь закусочная или булочная).

Зачем это надо решать городу? Уровень кузбасских вузов низкий (а нашего города – в особенности), они занимают в своих профессиональных нишах вторую половину общероссийских рейтингов. Всё это пагубно сказывается на городе и населении. В городе Новокузнецке низкий уровень культуры, у населения на лицах не хватает осмысленности. Отсюда высокая смертность в городе (идет вымирание основного трудоспособного населения), некомфортность проживания, отток полезного культурного населения из города (люди жалуются, что не хотят жить с так называемыми гопниками и быдлом), неспособность уйти от проблемы моногорода (какие кадры будут это воплощать в жизнь?) и т. д. Практика показывает, что молодёжь остаётся в тех городах, где она учится. За хорошим образованием лучшая молодёжь города уезжает в другие города и часто не возвращается. В этом проблема. В городе есть порочная цепочка: низкий уровень вузов порождает недостаточный уровень знаний и культуры у выпускников, что негативно сказывается на всех сферах жизни города.

Автор исходит из того, что простые капиталовложения в эту сферу не принесут должного эффекта. Слишком сложные и серьёзные у нас проблемы. Можно привести простой пример из истории города. Наш СибГИУ в советское время получал баснословные финансовые вливания. Министерство чёрной металлургии СССР, где на руководящих постах сидели выпускники этого вуза, хорошо финансировало свой профильный вуз. Редкий вуз Сибири, да и России, может похвастаться своим кампусом, который занимает целый квартал в городе, величественными корпусами и т. д. По сути, СибГИУ тогда являлся аналогом какого-либо нынешнего национального или федерального университета. Финансов вуз этот получал немало, а много ли толку от него сейчас? Конечно вуз этот, как и все кузбасские вузы, полезен, функционален. У него огромное число прославленных выпускников (от их числа в глазах рябит). Но этот вуз не стал подлинным центром инноваций, науки и культуры. Не стал он локомотивом высшего образования в регионе. Не стал основой для классического университета. Рейтинги его по России низкие. В вузе развита коррупция (постоянно слышу в маршрутках города, как студенты в открытую обсуждают, кто сколько кому дал и т. д.). В газетах бывают объявления: «Требуются на работу, но с дипломами СибГИУ не обращаться». Проблемы СибГИУ можно перечислять и далее. Не лучше порой выглядят

и другие вузы Новокузнецка, у которых не было масштабных финансовых вливаний.

Что нужно поменять в городе? Две вещи: начать **заниматься кадрами и создать классический университет.**

Почему надо сознательно заниматься кадрами? Хороший вуз напоминает хороший монастырь. Монахи в таком монастыре ведут праведную жизнь, активно молятся, своей психической энергией заряжают окружающее пространство. На эту благодать спешат толпы паломников, дабы очиститься, восстановить душевные силы, внутренне преобразиться. В мирской повседневной жизни это сделать сложно. Так и в хорошем вузе преподаватели занимаются наукой, активной творческой деятельностью. Они излучают своеобразную «святость» и заражают этим студентов, формируют у окружающих иной тип мышления, основанный на демократичной культуре, глубоких знаниях и высокой социальной мобильности.

Какие же вузы-«монастыри» у нас в городе? Трагедия Кузбасса и Новокузнецка в том, что любая высокая университетская, академическая культура, попадая в наш город, вырождается и деградирует. Тут можно привести примеры многих новокузнецких факультетов, где полвека назад были преподаватели из Москвы, Ленинграда, Томска. Всё было там нормально, а потом, когда приходили местные, наступала деградация. Почему так? Эту университетскую культуру ежесекундно атакует наша городская уголовно-пролетарская среда. Она воспитывает людей! *Она* меняет души, а не вуз-«монастырь». В результате происходит деградация всего. Без специальных комплексных мер эту агрессивную местную уголовно-пролетарскую среду не победить. От того, насколько продуктивной будет борьба с ней, зависит успешное будущее города Новокузнецка.

Как эту среду побеждать? Как можно наладить воспроизводство высокой университетской культуры? Две вещи необходимо реализовать: **менять кадры и строить кампусы.**

Город на многие десятилетия должен принять программу такого развития. Необходимо приглашать на работу в Новокузнецк докторов и кандидатов наук из ведущих вузов страны (это вузы Томска, Новосибирска, Екатеринбурга, Москвы и Санкт-Петербурга). Как приглашать? Предлагать им квартиры безвозмездно в собственность, заключать с ними долгосрочные контракты. Только квартиры надо давать в центре, где публика попрличней, или в районе кампуса, иначе люди сбегут. У нас в вузе такая приглашённая

доктор наук недавно уехала: психика не выдержала трёх годов проживания в дальнем Куйбышево (это горькая правда нашего города). Ситуация облегчается тем, что в таких подлинных университетских центрах довольно много хороших научных кадров со степенями, а жилья и достойной работы у них нет. Они охотно за квартиру поедут куда угодно. Нефтяные города севера, которые открыли много вузов, этим активно пользуются. Их опыт нам будет полезен. Для города выделять десять квартир в год не будет разорительно. Ещё неизвестно, что важнее: лишняя тонна металла и угля или одухотворённый, в чём-то смешной учёный, который в стенах вуза будет менять, облагораживать психологию людей. К тому же кандидаты и в особенности доктора наук нужны для аттестации наших вузов. У многих из них с этим есть проблемы. Планомерное распределение этих кадров по нашим четырём стационарным вузам, где есть бюджетные места, может серьёзно помочь им.

Поскольку, как уже было сказано, академическая среда у нас не самовоспроизводится, как надо, в выпускниках, то завозить такие кадры нужно очень долго – десятилетия. Иначе деградация продолжится. Другого пути нет. Кстати, в советском прошлом лица из горкома партии ходили по квартирам вузовских преподавателей и узнавали, что им надо (например, по квартирам и домашней мебели вопросы решали). В городе некоторый опыт уже был. Решение этой проблемы надо сделать более системным, чем в советское время, тогда будет результат.

Теперь о кампусе. КузГПА и НФИ КемГУ не имеют кампусов – это плохо. Без них создать современные вузы не получится. Достаточно сказать, что современные западные стандарты образования, к которым стремится Россия, основаны на процессе самообучения: немного лекций и самоподготовка в библиотеках, плюс занятия спортом. Как эта модель может работать в Новокузнецке, если студенты у нас полтора часа до места учёбы и полтора обратно (итого три часа) добираются с окраинных районов и из соседних городов, которые являются, по сути, спальными районами Новокузнецка. Ни один из городских вузов не имеет отдельного здания библиотеки с обширными читальными залами, что нужно для самообразования. Корпуса большинства вузов разбросаны по городу (несколько бывших детских садов можно освободить!). Какое тут самообразование и занятие спортом?.. Если кампус не построить, то новокузнецкие вузы обречены на вечное отставание.

Кампус нужен и по другим причинам. Для успешного развития любой университетской культуры необходимо изолированное от окружающего мира

пространство, «гетто». Только там такая культура может развиваться. В этом секрет отдельных городов-университетов Оксфорда, Кембриджа. В Сибири Академгородок в Новосибирске – закрытое «гетто» для науки, Томск – целый «город-гетто» для университетов. Отсюда успех. Для нашего уголовно-пролетарского города это сверхактуально! Есть и причины со стороны госбезопасности для строительства подобных объектов. Молодёжь любит повольнодумствовать, побузить. Ну и пусть занимается этим в образовательном гетто. И революций меньше! Расположение вузов в крупных городах России – крупнейшая историческая ошибка, идущая с царских времен.

Важен внешний вид кампуса. Кампус должен быть в парковой или лесной зоне. Никаких помпезных, громадных зданий. Гигантские корпуса СибГИУ – это ошибка! Они психику подавляют, не настраивают на рабочий, творческий лад. Достаточно отдельно стоящих трёх-четырёх этажных корпусов. Архитектура должна быть простой, но со вкусом (как в Бостоне, Томске и других подобных городах). Пару парадных зданий можно сделать с красивой архитектурой. Я бы, ради успеха дела, даже не побрезговал каким-нибудь искусством фэн-шуя при определении местоположения кампуса. Нужно досконально продумать всё! Мелочей тут не бывает!

Теперь о том, как бы я изменил у нас сами высшие учебные заведения. СибГИУ должен остаться на месте. Он как раз часть того «национального центра горной и металлургической промышленности (г. Новокузнецк)» в принятой правительственной «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года». В таком ключе его надо развивать, под эту стратегию требовать от правительства финансирования. Должен сохраниться КузГПА – этот старейший гуманитарный вуз области. Смысл педагогических вузов в том, что без них в условиях России невозможно будет подготовить нормальные учительские кадры для школ. Те проекты, которые хочет реализовать наш президент Д. А. Медведев (речь идёт о реорганизации педвузов), утопичны, так как рассчитаны на западные стандарты. Там выпускники университетов идут работать в обычные школы, где есть достойные зарплаты. Ну не будет достойных зарплат в российских школах в ближайшие десятилетия. Выпускники наших университетов туда не пойдут. Без педвузов, готовящих дешёвые учительские кадры для школ, нам пока никак.

Помимо этих вузов, в городе должен появиться полноценный классический городской университет, а не филиал КемГУ (любая филиальность губит). Это нонсенс, что в таком крупном городе России до сих пор нет своего

классического университета (необластные центры Магнитогорск, Тольятти, Череповец и др. его имеют)! Удивительно, что такой простой идеи не оказалось в программе развития города. Как его создать? На основе существующих вузов и передовых подходящих факультетов других вузов Новокузнецка. Штаты и бюджетные места не раздуваются при этом. В классический городской университет должен влиться НФИ КемГУ. Сам этот филиал-институт пока не может быть аналогом классического университета по следующим причинам: 1) там очень мало бюджетных мест (в России нет и не будет полноценной культуры платного образования); 2) ограниченный круг специальностей (городу нужна более широкая номенклатура специальностей, а не только юристы да экономисты). Также необходимо посмотреть, какие подходящие и дееспособные факультеты есть в СибГИУ и КузГПА. Их необходимо перевести в состав этого университета. В этом новом университете обязательно должен быть медицинский факультет, созданный на базе ГИДУВа, так как врачей в городе не хватает.

Никто не говорит, что в Новокузнецке (это четырнадцатая агломерация в России) надо создавать вузы мирового уровня. Нет смысла лепить тут гигантский федеральный университет. Не об этом речь. Для гармоничного развития города необходимы просто нормальные городские высшие учебные заведения. При разумном подходе это вполне достижимо. Модель «город при заводе» исчерпала себя.

Д. М. Токмашев

ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия»,
г. Новокузнецк

КУЗБАСС КАК БУФЕРНАЯ ЗОНА: ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕУТОВ)

В работе рассматривается этнополитическая ситуация на юге Западной Сибири в Обско-Енисейском ареале в XVII – начале XVIII вв. Анализируются историко-географические предпосылки формирования буферной зоны территории современного Кузбасса как точки пересечения социокультурных систем и роль отдельных миноритарных этносов в этом процессе.

Буферная зона – термин, принадлежащий целому ряду научных парадигм, который в общем смысле обозначает область перехода от одного типа континуума с присущими ему отношениями к другому. В комплексе общественных наук под буферной зоной понимается особая контактная зона, где сталкиваются интересы различных социокультурных систем. Исходя из этого определения, можно констатировать, что юг Западной Сибири и особенно территория современного Кузбасса в позднем средневековье (XVII–XVIII вв.) представляли собой типичную буферную зону как в географическом, так и в этнополитическом отношении.

С точки зрения географии феномен буферной зоны территории современного Кузбасса обусловлен её ландшафтно-климатическими особенностями. Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау, будучи предгорьями Алтая, чётко маркировали переход степного и лесостепного ландшафтов в горно-таёжный, что влияло на тип хозяйствования. Так, у отдельных народов внутри зоны он носил переходно-смешанный характер, от экстенсивного кочевого скотоводства до осёдлого собирательства и пешей охоты (телеуты, саянские кыргызы) [1, с. 122-123; 3, с. 21], в то время как этносы, проживавшие на периферии буферной зоны, часто имели узкопрофильный тип хозяйствования – охота, сбор дикоросов, в меньшей степени – мотыжное земледелие и рыбная ловля (северные алтайцы, шорцы). С этнополитической точки зрения буферная зона современного Кузбасса в позднем Средневековье была образована пересечением интересов крупных, средних и мелких этнополитических образований, где главную роль играло противостояние Российской империи и западно-монгольского государства – Джунгарии.

Освоение сибирских земель русскими казачьими отрядами началось в XVI в. с образованием цепи форпостов – русских острогов, расположенных в излучинах крупных рек. В XVII – начале XVIII вв. основными центрами военно-политического влияния России на территории Кузбасса и прилегающих к нему районов являлись Кузнецкий и Томский остроги, где располагался административный центр Томской губернии, куда входила и российская часть Алтая. Ср.: «...весь XVII век был заполнен борьбой ойратских и «мунгальских» феодалов (западных и восточных монголов – *Д. Т.*) за преобладание в Центральной Азии, приведшей к мощной ойратской экспансии в юго-западную Сибирь», и далее: «Сибирские воеводы с большим трудом сдерживали напор ойратских орд: цепь острогов, прикрывавшая русские уезды с юга,

была более чем редкой, а от Тары до Томска граница была практически открыта, так как тут не было ни одного русского острога» [2, т. 1, с. 114–115].

Кузнецкий острог, таким образом, был самым южным рубежом русского влияния в этой зоне, что и привлекало к нему пристальное внимание окружающих его феодально-кочевнических государств, в первую очередь – джунгаров. Так, в претензиях джунгарского хана к России значится: «...в прежние времена границы между Всероссийскою империею и владениями их (джунгаров – Д. Т.) учинены были с теленгутами вблизи тамошних мест, им подчиненным народом вблизи тамошних мест кочевавшим вдоль по реке Иртышу по Омь реку, и будто там и засека была, а в другом месте под Кузнецким уездом за границу положена была речка Уень или Черная Омь, которая впала в реку Обь, и при том поставлено было, что с обеих сторон далее не переходить и будто на тех землях жили их люди; но с российской стороны переступя оные границы, построены Томск, Кузнецк, Красноярск...» [1, с. 178–179]. Характерен и ответ Москвы, что «...в тех местах границ, засек и иных знаков никогда не было... и все те земли исстари к Российской империи принадлежат и города на оных Томск, Кузнецк и Красноярск построили с Российской стороны издавна» [1, с. 179].

Фрагменты переписки демонстрируют, во-первых, спорный характер самих земель, входящих в буферную зону России и Джунгарии, а во-вторых, спорную принадлежность проживающих на ней народов к сфере военного-политического влияния двух держав-соперников. Этнополитическая карта этих территорий, на которые упорно притязала Джунгария и которые так же упорно защищала Россия, была достаточно пёстрой. Севернее Томского острога располагались не входящие, по сути, в околокузнецкую буферную зону территории южных самодийцев и кетов, на юг и юго-запад – поселения сибирско-татарских племен – эуштинцев, чатов и барабинцев. Между средним течением Томи и Оби в районе Кузнецкого острога находились так называемые «степные волости», где расселялись племена аз-кештым, тогул, тагап и керет, впоследствии ассимилированные телеутами. Южнее Кузнецка, в горнотаёжной области, проживали северные алтайцы и шорцы, дальше на юг и юго-запад вдоль Иртыша – саянцы и орчаки (предки тувинцев). Южнее Иртыша кочевали джунгары (чёрные калмыки).

Обь-Иртышское междуречье в позднем средневековье принадлежало телеутам – тем самым «теленгутам», о которых упоминала Россия Джунгария как о «своём народе» в претензиях на их территории. Субстрат телеутов

составляли группы южных алтайцев – потомков *теле*, древних кочевников Центральной Азии. Исторически телеуты расселялись в Горном Алтае, начиная с XVI в. были вытеснены западными монголами в Верхнее Приобье, где кочевали по притокам Оби и Иртыша. С усилением военно-политического влияния России и давления Джунгарии отдельные группы телеутов переселились в район Кузнецкого острога и на реки Большой и Малый Бачат, впадающие в р. Иня (правый приток Оби). На рубеже XVIII–XIX вв. основная часть телеутов обитала уже по рекам Большой и Малый Бачаты (территория современной Кемеровской области). В течение XIX в. происходила ассимиляция телеутами ач-кыштымов, тюльберов и других тюркоязычных племен, живших в Кузнецкой котловине. При их смешении образовалась новая локальная этнографическая группа – *бачатские телеуты*, в настоящее время компактно проживающая в Беловском районе Кемеровской области и в пригороде Новокузнецка.

Но в рассматриваемый период (XVII–начало XVIII вв.) телеутские князья ещё пытались отстаивать независимость «телеутской земли», как называлась территория их расселения в русских летописях и чертёжных картах. Крупнейший исследователь истории телеутов в указанный период А. П. Уманский отмечает: «Телеутская земля сыграла заметную роль в жизни своих тюркоязычных соседей – сибирских татар, северных алтайцев, шорцев, тувинцев, енисейских кыргызов. Фактически большую часть XVII в. она удерживала в своих руках своего рода гегемонию в Обь-Иртышском междуречье...» [2, т. 2, с. 212].

На деле это проявлялось в политике лавирования, применяемой телеутскими князьями. Не желая терять охотничьи и промысловые угодья, а главное – власть над более мелкими родоплеменными объединениями Саяно-Алтая, с которых они собирали дань, они выбирали удобный момент для поддержания то России, то Джунгарии. В то же время зарождавшиеся феодальные отношения внутри родоплеменной общины самих телеутов вынуждали отдельные телеутские семьи переселяться в русское подданство под защиту Кузнецкого острога – отсюда сообщения о «людях колмацких, выезжих на государево имя».

Кроме России, Джунгарии и «Телеутской земли», в буферной зоне отмечена активность: тарские, барабинские татары, которых хан Кучум и его потомки пытались использовать (при участии телеутов) в своих планах по возрождению Сибирского ханства, павшего в результате русского про-

движения за Урал. К середине XVIII в. Джунгария была разгромлена цинским Китаем, и народы Саяно-Алтая, входившие в сферу ойратского влияния, добровольно перешли в российское подданство.

Таким образом, территория Кузбасса исторически находилась в самом центре столкновения этнополитических интересов Востока и Запада, что, несомненно, наложило отпечаток на дальнейшую историю региона и определило судьбы многих этносов, проживающих на территории буферной зоны.

Список литературы

1. Потапов, Л. П. Очерки по истории алтайцев [Текст] / Л. П. Потапов. – М.; Л., 1953. – 444 с.
2. Уманский, А. П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII вв. [Текст]: в 2 ч. / А. П. Уманский. – Барнаул, 1995.
3. Худяков, Ю. С. К вопросу о хозяйственно-культурном типе енисейских кыргызов в эпоху средневековья [Текст] / Ю. С. Худяков // Этнография народов Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 18–24.

А. Р. Топорова

Новокузнецкий колледж искусств, г. Новокузнецк

ШОРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА КУЗНЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ: ПРОЯВЛЕНИЕ ФРОНТИРНОСТИ СЕГОДНЯ

В статье исследуется взаимодействие культур русского и шорского населения на Кузнецкой земле.

Колонизация Сибири интересовала исследователей с XVIII века. Начало научному освещению русской колонизации Сибири было положено трудами Г. Ф. Миллера [2]. В работах дореволюционного периода в основном вопрос колонизации рассматривается с точки зрения развития Российского государства: освоения новых земель, развития пушного и лесного промыслов. Мало внимания уделялось вопросам этнического и конфессионального взаимодействия русских с коренными жителями Сибири. Так, например, в труде известного историка XIX в. Н. М. Карамзина освоение Сибири упоминается лишь в связи с походом казачьего отряда Ермака.

Выделение новой этнической общности на сибирской земле выявил только А. П. Щапов. Использование им термина «великорусский-инородческий тип» фактически указывает на поднятие вопроса о фронтально-

сти территории Сибири, хотя такой термин автором и не употреблялся [5, с. 31–55].

Одним из коренных народов Кузнецкой земли являются шорцы. Современные шорцы – это тюркоязычный народ, проживающий на юге Кемеровской области. Впервые предки современных шорцев повстречали русских в начале XVII в. (1607–1617). Это были шорцы-абинцы, проживавшие тогда в низовьях Кондомы и по речке Абе. Они познакомились с ведением хозяйства, бытом и религией русского населения.

В трудах советского периода (С. В. Бахрушин, А. А. Преображенский, А. П. Окладников [1, 3, 4]) характеризуется быт коренного населения Сибири и влияние на него пришлого населения. Сегодня это влияние только усиливается. На территории Горной Шории действуют многочисленные горнолыжные курорты. Незначительные шорские поселения уходят вглубь тайги, к устьям рек. Меняется и быт шорских семей. Так, например, ещё в конце XIX – начале XX вв. у шорцев бытовало несколько исторически сложившихся типов жилья: летний шалаш – одаг, срубная бревенчатая юрта – чайлыг; сегодня же шорцы всё чаще прибегают к строительству русских срубных изб, используют при строительстве купленный в городах инструмент. На смену традиционной национальной одежде уже в конце XIX – нач. XX вв. приходят ситцевые рубахи, суконные штаны, пиджаки, пальто, сапоги. А сегодня в шорских сеоках легко встретить местных жителей, одетых в пуховик или джинсы.

Однако фронтирность как проявление борьбы двух цивилизаций, пусть и со всегда известным заранее исходом, проявляется сегодня и в обратную сторону: среди русского населения Кузнецкой земли возрастает интерес к элементам шорской культуры. На столах современных хозяек можно увидеть чай и травы Горной Шории, вошли в моду «новые» шорские шаманы, которые делают чехлы для сотовых телефонов из свалянного вручную войлока.

Осознание Кузнецкой земли как фронтальной зоны накладывает на нас ответственность за то влияние, которое мы оказываем на культуру шорского народа. В то же время мы должны понимать, что фронтальная зона – это, прежде всего, зона культурного развития. Мы должны перестать воспринимать Кузнецкую землю как источник природных ресурсов и зону экстремального туризма, а коренных жителей – как объект социальной защиты.

Должно произойти политическое осознание Кузнецкой земли как фронтальной зоны, это необходимо для её экономического и культурного развития.

Список литературы

1. Бахрушин, С. В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков [Текст]. В 4 т. Т. 3. Ч. 1 / С. В. Бахрушин. – М. : Издательство АН СССР, 1955.
2. Миллер, Г. Ф. История Сибири [Текст]. В 3 т. Т. 1, 2 / Г. Ф. Миллер. – М. : Восточная литература, 1999.
3. Преображенский, А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века [Текст] / А. А. Преображенский. – М. : Наука, 1972.
4. Окладников, А. П. Открытие Сибири / А. П. Окладников. – М. : Молодая гвардия, 1979.
5. Щапов, А. П. Историко-географическое распределение русского народонаселения [Текст] / А. П. Щапов // Собр. соч. в 4 т. – СПб. : Издание М. В. Пирожкова, 1906. – Т. 2.

**ПЕРЕХОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СФЕРЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ**

А. Ю. Ващенко

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЮЖНО-КУЗБАССКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы формирования южно-кузбасской агломерации в контексте современных социально-экономических, демографических тенденций в Кузбассе и в России в целом.

Настоящее время характеризуется значительным ростом общественного интереса к проблемам урбанизации. Это обусловлено стремительными темпами и масштабами развития урбанизации в современном мире, ростом её воздействия на трансформацию расселения и социально-экономические проблемы городов. Не обошли стороной эти процессы и Южный Кузбасс.

Основным фактором процесса урбанизации в Кузбассе выступила промышленность, преимущественно добывающая и тяжёлая. Урбанизация развивалась на волне индустриализации. Промышленность породила большую часть новых городских поселений и среди них большинство монофункциональных, узкоспециализированных центров, как правило, угольных. Именно промышленность обуславливала быстрые темпы их роста, при этом рост существенно опережал развитие. Можно сказать, что промышленность, получая значение приоритетной отрасли, подчас лишала ресурсов другие виды деятельности.

По уровню урбанизированности территорий Южный Кузбасс занимает одно из первых мест в России. Индустриальный характер процесса урбанизации обусловил появление наагломерационных форм расселения.

В мировом процессе урбанизации выделяют три последовательных стадии. Первая стадия – концентрация населения в городах, где преобладают «центростремительные» тенденции в расселении, которая в США и Западной Европе продолжалась до 50-х гг. XX в. Для второй стадии (субурбанизации) характерны «центробежные» тенденции в расселении и в развитии городских агломераций (60–70-е гг. XX в.). Отток населения в пригороды охватил, прежде всего, имущие слои горожан, а также пожилых людей, которые особенно чутко среагировали на ухудшение качества городской среды, рост преступности и другие социальные явления, проявляющиеся в ядрах агломераций.

Переход к третьей стадии произошёл после 1970-х гг., когда замедлился рост городских агломераций. Возникают наагломерационные системы расселения. Вслед за оттоком населения из ядер агломерации в пригородные зоны перемещаются торговля, сфера обслуживания и приложения труда. Небольшие города и пригородные районы получают новый толчок в своем развитии, что обусловлено более низкими ценами на землю и недвижимость, дешёвой рабочей силой и благоприятной экологической обстановкой.

Если в экономически развитых странах эти процессы в целом завершены, то для большинства российских городов и, в частности, для городов Кузбасса эти процессы всё ещё длятся. Сложилось мнение, что города России, в том числе и Южного Кузбасса, находятся на первой стадии. Однако современные тенденции в развитии городов Южного Кузбасса позволяют иначе взглянуть на эту проблему.

В большинстве своём города нашего региона исчерпали территории для городского и жилищного строительства. Это обусловлено также и инженерно-геологическими условиями. Качество экологической обстановки в городах Южного Кузбасса, желание иметь своё жильё за городом, но в пределах транспортной доступности стали толчком для активного оттока городского населения в пригородные зоны. Вокруг Новокузнецка появляются новые коттеджные посёлки. Происходит объективное «расползание» малоэтажной жилой застройки вдоль основных радиальных осей развития новокузнецкой агломерации. На юг – вдоль автомобильной трассы и железной дороги Новокузнецк – Таштагол, на восток – вдоль авто- и железной дороги Новокузнецк – Междуреченск, на север – по направлению Прокопьевск – Кислёмск.

Развитие коттеджного строительства обусловлено повышением уровня автомобилизации населения, желанием жить в более благоприятных экологических условиях, сменой стереотипов во взглядах горожан на среду проживания. Правда, строительство коттеджа – привилегия состоятельных горожан. С другой стороны, интересно проследить эволюцию садово-огороднических обществ, которые плотным кольцом окружают города. Их первоначальная функция, которая была заложена в идею развития садово-огороднических обществ – дать возможность горожанам обеспечить себя овощами – стала исчерпывать себя. Молодое поколение, придя на смену своим родителям, постепенно превращает грядки в газоны, беседки, бассейны и площадки для барбекю.

Приватизация земельных участков, наличие определённой инфраструктуры (дороги, электричество, водопровод, возможность сотовой связи, спутникового телевидения и Интернета) становятся реальными предпосылками перерастания садово-огороднических обществ в коттеджные посёлки с развитой социально-бытовой инфраструктурой. Ещё один аспект. Умирающие деревни вдоль транспортных магистралей с земельными паями бывших колхозников вновь приобрели свою привлекательность для застройщиков из городов. Если раньше они использовались как сельскохозяйственные угодья в коллективных хозяйствах, то сейчас, в связи с невозможностью их обработки одним хозяином, превращаются в дешёвую землю для коттеджной застройки. Таким образом, мы можем видеть объективный процесс развития урбанизации (субурбанизации) в Южном Кузбассе не только в постепенном слиянии границ жилой застройки городов, поселков и сельских населенных пунктов, но и в развитии межпоселенческих связей.

В формирующейся южно-кузбасской агломерации с ядром в г. Новокузнецке выделяются следующие связи, определяющие уровень развития территории. Прежде всего, это транспортная доступность. Современный уровень развития транспортной сети и автомобилизация обеспечивают полуторачасовую транспортную доступность практически любого населённого пункта Южного Кузбасса. Здесь сформировался крупный железнодорожный узел с выходом на Транссибирскую, Южносибирскую и Среднеазиатскую железные дороги. Развитие средств телекоммуникации, связи и Интернета на базе ведущих провайдеров и сотовых операторов Новокузнецка формирует единое информационное пространство юга Кузбасса. Экономические связи развиваются как на уровне взаимопроникновения различных сфер бизнеса, так и на уровне рынка труда. Здесь сформировались самые интенсивные в области маятниковые трудовые поездки. Утром едут на работу и учёбу «в город», а вечером – обратно. Внутри агломерации формируются зоны приложения труда, и это прежде всего г. Новокузнецк и города угольно-металлургического цикла, а также рекреационные зоны – пос. Шерегеш, г. Таштагол, с. Куртуково, г. Междуреченск, Беловское море и другие. Интенсивно растёт инфраструктура сервиса: кемпинги, кафе, сеть автозаправочных станций, гостиницы и магазины вдоль транспортных магистралей и в рекреационных зонах.

В сфере образования для южно-кузбасской агломерации основным источником получения профессионального образования служат высшие

и средние специальные учебные заведения Новокузнецка. В здравоохранении основная нагрузка в оказании специализированной медицинской помощи жителям юга Кузбасса ложится на медицинские учреждения Новокузнецка. Территория обслуживания скорой медицинской помощи г. Новокузнецка тоже далеко выходит за границы городского округа. Учреждения культуры г. Новокузнецка (цирк, драматический театр, кукольный театр, филармония и другие) также берут на себя функции культурно-досугового обслуживания населения формирующейся южно-кузбасской агломерации.

Процесс формирования агломерации сопровождается как положительными, так и отрицательными чертами. Коттеджная застройка стимулирует развитие строительной индустрии для малоэтажного строительства, расширение транспортной и социальной инфраструктуры, создание новых рабочих мест. Приток в города людей из сельской местности, не успевших приобрести к городскому образу жизни, вызывает формирование значительного слоя маргинального населения. По некоторым оценкам, городские жители, которым свойственен полугородской образ жизни, составляют почти пятую часть городского населения. Исследователи сельской местности давно уже выявили достаточно обширную категорию «скрытого городского населения», проживающего в коттеджных посёлках на сельской территории. Но правомерно говорить также и о «скрытом сельском населении», ещё большем по численности. Ещё одной из проблем формирования южно-кузбасской агломерации является несовершенство законодательства в области межмуниципальных отношений.

Несмотря на специфические особенности российских городов, резко отличающие их от европейских, урбанизацию в России и в Кузбассе на высоком уровне обобщения можно считать сходной по основным стадиям с мировой урбанизацией, подразумевающей приоритетное развитие больших городов, формирование агломераций и наагломерационных форм расселения.

Ю. А. Горбуль

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье обосновывается тезис о том, что эффективность муниципального правового регулирования связана, помимо всего прочего, с развитием правовой активности местного сообщества. Только творческие и самостоятельные личности, являющиеся жителями того или иного муниципального образования, способны реализовать предоставленное им Конституцией Российской Федерации право на самоуправление и непосредственно принимать участие в решении вопросов местного значения. Поэтому в правовом регулировании на местном уровне на первый план должна выходить необходимость создания мотивов, стимулов, условий, побуждающих каждую личность к правомерному использованию юридических процедур для достижения определённых интересов, а также к раскрытию своих способностей и социальной активности.

Успешное строительство гражданского общества и правового государства в современной России требует создания благоприятных условий для формирования у граждан нашей страны таких личностных качеств, как самостоятельность, инициативность, ответственность. На это неоднократно обращалось внимание на самом высшем уровне государственного руководства. Так, выступая с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации в ноябре 2008 г., Президент страны Д. А. Медведев подчеркнул: «Основу нашей политики должна составить идеология, в центре которой – человек, как личность и как гражданин, которому от рождения гарантированы равные возможности, а жизненный успех которого зависит от его личной инициативы и самостоятельности, от его способности к новаторству и творческому труду. И сейчас это для нас важнее, чем когда бы то ни было» [12].

Вести работу по развитию и эффективному использованию человеческого потенциала необходимо, прежде всего, на самом первичном (низовом) уровне организации публичной власти, в масштабах муниципальных образований. Ведь именно местное сообщество является той средой, в которой человек формируется, включается в процесс политической и правовой социализации.

зации, приобретает необходимые качества для решения вопросов, связанных с непосредственной жизнедеятельностью своего территориального коллектива, с конкретной местностью и одновременно играющих важную роль для государства в целом.

В этой ситуации необходимо максимально использовать возможности права как особого социального регулятора, и в процессе правового воздействия на общественные отношения в муниципальных образованиях создавать условия для проявления правовой активности населения, формирования готовности жителей самостоятельно решать насущные жизненные вопросы на своей территории, осознанно участвовать в политико-правовой жизни муниципального образования и видеть в этом свой непосредственный интерес. Такая необходимость расширения правовых возможностей отдельной личности и местного сообщества в целом обусловлена правами граждан Российской Федерации на осуществление местного самоуправления, закреплёнными в ст. 3 Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. (ред. от 10.06.2008 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [10]. Развивать же гражданскую активность и социальную ответственность жителей муниципалитетов можно с помощью эффективных юридических механизмов и целенаправленного использования соответствующих нормативных средств, способов и методов правового регулирования.

В системе правового регулирования общественных отношений современной России, основанной на трёхуровневой организации публичной власти (федеральная, региональная, местная), существует такой первичный и необходимый вид (уровень) правового регулирования, как муниципальное правовое регулирование. Конституция Российской Федерации 1993 г. в ст. 3 провозгласила единственным источником власти в России народ [5]. Наиболее ярко народовластие должно проявляться именно на местном уровне. Ведь в соответствии с Европейской Хартией местного самоуправления от 15 октября 1985 г. «право граждан участвовать в управлении государственными делами относится к демократическим принципам», и «это право наиболее непосредственным образом может быть осуществлено именно на местном уровне» [3]. Поэтому не случайно местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя и, в соответствии со ст. 1 Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. (ред. от 10.06.2008 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [10], является формой осуществления народом своей власти.

Анализ содержания норм Конституции Российской Федерации позволяет, как справедливо отмечает Н. С. Бондарь, рассматривать местное самоуправление, по крайней мере, в трёх аспектах.

Во-первых, это институт гражданского общества. В этом качестве местное самоуправление закрепляется как одна из форм народовластия, основа конституционного строя Российской Федерации (ст. 3, 12 Конституции РФ).

Во-вторых, это институт правового положения личности. Этот аспект местного самоуправления находит своё закрепление в целом ряде конституционных норм, посвящённых индивидуальным и коллективным правам на местное самоуправление (ст. 24, 32, 33, 40, 41, 130, 131, 132 и др. Конституции РФ).

В-третьих, это институт организации публичной власти. Организационное обособление местного самоуправления (как функции по самоорганизации и налаживанию совместной деятельности населения, проживающего на соответствующей территории) от государственной власти придаёт ему природу муниципальной власти [1, с. 11].

Местное самоуправление самостоятельно осуществляется населением муниципальных образований и объединениями граждан, не входящими в систему органов государственной власти. Решения органов местного самоуправления распространяются на население соответствующих муниципальных образований, а государство обеспечивает судебную защиту самоуправления. В этом проявляется публичный характер муниципальной власти.

Однако определение этой власти только как публичной не вполне оправдано, поскольку разновидностью публичной власти является и государственная власть. Пожалуй, более уместно представлять муниципальную власть как «третью публичную власть» (наряду с государственной властью Российской Федерации и государственной властью субъектов Российской Федерации) [4, с. 23].

Согласно Европейской хартии местного самоуправления и ст. 12 Конституции РФ, органы местного самоуправления обладают свободой действий в пределах, установленных законом. Несмотря на самостоятельность муниципальной власти, она не обладает суверенитетом. Она самостоятельна в рамках законов и в пределах определённой законодателем компетенции.

Государство в лице законодателя определяет статус местного самоуправления. Муниципальная власть должна действовать на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных конституционных законов,

федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации. На уровне Федерации определяются предметы ведения местного самоуправления, вопросы местного значения и общий объём полномочий муниципальной власти. На уровне субъектов Федерации эти законодательные положения конкретизируются, детализируются, дополняются или развиваются.

Отсюда можно сделать вывод о подзаконном характере муниципальной власти. Компетенция органов местного самоуправления исчерпывающим образом определяется и закрепляется законом, а не отдаётся на усмотрение органам местного самоуправления. Как совершенно справедливо отмечает В. И. Васильев, «органы местного самоуправления – не частные корпорации, а структуры публичной власти» [2, с. 20]. Следовательно, муниципалитеты занимаются только теми делами, которые определены для них законами, а еще точнее, нормативными правовыми актами органов государственной власти – федеральной и региональной.

При всём демократическом значении самостоятельности местного самоуправления эта самостоятельность не может быть абсолютной, поскольку местное самоуправление существует и действует в рамках единого государства, в системе отношений публичной власти. Что же касается конституционного положения о невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти, то его не следует понимать как констатацию функциональной отделённости местного самоуправления от государственной власти. Как писал в конце XIX в. Н. М. Коркунов, в основе организации местного самоуправления лежит «не противопоставление и обособление территориального коллектива и государства, а призыв местного сообщества на службу государству» [6, с. 348].

В нынешних российских условиях «призыв местного сообщества на службу государству» звучит весьма отчётливо, и «местные сообщества» не могут уклониться от участия в делах государства. Это и понятно, ведь смысл местного самоуправления заключается в особом способе децентрализации государственного управления [2, с. 21]. Именно государственного. Особенности же этого способа в том, что часть государственных дел передаётся местному населению на самостоятельное решение.

Таким образом, с определённой долей уверенности можно заключить об известной двойственности в подходах к вопросам о сущности местного самоуправления и его соотношении с государственной властью, которая присутствует в многочисленных трудах зарубежных и российских исследовате-

лей. Аналогичную двойственность можно обнаружить и при анализе правовой модели современного российского местного самоуправления.

С одной стороны, в соответствии с Конституцией Российской Федерации (см. ст. 12), местное самоуправление осуществляется населением муниципальных образований самостоятельно и (или) через органы, не входящие в систему органов государственной власти. В этой норме отразились идеи общественной, отличной от государственной, природы самоуправленческих единиц. С другой стороны, и Конституция РФ и ряд других федеральных законов признают регулирование статуса органов местного самоуправления законом, возможность органов местного самоуправления выполнять государственные полномочия, что даёт основания говорить о весьма относительном характере его «отделения» от государства.

Надо констатировать, что спор о соотношении государства и местного самоуправления ведётся научным сообществом не одно столетие. И дискуссия вряд ли может быть завершена выяснением какой-либо универсальной формулы о соотношении местного самоуправления и государственной власти, приемлемой «для всех времён и народов». С нашей точки зрения, по этому вопросу наиболее адекватной является позиция В. И. Васильева, который считает, что «местное самоуправление – это рубежное формирование, где общество встречается с государством и где мера «погружения» государства в общество, так же как и мера «вхождения» общества в государство, определяются историческими особенностями каждой конкретной страны. Нахождение оптимальной меры этого соотношения – задача политического искусства...» [2, с. 7].

Местное самоуправление содержит огромный потенциал развития политической, правовой культуры населения, демократии, государства, гражданского общества. Это означает, что, развивая местное самоуправление, повышая его эффективность, государство развивает гражданское общество, демократию и в итоге повышает свою конкурентоспособность.

В России местный уровень власти – власть муниципальная – уже более десяти лет находится на стадии формирования. К настоящему моменту можно говорить о том, что этот уровень власти обладает определённым реальным весом в политической и экономической жизни России. Как отметил бывший Президент России, ныне Председатель Правительства Российской Федерации В. В. Путин на заседании Совета по развитию местного самоуправления в феврале 2008 г. в г. Новочеркасске, «существенно усилилось и само мест-

ное самоуправление. Совершенствуется правовая база работы. Создаются стимулы для развития муниципального хозяйства. Увеличилась к тому же и численность муниципальных служащих. Сегодня в местных органах власти работает более 320 тысяч человек. Это серьезный кадровый потенциал. И муниципалитетам надо добиваться большей результативности в осуществлении своих полномочий» [15].

Конечно же, не следует забывать о том, что демократическая организация местного самоуправления состоит, прежде всего, в обеспечении максимально приближенного к гражданину управления, а это возможно лишь в том случае, когда сформированная на демократических принципах муниципальная власть будет рассматривать человека, его права и свободы как подлинно высшую ценность. Ведь именно человек, его права и свободы «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной власти, местного самоуправления» (ст. 18 Конституции РФ). Из этого следует, как весьма справедливо отмечает Президент России Д. А. Медведев, что «...власть существует не для себя самой, а для эффективного управления страной в интересах граждан. И именно к такой модели нам нужно стремиться» [11].

Местное самоуправление тогда будет властью, наиболее приближенной к населению, когда каждый гражданин получит возможность своевременно и беспрепятственно реализовывать свои права, которым корреспондируют обязанности местной власти. Разрыв между формально декларируемыми правами граждан и возможностью их практической реализации представляется наиболее существенным недостатком нынешней системы российского местного самоуправления [14, с. 153–154].

Отличительной чертой характера правового регулирования муниципальных отношений является особое место и роль дозволений по сравнению с позитивными обязываниями и запретами. Эта особенность вытекает из тезиса о том, что в местном самоуправлении, призванном действовать самостоятельно и исходя из интересов населения, именно такой первичный способ правового воздействия, как дозволение, должен стать направляющим и организующим стержнем всей структуры муниципального правового регулирования.

Особая роль в муниципальном правовом регулировании принадлежит управомочивающим нормативным средствам, наилучшим образом позволяющим воплотить идеи самоорганизации и саморегулирования в местном

сообществе. В условиях проводимых в России социально-экономических и политических преобразований необходимо известное «перераспределение» способов и методов правового воздействия в сторону более широкого использования автономных правовых средств диспозитивного, децентрализованного свойства.

Поскольку муниципальное правовое регулирование предполагает активность населения, конкретных жителей, непосредственное решение ими вопросов местного значения, то в правовом регулировании на местном уровне на первый план должна выходить необходимость создания мотивов, стимулов, условий, побуждающих каждую личность к правомерному использованию юридических процедур для достижения определённых интересов, а также к раскрытию своих способностей и социальной активности. Ведь только творческие и самостоятельные личности, являющиеся жителями того или иного муниципального образования, способны реализовать предоставленное им Конституцией Российской Федерации право на самоуправление.

Одно из главных направлений совершенствования муниципального правового регулирования связано с комплексом юридических средств правового стимулирования. Цель стимулирования в праве – воспитание социально активного, законопослушного субъекта, способного повысить общественное и свое духовное и материальное благосостояние [8, с. 16]. С помощью позитивных побуждающих средств (льготы, поощрения) создаётся режим благоприятствования активному правомерному поведению личности, открывающий новые дополнительные возможности для свободы выбора и деятельности. Результативность внешнего побуждающего влияния средств-стимулов находится в прямой зависимости, во-первых, от того, насколько гарантировано их обязательное, эффективное осуществление со стороны соответствующих органов и лиц; во-вторых, от внутреннего принятия их личностью, её доверия к ним. И здесь многое зависит от адекватности нормативно закреплённых обещаний вознаграждения и ожиданий управомоченного субъекта [16, с. 37].

Так, например, стимулом к проявлению активности граждан, мотивом к их самостоятельному участию в разрешении наиболее наболевших проблем может служить финансирование определённого проекта, конкретной инициативы граждан в случае её целесообразности и способности удовлетворить наиболее насущные потребности и интересы жителей муниципального образования [9, с. 17].

Существенное значение для практического освоения средств обеспечения права имеют уровень правосознания и правовой культуры населения, поскольку от них во многом зависит реальная готовность жителей быть активным участником тех или иных общественных отношений. Поэтому весьма важно создать на муниципальном уровне все возможности для получения полноценного гражданского правового обучения и воспитания. Только в этом случае жители муниципальных образований будут иметь чёткое представление о своих правах и обязанностях, а также сформированное желание реализовывать их правовыми средствами и в рамках правовых процедур.

Очень часто реализация права зависит не только от деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления, но и от способности человека самообеспечить свои права и свободы, т. е. проявить правовую активность [13, с. 803–807]. Поэтому даже самая эффективная организующая деятельность органов и должностных лиц местного самоуправления по обеспечению права не будет иметь положительного результата без соответствующего уровня правового образования населения.

Для обеспечения результативности муниципального правового регулирования желательно, чтобы нормативно-правовые акты вводились в действие после того, как получена достоверная информация о правовой обученности населения, о готовности его принять и осуществить принципы и нормы права, реализовать заложенные в них социально-правовые роли. Чтобы предлагаемое стало действительно правилом, необходимо непосредственно в самих нормативно-правовых актах установить перечень образовательных просветительских мероприятий. Если данное обстоятельство не учтено, то это может привести к серьёзным социальным последствиям и, главное, к нежеланию жителей принять то, что предлагает власть [16, с. 133].

Правовой закон способен успешно функционировать в том случае, когда закреплённые в нём принципы, нормы права осознаны и усвоены личностью, направляют её поведение изнутри. Неосознанное следование закону не позволяет воспользоваться широкими и многообразными правовыми возможностями. Об этом неоднократно высказывался в своих выступлениях Президент Российской Федерации Д. А. Медведев: «Правовой нигилизм является мощным тормозом на пути развития современной России... Правовое просвещение – одна из важнейших задач государства» [7]. Продолжая мысль Президента России, следует отметить, что подобная задача стоит не только перед государственной, но и перед муниципальной властью.

В процессе приобретения жителями муниципальных образований самоуправленческих умений, знаний, навыков важную роль играет правовое образование, и весьма важно включать в зону повышенного внимания вопросы организации эффективного процесса правового обучения и воспитания. Необходимо не только достаточным образом регламентировать и конкретизировать эту сферу деятельности в нормативно-правовых актах, но и создать хорошо отлаженную и работающую систему правового образования жителей муниципалитетов. Речь идёт о непрерывном и постоянном проведении правообразовательных мероприятий как в учреждениях начального, среднего общего образования, среднего и высшего профессионального образования, так и среди взрослого населения жителей муниципальных образований.

Обобщая всё изложенное, следует ещё раз подчеркнуть, что эффективность муниципального правового регулирования связана, помимо всего прочего, с развитием правовой активности местного сообщества. Задача формирования в местном сообществе активной гражданской позиции является выражением сути местного самоуправления, поскольку правовое регулирование общественных отношений на местном уровне исходит непосредственно от населения, которое выступает одновременно и носителем, и источником муниципальной власти. С одной стороны, жители муниципальных образований самостоятельно, с помощью форм прямой демократии или через своих представителей, решают вопросы местного значения и создают в этих целях правила поведения. С другой стороны, близость населения к этим правилам, возможность влиять на их отмену или изменение создает условия для их активного претворения в жизнь. Вследствие этого правовое регулирование на местном уровне может реализоваться только с учётом проявления самостоятельности, творчества и инициативности индивидов.

С правовой точки зрения это предполагает полный поворот в правовом регулировании, необходимость сменить акценты в самой его ориентации. Действительная социальная ценность права заключается не в подчинении, устранении человека, подавлении его активности, а в том, что оно выступает как целый комплекс юридически гарантированных возможностей свободного выбора решений и действий субъектов общественных отношений, как система закреплённых прав граждан, обеспечивающих самостоятельность, инициативу, творчество.

Список литературы

1. Бондарь, Н. С. Правотворчество как особая форма реализации муниципальной власти [Текст] / Н. С. Бондарь // Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2002. – С. 9–24.
2. Васильев, В. И. Государственная власть и местное самоуправление: продолжение спора [Текст] / В. И. Васильев // Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в РФ : сб. науч. тр. / под ред. А. В. Иванченко. – М. : Юриспруденция, 2004. – С. 5–40.
3. Европейская хартия местного самоуправления от 15.10.1985 г. Ратифицирована Федеральным законом РФ № 55-ФЗ от 11.04.1998 г. [Текст] // СЗ РФ. – 1998. – № 36. – Ст. 4466.
4. Игнатюк, Н. А. Муниципальное право [Текст]: учеб. пособие / Н. А. Игнатюк, А. В. Павлушкин. – М. : Юстицинформ, 2007. – 312 с.
5. Конституция Российской Федерации [Текст] : офиц. текст. – М.: Юристь, 2001. – 56 с.
6. Коркунов, Н. М. Русское государственное право [Текст] / Н. М. Коркунов. – Т. II. – СПб., 1914. – 623 с.
7. Кузьмин, В. Дмитрий Медведев: справедливый суд – условие успешного развития страны [Текст] / В. Кузьмин // Рос. газ. – 2008. – 21 марта.
8. Левин, О. В. Стимулирование в праве: теоретические и практические аспекты [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Левин. – Н. Новгород, 2006. – 26 с.
9. Малько, А. В. Проявления законных интересов на муниципальном уровне правовой жизни [Текст] / А. В. Малько, В. В. Субочев // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 11. – С. 40–44.
10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: ФЗ РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ в ред. от 10.06.2008 г. [Текст] // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; 2008. – № 24. – Ст. 2790.
11. Полный текст выступления Д. А. Медведева на II Гражданском форуме в Москве 22.01.2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru> (дата обращения 24.01.2008).
12. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ [Текст] // Рос. газ. – 2008. – 6 нояб.
13. Прусаков, А. Д. Правовая активность как юридическая категория: основы теории [Текст] / А. Д. Прусаков // Политика и право. – 2008. – № 4 (100). – С. 803–807.
14. Сергеев, А. А. Местное самоуправление в РФ: правовая теория и социальная практика [Текст] / А. А. Сергеев // Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в РФ: сб. науч. тр. / под ред. А. В. Иванченко. – М. : Юриспруденция, 2004. – С. 41–156.
15. Стенографический отчет о заседании Совета по развитию местного самоуправления 01.02.2008 г. в г. Новочеркасске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kremlin.ru.
16. Шафиров, В. М. Обеспечение права: человекоцентристский подход [Текст] : моногр. / В. М. Шафиров. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005. – 228 с.

Н. В. Демчук

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ОСОБЫЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В статье рассматриваются подходы к исследованию местных сообществ, существующие в социологической литературе.

Проблемы в жизни местных сообществ, вызывающие необходимость исследований, разноплановы. В первую очередь, это различия между местными сообществами, которые сформировались и существуют даже в пределах одного региона. Местные сообщества отличаются друг от друга наличием или отсутствием тех или иных институтов, структурных взаимоотношений, выполняемых ими функций и т. д. В силу этого каждое местное сообщество обладает самобытной политической индивидуальностью. Другой причиной является слабая структурированность и неразвитость местных сообществ.

Исследование вопроса об объективности существования местных сообществ, их современной структуре, взаимосвязях людей внутри таких сообществ, взаимосвязях сообществ с муниципальными образованиями как институтами местного самоуправления рассматривается в целом ряде комплексных исследований [4]. В то же время проблематика местных сообществ в исследованиях, например, гражданского общества не является первоочередной. Местное сообщество изучается как один из факторов, значимых для понимания иных общественных процессов. «Сюжеты самоорганизации, солидарности, альтруизма естественным образом попадают в поле зрения при изучении самых разнообразных тем, но видятся в несовпадающих ракурсах и в неодинаковой степени углублённо» [10, с. 77]. В итоге результаты исследований не поддаются прямому сопоставлению между собой, не охватывают все возможные направления исследований. В то же время дальнейшее развитие теории местного самоуправления без знания о сущности местных сообществ невозможно, так как неясно, какие объективные сущности отражают те или иные теоретические конструкции.

¹ Работа выполняется при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Администрации Кемеровской области (проект 10-06-98012-р-Сибирь-а).

Проблемами развития местных сообществ занимаются экономисты и социологи, правоведы и историки, психологи и управленцы. Интерес к этой проблематике со стороны представителей различных ранее сложившихся отраслей научного знания, как и разнообразие школ и подходов, можно объяснить многообразием проявлений реального бытия местных сообществ (Д. А. Левчик, И. В. Мерсиянова, Г. В. Тюрин, О. Л. Савранская, И. Е. Кокарев, О. Генисаретский, В. Л. Глазычев, О. Н. Яницкий, Е. Е. Горяченко, Е. С. Шомина, И. А. Халий и др.).

По мнению Ю. В. Филиппова, сложилось пять подходов к изучению сообществ [11, с. 59–60]:

- 1) качественный подход описывает сообщество как место. Рассматриваются, например, вопросы качества жизни (обеспеченность жильём и его качество, состояние школ, качество образования и т. д.), социальный микроклимат;
- 2) экологический подход означает изучение сообщества как определённой общности в природно-географическом пространстве (пространственное размещение, воздействие природных факторов на характер деятельности людей и обратное воздействие, взаимосвязи внутри сообщества и с другими сообществами и т. д.);
- 3) этнографический подход предполагает исследование сообщества как определённого образа жизни, при этом акцент делается на описании общих культурных характеристик, культурного пространства, а не только демографических, экономических или географических параметров;
- 4) экономический подход требует изучения взаимосвязи различных секторов экономики, домохозяйств и предприятий, профессионального состава населения и структуры рабочих мест, источников, распределения и динамики расходов, ресурсов (природных, финансовых, человеческих, управленческих и т. д.), которыми располагает сообщество;
- 5) социологический подход рассматривает сообщество как социальную систему и описывает социальные отношения, типичные для определённых групп и более крупных социальных образований, как внутри сообщества, так и с внешней средой.

Социологический подход к изучению местных сообществ также представлен очень разнообразной тематикой. Анализ работ отечественных исследователей позволил выделить обобщённые направления исследований.

В рамках первого направления местные сообщества изучаются как субъекты местного самоуправления. По сути дела, такая постановка вопроса делает тему местного сообщества синонимичной теме местного самоуправления как такового. Рассматривать население муниципального образования как единое сообщество, построенное как коллектив, живущий на данной территории, имеющий собственный территориальный интерес и осознающий его, в социологическом плане невозможно – такие общности могут существовать только на очень локальных территориях и в рамках очень ограниченных форм деятельности. Говорить же о механизмах волеизъявления, согласования интересов, поиске наиболее эффективных форм организации совместной деятельности – это и значит говорить об устройстве системы местного самоуправления.

В данном направлении активно ведутся исследования группой «ЦИР-КОН», Институтом экономики города и другими исследователями. Среди основных проектов в данной области можно отметить: «Граждане оценивают местное самоуправление» (2003–2005); «Отношение населения к деятельности НКО в России» (2004); «Третий сектор в РФ: оценка влиятельности» (2007–2008), «Власть и благотворительные организации в российских регионах: проблемы взаимодействия» (2006); «Текущее состояние и перспективы развития НКО в России» (2006–2007). Задачами данных исследований являются: анализ представлений муниципальных управляющих о различных составляющих реформы местного самоуправления, реального отношения муниципальных управляющих к работе с местными сообществами, характерного для органов муниципального управления.

Выявление реального состояния и проблем местного самоуправления осуществляется в проектах, выполненных под руководством Ж. Т. Тощенко, Г. А. Цветковой. На первое место в многолетних панельных исследованиях этих авторов выходит выявление главных проблем, с которыми сталкиваются жители, общественные организации, органы муниципального управления через анализ реальных возможностей и мер по их реализации, форм и методов участия людей в решении их собственных жизненно важных проблем. Исследователи исходят из основного методологического положения, что «пока сам человек не вовлечён в решение его жизненных проблем, пока не он определяет многообразие форм и методов их реализации, говорить о реальном участии жителей в местном самоуправлении затруднительно» [12, с. 78].

Отличительной особенностью социологических исследований местного самоуправления является то, что большая часть данных в них собирается методом экспертного опроса. Мнение по вопросам, актуальным для местных сообществ, высказывают представители администраций муниципальных образований, эксперты по проблемам муниципального управления. Значительно реже проводятся массовые опросы населения, в которых изучаются представления населения о местном самоуправлении.

Исследования форм организации и механизмов местного самоуправления позволяют включить интересы и потенциал местных сообществ в процессы принятия управленческих решений. Другой стороной этого вопроса является организация профессиональной деятельности муниципального управления, применительно к данному предмету: формы и технологии вовлечения местных сообществ в управление воспроизводством и развитием жизнедеятельности места, смысл этого вовлечения, задачи, которые могут решать местные сообщества и т. п.

Одним из наиболее разработанных направлений исследований является изучение гражданского (общественного) участия. В рамках данного направления исследуется участие граждан в процессе разработки и реализации проектов и программ, формирующих среду их жизнедеятельности, а также активное сотрудничество с другими субъектами (органами власти, специалистами-проектировщиками, экспертами), которые разрабатывают данные проекты и программы. Активный научный анализ социального участия граждан начался в конце 1980 – начале 1990-х гг., что связано с процессами демократизации и децентрализации управления обществом на территориальном уровне (О. Н. Аборвалова, Е. М. Акимкин, Л. Б. Коган, Е. С. Шомина, В. Л. Глазычев, В. С. Дудченко, Т. М. Дридзе, А. А. Мерзляков и др.).

А. А. Мерзляков предлагает рассматривать социальное участие как особый метод выработки управленческого решения, который требует создания технологии организации совместной деятельности разноуровневых субъектов управления с целью выработки и реализации ими взаимоприемлемых решений [5, с. 16]. В. Н. Лазарев представляет группу исследователей, занимающихся изучением самоорганизации местного сообщества. Самоорганизация местного сообщества понимается как форма его социальной защиты и самозащиты, его социальная активность, социальный менталитет и психология. В. Н. Лазарев подчёркивает, что самоорганизация местного сообщества основывается на осознании членами сообщества собственных проблем.

Степень этого осознания и определяет адекватность предпринимаемых действий, а также уровень активности [6, с. 5–19]. Таким образом, через изучение социальных проблем населения, форм социальной активности, социального менталитета населения, социально-психологических качеств местного сообщества делаются выводы о факторах и путях повышения социальной активности населения в условиях местного самоуправления.

Одно из интересных направлений исследования рассматривает местные сообщества как механизм формирования социальной ткани гражданского общества (Н. В. Мальковец, Б. Я. Бляхман, Т. Т. Авдеева, Н. И. Миронова, И. В. Мерсиянова, Л. И. Якобсон и др.). Близость исследовательской тематики гражданского общества и местного сообщества вызвана определёнными подходами к определению гражданского общества. Данная группа исследований основана на представлениях о гражданском обществе как типе коммуникационного процесса между государством и гражданином [13]. При таком подходе понятие «гражданин» раскрывается через понятие «участие», т. е. через его деятельность в различных общественных организациях и институтах [8, с. 179]. Собственно, основная функция гражданского общества и состоит в подобном «посредничестве» – говоря конкретно, между частным лицом и лицами, принимающими решения. Именно такой подход – через возможности и способности к участию – является весьма распространённым в странах развитого гражданского общества.

Исследования в сфере гражданского общества обобщены в коллективной монографии отечественных авторов, представляющей результаты исследований гражданского общества и некоммерческого сектора в ГУ-ВШЭ [10]. В монографии сделан вывод, что, несмотря на многочисленные исследования гражданского общества, состояние этой исследовательской сферы трудно назвать успешным. Монография отсылает заинтересованных исследователей к исследованиям Института социологии РАН, главным образом в секторе по изучению социокультурного развития регионов России, где выполнено значительное количество проектов, среди них: «Солидаризационные процессы в российских регионах» (1997–1999), «История и перспективы развития экологических организаций в России, на Украине и в Молдове» (1995), «Роль общественности в принятии решений» (1998), «Российская провинция в конце XX века: социально-экологические процессы, типы солидарностей и контрсолидарностей» (1998–2002), российско-голландский проект «Местная повестка дня на XXI век в России» (2001–2004), «Социальная активность

граждан по месту жительства. Отношение местного сообщества к общественным организациям и инициативным гражданам» (2004), «Развитие гражданского общества в Пермской области» (2006) и др.

Наряду с описанными выше аспектами гражданской тематики также изучаются социальные практики гражданского общества, добровольчество, филантропия, благотворительность (Л. А. Кудринская, А. В. Антонович, П. В. Власов, Ю. Н. Тазьмин, В. А. Сущенко, Е. П. Хорьков, В. П. Ярская). С конца 1980-х гг. изучаются общественные движения как агенты становящегося гражданского общества, политические и протестные движения (это направление отмечено работами О. Н. Яницкого, А. В. Дуки, Д. В. Ольшанского, Г. А. Монусовой, А. В. Кинсбургского, М. Н. Топалова, М. В. Назарова, В. В. Костюшева и др.), рабочее движение (Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, А. А. Темкина, А. К. Назимова и др.), этнические движения (Л. М. Дробижева, В. А. Тишков и др.), экологические движения (О. Н. Яницкий, И. А. Халий и др.), женское движение (А. И. Посадская, Г. Г. Силластэ, Е. А. Здравомыслова и др.).

Разумеется, направленность исследований проблематики гражданского общества значительно шире. Однако можно отметить, что результаты, представленные разными исследовательскими коллективами, не поддаются сопоставлению и не полностью покрывают проблемное поле. Также для части исследователей развитие гражданского общества и третьего сектора не выступало в качестве основного объекта изучения, а выступало только в роли одного из факторов, значимых для понимания других общественных процессов, например, перспективы становления демократии или социальных проблем и путей их решения, ценностей, присущих российским гражданам, и многого другого. Авторы монографии делают вывод, что разнообразие ракурсов, не говоря уже о конкуренции исследовательских школ, плодотворно и, более того, абсолютно необходимо.

Активно изучается проблематика некоммерческих организаций, вовлечённость населения в общественную работу, отношения само- и взаимопомощи, благотворительная деятельность, оценка роли общественных и других некоммерческих организаций, гражданских инициатив, отношение к разным видам общественных и других некоммерческих организаций, гражданских инициатив, реализация прав граждан в России, институты гражданского общества в современной России, представления о социальной справедливости и путях её обеспечения и т. д. [2].

Одним из отдельных направлений исследования является изучение социального капитала местных сообществ. Социальный капитал часто трактуют как общественный ресурс, заложенный в «структуре отношений» в обществе, независимый от государства и, по сути дела, определяющий качество управления. От степени развитости социального капитала зависит появление «чувства сообщества», что позволяет рассматривать социальный капитал не только как ресурс местного сообщества, но и как результат – показатель его сформированности.

Концепция полезности понятия социального капитала исходит из посылки, что наличие между индивидами, группами и сообществами отношений, благоприятствующих доверию и облегчающих взаимодействие, может способствовать физическому и психическому здоровью, политическому благополучию и экономическому процветанию общества [9, с. 214]. В большинстве исследований социального капитала анализ и сравнение проводятся на уровне стран. Однако социальный капитал, вероятнее всего, зарождается и отличается большей монолитностью в меньших территориальных единицах. Ведь именно в рамках отдельно взятого сообщества (или даже более мелких его групп) формируются связи между людьми, возникают те незримые узы доверия, которые считаются отличительным признаком социального капитала и социальной сплочённости.

Отдельным направлением исследований является изучение ресурсов местных сообществ (В. И. Патрушев, В. Н. Иванов). Особенности конкретного местного сообщества во многом определяются ресурсами, которыми оно обладает. Однозначного подхода к выделению ресурсов местных сообществ к настоящему моменту не сложилось. Чаще всего ресурсы понимаются как вспомогательные средства, необходимые для деятельности: денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов. Социальные ресурсы в данном случае характеризуют местное сообщество как субъект самоуправления, его внутреннюю готовность к активности и самостоятельности [1, с. 7].

Актуальность исследований местных сообществ напрямую связана с процессами, происходящими в современном, постоянно меняющемся мире. На первый план выходит задача – отследить и понять изменения социальной среды существования человека, отследить неоднородности различных сообществ, особенности различных социокультурных миров, в которых живут люди. Без этого понимания невозможно эффективно существовать в новой

социальной реальности. Изменения в технологической сфере современного общества ведут к изменениям в способах жизнеосуществления человека, прежде всего к возникновению новых форм трудовых отношений. Общество становится всё более неоднородным, состоящим из различных слоёв и групп, порой живущих в совершенно чуждых и далёких друг от друга мирах. Это неизбежно приводит к появлению новых форм культуры, нового видения способов регулирования социальных отношений. Меняется социальная структура общества, меняются формы управления им.

Одной из актуальных примет времени является возврат общества к ценностям общежития, солидарности, общинности. Люди стремятся преодолеть отчуждение, вызываемое современными способами производства, и жить, основываясь на чувствах совместности, соседства. Это позволяет по-новому взглянуть на местные сообщества как основу новой общности людей в современном мире.

Местные сообщества являются основой для стабильного существования индивидов, т. к. именно внутри подобных сообществ теснота социальных связей и отношений позволяет человеку чувствовать себя в безопасности, иметь возможность воспроизводить себя как биопсихосоциальное существо. Формирование местных сообществ – одна из основных задач местного самоуправления. Различные стратегии формирования местных сообществ будут иметь успех только в том случае, когда у социальных технологов будет информация о различных типах и способах поведения людей, находящихся под воздействием и одновременно создающих своим поведением социокультурное поле местного самоуправления.

Список литературы

1. Иванов, В. Н. Местное сообщество – субъект реализации концепции устойчивого развития [Текст] : сб. ст. / В. Н. Иванов // Местное самоуправление в России / под ред. д-ра экон. наук, проф. В. Б. Зотова. – М. : Ось-89, 2002. – 400 с.
2. Задорин, И. В. Третий сектор РФ: оценка влияния [Текст] / И. В. Задорин, Л. В. Шубина // Эмпирические исследования гражданского общества : сб. материалов обществ. слушаний (24.08.2009) / сост. А. М. Лопухин. – М. : Общественная палата Российской Федерации, 2008. – 152 с.
3. Местное самоуправление в России [Текст] : сб. ст. / под ред. д-ра экон. наук, проф. В. Б. Зотова. – М. : Ось-89, 2003. – 400 с.
4. Мерзляков, А. А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления (на материалах разработки и реализации градостроительных проектов) [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / А. А. Мерзляков. – М., 2007. – 23 с.

5. Лазарев, В. Н. Социальная организация в условиях местного самоуправления [Текст] / В. Н. Лазарев. – Белгород : Центр социальных технологий, 1996. – 100 с.
6. Патрушев, С. В. Результатом становления и критерием гражданского общества является гражданин [Текст] / С. В. Патрушев // Горбачёвские чтения. – Вып. 5: гражданское общество: настоящее и будущее. 1937–2007: память и ответственность / Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачёв-Фонд). – М., 2007. – 328 с.
7. Сунгуров, А. Общественное участие как условие формирования гражданского общества [Электронный ресурс] / А. Сунгуров. – Режим доступа : <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/confD5.htm>. – 14.04.10
8. Твигг, Л. Дж. Социальный капитал в регионах России [Текст] / Л. Дж. Твигг // Социальный капитал и социальное расслоение в современной России / под ред. Джудит Л. Твигг и Кэйт Шекстерю. – М. : Альпина Паблишер, 2003. – 384 с.
9. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством [Текст] / под ред. Л. И. Якобсона. – М. : Вершина, 2008. – 296 с.
10. Филиппов Ю. В. Основы развития местного хозяйства [Текст] : учеб. / Ю. В. Филиппов, Т. Т. Авдеева. – М. : Дело, 2000. – 264 с.
11. Цветкова, Г. А. Местное самоуправление и проблемы местных сообществ [Текст] / Г. А. Цветкова // Социологические исследования. – 2002. – № 2. – С. 39–41.
12. Шомина, Е. С. Соседское сообщество – территориальное общественное самоуправление – местное самоуправление [Текст] / Е. С. Шомина // Глобальные проблемы местного самоуправления. – М., 2004. – С. 33–58.

Т. А. Зубарева

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

ПАРТНЁРСТВО УНИВЕРСИТЕТА И ПРЕДПРИЯТИЙ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

В статье описывается сущность перехода к инновационному развитию территории на основе взаимодействия вузов и предприятий, описываются критерии и показатели инновационного развития территории, а также барьеры на пути к нему.

Основания для партнёрства университета и предприятий в городах с переходной экономикой, к которым можно отнести и города юга Кузбасса, включая Новокузнецк, мы находим в документах стратегии развития социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года [1], где указывается, что два крупных города региона – Кемерово и Новокузнецк – обладают необходимыми предпосылками для того, чтобы выступить инновационными центрами и обеспечить развитие региона, так как уже сейчас «выполняют управленческие, дистрибутивные, транспортно-логистические и

социально-культурные функции» [1, с. 142]. Одних предпосылок недостаточно, так как существует угроза остаться «сырьевым хвостом» чужих технологических цепочек [2, с. 131] вместо признания конкурентоспособности и собственного места города в глобальной культуре и экономике. Поэтому нужны ещё и реальные механизмы перехода к другому – постиндустриальному – укладу. Основная черта постиндустриального уклада – инновационная экономика [2, с. 94].

Инновационность Новокузнецка может рассматриваться как альтернатива усилению его сырьевой индустриальной специализации и возможность для территории по-иному позиционироваться на глобальных рынках труда, информации и капитала, повышать свой статус. Инновационность – это вопрос не только развития производств, характеризующихся на настоящем этапе процессами технологизации, стандартизации и повышения уровня корпоративного развития предприятий и корпораций, но и повышения роли местных сообществ в борьбе за капитализацию интеллекта, мыслительных и волевых качеств людей, живущих на территории. Капитализация интеллекта жителей и повышение роли городского сообщества – задачи, не имеющие простого решения. Это не только вопрос власти и систем административного управления, – это сотрудничество и взаимодействие всех субъектов, заинтересованных в инновационном развитии территории и региона в целом.

Местное сообщество как социальный класс может вносить свою лепту в капитализацию территории. Роберт Д. Путнэм рассматривает социальный капитал как ресурс, призванный «обеспечить солидарность общества и способствовать его развитию», а Д. Коулмен – как «отношения и социальные сети», определяющие характер и качество взаимодействия индивидов или их групп [3, с. 30]. Расширяет взгляд на понятие капитала в определении социального класса и структуры ресурсов французский социолог Пьер Бурдьё. Он даёт классификацию основных видов ресурсов (экономических, социальных и культурных), которые могут выступать в современном обществе в форме капитала. Дэвид Грусски, в продолжение исследований, выделяет уже восемь видов стратификационных систем – типов активов (ресурсов), включая в них политические, престижные, гражданские и человеческие активы [4].

Интеллектуальные активы сегодня являются одним из показателей развития: знания и информация приобрели свою самостоятельную ценность как интеллектуальный ресурс, а способы распространения знаний также отождествляют с одним из типов капитала общества [5]. Согласно данным ООН (по

состоянию на конец 2005 г.), среди 45 лучших стран мира (из 191) по индексу развития общества знаний лидируют страны Северной Европы. Индекс развития общества знаний определяется тремя показателями:

- индексом интеллектуальных активов общества (полный цикл школьного обучения, использование информационных и коммуникационных технологий населением, развитием масс-медиа и т. п.);
- индексом перспектив развития общества (уровень здравоохранения, затраты на исследования, уровень свободы от коррупции и пр.);
- индексом качества развития общества (уровень безопасности жизни, уровень смертности, показатели бедности и маргинализации общества, неравенство в распределении социальных и материальных благ, экологические показатели и т. п.) [6].

На человеческие активы как инновационный потенциал опираются при разработке критериев и показателей инновационного развития территорий. Анализ открытых источников, в частности, материалов проекта «ИНО Томск 2020» [7], впервые представленных на Томском инновационном форуме INNOVUS в мае 2010 г. (таблица 1), позволяет нам сделать вывод, что в отношении инновационного развития Кемеровская область в целом проигрывает другим регионам Сибирского федерального округа, таким как Томская и Новосибирская область.

Таблица 1 – Сравнительные показатели инновационного развития территорий

Показатель инновационного развития территории	Область		
	Кемеровская	Томская	Новосибирская
Численность студентов вузов на 1000 жителей, чел.	39	88,4	64,6
Количество персональных компьютеров с доступом Интернет, шт. на 100 работников	5	23	18
Количество малых предприятий на 1000 жителей, шт.	6	14,8	17,5
Инвестиции в основной капитал, тыс. рублей на душу населения	52,9	75,8	46,4
Доля производства машин, оборудования, электрооборудования в общем объеме обрабатывающей промышленности, %	6	26,38	15,9
Выдано патентов, шт. на 100 000 жителей	8,8	35,3	13,1
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел. на 100 000 жителей	27,3	411	408,5

Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, %	6	16	5,4
Внутренние текущие затраты на исследования и разработки, тыс. рублей на душу населения	Менее 1	4,2	3,8
Объём инновационных товаров, работ, услуг, тыс. рублей на душу населения	2	4,7	3,2

Ставка в инновационном развитии в этих проектах развития территории делается на инновации как на способность людей и коллективов создавать новые услуги за счёт исследований и разработок. Для того чтобы повысить уровень инновационного развития территории юга Кузбасса и Новокузнецкой агломерации [1, с. 143], необходимо выделить точки роста как ресурс для инновационного развития территории и обеспечить их необходимой инфраструктурой, как технологической, так и гуманитарной. Александр Неклесса определяет настоящую ситуацию как ситуацию «активного представления будущего» [8, с. 15], когда по отношению к территории как месту действия одновременно существует множество стратегий: регионального, корпоративного, группового, индивидуального масштаба. В управлении такого рода ситуациями необходимо использовать социогуманитарные технологии, так как именно они рассчитаны на другое качество реальности: повышенную неопределённость, учёт специфики ситуации, динамизм и многофакторность, иной масштаб действия [8] и направлены на человека, развитие его способностей к адаптации, социализации и интеграции к существующему и новому технологическим пакетам [9], лежащим в основании нового инновационного уклада. Социогуманитарные технологии позволяют совершать интеллектуальную мобилизацию, так как стратегический успех, по В. Малявину, «напрямую обусловлен внутренней, невидимой со стороны, работой личного совершенствования» [10].

Добиться инновационности как сущностной характеристики территории можно за счёт мобилизации интеллекта действующих субъектов для открытого сотрудничества университетов и предприятий. Университеты могут стать точками роста, если докажут свою ориентацию на проблемы региона, способность взаимодействовать в целях развития. Открытость понимается нами, вслед за А. А. Цукером, как принцип, выполняющий «функцию расширения числа альтернатив предполагаемого действия, расширение зоны смысловой свободы как источника необходимого выбора» [11, с. 41].

В материалах Еврокомиссии генерального директората по вопросам культуры и образования [12] «Выстроим взаимодействие между миром труда и миром образования через программу Tempus» преимущества сотрудничества университетов и предприятий в логике выгод для университетов представлены следующими позициями. Университеты могут:

- «лучше адаптировать образование и исследования к фактическим потребностям общества;
- повысить практическое знание студентов о предприятиях и подготовить их к профессиональной работе;
- подготовить студентов к работе и расширить возможности получения работы;
- привнести международное измерение в образование;
- использовать физические ресурсы и экспертные знания компаний, которые являются более современными по сравнению со знаниями большинства университетов;
- получить профессиональную и финансовую поддержку и заработать дополнительный доход;
- передавать результаты фундаментальных и прикладных исследований;
- поднять престиж университета в регионе или в стране, или даже на международном уровне» [12, с. 27].

В отношении выгоды предприятий в материалах Еврокомиссии описаны следующие преимущества. Предприятия за счёт сотрудничества с университетом могут:

- «делать инвестиции в человеческий капитал;
- обеспечить гудвил (термин можно прочесть как «дополнительная ценность активов». – *Т. З.*) и положительный имидж;
- оказать влияние на приближение содержания образования и обучения к нуждам экономики через учебные программы, разработку новых исследовательских программ и продвижение создания новых университетских программ для новых профессий;
- дать возможность студентам получить опыт работы и принимать на работу выпускников, которые лучше адаптированы к миру труда;
- внедрять инновации в компаниях в форме новых или усовершенствованных процессов, новой продукции, новой стратегии, развития рынка и повышения конкурентоспособности;

– лучше управлять технологическими изменениями, получать информацию о последних наработках в науке и технике, получать прямой доступ к результатам исследований и превращать эти результаты в продукцию, пользующуюся спросом» [13, с. 28].

Чтобы сотрудничество университета и предприятия было возможным, необходимо в университете создать систему институционально оформленных структурных единиц, которые бы являлись центрами компетенций. Система должна позволять реализовывать коллективные и индивидуальные образовательные и совместные технологические и социокультурные проекты совместно с бизнес-структурами, компаниями и предприятиями, обеспечивая тем самым переход от индивидуальной, эгоцентричной позиции преподавателя к позиции коллективной за счёт совместной деятельности и сотрудничества, а также перевода системы профессионального образования от доминирования в педагогической практике схемы *описание – предписание – действие*, сложившейся в социокультурной ситуации индустриальной эпохи, к распространению новой педагогической схемы *замысел – проект – реализация* [11, с. 43], повышающей шансы включённости всех участников образовательного процесса в социокультурные процессы постиндустриального общества. Система может включать в себя:

- формы прямого и непосредственного участия предприятий в различных образовательных форматах университета: в аттестации выпускников, в стажировке студентов и преподавателей на предприятиях, в специальных переходных совместных форматах, таких как конкурсы, гранты, конференции и др.
- Коммуникацию и диалог между руководителями и специалистами предприятий и преподавателями и студентами, например, за счёт совместного участия в проектных сессиях, имеющих программирующий характер [14], в том числе в сессиях по разработке профессиональных и образовательных стандартов, направленных на развитие организационно-управленческого мышления [15] с участием экспертов.
- Специализированные структуры: научно-образовательные центры (НОЦ), бизнес-инкубаторы, Центры поддержки студенческих и инициатив, Центры развития. Примером могут служить Центр управления проектами НФИ КемГУ, Центр корпоративного развития Института инноватики ТУСУР (г. Томск) и др.

- Стажировки преподавателей и студентов как на предприятиях, так и в структурах компаний за пределами России.
- Разработку совместных программ, направленных на вовлечение молодёжи в активные формы действия, направленные на решение проблем территории, например, в малое предпринимательство и создание новых услуг.

Благодаря системе взаимодействия с предприятиями можно добиться следующих изменений в городской среде:

- Смена масштаба и изменение границ индивидуального и коллективного действия.
- Изменение формы представления результатов деятельности (как индивидуальной, так групповой и учрежденческой).
- Появление новых позиций, в том числе и лидерских, и людей, способных взять на себя ответственность за будущее города.
- Внедрение новых образовательных и информационно-коммуникативных технологий взаимодействия.
- Внедрение новых образовательных программ, разработанных в партнёрстве университетов и предприятий.
- Увеличение количества направлений взаимодействия с предприятиями.
- Новые технологии поиска партнёров и других сетевых ресурсов.
- Появление новых городских традиций, проектов и программ.

Опыт сотрудничества НФИ КемГУ и предприятий через Центр управления проектами в рамках социального партнёрства с крупными компаниями, имеющими свои предприятия на территории Новокузнецка, представлен в краткой аннотации студенческих проектов, реализованных в 2007 г.

1. Проект «Во имя общего будущего» реализован в сотрудничестве с объединённой компанией РУСАЛ. Представляет собой цикл мероприятий (серии «круглых столов» и мастер-классов), которые способствуют установлению взаимодействия работодателей и студентов во имя общего будущего. Проект предполагает установление прямых контактов с работодателями, ведущими топ-менеджерами предприятий и компаний г. Новокузнецка и Кемеровской области, направлен на сближение требований к молодым специалистам, которые формируются у работодателей в соответствии с требованиями

рынка и конкурентоспособности предприятия, и возможностями молодых специалистов.

2. Проект «Аукцион студентов» реализован в сотрудничестве с объединённой компанией РУСАЛ. Инновационный конкурс «Аукцион студентов» представляет собой комплекс мероприятий, направленных на формирование у студентов тех качеств, которых требует работодатель в современных условиях. Это, в частности, стремление к лидерству, ораторское искусство, умение быстро и правильно находить решение поставленных задач, способность отстаивать свою позицию, аналитическое мышление. В результате конкурса составляются межвузовские и отдельно для каждого вуза рейтинги студентов – участников конкурса. Конкурс имеет свой информационный ресурс-сайт [14]. Результатом конкурса является трудоустройство выпускников или рекомендации работодателей.

3. «Посёлку – чистые улицы (посёлок Теба)» реализован по гранту Global Green Grand Fond, США. Проект направлен на формирование культуры уборки мусора у жителей посёлка. В рамках проекта изготовлены контейнеры и определены совместно с жителями посёлка места их установки, проведены тренинги для школьников по вовлечению в волонтерскую работу, обучающие семинары по теме «Система обращения с отходами».

4. Проект «Распространение технологии "Дебаты" в г. Новокузнецке» реализован совместно с компанией Евраз. Проект направлен на создание сети клубов «Дебаты» в вузах города Новокузнецка и обучение школьников города технике участия в дебатах.

5. Проект «Симулятор дома» реализован совместно с компанией Евраз. Проект направлен на повышение качества жизни горожан путём включения их в процессы домоуправления через освоение экономических и правовых навыков управления домом с использованием компьютерной обучающей игры.

Имеющийся опыт позволяет выделить и барьеры на пути к сотрудничеству университетов и предприятий в целях развития территории. Отметим некоторые из них. Это закрытость образовательных структур и компаний, действующих на территории. Так, предприятия в последние годы выработали политику по управлению, развитию и подготовке персонала; идут разработки корпоративных профессиональных стандартов крупных компаний в регио-

не, – но эти разработки ведутся без учёта опыта университетов и других образовательных структур, как будто их нет вообще.

При решении городских проблем выбор делается в пользу знакомств и устоявшихся связей, сложившихся в другой экономической и политической ситуации. Вместо занятия и предъявления собственной позиции используется опора на авторитеты (редко на экспертное мнение), имеется установка на ожидание сигнала (приказа) или прямого указания «как делать» от властных структур, и др.

Сотрудничество как университетов на территории, так и университетов с предприятиями возможно, если появится коллективная позиция сообщества, отвечающего за развитие территории, тогда переходный период приведёт к ожидаемым изменениям, формированию инновационной городской среды.

Список литературы

1. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года. Приложение к Закону Кемеровской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области» [Текст]. – Кемерово : Книга, 2008. – 223 с.
2. Щедровицкий, П. Г. Формула развития [Текст] : сб. ст. 1987–2005 гг. / П. Г. Щедровицкий. – М. : Архитектура-С, 2005. – 224 с.
3. Давыдова, Н. М. Методика расчета ресурсной обеспеченности при анализе социальной стратификации [Текст] / Н. М. Давыдова, Н. Е. Тихонова // Социологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 29–41.
4. Горбунов, В. Г. Инвестиции в формирование человеческого капитала наукоёмкого предприятия [Текст] / В. Г. Горбунов // Креативная экономика. – 2007. – № 7. – С. 57–66.
5. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации [Текст] / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2005. – 528 с.– (Серия «Концепции»).
6. Андрусенко, Т. Б. Капитал XXI века [Текст] / Т. Б. Андрусенко // Креативная экономика. – 2007. – № 8. – С. 3–9.
7. Проект «ИНО Томск`2020» [Электронный ресурс] // Сайт Томского инновационного форума-2010. – Режим доступа: <http://innovus.biz/ru/ino-tomsk/>.
8. Неклесса, А. Камелот, или Интеллектуальная мобилизация России [Текст] / А. Неклесса // Журнал Со-Общение. – 2005. – № 5.– С. 15–19.
9. Желтов, А. В. Технологический пакет: понятие [Текст] / А. В. Желтов // Следующий шаг. – 2009–2010. – № 9–10. – С. 138–145.
10. Малявин, В. В. Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха [Электронный ресурс] / В. В. Малявин // Электронная библиотека для студентов WebBL.ru. – Режим доступа: http://www.webbl.ru/?action=show_book&grup=idb&id=3609&query=
11. Цукер, А. А. Открытость как принцип образования и педагогической науки: обозначение темы [Текст] / А. А. Цукер // Школа и открытое образование : сб. науч. тр. по материалам III Всерос. науч. тьюторской конф. (12–14 февраля 1998 г.) и региональных семинаров / отв. ред. И. Д. Проскуровская, А. О. Зоткин. – Томск, 1999. – С. 37–43.

12. Выстроим взаимодействие между миром труда и миром образования через программу TEMPUS [Текст] : материалы Еврокомиссии. – Люксембург: Бюро официальных публикаций европейских сообществ, 2007. – 65 с.
13. Котельников, С. И. Социокультурные и ситуативные факторы экономического развития. Проектный и программный подход [Текст] / С. И. Котельников // Вопросы методологии. – 1994. – № 1–2. – С. 94–101.
14. Проектная сессия по разработке стандарта компетенций для образовательных программ [Электронный ресурс] // Сайт НФИ КемГУ. – Режим доступа: http://tsup.nkfi.ru/sobitiya/doc/kr_stol2.doc.
15. Официальный сайт конкурса «Аукцион студентов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rating.nkfi.ru/>.

Н. В. Мальковец

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ГОРОДЕ НОВОКУЗНЕЦКЕ

В статье приведены результаты исследования практики развития форм общественного участия в городе Новокузнецке. Выявлены проблемы, даны рекомендации по взаимодействию органов власти и населения.

Местное самоуправление – это такой уникальный институт, который, являясь уровнем публичной власти, призван способствовать решению проблем в местных сообществах, развивать инициативу людей, помогать государству поднимать экономику, благоустраивать новые земли и даже преодолевать кризисные ситуации.

Местное самоуправление – это уровень власти, который является ближайшим к населению и не может существовать без участия населения, – такова природа этой власти, являющейся одновременно и институтом гражданского общества [1, с. 7–13]. Здесь жители всегда остаются полноправными и законными участниками управления своим местожительством, сельским или городским поселением. Местное самоуправление является для них школой демократии. А что означает для жителей чувствовать себя участниками процесса управления городом, и как создать для этого необходимые условия?

Несмотря на то что в соответствии с российским законодательством избранные депутаты и глава муниципального образования получают от населения лишь часть полномочий, всё-таки многое зависит от позиции местной

власти, её готовности воспринимать жителей как партнёров, с которыми необходимо выстраивать отношения для совместного решения проблем. Очень часто такая позиция требует от конкретных должностных лиц изменения собственных представлений о власти и кардинального изменения её приоритетов. Такой подход требует не просто работы с населением и развития общественных связей, но также и создания системы «общественного участия» (от английского «people's participation»). Этот термин (именно в таком сочетании, по сравнению с более официальным «участие в осуществлении местного самоуправления») несёт в себе такие значения, как «содействие», «соучастие», «сочувствие» [3, с. 20–23].

Российское законодательство предусматривает различные формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления: местные референдумы; муниципальные выборы; голосования по различным вопросам (например, по отзыву депутатов и выборных должностных лиц местного самоуправления, по вопросам изменения границ и преобразования муниципальных образований); а также такие формы участия населения в осуществлении местного самоуправления на основе собственных инициатив, как опросы по различным проблемам местной жизни, собрания и конференции, публичные слушания, правотворческая инициатива граждан, обращения граждан в органы местного самоуправления – и территориальное общественное самоуправление. Участие граждан в местном самоуправлении основывается на принципах законности и добровольности. Государственные органы и их должностные лица, органы и должностные лица местного самоуправления обязаны содействовать населению в осуществлении местного самоуправления.

Общественного участия можно добиться, развивая эти нормы в городе таким образом, чтобы нормативное обеспечение подкреплялось реальным участием жителей, постоянным и эффективным. Необходимо наладить обратную связь, «дойти» до каждого жителя, сделать его полноправным участником коллективного процесса управления. Общественное участие должно развиваться вместе с городом, поэтому все планы и программы развития муниципального образования должны формироваться при непосредственном участии представителей всех слоёв общества: бизнеса, власти, некоммерческого сектора и т. д. – предусматривать развитие форм самоуправления. Активное участие жителей в управлении своим муниципальным образованием

является условием устойчивого развития территории и условием эффективного местного самоуправления.

Чтобы проанализировать степень общественного участия в городе Новокузнецке, понять, что необходимо исправить, как изменить сложившуюся практику, как дать развитие инновациям в этой сфере, нами совместно со студентами НФИ КемГУ, обучающимися по специальности «Государственное и муниципальное управление», был проведён ряд исследований.

В ходе этих исследований мы, в частности, пытались выяснить, как часто в городе проводятся опросы граждан. В конце 1990-х и начале 2000-х гг. в городе довольно часто проводились опросы по проблемам благоустройства, работы общественного транспорта и т. д. Однако в последние годы такие опросы практически не проводятся. По закону право инициировать проведение опросов населения по вопросам местного значения принадлежит и представительному органу, и главе муниципального образования, но решение о проведении опроса принимает только представительный орган. Важно, чтобы он чаще выступал именно инициатором проведения опросов как одного из эффективных способов активизации населения. В бюджетах на очередной год необходимо предусматривать целевые средства на организацию проведения опросов. Нами выявлено, что жители Новокузнецка хотели бы высказать своё мнение о том, нравится ли им город, что бы они хотели в нём изменить, а что, как дорогую память о прошлом, хотели бы оставить без изменений и по многим другим вопросам.

Очевидно, что в ближайшее время появится новая система проведения опросов общественного мнения, так как эта форма предусмотрена законодательством для оценки деятельности органов местного самоуправления. Многие показатели, особенно в социальной сфере, определяются по итогам опроса граждан. Это определено специальным Постановлением Президента РФ. Очень важно, чтобы активные жители имели возможность принять участие в опросах, инициированных властями, могли сами проявлять такую инициативу, знать результаты общественного мнения и то, каким образом общественное мнение учитывается при принятии решений властями. Эти условия необходимо закрепить в нормативном акте, регулирующем процедуру проведения опросов жителей города Новокузнецка.

Нами была рассмотрена проблема возможности новокузнецчан высказать своё мнение о происходящем, о работе городских служб, муниципальных и государственных чиновников, получаемых услугах, работе транспор-

та и т. д. Однозначного ответа на этот вопрос нет: с одной стороны, есть сайт городской администрации, куда можно отправить свои замечания и предложения, есть городская пресса, которая регулярно публикует письма читателей на разные темы, – самые активные жители знают, как попасть на приём или встречу с депутатом, городскими руководителями и т. д. Недавние события, связанные с управлением в жилищной сфере, показали, что людям есть что сказать, и они хотели бы высказаться. С другой стороны, большинство людей могут признать, что они не имеют возможности высказать своё мнение. То есть возможность высказаться есть только у тех, кто проявит настойчивость, а массовых опросов, широкомасштабной кампании по обсуждению городских проблем давненько не наблюдается. И даже те, настойчивые, не всегда бывают услышаны и поняты местной властью [5].

В ряде городов в настоящее время создаются (или возрождаются) общественные ресурсные центры, которые обучают активных людей, как создать организацию, написать её устав, пройти государственную регистрацию. А лидеров существующих организаций – взаимодействию с властью, участию в управлении местным сообществом, технологиям высказывания своего мнения и лоббирования своих интересов. Для этого разрабатываются специальные программы, обучаются тренеры. В результате во многих городах сегодня общественные организации – полноправные участники процесса управления. Из них формируются различные общественные и консультативные советы, палаты, экспертные комиссии, работающие при главе города, совете и при структурных подразделениях администрации. В Новокузнецке много лет существовал Совет общественности, который, к сожалению, уже несколько лет не собирается. Существование такой структуры необходимо, так как это способствует преодолению отчуждения жителей и власти.

Особого внимания требует практика проведения публичных слушаний. В соответствии с законодательством они проводятся с целью обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования. Здесь необходимо отметить большую роль известной в Новокузнецке некоммерческой организации «Информационное экологическое агентство» (ИнЭКА), которая несколько лет назад впервые инициировала и организовала такие слушания, а затем неоднократно выступала в роли организатора публичных слушаний, в том числе по вопросам обсуждения различных программ развития города. В результате в Новокузнецке имеется опыт проведения публичных слушаний. И со-

вершено очевидно, что в большинстве своём граждане заинтересованы в обсуждении важных для муниципального образования планов и документов. Публичное обсуждение Генерального плана города Новокузнецка показало, что жители высказывают массу критических замечаний в адрес местной администрации – как по содержанию проекта документа, так и по поводу организационных вопросов. Однако ещё далеко не все жители знакомы с процедурами подготовки и проведения публичных слушаний, в особенности по вопросам землепользования и градостроительной деятельности. Об этом свидетельствуют многочисленные конфликты жителей и администрации в связи с уплотнением застройки жилых кварталов, размещением торговых точек и пр., ликвидацией в связи с этим спортивных и детских площадок, вырубкой зелёных насаждений и т. д. Все эти вопросы обязаны проходить процедуру публичных слушаний, но чиновники (и не только в Новокузнецке) уже научились делать так, что протесты жителей, как правило, отклоняются под разными предлогами, либо информация о проведении публичных слушаний не доходит до жителей. Чтобы преодолеть этот недостаток, на наш взгляд, необходима активная позиция депутатов Новокузнецкого городского Совета. Городу необходим депутатский и общественный контроль за организацией и проведением общественных слушаний. Депутаты должны принимать участие в публичных слушаниях вместе со своими избирателями, защищая и отстаивая права жителей.

В Новокузнецке создана целая сеть органов территориального общественного самоуправления (ТОС). Эти организации – надёжный и добросовестный помощник городской власти. В соответствии с российским законодательством, собрание граждан по вопросам организации и осуществления территориального общественного самоуправления считается правомочным, если в нём принимают участие не менее половины жителей соответствующей территории, достигших шестнадцатилетнего возраста. Наши студенты спрашивали у своих многочисленных друзей и соседей, знают ли они о существовании ТОС в своем микрорайоне. В основном были получены отрицательные ответы, что свидетельствует о том, что этот ресурс, как и многие другие, в Новокузнецке далеко не исчерпан.

В некоторых городах ТОС уже становятся субъектом развития новых форм управления, площадкой для апробации форм общественной самодеятельности и управленческих инноваций. Например, внедряемый в Волгоградской области региональный проект по развитию самоуправления по мес-

ту жителям носит название «Системный инновационный проект «Местное управление в Волгоградской области» [2, с. 57–100]. В рамках этого проекта поддерживается региональное общественное движение «Территориальное общественное движение», создана карта социального благополучия. В Новосибирске деятельность ТОС рассматривают с точки зрения создания образовательного пространства [6]. В некоторых муниципалитетах перед ТОСами поставлена такая новая задача, как изменение образа жизни граждан. Есть ТОС, которые имеют собственные сайты, создают своё электронное правительство, открывают информационные центры, компьютерные клубы. Кроме традиционной деятельности, связанной с благоустройством, контролем торговли, организацией праздников улиц и других форм досуга, информированием жителей и т. д., активисты ТОС берут на себя задачи сопровождения социальной поддержки граждан – от юридической консультации и помощи в оформлении документов до конкретных ремонтных и других работ (по договору с органами соцзащиты), открывают мастерские народного творчества (во взаимодействии с органами и учреждениями культуры), организуют охрану общественного порядка (совместно с органами милиции).

В соответствии с Федеральным Законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (131-ФЗ), ТОС – это единственная некоммерческая организация, обладающая правом вносить в органы местного самоуправления проекты муниципальных правовых актов, подлежащие обязательному рассмотрению этими органами и должностными лицами местного самоуправления. Это право пока слабо реализуется органами ТОС во всех городах. Хотя примеры уже имеются. В Перми по инициативе ТОС принято решение о поимённом открытом публичном голосовании депутатов. В нашем городе такие инициативы необходимы, чтобы, к примеру, ограничить ночную торговлю в помещениях многоквартирных домов, принять муниципальные программы развития общественной активности по месту жительства, предусматривающие просветительскую и исследовательскую деятельность, активизировать опросы жителей и т. д.

Однако надо отметить, что нормотворческая деятельность требует особых навыков, и этому надо обучать лидеров ТОС. Оказать содействие органам ТОС в получении необходимых навыков для реализации данной, предусмотренной законодательством, нормы, заинтересованы, прежде всего, депутаты. Являясь субъектом нормотворческой инициативы, площадкой для выявления и воспитания неформальных лидеров, ТОС становится (или может

стать) эффективным партнёром именно представительного органа муниципального образования. Но такую помощь могут оказывать и другие органы местного самоуправления, и устойчивые НКО, и вузы, и другие органы и организации.

В последние годы в Новокузнецке практически не проводятся ярмарки некоммерческих организаций, исчезли муниципальные гранты, публичные отчёты должностных лиц, всенародное обсуждение проектов важных муниципальных актов и т. д. Назрело развитие такой предусмотренной законодательством нормы, как голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, так как депутат или другое должностное лицо, не исполняющее свои обязанности или плохо исполняющее – это далеко не редкость в нашем муниципалитете.

В Новокузнецке возросло отчуждение – такая ситуация, когда жители муниципального образования воспринимают сложившуюся систему управления городом как глубоко несправедливую, чуждую и даже враждебную. Отчуждение свидетельствует об отсутствии позитивного взаимодействия власти и населения, о недоверии к власти. Преодоление такого взаимного недоверия – дело сложное, деликатное, но это самое важное условие достижения эффективности местного самоуправления и реализации такого ресурса развития территории муниципального образования, как общественное участие [4, с. 33–37].

Однако такое участие – далеко не первичная потребность человека, как, например, утоление голода или жажды. Чтобы стать гражданином, человек должен получить определённые знания, умения, навыки, должны сформироваться соответствующие традиции народовластия. Новокузнецчане любят свой город и в большинстве своём хотели бы сделать его лучше, чище, культурней. Этого можно достичь только вместе с властью, объединив усилия, использовав положительный опыт прошлых лет, лучшие практики других городов, новые инициативы.

Список литературы

1. Бабун, Р. В. Самая близкая к народу власть (о местном самоуправлении для всех) [Текст] / Р. В. Бабун, Н. В. Мальковец // Межрегиональный общественный фонд «Сибирский центр поддержки общественных инициатив». – Новосибирск, 2009. – 110 с.
2. Территориальное общественное самоуправление (ТОС) – роль и место в реализации местного управления и формировании гражданского общества: материалы

- Всерос. сем., 23–25 мая 2010 г., Волгоград [Текст] // Местное право. – 2010. – № 3. – С. 57–100.
3. Мальковец, Н. В. Общественное участие: есть ли повод для оптимизма [Текст] / Н. В. Мальковец // Сборник лучших практик взаимодействия населения и власти в решении местных проблем / под ред. К. В. Малова; АСГД. – Новосибирск, 2009. – С. 20–23.
 4. Мальковец, Н. В. Преодоление отчуждения в системе местного самоуправления [Текст] / Н. В. Мальковец // Современные технологии в муниципальном управлении : материалы науч.-практ. конф. (25–26 апреля 2002 г.) / под общ. ред. Р. В. Бабуна. – Новокузнецк: РИО НФИ КемГУ, 2002. – С. 33–37.
 5. Мальковец, Н. В. Содействие, соучастие, сочувствие [Текст] / Н. В. Мальковец // «Кузнецкий рабочий». – 2010. – 21 октября.
 6. Образовательное пространство территориального общественного самоуправления [Текст] : моногр.: в 3 т. Т. 1. Опыт Новосибирска / авторы-составители: В. И. Варющенко, К. В. Варющенко, В. В. Гладких, Н. Д. Стрельникова; под общ. ред. В. И. Варющенко. – Новосибирск : НИПКиПРО, 2004. – 110 с.

И. С. Морозова, А. П. Картавцева

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово
Прокопьевский филиал ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Прокопьевск

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ВЕДУЩАЯ ФОРМА ДИВЕРСИФИКАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье исследуются особенности развития учреждений высшего профессионального образования, расположенных в регионах.

В настоящее время в соответствии с особенностями современного этапа и перспективами развития экономики и социальной сферы увеличивается потребность в специалистах различных уровней квалификации, повышаются требования к компетентности, технологической культуре и качеству труда. Большое количество образовательных учреждений высшего профессионального образования обуславливают гибкость и мобильность системы высшего образования, играющего важную роль не только в подготовке кадров для всех отраслей экономики и социальной сферы, но и в удовлетворении потребностей населения с ограниченными финансовыми возможностями.

Становление рыночных отношений и проведение радикальных экономических реформ привели к возрастанию роли регионов в экономике страны: их развитие становится приоритетным направлением. Каждый регион России характеризуется присущими ему природными ресурсами, национальными

и историческими чертами, уровнем экономического развития, структурой хозяйства, специализацией. Занимая определённое место в хозяйственном комплексе страны, он составляет в то же время единое экономическое целое с другими регионами. При этом значительное влияние на социально-экономическое развитие региона оказывает образовательный потенциал. Как отмечает И. Мозес, один из основных принципов высшего образования заключается в следующем: «Университеты должны способствовать процветанию, обогащению общества, культуры и экономики. Выполняя свою роль хранителей, создателей и распространителей знания, университеты способствуют обогащению людей и общества, частью которого они являются. Они должны стремиться поставить свой интеллектуальный потенциал на службу обществу» [3].

Человеческие ресурсы стали определяющим фактором для формирования конкурентных преимуществ экономики страны: технологические изменения, от которых зависит экономический рост, не привносятся извне, а возникают преимущественно внутри самой макроэкономической системы как результат накопления человеческого капитала. При этом совокупный человеческий капитал имеет двойственную структуру. С одной стороны, он включает в себя знания, умения, навыки, накопленные мировым сообществом, а с другой – человеческие способности, их воспроизводство и совершенствование. Самый мощный инвестиционный ресурс – человеческий потенциал – создаётся благодаря образовательной среде. Образованное общество и качество человеческого потенциала являются той основой, которая позволяет в конечном счёте обеспечить поступательное развитие государства по всем направлениям. В российском обществе начинают формироваться образы, формы и стандарты высококачественного образования. Вырабатывается «иммунитет» против второсортного высшего образования с заниженными академическими, социальными и профессиональными параметрами и конкурентным потенциалом.

Учреждение высшего профессионального образования, расположенное в малом городе, – это, скорее, феномен, характерный до недавнего времени для развитых стран Европы и Америки. Особенностью России 1990-х гг. стало проникновение высшего образования на периферию – в малые города. Российская провинция получила возможность освободиться от «синдрома глухомани» и депрессивности, а её жители – доступ к высшему образованию «дома», в родном городе.

Повышение уровня образования, в свою очередь, необходимо в слабо развитых регионах, особенно в маленьких городах. С получением высшего образования происходит достаточно последовательное, предсказуемое формирование качеств профессиональной деятельности. Это не просто знания и навыки, хотя и они играют сегодня очень большую роль. Это ещё и культура, и потенциал саморазвития, и развитые творческие способности, и позиции нравственности, и обострённое чувство социальной ответственности – полный комплект тех черт личности, которые превращают профессиональную деятельность в общественное благо. Высокий конкурс при поступлении в вузы, постоянный рост издержек на оплату обучения, проживания, проезда – всё это создавало и создаёт проблему для выпускников тех регионов, где недостаточно высокие доходы у населения. У родителей нет финансовой возможности обучать детей в крупных городах. В таких регионах возникают острые проблемы: отток наиболее конкурентоспособных выпускников, знания которых позволяют поступить в крупные вузы и на бюджетную основу; снижение общего уровня образования населения, а также дефицит квалифицированных кадров.

Образовательные потребности населения малого города являются объектом региональной образовательной политики, которая «направлена на развитие и формирование личности, удовлетворение социально-экономических, культурных и образовательных потребностей населения региона и создаёт условия для достаточно автономного функционирования и развития региональных образовательных систем» [1]. Особенности экономического развития и социокультурной среды малого города определяют структуру и уровневые параметры образовательных потребностей населения. На их формирование влияет и состояние градообразующих предприятий, не позволяющее гарантировать выпускникам вузов трудоустройство в родном городе, и уровень развития культуры в малом городе, и качество довузовской подготовки, формирующее своеобразный «комплекс провинциальности», и многие другие проблемы. Образовательные потребности, их формирование и реализация, будучи обусловленными во многом характером региональной образовательной политики, увязываются с «проблемами занятости и трудоустройства населения, демографии, миграции, экологии и здоровья, безопасности и порядка, градостроительными проблемами и проблемами малого бизнеса» [4].

Основные проблемы формирования и реализации образовательных потребностей населения малого города заключаются в следующем:

- в условиях замкнутых региональных рынков труда возникают деформации в структуре образовательных потребностей населения;
- диспропорция между образовательными потребностями личности, требованиями рынка труда и возможностями рынка образовательных услуг снижает эффективность деятельности высшей школы в удовлетворении образовательных потребностей населения, с одной стороны, и воспроизводства и развития социально-профессиональной структуры региона, с другой;
- в условиях малого города возникает противоречие между образовательными потребностями и образовательными возможностями населения, обостряется проблема доступа к обучению;
- в условиях малого города возникает альтернатива «доступ к образованию – высокое качество образования», что снижает уровень потребностей населения в качестве образовательных услуг;
- существующие условия образовательного процесса (социокультурные, технологические, организационные, кадровые) усугубляют разрыв между «столичным» и «провинциальным» образованием, деформируя структуру образовательных потребностей, что негативно сказывается на формировании образовательного потенциала населения.

По мнению М. Е. Макеевой, «регионализация высшего образования – относительно новое явление российской действительности, обусловленное изменением всей системы вузовского обучения за последнее десятилетие» [2, с. 28]. При этом на протяжении всей истории своего развития образовательное пространство России характеризовалось ярко выраженной полярностью и дискретностью. Высшее образование в России, в отличие от США, Великобритании, Германии и ряда других стран, всегда являлось прерогативой крупных городов. Причём основные принципы централизма и столичности в территориальной организации высшей школы России были заложены ещё в XVIII в., когда Москва и Санкт-Петербург, являясь в разное время столицами Российской империи и крупнейшими российскими городами, стали центрами университетского образования.

В истории нашей страны предпринимались попытки упорядочения образовательного пространства, первая из которых принадлежит Ф. Дильтею, предложившему ещё в 1764 г. деление страны на учебные округа. В 1803 г. Россия впервые была поделена на шесть учебных округов (Петербургский, Московский, Виленский, Дерптский, Казанский и Харьковский). В каждом из округов планирова-

лось открыть университет. К середине XIX в. в связи с образованием Одесского, Белорусского, Кавказского и Варшавского округов общее число учебных округов достигло десяти. В 1885 г. создаётся новый Западно-Сибирский округ с центром в Томске. Создание округа объективно отражало не только сдвиги в территориальной организации общества, произошедшие во второй половине XIX в., но и свидетельствовало о новых приоритетах в региональной политике. Однако в 1917 г. учебные округа были ликвидированы.

В течение длительного времени в России господствовала модель своеобразной студенческой Мекки, которая характеризовалась перемещением абитуриентов от периферии к центру. Если образовательным центрам была присуща гипертрофированная концентрация интеллектуального капитала, то для большинства малых городов данная ситуация оборачивалась межрегиональной «утечкой мозгов» и отсутствием возвратной миграции после окончания вуза.

В качестве ведущих образовательных центров на сегодняшний день можно выделить такие города, как Москва, Санкт-Петербург, а также Казань, Ростов-на-Дону, Томск, Красноярск и некоторые другие. Очевидно, что наличие приблизительно десятка вузовских центров для России, обладающей исключительной по размерам территорией, – крайне мало. В то же время необходимость в специалистах высшей квалификации обуславливает весьма высокий спрос в регионах на получение высшего образования. Однако собственная структура вузовского обучения во многих малых городах была слабо развита. Таким образом, территориальный фактор является одним из главных ограничителей доступности высшего образования, что в свою очередь определяет необходимость регионализации высшего образования, а именно развития региональной системы высших учебных заведений, ориентированных на удовлетворение потребностей населения в образовании с учётом географической, экономической и социокультурной специфики региона [2, с. 29].

Регионализация высшего образования означает также более целенаправленную работу вуза на нужды конкретного региона посредством проведения научных исследований, разработки и реализации наукоёмких и информационных технологий через технопарки, подготовки и повышения квалификации кадров и т. п. Следует подчеркнуть, что регионализация как ведущая форма диверсификации образовательного пространства предполагает его сохранение и единство. Г. Ф. Шафранов-Куцев отмечает: «Новая региональная политика в области высшего профессионального образования должна строиться так, чтобы, с одной стороны, обеспечивать сохранение как одной из самых больших российских культур-

ных ценностей единого общенационального образовательного пространства, а с другой, – эффективность и конкурентоспособность региональных научно-образовательных систем субъектов Федерации в плане качественной подготовки специалистов, переподготовку и повышение квалификации кадров, проведения необходимых в регионе научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок» [5, с. 16].

Рассмотрение процессов регионализации образования с учётом разных его аспектов характерно для различных областей научного знания – экономики, философии, социологии образования. Концепция развития региональных университетов становится предметом устойчивой рефлексии научного сообщества высшей школы при оценке «вектора» развития высшего образования в России в начале XXI в. Значимость формирования региональной системы высшего образования подчёркивается целым рядом авторов (В. Д. Батухин, В. Е. Третьяков, З. Г. Ярмухаметов).

Среди основных факторов, определяющих необходимость развития регионализации как ведущей формы диверсификации образовательного пространства, можно выделить следующие. Во-первых, социально-экономические преобразования за последнее десятилетие обусловили неравномерность развития экономического пространства России. В последние годы возможности миграции молодёжи из регионов в крупные города для получения высшего образования были существенно снижены. Резкое повышение цен на энергоресурсы и тарифы на железнодорожно-транспортные услуги привело к понижению транспортной доступности высшего образования в крупных городах. Само проживание в подобных центрах становится крайне затруднительным для жителей регионов. С позиции доступности высшего профессионального образования Москва, Санкт-Петербург стали самыми «закрытыми» городами для студентов, приезжающих из малых городов России. Кроме того, на сегодняшний день сложились явные экономические барьеры при поступлении в вузы в форме платности высшего образования, репетиторства, многочисленных форм подготовки абитуриентов для поступления в высшие учебные заведения и т. д.

Высокая цена как «промежуточных механизмов», обеспечивающих поступление абитуриентов в вузы, так и образования в высшей школе создаёт реальные экономические преграды доступности высшего образования в «вузовских центрах». Иными словами, исторически сложившаяся территориальная организация высшей школы и социально-экономическая дифференциация уровня

жизни даёт большие преимущества в получении высшего образования для жителей столичных и крупнейших городов и тем самым актуализирует проблему неравенства в получении образовательных услуг жителей регионов. В данном случае речь идёт о проблеме стартового неравенства, когда место проживания, пространственная удалённость детерминируют возможности получения высшего образования.

По количеству основных вузов можно выделить два типа поселений: моноструктурные и полиструктурные. К городам второго типа относятся такие, как, например, Москва, в которой вузов много и велик разброс численности по поступлению. Как показывают исследования, именно жители Московского региона чаще всего поступают в вузы по месту жительства. В то время как в таком моноструктурном регионе, как Псковский, плохо обеспеченном вузами, большинство выпускников уезжают в другие города. Таким образом, чаще молодёжь уезжает из тех регионов, где меньше выбор вузов.

В качестве второй детерминанты регионализации как ведущей формы диверсификации образовательного пространства можно выделить необходимость формирования интеллектуального потенциала регионов как фактора постепенного выравнивания экономического развития России по регионально-географическому принципу. Как отмечают исследователи, чем выше показатели развития высшей школы для города, региона, тем большие возможности при прочих равных условиях они имеют для своего ускоренного демографического, социально-экономического и культурного развития [6, с. 12].

В перспективе необходим системный подход к функционированию профессионального образования на основе социально-экономических, национальных, демографических, экологических и других особенностей развития каждого региона. Сегодня выделяется два основных направления регионализации высшего образования:

- во-первых, тенденция регионализации в деятельности вузов просматривается в их более целенаправленной работе на конкретный регион посредством подготовки и повышения квалификации кадров, проведения научных исследований, связанных с проблемами региона, и т. п.;
- во-вторых, регионализация получает своё подтверждение ещё и в том, что вузы стремятся создать свои филиалы и другие подразделения в различных регионах России.

В современных условиях доминирующим направлением регионализации становится открытие вузовских филиалов. Становление самостоятельного регио-

нального вуза сопряжено со многими трудностями, связанными с развитием материально-технической базы, кадровым потенциалом, социальной сферой и многим другим. Поэтому образование вузовского филиала (при непосредственной поддержке головных вузов) оценивается как более реальная перспектива, позволяющая минимизировать возникающие сложности. Однако место и функциональное назначение филиалов в региональной системе высшего образования являются неоднозначными и требуют дальнейшей детализации.

Создание регионального университетского комплекса позволит говорить о качественно новом подходе к решению актуальных проблем высшего образования:

- создание среды, благоприятствующей наращиванию интеллектуального потенциала университета, развитию приоритетных фундаментальных и прикладных исследований, разработки наукоёмких технологий;
- достижение нового уровня информационно-технологического обеспечения учебного процесса и научно-исследовательской работы;
- реализация принципов непрерывного и политерриториального образования, развитие дистанционного и многообразия других форм образования;
- полномасштабное развёртывание образовательной деятельности университета по широкому спектру направлений, приоритетных в регионе;
- организация экономической, финансовой и хозяйственной деятельности с ориентацией на умножение внебюджетных поступлений.

Развёртывание интеграционных процессов в создании университетского комплекса логически должно сопровождаться разработкой программы его развития, поскольку программа традиционно выступает как форма констатации крупномасштабных замыслов и методов их осуществления. Каким должно быть научное обеспечение разработки и реализации этой программы? Какие процессы будут запускаться программой, и какими будут их последствия? На наш взгляд, это должна быть программа действий конкретных людей, объединяющихся на основе общности ценностей, видения проблем, путей и способов их решения. Объединённые усилия членов сообщества позволят увеличить масштабы деятельности и возможности осуществления преобразований. Программа развития университетского комплекса должна быть продуктом рефлексивного оформления реально осуществляемых действий данного сообщества. В этом случае программа становится не средством достижения социальных целей, носящих нередко конъюнктурный характер,

а, будучи программой действий сообщества, делается процессом реализации культуросообразных ценностей, принятых сообществом: цели же, средства и ресурсы становятся чисто техническими моментами этой реализации. Система должна строиться на принципах непрерывности, преемственности, интегративности, гибкости, конкурентоспособности, информационной прозрачности, мобильности, ориентации на потребности личности и общества. Непрерывное профессиональное образование, реализующее данные принципы, может стать рычагом для экономического подъёма региона.

Список литературы

1. Дудченко, Н. П. Формирование нового механизма финансирования высшей школы: инвестирование в человеческий капитал [Текст] : дис. ... канд. экон. наук / Н. П. Дудченко. – Кемерово, 2004. – 183 с.
2. Макеева, М. Е. Совершенствование деятельности вузовских филиалов в регионе [Текст] : дис. ... канд. социол. наук / М. Е. Макеева. – Кемерово, 2006. – 186 с.
3. Новые задачи высшей школы [Текст] / пер. с англ. – М. : Весь Мир, 2003.
4. Радзивилова, Г. А. Управление качеством образования в педагогическом вузе и его филиале (на примере малого города) [Текст] : дис. ... канд. пед. наук / Г. А. Радзивилова. – М., 2005. – 246 с.
5. Шафранов-Куцев, Г. Ф. Регионализация высшей школы: проблемы и решения [Текст] / Г. Ф. Шафранов-Куцев // Университетское управление. – 1997. – № 3 (3).
6. Шафранов-Куцев, Г. Ф. Новая модель классического университета в условиях регионализации высшего образования [Текст] / Г. Ф. Шафранов-Куцев // Университетское управление. – 2000. – № 2 (13).

Н. А. Позднякова

Муниципальное учреждение «Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя», г. Новокузнецк

ГРАНИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В статье представлены результаты международного сотрудничества ЦБС им. Н. В. Гоголя за последнее десятилетие (2000–2010 гг.).

Международное сотрудничество в последние годы сыграло определяющую роль в развитии ЦБС им. Н. В. Гоголя. За последнее десятилетие сотрудники библиотеки посетили Германию по приглашению школы библиомаркета (Москва), трижды побывали в библиотеках США (по программе «Открытый мир» Госдепартамента США), стали участниками пяти Крым-

ских и девяти международных конференций, которые проходили в Новосибирске, Междуреченске, Звенигороде, Новокузнецке. Эти поездки состоялись при поддержке Института «Открытое общество» фонда Сороса, при финансовой поддержке правительства Голландии, при поддержке и в рамках проекта, осуществляемого Европейским Союзом по программе TEMPUS TACIS, а также проектов, поддержанных Московской ассоциацией деловых библиотек.

С 2000 г. библиотека активно участвует в конкурсах грантов, занимается проектной деятельностью, работает по городским целевым программам. Подготовлено около ста проектов-заявок на участие в международных, федеральных, областных, муниципальных конкурсах: грантах Президента РФ, Фонда целевых программ «Культура России» Министерства культуры РФ, а также фондов Дж. Сороса, Билла Гейтса, Института международного образования фонда Форда, Министерства международного развития Правительства Великобритании и др. Сумма финансовых поступлений составила свыше двух миллионов рублей.

Проектная деятельность, знакомство с передовыми технологиями, опытом работы коллег за рубежом расширили наше видение в области современного библиотечного дела, позволили внедрить идеи, направленные на совершенствование работы. Библиотека всё время держит руку на пульсе своего города, определяет стратегию и тактику развития ЦБС, сверяя её с потребностями местного сообщества, ориентируясь на международные стандарты и достижения технического прогресса.

В 1995 г. директор ЦБС В. В. Скаленчук вместе с делегацией российских библиотекарей посетила Гютерслоо (ФРГ) в рамках проекта «Библиотеки открытого типа». Это была первая командировка сотрудников ЦБС за рубеж. Российские библиотекари изучали положение дел в лучших библиотеках Германии; этот опыт дал нам возможность определить новые пути развития ЦБС им. Н. В. Гоголя.

По заявке 2000 г. на грант Института «Открытое общество» (фонд Сороса) библиотека получила доступ в Интернет. Затем был получен грант на создание Библиотечно-информационного центра для инвалидов «Крылья», который играет важную роль в социализации людей с физическими ограничениями. Деятельность Центра строится на партнерстве с общественными организациями, на использовании разных форм работы, как традиционных, так и в большей степени инновационных. С 2006 г. Национальная библио-

течная служба библиотеки Конгресса США для незрячих и слабовидящих ежемесячно высылает в библиотечно-информационный центр «Крылья» информационные материалы: перечни и обзоры новых плоскочечатных и озвученных поступлений, описание мероприятий, отчёты о методической работе.

В 2002 г. О. Б. Гончарова, заведующая компьютерным залом «Аквариум» (в настоящее время заместитель директора по ИТ) прошла курс дистанционного обучения в магистратуре Института международного образования фонда Форда. В 2002 г. заместитель директора ЦБС Н. А. Позднякова приняла участие в Международной научно-практической конференции в Новосибирске «Библиотеки, обслуживающие людей с ограничением жизнедеятельности. Общественный сектор на пути к социальному партнерству», организованной областной специальной библиотекой для незрячих и слабовидящих при поддержке Института «Открытое общество» (фонд Сороса). Главный вывод, сделанный из выступления Дика Таккера (Нидерланды), – не создавать для инвалидов «гетто» в виде специальных библиотек, а строить общество на равных! Публичные библиотеки должны быть доступны всем, в том числе и людям на колясках. Наши взгляды на доступность публичной библиотеки после конференции кардинально изменились, и мы стали последовательно менять принципы своей работы.

В 2002 г. при финансовой поддержке Министерства международного развития Правительства Великобритании был реализован проект «Летний дворик "Под сенью муз"», по которому из захламленного строительным мусором внутреннего дворика центральной библиотеки был создан летний сад с читальным залом под открытым небом и возможностью проведения литературно-музыкальных, досуговых программ в тёплое время года. Создание возле библиотеки культурно-образовательного комплекса многофункционального назначения, места, привлекательного для горожан – практический яркий пример преобразования окружающей среды для развития и процветания культуры на благо города и его жителей. Результатом участия Н. А. Поздняковой в IX Международной конференции «Крым-2002» «Электронные информационные ресурсы и социальная значимость библиотек будущего» при поддержке Института «Открытое общество» фонда Сороса стало вступление ЦБС Новокузнецка в библиотечный консорциум «МАРС» – (Межрегиональная аналитическая роспись статей). Это дало библиотеке широкие возможности получения информации о периодических изданиях, в том числе и тех, которые она не выписывает.

Руководитель библиотечно-информационного центра «Крылья» Ю. С. Романова участвовала в российско-французской конференции 2003 г. «Доступное образование высокого уровня». Конференция проводилась Новосибирским государственным университетом, Новосибирской региональной общественной организацией инвалидов, Центром независимой жизни «Финист» в рамках совместного с Технологическим университетом г. Бордо (Франция). Проект финансировался TACIS LIEN. Российские, французские и американские специалисты в области доступности среды, преподаватели вузов, руководители социальных служб и общественных организаций инвалидов делились опытом интеграции людей с ограниченными физическими возможностями в систему образования высокого уровня.

Позднее в Новокузнецке центр «Крылья» стал оказывать инвалидам серьёзную поддержку при поступлении в вузы города и дальнейшем обучении в них. В результате две студентки – Виктория Писарчук и Юлия Гайденко – закончили факультет русского языка и литературы КузГПА, ещё двое – НФИ КемГУ: Эдуард Воробьёв стал адвокатом, Наталья Гниденко работает юристом и преподаёт в НФИ КемГУ, Кира Тельминова закончила СибГИУ по специальности «Социальная работа». Выпускники и студенты с инвалидностью пишут статьи на социальные темы, участвуют в выпуске информационного бюллетеня «Крылья», в радиопередачах, в прямых эфирах на телевидении. Такое положение дел становится нормой для нашего города. Получив образование, ребята находят себе применение в профессии, обретая полноту и смысл жизни, подают вдохновляющий пример другим, и интеграция людей с ограниченными физическими возможностями в систему образования уже не является редкостью для Новокузнецка.

Результатом участия О. Б. Гончаровой в X Юбилейной международной конференции «Крым-2003» «Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества» стало вступление новокузнецкой ЦБС в корпоративный проект «Виртуальная справка», подготовка и реализация Перспективной программы автоматизации ЦБС.

Сотрудники библиотеки на протяжении нескольких лет принимали участие в программах обмена «Открытый мир» и выезжали в США (в 2003 г. – в программе «Женщины-лидеры на Западе: Библиотекари. Политики. Деятели культуры»; в 2004 г. – в программе «Библиотечный менеджмент»; в 2006 г. – в программе «Лидеры библиотек»). Статус выпускников обменных программ позволил библиотеке претендовать на создание Центра откры-

того доступа в Интернет на базе компьютерного зала «Аквариум» под эгидой некоммерческой организации Project Harmony, Inc. (США). В официальной церемонии открытия Центра принял участие г-н Чарльз Хосворд – один из основателей и директоров Project Harmony, Inc., Л. Карагодова – координатор проекта в России, представители администрации города, выпускники обменных программ, почётные гости. Библиотека расширила возможности полноценного онлайн-доступа к мировым информационным ресурсам.

В мае 2006 г. компьютерный зал «Аквариум» присоединился к программе IDEA «Открытый мир информационных технологий», основанной Project Harmony, Inc. и фирмой Microsoft. «Аквариум» обеспечивает свободный доступ пользователей библиотеки к электронным информационным ресурсам через Интернет, CD, базы данных. Получено программное обеспечение для проведения обучающих курсов, а также мультимедийный энциклопедический словарь на английском языке на пяти дисках. На базе Центра проводятся обучающие курсы и семинары. Люди с ограничениями жизнедеятельности обучаются в Центре основам работы на ПК бесплатно.

На базе Информационного центра открытого доступа «GO!gogolevka.ru» в партнёрстве с Новокузнецкой городской общественной организацией «Шория» проводятся бесплатные обучающие курсы для представителей коренных малочисленных народов Кемеровской области. По программам «Основы компьютерной грамотности», «Основы информационного поиска в Интернет», «Создание электронного почтового ящика» студенческая и рабочая молодежь (шорцы, телеуты) обучалась информационной культуре, работе со справочно-правовой системой «КонсультантПлюс». По окончании курса по программе «Обучение и доступ в Интернет», руководимой и финансируемой Project Harmony, Inc., студентам были выданы сертификаты.

Вовлечённость библиотеки в международную деятельность – участие в конференциях и форумах, повышение квалификации специалистов, работающих на уровне международных информационно-библиотечных и культурных связей, реализация проектов по грантам – привели к ощутимым позитивным изменениям в социокультурной сфере. Библиотека, выступая гарантом равного доступа к информации, активно участвуя в решении социально значимых проблем, способствует становлению гражданского общества.

Работа над проектами показала, насколько возрастают возможности библиотеки, насколько она может быть востребована в местном сообществе

при творческом использовании накопленного потенциала традиционных библиотечных услуг в сочетании с новыми технологиями и в партнёрстве с заинтересованными сторонами.

В 2002 г. в ЦГБ им. Н. В. Гоголя прошли встречи библиотекарей города с директором публичной библиотеки г. Куксхафен (Германия) Германом Майером, посетившим Новокузнецк по приглашению активных читателей библиотеки А. Н. Дёмина и В. И. Кравченко. Состоялся заинтересованный профессиональный разговор. У Г. Майера возникло намерение при поддержке общественности Германии приобрести в дар нашей библиотеке автомобиль-библиобус с книгами и журналами на немецком языке. К сожалению, международный книгообмен не состоялся, так как выяснилась невыполнимость подобной благотворительной акции из-за таможенных преград. Но жест доброй воли был по достоинству оценен. Г. Майер передал в дар ЦБС книги о своей библиотеке и альбом фотографий.

В 2004 г. в Новокузнецке, Костёнково и Таштаголе состоялся III Форум публичных библиотек России «Библиокараван-2004» по теме «Стратегия развития публичных библиотек», в котором приняли участие четыреста сорок библиотечных сотрудников, в том числе сто библиотекарей из сорока российских городов. Программа Форума включала выступления ведущих специалистов в области библиотечного дела А. В. Пурника (Москва), Е. В. Захаровой (Москва), Г. Б. Паршуковой (Новосибирск), Ю. Ю. Лесневского (Новосибирск), Н. И. Гендиной (Кемерово), И. С. Пилко (Кемерово). Обсуждались такие темы, как реализация стратегии развития публичных библиотек, информационный сервис в библиотеках, библиотека равных возможностей. На «Библиокараван» была приглашена директор публичной библиотеки Додж-Сити (штат Канзас, США) Мэри Энн Тьютшеверз. Несмотря на то что её визиту предшествовали трагические события в Беслане, Мэри всё-таки отважилась приехать, предварительно приведя свои дела в порядок и написав завещание. М. Э. Тьютшеверз выступила на открытии «Библиокаравана» с докладом и электронной презентацией на тему «Публичные библиотеки Америки и местное сообщество: пути взаимодействия». Во время своего визита она активно участвовала в проведении «круглых столов», рассказывала о значении библиотек в американской социокультурной среде, отвечала на многочисленные вопросы аудитории в библиотеках города, давала интервью журналистам.

В информационном бюллетене РБА № 38 за 2006 г. в статье «Программа "Открытый мир": наши коллеги глазами американцев» Мэри отметила: «Меня поразило, насколько широко ведётся общественная работа в сибирских библиотеках. Лишь немногие из наших крупнейших библиотек могли бы посоревноваться с ними в предоставляемых услугах. У них прекрасно получается сочетание общественной работы и художественного творчества; они предоставляют вполне конкретную помощь инвалидам и при этом ведут множество программ по культуре и искусству и совместных проектов». Герман Майер и Мэри Тьютшеверз стали Почётными читателями библиотеки. Благодаря визитам Г. Майера и М. Э. Тьютшеверз библиотечные сотрудники города имели уникальную возможность узнать от зарубежных коллег о современном состоянии библиотечной отрасли и определить перспективы дальнейшего развития своих библиотек.

В 2005 г. сотрудники ЦБС приняли участие в Международном семинаре «Стратегическое планирование и управление изменениями», проводимом на базе научно-технической библиотеки СибГИУ. Руководил семинаром Френсис Саймон, магистр гуманитарных наук, действительный член библиотечной Ассоциации Великобритании, серьёзный аналитик, опытный практик, превосходный лектор. Семинар проводился при поддержке и в рамках проекта, осуществляемого Европейским Союзом по программе TEMPUS TACIS. Горячая убежденность Ф. Саймона, его вдохновляющие идеи и уверенность в том, что «хорошая команда – это ударная сила, которой по плечу любая задача», сыграли решающую роль в принятии решения о проведении в 2006–2007 гг. Программы реструктуризации ЦБС с целью адаптации к изменяющейся внешней среде и удовлетворения требований местного сообщества. Одним из значимых результатов реструктуризации стало создание в библиотеке современного комфортного Центра общественного доступа «GO!gogolevka.ru» для беспрепятственного предоставления правовой, краеведческой, социально значимой информации на традиционных и электронных носителях для всех слоев населения. Таким образом, правильно спланированные и проведённые инновации способны наполнить традиции новым содержанием, сделать организацию более привлекательной для сотрудников, потребителей и общественности.

Несколько примеров реализованных идей:

- в ЦГБ им. Н. В. Гоголя установлен пандус;
- в фонд приобретаются «говорящие» книги для слабовидящих читателей;

- проводятся акции «Город без барьеров – город будущего» и другие мероприятия, направленные на успешную интеграцию в общество людей с ограниченными физическими возможностями;
- *инва-лидеры* привлекаются к участию в подготовке и проведении семинаров-тренингов, в конкурсах и акциях по отстаиванию своих прав, в телевизионных и радиопрограммах, в издании информационного бюллетеня «Крылья»;
- организуется помощь волонтеров общественному движению инвалидов;
- оказывается помощь организациям в написании грантов, в подготовке партнёрских проектов;
- ведётся работа по открытию широкого доступа к фондам, штрих-кодированию книг;
- сертифицированным специалистом ЦБС ведется работа с виртуальной справкой;
- на «АртБате у Гоголевки» проводятся городские фестивали книг;
- в вестибюле размещены стенды с информацией о спонсорах и почетных читателях библиотеки;
- акция «Добрая воля. Купи для библиотеки» по примеру США имеет хорошие результаты: фонд пополняется самой лучшей и нужной литературой.

Повышение уровня работы библиотеки, поднятие её авторитета в профессиональном сообществе, создание образа современной библиотеки для населения – ключевые результаты применения полученного опыта. Мир огромен, интересен, богат ресурсами, накопленным опытом, друзьями-подвижниками своего дела, и нам есть чему учиться друг у друга, есть что перенять и передать, совершенствуя себя и мир вокруг. В союзе, в понимании, в дружбе мы все становимся лучше и богаче, сильнее и цивилизованней. Во взаимном обогащении идеями рождаются силы, способные воплотить эти идеи в жизнь.

М. А. Рогачёва

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ ГОРОДА НОВОКУЗНЕЦКА

В работе анализируется экономика города Новокузнецка, рассматриваются направления её диверсификации.

Новокузнецк – это город с богатейшей историей, один из старейших городов Сибири. В силу своего экономического развития, исторического и культурного наследия, а также благодаря географическому положению сегодня Новокузнецк – один из крупнейших металлургических и угледобывающих центров России. Металлургическое производство занимает лидирующее положение в структуре его промышленного производства и составляет 66 %. На втором месте – добыча полезных ископаемых. Далее – производство и распределение электроэнергии [1].

Новокузнецк по-прежнему сохраняет монопродуктовую структуру экономики. Понятие «монопродуктовая экономика» в научной литературе, как правило, применяется к городам, в которых одно–два основных градообразующих предприятия относятся к одной отрасли промышленности или иной хозяйственной сферы, и с этими же предприятиями связаны основная занятость, доходы населения и местных бюджетов. Сущность данного феномена – в жёсткой зависимости между развитием всех сфер жизнедеятельности города и финансово-экономическим положением градообразующего предприятия.

Для характеристики монопродуктовой экономики большинство исследователей используют следующие количественные критерии. Первый критерий: доля работающих на одном градообразующем предприятии или группе предприятий, связанных единой технологической цепочкой, составляет не менее 25 % экономически активного населения. Второй: объём производства такого предприятия или группы предприятий составляет не менее 50 % в отгрузке продукции населённого пункта [3].

Степень влияния предприятий металлургического комплекса на экономику города Новокузнецка, социальную стабильность очень велика. Их деятельность затрагивает все направления жизнедеятельности города. Именно поэтому мировой экономический кризис так повлиял на новокузнецчан. Сни-

жение объёма производства привело к сокращению штата сотрудников, а потерявшие работу столкнулись с ограниченными возможностями трудоустройства. Произошло снижение доходов населения и общего уровня жизни.

Для стабилизации ситуации и обеспечения устойчивого развития города необходима диверсификация экономики и градообразующих предприятий. Стратегия диверсификации экономики города Новокузнецка имеет целью снижение рисков, характерных для монопродуктовой экономики, и увеличение занятости населения. Наличие ресурсов и спроса на производимую продукцию являются основными критериями при выборе направлений диверсификации. Основные направления включают:

- развитие машиностроения;
- развитие производства строительных материалов;
- развитие электроэнергетики;
- переработку техногенных отходов;
- развитие науки [2].

Рассмотрим каждое направление подробнее:

Машиностроение следует развивать в направлении производства запасных частей, деталей и узлов для предприятий базовых отраслей с постепенным освоением производства более сложного оборудования, производства оборудования для природоохранных объектов и др. Необходимо создание сети фирменных сервисных центров технологического оборудования и машин, ориентированной на угольные и металлургические предприятия. В России эта отрасль развита очень слабо, поэтому промышленным предприятиям приходится закупать оборудование и запчасти к нему в иностранных компаниях. Развитие данной отрасли в Новокузнецке позволит удовлетворить потребность местных предприятий, а затем можно будет выйти и на федеральный уровень. Реализация данного направления позволит сократить расходы предприятий на покупку и транспортировку оборудования и даст возможность своевременно осуществлять его техническое обслуживание, ремонт и замену быстро изнашивающихся деталей.

Необходимость *развития промышленности* строительных материалов обусловлена растущими потребностями в них строительной отрасли и возникшим дефицитом ряда строительных материалов. В городе Новокузнецке постоянно ведётся строительство жилья, что требует больших объёмов строительных материалов, в том числе и высокотехнологичных. Темпы строительства отстают от желательных, в том числе и по причине нехватки

и дороговизны строительных материалов; развитие данной отрасли позволит исключить эту причину. Тем самым увеличится количество вводимого в эксплуатацию жилья, то есть решатся и некоторые социальные проблемы.

Теплоэлектроэнергетику необходимо развивать в связи с постоянно растущими потребностями в тепле и электроэнергии. Необходимо создание комплексов по производству тепло- и электроэнергии на базе подземной газификации угля, а также увеличение производства теплоэлектроэнергии на базе действующих электростанций, строительство мини-ТЭЦ, приближённых к местам добычи угля. В настоящее время наблюдается отставание развития генерирующих мощностей, отсутствие конкуренции в этой отрасли, что ведёт к высоким тарифам на электроэнергию. Высокие тарифы отрицательно сказываются на конкурентоспособности энергоёмкой продукции новокузнецких предприятий. Исходя из этого, целесообразно строительство силами отдельных предприятий или посредством их кооперации собственных ТЭЦ на основе твёрдого топлива (угля). Кроме того, целесообразно строительство ТЭЦ с целью глубокой переработки угля угледобывающими предприятиями.

Развитие индустрии по переработке отходов. В городе за десятки лет накоплено очень много шлаков, шламов, хвостов аглофабрик, отвалов угольных предприятий. Переработка этих отходов и производство товарной продукции из них позволит:

1. Сократить расходы электроэнергии (затраты на внедрение энергосберегающих мероприятий в 3–5 раз ниже затрат на добычу и производство первичных энергоисточников).
2. Сделать вклад в развитие строительного комплекса (отходы металлургии являются источником дешёвого и качественного сырья в строительстве и в производстве строительных материалов).
3. Увеличить минерально-сырьевую базу чёрных и цветных металлов (золо-шлаковые отвалы угледобычи и углеобогащения содержат многие редкие элементы, с концентрацией – десятки и сотни граммов на тонну).
4. Улучшить состояние окружающей среды (в городе накоплено более 500 млн т различных отходов промышленного производства, под которыми занято 1097 га земли).
5. Создать новые рабочие места и увеличить уровень самозанятости населения (переработка отходов является успешным направлением для развития малого бизнеса, а при объёме инвестиций 6–7 млрд руб. за 5 лет можно создать до 5 тыс. рабочих мест).

Для активного развития индустрии по переработке техногенных отходов необходимо создание системы управления отходами производства, обеспечивающей увеличение количества перерабатываемых отходов и снижение количества образующихся и захораниваемых отходов в Новокузнецке.

Развитие науки необходимо для создания фундамента многопрофильной производственной системы города. В Новокузнецке на данном этапе развития просто необходимо достижение высоких результатов в научной сфере и их скорейшее внедрение для преодоления отставания во многих отраслях. Экономика должна основываться на знаниях, что особенно актуально в период восстановления после кризиса. Наука, инновационные технологии, создание научных центров – это большие вложения, которые несут за собой высокие достижения в развитии экономики города.

Решение проблемы монопродуктовой экономики города является комплексной задачей, требующей объединения усилий власти, науки, руководителей промышленных предприятий и общества. Деятельность в обозначенных направлениях позволит расширить количество освоенных отраслей промышленности, повысить устойчивость экономики города к конъюнктурным изменениям на рынке угольной и металлургической продукции, а также поднимет культуру производства, оздоровит социально-экологическую и экономическую обстановку в городе и в регионе в целом.

Список литературы

1. Итоги социально-экономического развития города Новокузнецка [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации города Новокузнецка. – Режим доступа: <http://www.admnkz.ru> – 16.12.2009.
2. Комплексная программа социально-экономического развития г. Новокузнецка [Электронный ресурс] // Новокузнецк: сайт города. – Режим доступа: <http://www.novokuznetsk.su>. – 10.01.2010.
3. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России [Электронный ресурс] // Библиотека местного самоуправления, вып. 54 / Московский общественный научный фонд. – М., 2004. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru>. – 10.01.2010.

В. В. Сенкус

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

КОНЦЕПЦИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДА НОВОКУЗНЕЦКА

В статье обосновывается необходимость разработки такой программы развития Новокузнецка, в которой предусматривалась бы реальная диверсификация монопрофильной экономики города.

Города с монопрофильным производством, к которым относится Новокузнецк, подвержены кризисным ситуациям при падении спроса на их продукцию на внешнем и внутреннем рынке. Поэтому монопрофильные предприятия должны сегодня отслеживать конъюнктуру рынка, чтобы обеспечивать свою конкурентоспособность и реагировать на изменения цен путём диверсификации, модернизации, развития производства и получения продукции с добавленной стоимостью; в совокупности всё это позволяет увеличивать бюджет города и способствует его развитию. Однако это не ведёт к полипрофильному развитию производства и не избавляет город от зависимости от рынка. Создание полипрофильных производств должно производиться с учётом существующей базы сырья и производства, научного и технического потенциала, а также экономических и социальных интересов жителей города.

В городе Новокузнецке, являющемся историко-географическим мегаполисом юга Кемеровской области, городом металла и угля, практически не развита машиностроительная база производства оборудования для заводов и комбинатов чёрной и цветной металлургии, для угольных шахт и обогатительных фабрик. Не следует забывать и о рудниках Кемеровской области, Хакасии и Красноярского края, а также Алтая и Новосибирской области, где велика потребность в горно-шахтном оборудовании. Однако развитие машиностроительной базы, направленной только на нужды металлургической и угольной отраслей, не даст должного эффекта, поэтому следует пересмотреть номенклатуру производимой продукции, вторичного сырья и полуфабрикатов, мобилизовать научный, технический и инновационный потенциал, на базе которых можно переходить на полипрофильное производство, востребованное при любых колебаниях рынка.

Сортамент ОАО «ЗСМК» ориентирован на строительную отрасль. В Новокузнецке она достаточно развита, но износ жилых домов в городе достиг 50–70 %, а износ коммуникаций – значительно большей степени. Поэтому необходима новая застройка старой части города современным жильём – с обязательным бережным сохранением исторического наследия. При этом политика застройки должна основываться на передаче застройщику земель без платы и с условием, что переселение жильцов из старых домов в новые будет производиться без увеличения им жилой площади, поскольку это проект коммерческий, а не бюджетный. Новая застройка должна предусматривать развитие новой структуры, увеличение транспортных потоков и введение скоростного транспорта из одного конца города в другой. Скоростным транспортом считаются метро, монорельсовые и рельсовые поезда и трамваи, выведенные на второй уровень. Продукция ОАО «ЗСМК» позволяет открыть, например, канатно-тросовый завод, лифтовый завод (сегодня лифтовое оборудование поступает в основном из ближнего зарубежья) и ввести другие машиностроительные мощности, производящие продукцию, которая пользуется постоянным спросом во всех отраслях промышленности.

Основной продукцией ОАО «НКМК» являются рельсы и чугун, что даёт возможность построить модульные литейные заводы для качественного литья и производить железобетонные железнодорожные шпалы из отходов производства (последние в больших объёмах скопились в отвалах хвостохранилищах обогатительных фабрик, ТЭЦ, заводов и комбинатов), можно выпускать также железнодорожные решётки, обеспечивая ими строительство железных дорог. Сочетание рельсового производства, вагоностроительного завода и строительных мощностей позволит наладить выпуск скоростных трамваев, монорельсовых поездов, а также даст возможность построить второй уровень их движения, расширить полосы движения транспорта и увеличить занятость населения.

Подобные стратегии воплощают в жизнь обычно в слаборазвитых странах. В периоды депрессии все страны вкладывают средства в строительство дорог. В силу географического положения Новокузнецка, городу необходимо заложить и реконструировать автомобильные трассы на Барнаул через с. Мостовая, на Абакан через Междуреченск, на Бийск и Горно-Алтайск через Сары-Чумыш, на Кызыл через Таштагол и Абазу, где находятся неосвоенные месторождения руд и угля, не уступающие по богатству Кузбассу. Дороги повлияют на востребованность продукции города, а в ответ будет

обеспечена поставка сырья для металлургических заводов. Дороги дадут занятость населению, возможность поставки сельскохозяйственной продукции и леса для реализации, а это, в свою очередь, будет способствовать развитию производства пищевых продуктов и перерабатывающих заводов, что тоже позволяет уходить от монопрофильности производства.

Для разработки программы развития города необходимо:

1. Разработать концепцию развития города с обоснованием его направлений и политики, с грамотным определением критериев и индикаторов развития, чего нельзя сделать без привлечения учёных и специалистов, а также горожан.
2. Учитывать существующие мощности и их перспективы, использовать научный, технический и инновационный потенциал территории, принимая во внимание уровень жизни и социальные требования населения.
3. Провести анализ финансовых и материальных ресурсов реализации программы развития города с учётом направлений и политики развития. Такой анализ позволит оценить возможность развития новых производств на основе инноваций, не связанных с монопрофильными видами производства (приборостроение, электроника, электротехника и др.) и возможность привлечения инвесторов.

Программа развития города после её утверждения должна быть положена в основу градостроительных проектов.

В. В. Скаленчук

Муниципальное учреждение «Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя», г. Новокузнецк

«ЛИСТЫ ОДНОГО ДЕРЕВА». ПОМНИМ ПРОШЛОЕ... ХРАНИМ ИСТОРИЮ... ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НОВОКУЗНЕЦКОЙ ЦБС

В статье обобщается опыт работы библиотеки им. Н. В. Гоголя по сохранению и трансляции исторической памяти, связанной с деятельностью библиотеки в разные периоды ее истории.

В 2009 г. библиотека им. Н. В. Гоголя г. Новокузнецка отметила свой восьмидесятилетний юбилей. С момента рождения в 1929 г. она прошла огромный путь от крохотной библиотеки в железнодорожном вагончике до крупнейшего информационного центра города и юга Кемеровской области. Незримыми, но прочными нитями библиотека неразрывно связана с Новокузнецком, который превратился из небольшого уездного городка XVII в., оборонявшего рубежи Российской империи, в крупнейший индустриальный город с развитой металлургической и угольной промышленностью. Это о нашем городе В. Маяковский писал: «Я знаю – город будет! Я знаю – саду цвести!». Сегодня мы особенно пристально вглядываемся в своё прошлое, ищем корни своего настоящего, пишем свою историю.

Идея написания истории библиотеки принадлежала одному из наших прежних директоров М. А. Соловьёвой, а мне, сегодняшнему директору, довелось работать над реализацией этого проекта. И я благодарна судьбе, распорядившейся так, что мне первой пришлось прикоснуться к истории библиотеки, перелистать документы. Но особое потрясение я испытала, прочитав (и перечитав несколько раз) дневник первого директора библиотеки Голевой Елизаветы Михайловны, особенно эти строки: «Мне моя маленькая библиотека кажется первой искоркой. Как бы её не загасить, а сделать больше, прекраснее пламя знаний». Сегодня этот дневник размещён в музейной экспозиции «Страницы нашей жизни», опубликован в издании Кемеровской областной научной библиотеки «Библиотечная жизнь Кузбасса» и стал доступен широкой библиотечной общественности.

Пишем историю

Попытка написать историю ЦГБ им. Н. В. Гоголя была предпринята в 1980 г. и дошла до нас в двух экземплярах, напечатанных на пишущей ма-

шинке. Эта работа, конечно, далека от совершенства. Но, изучая её, я получила бесценный опыт исследователя, а самое главное, это повлияло на мою дальнейшую судьбу, сформировало сознание сопричастности к судьбе библиотеки, гордость за свою профессию. И на всю жизнь сохранилось бесконечное уважение и преклонение перед людьми, создавшими библиотеку, сохранившими её в трудные времена, сделавшими её маяком в библиотечном сообществе. Спустя годы пришло понимание, что молодое поколение невозможно воспитать без знания своих корней и значение этого фактора возрастает в современный период, когда остро стоит проблема закрепления молодых специалистов. Поэтому постоянно ведётся работа по сбору материалов для летописи библиотеки.

Работая над первым изданием, я встречалась с бывшими сотрудниками библиотеки: кто-то из них трудился в других библиотеках, кто-то вышел на пенсию. Не все воспоминания и свидетельства мне удалось собрать, и очень жаль – нет уже с нами тех людей... Поэтому сегодня нам важно успеть зафиксировать главные события, передать новым поколениям свой опыт, рассказать о волнующих проблемах, достижениях, поделиться своими размышлениями, чтобы не прерывалась связь времён.

Нам удалось реализовать эту задачу, подготовив и издав в типографии тиражом триста экземпляров книгу «История библиотеки в лицах» [1], посвящённую сотрудникам Гоголевки прошлых и сегодняшних лет. В книгу вошли воспоминания сотрудников, когда-то работавших в библиотеке и служащих сегодня библиотечному делу. Этот коллективный труд – наша гордость. Сегодня мы думаем над продолжением этого издания.

Другим опытом «отражения» истории библиотеки в лицах и делах был слайд-фильм о библиотеке, снятый в 1995 г. Идея создания фильма принадлежит заместителю директора Н. А. Поздняковой, а претворил её в жизнь А. В. Царегородцев, руководитель дизайн-студии. Тогда же состоялась премьера фильма для сотрудников. «Фильм понравился, впечатлил, ушли просветлённые, престиж профессии вырос в собственных глазах», – это строчки из воспоминаний Н. А. Поздняковой по поводу просмотра фильма. Потом будет создан другой, очень добротный, профессиональный фильм «Главная библиотека города», но слайд-фильм – это наше уникальное, первое и очень дорогое детище. Фильму пятнадцать лет! И мы обязательно его покажем снова, сами окунёмся в молодость, познакомим новых сотрудников с библиотекой, какой она была в 90-е годы.

Мы придаём большое значение имиджевой рекламе. В своё время были изданы набор открыток к 65-летию библиотеки, буклеты к 70-летию и 75-летию, изготовлен корпоративный флаг, маленькие флажки и значки с логотипом библиотеки. Всё это очень влияет на воспитание в коллективе корпоративного духа, причастности к общему делу.

В настоящее время в библиотеке действует музей её истории «Страницы нашей памяти», в котором собраны и экспонируются документы и фотографии прошлых лет, памятные сувениры, награды, вымпелы, подарки к юбилеям библиотеки, почётные грамоты и благодарственные письма. Сохранение традиций, память о своём прошлом нужны и тем, кто посвятил служению библиотеки всю жизнь, и начинающим путь в профессии.

Трудно переоценить вклад в развитие библиотеки Марии Андреевны Соловьёвой, которая возглавляла её более четверти века, добилась строительства здания библиотеки по типовому проекту для областных библиотек, первая в Сибири провела централизацию библиотечной сети. Благодаря достигнутым под её руководством высоким показателям библиотека стала участницей ВДНХ, получила звание «Библиотека отличной работы». Последние десять лет жизни она жила на Украине, мы переписывались с ней, высылали ей фото- и видеодокументы, другие материалы, советовались с ней, рассказывали о своих делах и проблемах. Она была нам очень благодарна за письма, которые помогали ей жить, – так она сама говорила об этом. За эти годы у нас собрался архив писем М. А. Соловьёвой, и мы с её разрешения опубликовали их в специальном выпуске нашего информационного бюллетеня «Взгляд», чтобы донести до коллектива, особенно молодёжи, её голос. Сейчас, когда Марии Андреевны не стало и ещё остра боль утраты, когда хочется написать ей, поделиться, порадоваться, посоветоваться, а уже некуда писать, были получены переданные библиотеке родственниками Соловьёвой в Конотопе её государственные награды. И мы, конечно, разместим их в музейной экспозиции, издадим второй выпуск «Взгляда» с письмами М. А. Соловьёвой за последние пять лет. В них есть слова, которые мы воспринимаем как наказ нам, работающим, и молодому поколению особенно.

В прошлом, юбилейном для библиотеки, году важным стало проведение встреч в цикле «Портрет библиотекаря». Возникла идея показать наиболее яркие личности, познакомить молодёжь, а заодно и основной кадровый состав с коллегами, потому что в большом коллективе, каким является наш, удалённость многих подразделений от центральной библиотеки не позволяет

хорошо знать своих сотрудников. И живой разговор с ними, «открытие» тех, кто трудится рядом, служит примером для молодых.

Гордостью библиотеки являются почётные читатели. Это известные и авторитетные в городе люди – неординарные, творческие, широко образованные книголюбцы и знатоки литературы, профессора и общественные деятели, искусствоведы и журналисты, архитекторы и поэты. К 80-летию библиотеки мы издали (пока малым тиражом) книгу «Среди книжных миров» [2], в которой почётные читатели, вписавшие страницы жизни в историю библиотеки своими делами, рассказали о себе, своих увлечениях и, самое главное, о своих любимых книгах, тех, что удивляли в детстве, формировали в юности, на которых росли и взрослели; о книгах, которые питали ум и развивали душу в молодости и в зрелые годы. Их мнение – бесконечно ценный источник познания и ориентир в мире книг для всех, кто прочтёт эти драгоценные откровения.

Помним прошлое...

В рубрике «К 80-летию библиотеки им. Н. В. Гоголя» в главной газете города «Кузнецкий рабочий» был опубликован цикл статей сотрудника нашей библиотеки Л. Н. Арефьевой. Статьи рассказывали об отдельных людях, о славных вехах библиотечного строительства в Новокузнецке, начиная со времен Кузнецкстроя (1929 г.) и до наших дней, и вызвали живой отклик у новокузнецчан.

Храним традиции

Стало традицией (уже пять лет!) в день рождения библиотеки проводить встречи поколений ветеранов библиотечного дела и молодёжи под символическим названием «Листы одного дерева». Название взято из эссе новокузнецкой художницы М. Колотвиной: «Что это? Летопись одного и того же мира? Попытка пройти по нескольким мирам, похожим друг на друга, сплетённым вместе, перекликающимся, но всё же различным? Листья... Они так похожи и всё же – разные... Их связывает какой-то основной порядок, сюжет, они связаны воедино самим деревом. Растёт дерево. Растут одни листья и осыпаются другие. Дерево, дающее плоды каждому, кто решится взять, и ничего не требующее взамен...». «Листы одного дерева» – это удивительные тёплые вечера. Ветеранам Гоголевки рассказывают о том, чем живёт сегодня библиотека; что радует, что заботит библиотекарей и читателей, показывают видеозаписи, представляют электронные презентации. За чаем ветераны вспоминают свои трудовые будни, рассказывают о традициях библио-

теки, о себе, о той роли, которую сыграла в их жизни книга. В процессе общения выясняется, что проблемы, с которыми библиотека сталкивается едва ли не с первых лет своего существования (например, комплектование фонда), по-прежнему остаются острыми и актуальными сегодня. Бесценны воспоминания ветеранов... Сохранить библиотеку как великое достояние, как связующую нить времён для настоящих и будущих поколений – таковы задачи дня вчерашнего и сегодняшнего!

Список литературы

1. История библиотеки в лицах [Текст]: сб. / автор-составитель Л. Н. Арефьева; ЦБС, ЦГБ им. Н. В. Гоголя; [предисловие автора-составителя]. – Новокузнецк : [б. и.], 2006. – 364 с.: ил.
2. Среди книжных миров. Книга Почётных читателей [Текст] / МУ «ЦБС им. Н. В. Гоголя»; [автор идеи, составитель, редактор: Н. А. Позднякова]; под общ. ред. В. В. Скаленчук. – Новокузнецк : [б. и.], 2010. – 154 с.: ил.

Е. Б. Цибизова

МАОУ ДПО «Институт повышения квалификации», г. Новокузнецк

РОЛЬ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА

Актуальной проблемой современного образования является подготовка школьников к активному и деятельному участию в жизни местного сообщества, которое является той сферой, где в социальных отношениях формируются гражданские качества. В статье показаны возможности муниципальной системы образования в решении данной задачи.

С момента образования Российской Федерации государственными структурами предпринимается ряд усилий по развитию гражданского общества. Так, например, приняты и действуют федеральные законы: «Об общественных объединениях», «О некоммерческих организациях», «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» и т. д. Но при наличии формальных предпосылок развитие реально действующего

гражданского общества в России идёт очень трудно. По мнению Й. Зигерта, создать гражданское общество усилиями государства вообще невозможно [5]. Оно должно созреть само, и это долгий процесс, подверженный многочисленным внешним воздействиям, которые могут оказывать на него и положительное, и отрицательное влияние.

Основой гражданского общества является взаимодействие человека с другими людьми в качестве независимых как друг от друга, так и от государства индивидов, объединённых социальным пространством [2]. Микромоделью «гражданского общества» на муниципальном уровне в определённой степени может выступать «местное сообщество». Данное понятие подчёркивает связанность граждан не только с территорией определённого местожительства – села, поселка, города – но и связанность их между собой при решении проблем местной жизни. Устойчивость местного сообщества характеризуется следующими признаками: население – общность людей, территория – ограниченное пространство, социальное взаимодействие, чувство сообщества или сопричастности. Последний – самый существенный признак, так как степень его развитости определяет возможность совместного решения значимых для людей проблем. Однако при этом жители поселения должны выступать не объектами, а субъектами управления.

В 1993 г. с принятием Конституции РФ в нашей стране началось становление института местного самоуправления. Местный уровень власти – самый короткий и прямой путь к решению насущных, жизненно важных для человека проблем, а опыт развития гражданского общества в истории любого государства показывает, что путь к нему лежит в том числе и через местное самоуправление.

Государственное управление является внешним воздействием, самоуправление – внутренним, вырабатываемым самим местным сообществом. Но готовы ли наши граждане к такой деятельности? По мнению политологов и социологов, большая часть населения – нет. Так, в работе Н. В. Демчук отмечается: «Реализация реформы местного самоуправления предполагает увеличение социальной активности населения. Однако этого не происходит... основным препятствием социальной активности жителей выступает их собственная инертность, недостаток знаний» [4, с. 236]. Во многом это происходит из-за неразвитости у жителей поселений чувства сообщества, сопричастности; зачастую история, культура, современность своего местожительства не является для человека ценностью. Безусловно, играет роль и недостаточный у населения уровень знаний об институте местного самоуправления.

Рассмотрим роль муниципальной системы образования в развитии местного сообщества. Отметим, что муниципальный орган управления образованием – это качественно новая ступень в централизованной системе управления, функционирование которой обеспечивается муниципальной деятельностью органов самоуправления. Процесс муниципализации образования поставил систему образования перед необходимостью собственного развития, требующего глубокого и всестороннего переосмысления исторически сложившихся в конкретном поселении опыта и традиций с целью адаптации её к новым условиям деятельности.

Коллективом авторов (А. Асмолов, М. Н. Дмитриев, Т. И. Клячко, Я. Кузьминов, А. Тихонов) отмечается: «Муниципализация образования, деятельность местного самоуправления в образовательной сфере – новое явление в российской жизни последних лет». И далее: «Муниципализация образования способствует:

- формированию и укоренению традиций гражданского общества, его деятельности на поприще образования;
- созданию самостоятельных общественных структур власти и управления в такой крупнейшей сфере социальной деятельности, как образование;
- взаимодействию образования и социокультурной среды, их взаимообогащению и развитию» [1, с. 2].

Н. Г. Хвалевко провела сравнительный анализ региональной и муниципальной систем образования и выявила отличительные черты муниципальной системы: «Муниципальная система образования более гибкая, чем региональная. Она находится в тесной связи с различными учреждениями города, легче реализует идею дополнительного и непрерывного образования» [3, с. 16].

Подведем итог: исходя из представленных характеристик, именно в пространстве муниципальной системы образования, благодаря её гибкости и способности к инновационным процессам, её потенциальному влиянию на социум и культуру поселения возможно проведение работы по реализации гражданского образования, способствующего развитию местного сообщества и в конечном итоге – гражданского общества. Для того чтобы ребёнок ощутил свою принадлежность к местному сообществу, недостаточно проживания на соответствующей территории. Нужны определённые социально-педагогические условия, которые каждого делали бы активным и ответственным членом сообщества.

На что же должны быть направлены усилия муниципальной системы образования? Мы уже отмечали, что у местных сообществ современных российских поселений не развит значимый для его функционирования признак – чувство сообщества, базирующегося на ценностном отношении к истории, культуре и современности поселения, которое строится прежде всего на их знании. Действительно, курс истории Отечества в основном знакомит с событиями европейской части страны, где происходило становление государства. И россияне, живущие в Сибири, хорошо знают историю центра страны и, зачастую, плохо – историю своего края и города, а это значит, что муниципальная образовательная система должна создать условия для знакомства школьников с историей и современностью поселения. Соприкосновение с конкретными фактами, общение с участниками и очевидцами исторических событий, участие в выявлении, охране и изучении памятников истории и культуры воспитывает у школьников чувство любви к родным местам, чувство гордости за своих земляков. Культурно-историческая связь с территорией развивает чувство причастности к истории родного села или города, пробуждает и воспитывает любовь к Отечеству, стране, уважение к народу, его истории и культуре.

Не вызывает сомнения необходимость проведения большой просветительской и образовательной работы среди взрослого населения и подрастающего поколения по получению знаний о правах и тех возможностях, которые предоставляет им местное самоуправление. Как верно отметил А. И. Солженицын, «Повседневная реальная жизнь людей зависит – на четыре пятых или больше – не от общегосударственных событий, а от событий местных, и поэтому – от местного самоуправления... где каждый имеет возможность участвовать в решениях, определяющих его существование» [6, с. 187]. Местное самоуправление вполне может стать школой обретения гражданских качеств – готовности и способности активно участвовать в делах общества и, прежде всего, местного сообщества.

Связь между местным самоуправлением и местным сообществом граждан увидит тогда, когда будет знать эти словосочетания не только на интуитивном уровне. Школьников необходимо знакомить с основами местного самоуправления. Учащиеся получают знания о его роли в жизни села, поселка, города, познакомятся с правами и обязанностями члена местного сообщества, с путями взаимодействия жителей с органами местного самоуправления для решения местных проблем. За годы демократических преобразований

каждое поселение приобрело свои особенности организации местного самоуправления, естественно, в рамках закона о местном самоуправлении, появилась история развития конкретного местного самоуправления, которая включает в себя и примеры гражданских поступков как отдельных граждан, так и общественных объединений. Необходимо знакомить юных граждан и с историей местного самоуправления своего местожительства, сложившейся в дореволюционной России. Всё это даст возможность на местном материале показать процесс становления гражданского общества и конкретные проявления его деятельности. В любом поселении есть общественные организации граждан на добровольной основе, объединяющие жителей по интересам и потребностям. Знакомство школьников с их деятельностью поможет им увидеть, как люди, объединяясь, решают проблемы местной жизни, реализуют профессиональные, общественные, нравственные устремления, как общественные инициативы добровольцев находят своё воплощение.

Но осуществление гражданского образования только через обучение, при всей своей значимости, всё-таки недостаточно для воспитания активного гражданина и не даёт возможности учащемуся непосредственно участвовать в жизни поселения, создавать свой неповторимый продукт творчества, востребованный другими жителями. А для этого нет другого пути, кроме включения школьника в социальную практику.

В концепции гражданского общества понятие «гражданин» раскрывается через понятие «участие», т. е. взаимодействие человека с различными общественными и другими организациями в деятельности по преобразованию своего местожительства. Вовлечение школьников в решение социальных проблем местного сообщества возможно в проектной и учебно-исследовательской деятельности. Социальное проектирование школьников, в партнёрском взаимодействии учреждений образования, культуры, общественных организаций, органов местного самоуправления, имеет большое значение для успешности гражданского образования. Местное сообщество должно стать первой публичной сферой, в жизни которой школьник может принять активное участие, а затем он будет способен войти в жизнь и более широкого общества.

Деятельность муниципальной образовательной системы по реализации гражданского образования школьников с учетом социально-экономической и культурной ситуации конкретного поселения конечно не может ограничиваться только предложенными направлениями, но мы рассматриваем их как

наиболее перспективные. Проведение образовательной работы по воспитанию юных граждан как активных и деятельных жителей поселения позволит создать социальные основания для объединения жителей поселения в сообщество, способное выступать субъектом самоуправления.

Список литературы

1. Асмолов, А. Г. Концепция организационно-экономической реформы системы образования России [Текст] / А. Г. Асмолов, М. Н. Дмитриев, Я. И. Кузьминов // Учительская газета. – 1997. – 9 сентября. – С. 2.
2. Гаджиев, К. С. Политическая наука [Текст] / К. С. Гаджиев. – М. : Международные отношения, 1995. – 74 с.
3. Гражданское воспитание школьников: проблемы, теоретические основы, пути решения [Текст]: учеб.-метод. пособие: в 3 ч. Ч. 1. / авт.-сост. Н. Г. Хвалевко и др.; под науч. ред. Н. Э. Касаткиной, Е. Л. Рудневой. – Кемерово : КРИПКиПРО, 2006. – 135 с.
4. Демчук, Н. В. Оценки социального качества местного сообщества г. Новокузнецка [Текст] / Н. В. Демчук // Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк. Проблемы города и горожан : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Ф. И. Иванова; отв. ред. И. П. Решикова, Е. Б. Макарьева. – Новокузнецк, 2008. – С. 236–246.
5. Зигерт, Й. Гражданское общество в России [Электронный ресурс] / Й. Зигерт // Отечественные записки. – 2005. – № 6. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?ozid=27&oznumber=6>.
6. Солженицын, А. И. Россия в обвале [Текст] / А. И. Солженицын. – М. : Русский путь, 1998. – С. 187–192.

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ, МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПЕРЕХОДНЫХ
УРБАНИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

А. А. Артемьев

ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия»,
г. Новокузнецк

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ВЕДОМСТВ В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В статье представлен опыт создания социальных коммуникаций различных учреждений и ведомств с целью организации физкультурно-оздоровительной деятельности в образовательных учреждениях.

На современном этапе развития гражданского общества, когда перед российским государством выстраивается ряд нерешённых проблем, особую актуальность приобретает проблема сохранения здоровья подрастающего поколения. Здоровье детей значимо для всех государств, а для России, переживающей сложную демографическую ситуацию, в особенности. В результате политического, экономического кризисов в России конца XX в., системного кризиса мировой экономики 2008 г. здоровье подрастающего поколения российских граждан ухудшилось настолько, что поставило под угрозу национальную безопасность страны. Постоянное усложнение образовательного процесса, которое требует от обучающихся всё большего умственного и нервно-психического напряжения, приводит к тому, что более 70 % обучающихся общеобразовательных учреждений ведут малоподвижный образ жизни, проводят большую часть времени за уроками и перед компьютером. Среди наиболее распространённых заболеваний детей преобладают заболевания опорно-двигательного аппарата, психоэмоциональные расстройства, болезни органов дыхания и пищеварения, инфекционные заболевания.

Острая необходимость объединить усилия всех заинтересованных сторон для создания государственной политики в области сохранения и укрепления здоровья нации привела к необходимости активизации деятельности образовательных учреждений по воспитанию у школьников культуры здоровья, созданию здоровьесберегающей среды и технологий формирования здорового образа жизни.

Несмотря на научный интерес, теоретическую разработанность многих аспектов здоровьесберегающей деятельности, многолетний опыт её организации в практике образовательных учреждений, следует отметить в целом невысокую эффективность здоровьесбережения в системе образования. Сре-

ди причин называют слабое финансирование этой деятельности в системе образования, а также отсутствие консолидации деятельности различных ведомств, заинтересованных в решении проблемы здоровья подрастающего поколения [1]. Полагаем, что выстраивание социальной коммуникации различных учреждений и ведомств является одним из условий повышения эффективности здоровьесбережения.

Под *социальными коммуникациями* мы понимаем специфическую форму взаимодействия образовательных учреждений, учреждений здравоохранения, правоохранительных органов, автономных некоммерческих и православных организаций с целью здоровьесбережения подрастающего поколения через использование разнообразных средств, форм и методов работы.

В нашем исследовании, посвящённом организации физкультурно-оздоровительной деятельности в образовательных учреждениях, создание социальных коммуникаций было направлено на организацию программы оптимизации двигательной активности, программы развития психических и личностных качеств обучающихся, программы профилактики асоциального поведения обучающихся и их родителей, а также программы формирования навыков ведения здорового образа жизни. Так, для реализации программы оптимизации двигательной активности обучающихся было организовано социальное партнёрство образовательного учреждения с учреждениями дополнительного образования, спортивными клубами по месту жительства и плавательными бассейнами. Для проведения дополнительных уроков по физической культуре в образовательном учреждении были приглашены тренеры – преподаватели МОУ ДОД «Детско-юношеская спортивная школа № 4» и сотрудники АНО «Клуб развития бокса "РИНГ"», что позволило снизить загруженность преподавателей по физической культуре, а тренерам-преподавателям ДЮСШ осуществить комплектование групп. Сотрудники спортивных клубов по месту жительства активно участвовали в проведении и организации физкультурно-массовых мероприятий и спортивных соревнований как в образовательных учреждениях, так и вне их.

Для реализации программы развития психических и личностных качеств обучающихся был создан механизм педагогического взаимодействия взрослых участников образовательного процесса. Проведение психологических тренингов у детей школьного возраста предусматривало присутствие родителей обучающихся. В группах, возраст детей в которых превышал 13 лет, необходимо было присутствие социального педагога и медработника,

а при проведении дополнительных уроков физической культуры, в подготовительную часть которых были включены психологические упражнения, помимо тренера-преподавателя необходимо было присутствие педагога-психолога.

Существующие подходы к организации профилактической работы в учреждениях общего, специального и профессионального образования, направленной на профилактику асоциального поведения, содержат в своей основе взаимодействие взрослых субъектов образовательного процесса. Решением проблемы профилактики наркомании, токсикомании и алкоголизма занимаются учреждения здравоохранения, образования, физической культуры и спорта, молодёжной политики, социальной поддержки населения. Но сотрудничество этих ведомств и учреждений крайне затруднено, поэтому каждый из них работает по своему плану, не согласуя собственную деятельность с другими участниками. Использование в работе с различными учреждениями традиционных форм обучения и воспитания не способствует созданию эффективных условий для успешного решения вопроса наркомании среди подрастающего поколения.

Как известно, решение наркопроблемы требует комплексного подхода, залог успеха которого кроется в объединении усилий и возможностей всех государственных, административных и общественных структур, промышленных предприятий, учреждений науки и образования на региональном и федеральном уровнях. Зачастую за пределами профилактических мероприятий остаются широкие возможности региональных общественных фондов и автономных некоммерческих организаций в деле профилактики асоциального поведения обучающихся и их родителей, несмотря на то что деятельность именно этих организаций может выступать узловым элементом, вокруг которого формируется социальное партнёрство учреждений здравоохранения, образования, физической культуры и спорта, с целью организации совместной работы по профилактике асоциального поведения обучающихся.

В 2004 г. в Новокузнецке начал свою деятельность Региональный общественный фонд «Кузбасс без наркотиков». К основным целям деятельности фонда относятся:

- создание необходимых условий для совершенствования системы профилактики наркотической зависимости подростков и молодёжи;

- популяризация и пропаганда здорового образа жизни детей, подростков и молодёжи;
- консолидация деятельности государственных, коммерческих, общегражданских сил для более эффективного обеспечения борьбы с профилактикой наркотической зависимости.

В результате социального партнёрства этого фонда была разработана программа мероприятий, направленных на предупреждение опасных форм поведения среди детей и подростков, которая выступала в качестве профилактической и была реализована в рамках нашего диссертационного исследования (рисунок 1).

Рисунок 1 – Структура программы целенаправленной профилактики асоциального поведения обучающихся и их родителей

Безусловно, для профилактики асоциального поведения субъектов образовательного процесса необходима планомерная и интенсивная работа, которая не может строиться без достаточных знаний о наркомании, алкоголиз-

ме и токсикомании. Этими знаниями в большей степени обладают люди, работающие в правоохранительных органах, лечебно-профилактических учреждениях и православных организациях. Разработанная нами программа профилактики асоциального поведения обучающихся и их родителей представлена в виде социального партнёрства этих ведомств. Консолидацию деятельности осуществляли сотрудники Регионального общественного фонда «Кузбасс без наркотиков». Это достигалось с помощью плана совместных мероприятий между учреждениями здравоохранения, правоохранительными органами и общественными организациями. В результате удалось полноценно реализовать программу профилактики асоциального поведения обучающихся и их родителей.

Наша программа профилактики асоциального поведения обучающихся и их родителей была представлена в номинации «Взаимодействие спортивно-оздоровительных учреждений с образовательными, социальными, правоохранительными структурами в процессе профилактики асоциальных явлений в молодёжной среде» и отмечена малой золотой медалью Международной выставки-ярмарки «УЧСИБ-2008» (г. Новосибирск) и большой золотой медалью Всероссийской выставки-ярмарки «Образование. Карьера. Занятость (г. Новокузнецк).

А. С. Макаренко справедливо отмечал: «Семьи бывают хорошие и бывают плохие. Поручиться за то, что семья воспитывает как следует, нельзя... мы должны организовать семейное воспитание, и организующим началом должна быть школа как представительница государственного воспитания». И если в условиях социалистического общества организующая роль школы во всём процессе коммунистического воспитания была на значительном уровне, то в современных условиях просветительская работа с семьёй в образовательных учреждениях практически не ведётся. Связано это, прежде всего, с недостатком финансирования данной деятельности и отказом руководства образовательных учреждений от поиска новых путей организации профилактической работы с семьёй и другими субъектами образовательного процесса.

В рамках проведения работы, направленной на формирование навыков ведения здорового образа жизни, была разработана программа для родителей обучающихся, нацеленная на повышение устойчивости членов семей к физическим и эмоциональным нагрузкам, поддержание жизненного тонуса детей, улучшения их способности к адаптации. В содержание программы были

включены разнообразные тематические уроки о здоровье и факторах, его укрепляющих, для педагогов, родителей и обучающихся. Для этого нами был разработан курс «Физкультурно-оздоровительная деятельность в школе и дома», который рассчитан на 32 часа и соединяет образование и воспитание субъектов образовательного процесса в единый и непрерывный процесс. Программа включала в себя два этапа:

1. Первый этап программы был рассчитан на 16 часов и состоял из 8 учебных занятий: введение в курс, влияние физических упражнений на здоровье и гармоническое развитие тела, необходимость ежедневной двигательной активности, виды и формы двигательной активности, необходимость суточного режима, функции семьи в организации физкультурно-оздоровительной деятельности детей и подростков, средства, формы и методы организации физкультурно-оздоровительной деятельности.
2. Второй этап программы, по аналогии с первым этапом, был рассчитан на 16 часов и состоял из 8 учебных занятий: физические упражнения и их влияние на формирование осанки, необходимость занятий по лечебной физкультуре в школе и дома, ЛФК при плоскостопии, ЛФК при ожирении, ЛФК при нарушении зрения, ЛФК при нарушении осанки, организация витаминизации и йодопрофилактики.

На этих занятиях специалисты факультета физической культуры КузГПА обучали родителей школьников умениям и навыкам выполнения простейших форм лечебной физкультуры, направленной на профилактику наиболее распространённых соматических заболеваний детей школьного возраста. Учебное занятие состояло из лекционного материала и практической деятельности. Лекционный материал включал в себя теоретические знания о здоровье и здоровом образе жизни, о влиянии двигательной активности на здоровье обучающихся, о профилактике соматических заболеваний школьников в школе и дома, а практический материал обеспечивал закрепление полученных знаний. Например, на учебном занятии рассматривали организацию лечебной физической культуры при плоскостопии. В ходе практической деятельности, которая проходила в стенах спортивного зала общеобразовательного учреждения, родители обучающихся опробовали полученные теоретические знания во время проведения комплекса упражнений, которые используются как средства ЛФК при плоскостопии. Разработанное учебно-

методическое пособие «ЛФК в школе и дома» было выпущено в количестве 1000 экземпляров, которые после проведения одноимённого курса были переданы в качестве раздаточного материала родителям обучающихся.

Программа формирования представлений и ценностей здоровья и здорового образа жизни у субъектов воспитательно-образовательного процесса была представлена в номинации «Комплексные программы в области здоровьесбережения как форма социального партнёрства вуза, образовательных, физкультурно-спортивных, детских оздоровительных учреждений и общественных организаций» и отмечена золотой медалью специализированной выставки-ярмарки «Образование. Карьера. Занятость», проходившей в Новокузнецке в 2008 г.

Таким образом, создание социальных коммуникаций различных учреждений и ведомств обеспечивает эффективную реализацию разработанных нами программ. Достигается это через организацию социального партнёрства образовательного учреждения с учреждениями дополнительного образования детей, учреждениями здравоохранения, правоохранительными органами, спортивными клубами по месту жительства, православными и общественными организациями.

Список литературы

1. Артемьев, А. А. Организационно-педагогические условия физкультурно-оздоровительной работы в детском оздоровительно-образовательном центре [Текст] / А. А. Артемьев // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 9. – С. 354–364.

Е. В. Дворцова

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

В статье обоснована актуальность проблемы формирования здорового образа жизни студентов вуза. Рассмотрен здоровьесберегающий подход в педагогической деятельности преподавателя как условие формирования здорового образа жизни студентов.

В обществе активизировалось внимание к здоровью населения в целом и к здоровью молодежи в частности. Экономический и интеллектуальный потенциал России, здоровье последующего поколения в значительной степени определяются характеристиками здоровья, которыми обладают молодые люди сегодня.

Остро стоит озабоченность низким уровнем здоровья молодых людей, выпускаемых высшими учебными заведениями, и ростом заболеваемости в процессе их обучения в вузе, что впоследствии неминуемо приводит к снижению работоспособности молодых специалистов. В последнее время высшая школа ставит вопрос о здоровье студентов одним из первых на повестку дня, решаются задачи воспитания у студентов ответственного отношения к своему здоровью и здоровью будущих поколений. Современный учебный процесс зачастую приводит к ухудшению здоровья студентов. Ежегодные медицинские обследования студентов в вузе подтверждают, что более половины студентов имеют хронические заболевания: остеохондроз, сколиоз, плоскостопие, различные заболевания зрительных органов, нервные расстройства и аллергические заболевания. Отмечается тенденция к росту такого заболевания, как ожирение. Почти треть юношей по медицинским показаниям не годится для службы в армии.

Современный этап развития цивилизации привёл к резкому изменению условий существования, изменил не только окружающую среду, но и образ жизни человека, который характеризуется гиподинамией, перееданием, информационной загруженностью, психоэмоциональным перенапряжением, злоупотреблением вредными привычками, что, безусловно, неминуемо приводит к нарушениям здоровья.

В этой связи к причинам, вызывающим ухудшение здоровья студентов, относятся высокие умственные нагрузки, интенсификация учебного процесса, слабый интерес и низкая активность в отношении физической деятельности. Большинство студентов страдает гиподинамией, вызывающей снижение работоспособности и ростом заболеваемости. К факторам, вызывающим ухудшение состояния здоровья молодых людей, относится и распространённость среди молодёжи курения, употребления алкоголя, наркотиков. Свой досуг они связывают с посещением баров и ночных клубов. Всё это говорит о низком уровне культуры здоровья молодёжи, о безответственном отношении к своему здоровью. В то же время обнадеживающим является то, что современные студенты полагают, что они сами несут ответственность за своё

здоровье и проявляют определённый интерес к информации о здоровом образе жизни.

Несмотря на большое внимание исследователей к проблеме здоровья и здорового образа жизни студентов, эта тема остаётся недостаточно изученной. Следует подчеркнуть большую практическую потребность в подобном исследовании, поскольку оно способствовало бы разрешению противоречия между необходимостью для студенческой молодёжи вести здоровый образ жизни и неумением и недостаточной мотивированностью молодых людей организовать свою деятельность по формированию здорового образа жизни.

Решение проблемы формирования здорового образа жизни возможно только в рамках комплексного подхода путём интеграции усилий различных сторон. Необходимы исследования, выявляющие психологические факторы, способствующие формированию здорового образа жизни у студентов, изучающие мотивацию и отношение к здоровью, разработка программ и методик психологического воздействия с целью обеспечения и укрепления здоровья студентов. В этой связи представляется актуальным создание модели формирования здорового образа жизни у студентов и выяснение условий её успешной реализации в различных учебных заведениях.

Воспитание здорового человека является важнейшей социально-педагогической проблемой, стоящей перед современной системой образования. Исследования показывают, что уровень физической подготовленности и состояние здоровья студенческой молодёжи в нашей стране в последние годы имеют тенденцию к ухудшению и в настоящее время не соответствуют требованиям профессиональной деятельности.

В условиях социально-экономического кризиса идея оздоровления населения за счёт привлечения людей к соблюдению норм здорового образа жизни получила широкую поддержку общественности и руководства страны как наиболее доступная, эффективная и наименее финансово-затратная. Её востребованность определяется первостепенной важностью сохранения здоровья человека. В связи с этим определяется необходимость профессиональной готовности педагогических кадров современных образовательных учреждений к осуществлению лично ориентированного обучения.

В настоящее время система мероприятий, способствующих улучшению здоровья человека, разрабатывается преимущественно в рамках такого направления в науке, как валеология, одной из главных задач которой является формирование у населения мотивации здорового образа жизни средствами

валеологического образования. В соответствии с валеологической концепцией образования основной задачей педагогов, родителей, образовательного учреждения является воспитание у учащихся потребности в здоровье, формирование у них научного понимания сущности здорового образа жизни и выработка индивидуального способа валеологического поведения в соответствии с представлениями о здоровом образе жизни. Основу валеологического образования составляют:

- формирование мышления, ориентированного на здоровый образ жизни;
- возрождение нравственных ориентиров;
- формирование чувства ответственности за себя;
- сохранение и укрепление своего здоровья и здоровья окружающих.

С целью выяснения психологических основ формирования здорового образа жизни нами было предпринято исследование по выявлению у студентов локуса контроля в отношении своего здоровья и болезней. Локус контроля (или уровень субъективного контроля (УСК) – понятие, введенное Дж. Роттером) показывает меру, с которой человек берёт на себя ответственность за свои поступки и свою жизнь. Локус контроля является устойчивым свойством, формирующимся в процессе социализации.

Безусловный интерес представляют результаты по одной из шкал данной методики – шкале интернальности в отношении здоровья и болезней. Низкие значения по шкале свидетельствуют о том, что человек считает себя во многом ответственным за своё здоровье (если болен, то обвиняет в этом себя и полагает, что выздоровление зависит от его усилий), человек с низким показателем считает здоровье и болезнь результатом случая и надеется, что выздоровление зависит от других людей, прежде всего врачей.

Уровень интернальности в отношении здоровья и болезней у испытуемых студентов = $2,56 \pm 0,89$. Это соответствует выраженному уровню (распределение показателей возможно от 0 до 4). Следовательно, студенты считают себя ответственными за своё здоровье, как за причины, так и за пути оздоровления. Интернальный локус контроля в отношении своего здоровья рассматривается нами как показатель благоприятного прогноза в формировании здорового образа жизни студентов. Как известно, люди, обладающие внутренним локусом контроля, более уверены в себе, последовательны и настойчивы в достижении поставленной цели, склонны к самоанализу, уравновешенны, общительны, доброжелательны и независимы.

Студенты склонны брать на себя ответственность за своё здоровье, однако на данный момент здоровье как ценность не выделяется ими среди приоритетных. Этот факт вполне объясним: наши испытуемые молоды, относительно здоровы, потребность в сохранении здоровья не является для них актуальной.

Данный тезис находит своё подтверждение в исследовании Н. Н. Киреевой и Е. Е. Котовой, посвящённом изучению иерархии ценностей современной студенческой молодёжи. Результатом исследования является констатация того, что рейтинг ценности здоровья у студентов чрезвычайно низок. Авторы считают, что данный факт указывает на необходимость коррекции в воспитании (на более ранних этапах социализации), изменения политики СМИ (как важного фактора воспитания и воздействия) в сторону усиления значимости духовного и физического здоровья, связывая это со здоровьем и выживанием нации и общества [2].

Системное психологическое обеспечение формирования здорового образа жизни необходимо начинать в первую очередь с изменения отношения студентов к своему здоровью. Согласно Р. А. Березовской, понятие «отношение к здоровью» представляет собой систему индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующими или, наоборот, угрожающими здоровью людей, а также определяющими оценку индивидом своего физического и психического состояния [1].

Разрабатываемая В. М. Бехтеревым, А. Ф. Лазурским, С. П. Франком, В. Н. Мясищевым категория «отношения» является центральным понятием в концепции «психологии отношений», основное положение которой заключается в том, что психологические отношения человека представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Согласно этой концепции отношение к здоровью может быть описано с помощью следующих компонентов: эмоционального, когнитивного, поведенческого и ценностно-мотивационного. Согласно Р. А. Березовской, формирование отношения к здоровью – процесс сложный, противоречивый и динамичный, который обусловлен двумя группами факторов:

- 1) внешними (характеристики окружающей среды, в том числе особенности социальной микро- и макросреды, а также профессиональной среды, в которой находится человек);

2) внутренними (индивидуально-психологические и личностные особенности человека, а также состояние его здоровья) [1].

Возникшее отношение не остаётся неизменным, оно изменяется с приобретением нового жизненного опыта. Коррекция неблагоприятных аспектов отношения – длительный и подчас весьма болезненный для личности процесс, сопряжённый с преодолением внутренних конфликтов и негативных эмоциональных переживаний. В связи с этим особое значение приобретает целенаправленное формирование правильного отношения к здоровью на ранних этапах развития личности (особая роль отводится семейному воспитанию и обучению в начальной школе). Отношение человека к своему здоровью выступает внутренним механизмом саморегуляции деятельности и поведения в этой сфере.

Таким образом, отношение человека к своему здоровью, с одной стороны, отражает опыт индивида, а с другой – оказывает существенное влияние на его поведение. Следовательно, оно может быть рассмотрено как один из основных аспектов, на который следует направить психокоррекционное воздействие специалиста, практикующего в сфере психологии здоровья. При этом дифференцированный подход к психокоррекционной работе должен опираться на всестороннее изучение особенностей отношения людей к своему здоровью.

Востребованность категории здоровья в практике проявляется в определении здоровьезатратного или здоровьесберегающего потенциала педагогического процесса. Положительной тенденцией является стремление проектировать педагогический процесс как здоровьесберегающий. Под здоровьесберегающим понимается педагогический процесс, в основе которого лежит здоровьесберегающий (валеологический) принцип.

Важнейшим условием сохранения и укрепления здоровья обучающихся является реализация принципов лично ориентированной педагогики и дифференцированного подхода к обучению, развитию и содержанию личности каждого студента. Кроме того, существенным фактором формирования здоровья студентов является уровень здоровья самих педагогов, которые, согласно статистике, являются самой большой категорией населения нашей страны, страдающей разнообразными заболеваниями, в том числе обусловленными профессией: болезнями органов дыхания, органов пищеварения, зрения, болезнями нервной системы, болезнями сердечно-сосудистой системы. Н. Н. Малярчук полагает, что одной из причин катастрофического ухуд-

шения здоровья учащихся является низкий уровень культуры здоровья педагогов, что проявляется в недостаточной осознанности преподавателями ценности здоровья студентов, в низкой мотивации педагогов к здоровьесберегающей профессиональной деятельности, в отсутствии знаний о здоровьесберегающих технологиях, навыков и умений их внедрения в образовательный процесс на фоне несформированности личностных ценностно-ориентированных установок на индивидуальное здоровье и здоровый образ жизни [3]. В связи с этим исследователь ставит проблему ресурсного обеспечения здоровьесберегающей и здоровьесформирующей профессиональной деятельности педагогов и отмечает, что нередко педагоги либо не владеют информацией об этом феномене, либо отказываются признавать существование данной проблемы, списывая всё на усталость и недостаток свободного времени и средств.

Под ресурсным обеспечением здоровьесберегающей и здоровьесформирующей деятельности педагога понимается активизирование индивидуальных ресурсов педагога в условиях создания в образовательном учреждении ресурсной среды. Средовой подход в данном случае представляет собой способ организации среды и оптимизации её влияния на процесс формирования культуры здоровья педагога. Но при изменении только факторов среды педагог выступает в роли пассивного объекта, поэтому только с привлечением личностного и деятельностного подходов возможно ожидать положительные результаты процесса формирования культуры здоровья педагога.

Культура здоровья педагога как субъекта профессиональной деятельности рассматривается Н. Н. Малярчук в качестве сложного многокомпонентного образования, включающего культуру здоровья личности и культуру здоровья педагога как профессионала, для которой характерны удовлетворительный уровень профессионального здоровья и направленность педагогической деятельности на здоровьесбережение и здоровьесформирование учащихся [3]. Учитывая крайне низкий уровень психосоматического здоровья педагогов, необходимо обеспечить ресурсную поддержку данному направлению педагогической деятельности.

Под ресурсами понимаются как внутренние, так и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости человека в стрессогенных ситуациях. Внутренние переменные включают индивидуальные ресурсы педагога (физические, психологические, инструментальные, материальные), внешние же связаны с социальной поддержкой учителя. В качестве физиче-

ских ресурсов рассматривается состояние телесного здоровья и отношение к нему как к ценности. Определяемые когнитивными, психомоторными, эмоциональными, волевыми и другими возможностями человека, психологические ресурсы позволяют обеспечить решение проблемы и контролировать эмоции.

В качестве личностных ресурсов Г. С. Никифоров выделяет следующие: вера в разных её формах и проявлениях; понимание жизненной ситуации и возможность её прогнозирования; наличие смысла жизни; установка на то, что можешь распоряжаться своей жизнью; оптимистическое отношение к жизненной ситуации в целом; доминирование позитивных эмоций; самоконтроль; независимость в отношениях с другими людьми; отсутствие враждебности, доверие; принятие других такими, какие они есть; поведенческая активность; эффективная волевая регуляция; использование эффективных способов преодоления трудностей; переживание успешности самореализации; устойчивые, удовлетворяющие индивида межличностные роли; удовлетворяющий статус в социуме и профессиональной группе. Необходимый уровень знаний, навыков, умений для решения задач в трудных ситуациях составляет профессиональный ресурс педагога [4].

Конкретные формы адаптивных процессов в стрессовых ситуациях, зависящие от психологической компетентности педагога, уровня его культуры, социального опыта, определяют инструментальные ресурсы. К ним относятся: способность контролировать ситуацию, использование способов достижения желаемых целей, способность к адаптации, интерактивные техники изменения себя и ситуации, информационная и деятельностная активность по преобразованию ситуации взаимодействия личности и стрессовой ситуации, способность к осмыслению ситуации.

Материальные ресурсы включают достаточный уровень материального дохода и условий, позволяющих обеспечивать безопасность жизни, восстанавливать первичные физиологические потребности. К этим ресурсам относятся: стабильность оплаты труда; её достаточный уровень для достойного жизнеобеспечения, а не только для простого выживания; хорошие санитарно-гигиенические факторы труда и жизнедеятельности в быту.

В качестве ведущего ресурса в осуществлении здоровьесберегающей деятельности педагогов Н. Н. Малярчук рассматривает социальную поддержку микросреды, которая поддерживает самооценку, способствует само-

реализации, поддерживает адаптивные потенциалы и энергетические ресурсы организма педагога. Социальная поддержка педагогов может быть:

- институциональной, исходящей от государственных структур (повышение заработной платы, социального статуса, предоставление возможности повысить квалификацию, получить жильё);
- корпоративной, связанной с профессионально-трудовой структурой (административные поощрения, предоставление путёвок для санаторно-курортного лечения);
- межличностной, исходящей от отдельных людей (семьи, друзей, знакомых).

При этом психологическая поддержка социального окружения (эмоциональная поддержка близких, друзей, сотрудников, их конкретная помощь в делах) обеспечивает смягчающий эффект от угрозы или непосредственного воздействия профессиональных стрессоров, оказывает прямое действие с точки зрения защиты от стресса, ведёт к активному восстановлению после воздействия стрессора. Выполняя эмоциональную, информационную, инструментальные функции, социальная поддержка приобретает черты социально-психологической поддержки, поскольку, выступая в качестве внешнего ресурса, она зависит от готовности личности обратиться за помощью. Но способность обратиться за внешней поддержкой и принять её – это уже внутренний ресурс личности, который во многом зависит от социально-психологической активности человека, направленной на формирование вокруг себя персональной «сети поддержки» и готовности обратиться к ней в трудные периоды жизни [4].

Отношение ко всем вышеуказанным ресурсам, расстановка приоритетов в их использовании будет зависеть от ценностно-смысловых ориентаций личности педагога, здоровьесберегающей и здоровьесформирующей активности в педагогической деятельности, состояния телесной, душевной и духовной составляющей индивидуального здоровья педагога, уровня его методологической культуры в вопросах сохранения, развития и формирования здоровья учащихся. Поскольку педагог на сегодняшний день является реальной личностью, способной сохранить здоровье учащихся в процессе обучения, то необходимо повышение квалификации педагогов по вопросам обучения методам и способам формирования культуры здоровья учащихся в русле здоровьесберегающей педагогики.

Исследование Н. Н. Малярчук было проведено на педагогах средней школы, однако нам представляется возможным распространение данного подхода и на педагогическую деятельность преподавателей вузов. В системе взаимоотношений *преподаватель – студент* именно преподаватель является той движущей силой, которая способна привести в движение маховик формирования здорового образа жизни студентов. Для обеспечения этого процесса преподаватель должен сам относиться к своему здоровью как к ценности, придерживаться здорового образа жизни и быть готовым транслировать свои представления при общении со студентами. Реализация здоровьесберегающего и здоровьесформирующего подхода должна стать основой деятельности преподавателя высшей школы.

Таким образом, задача формирования здорового образа жизни студентов является комплексной и требует всестороннего рассмотрения. Необходимо системное психологическое сопровождение процесса формирования здорового образа жизни. В формировании здорового образа жизни приоритетными должны стать образовательные программы, направленные на сохранение и укрепление здоровья студентов, создание активной мотивации на заботу о собственном здоровье и здоровье окружающих и, прежде всего, изменение отношения студентов к своему здоровью, повышение для молодого поколения ценности здоровья.

Список литературы

1. Березовская, Р. А. Отношение к здоровью [Текст] / Р. А. Березовская // Практикум по психологии здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. – СПб. : Питер, 2005. – С. 100–110.
2. Киреева, Н. Н. Особенности саморегуляции студентов вуза как индикатор успешности обучения в ситуации информационной нагрузки [Текст] / Н. Н. Киреева, Е. Е. Котова // Известия ЮФУ. Технические науки. Тематический выпуск. Медицинские информационные системы. – № 6 (83). – Таганрог, 2008. – С. 93–99.
3. Малярчук, Н. Н. Культура здоровья субъектов образовательного процесса [Текст] / Н. Н. Малярчук. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2006. – 240 с.
4. Никифоров, Г. С. Психология профессионального здоровья [Текст]: учеб. пособие / Г. С. Никифоров. – СПб. : Речь, 2006. – 480 с.

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ ТРУДА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья представляет собой теоретическое описание феномена отчуждения труда. Проблема отчуждения труда представляется наиболее актуальной в постиндустриальную эпоху, когда господство машинного и интеллектуального труда преобладает.

Человек сознательно превращает свою жизнедеятельность, свою сущность лишь в средство для поддержания своего существования [6]. В Толковом словаре В. Даля отчуждение рассматривается как синоним слова «отдаление», которое понимается как физическая категория [3]. Применяв термин к сфере производства, получим следующее: отчуждение – это форма отношения к труду, характеризующаяся настроением бессмысленности, беспомощности и отрешённости [4]. Отчужденный труд превращается в труд, утративший добровольный характер и свою непосредственную целесообразность.

Попытаемся выделить причины отчуждения рабочего в процессе трудовой деятельности. Работа для любого человека является сферой для самореализации, поэтому, при отсутствии самовыражения, человек автоматически лишается этой возможности. Отсутствие инициативы у рабочих подразумевает невозможность рядовых работников хоть сколько-нибудь влиять на сам процесс производства, т. е. они становятся абсолютно беспомощными в собственно деятельности. Беспомощность порождает отсутствие чувства собственного причастия, человек перестаёт быть значимым как личность, превращается в деталь механизма [2], обезчеловечивается, что, в свою очередь, порождает чувство собственной никчемности [1]. Ощущение бесчеловечности порождается и тотальным контролем за деятельностью, который не допускает никаких изменений в производимых механических операциях.

Уровень отчуждения от людей и от человеческой сущности тем больше, чем выше уровень эксплуатации труда в данном обществе [2]. Таким образом, работник вынужден ежедневно монотонно (интенсивность работы тоже регламентирована) выполнять строго определённый набор операций, следовательно, однотипность и однообразие также относим к причинам отчуждения в трудовой деятельности.

Вышеперечисленные факторы непременно губят любую заинтересованность в деятельности и в результатах производства. Работник, задействованный в производстве, работает для реализации цели предприятия, но, не чувствуя к ней собственной значимости для производства, ему сложно отстаивать цель «не ценящего» его предприятия. Работа как трудовая деятельность становится бессмысленной, точнее, труд превращается в средство достижения определённого уровня благ и только [5].

Возможными причинами феномена отчуждения представляются:

1. Невозможность проявления инициативы.
2. Ощущение заменимости человека.
3. Невозможность влияния на общественные процессы.
4. Тотальный контроль за деятельностью работника на производстве.
5. Монотонность и однообразие выполняемой работы.
6. Несовпадение целей предприятия и личных целей сотрудника.

Попытаемся спрогнозировать возможные последствия отчуждения труда. Такой труд выматывает своей монотонностью и вызывает повышенную нагрузку на психику. Психологическая нагрузка усугубляется последующими психосоматическими расстройствами, что сказывается на здоровье работника не лучшим образом. Плохое самочувствие работника влияет на темп работы и результаты деятельности. Вполне вероятно, что данная тенденция вызовет недовольство работой, а это в конечном итоге может привести к недовольству начальства сотрудником, к возникновению внутриколлективных конфликтов с непосредственным руководителем и, как следствие, к увольнению.

Отчуждение – это совокупность отрицания, отвержения, безразличия и апатии, которые имеют свойство распространяться в геометрической прогрессии, не оставляя ни уголка в жизни человека, где бы царило увлечение и заинтересованность. Апатия подавляет интерес не только к работе, но и ко всем существовавшим ранее сторонам жизнедеятельности человека, существовавшим, потому как при появлении апатии привычные увлечения перестают интересовать и вызывать эмоции, соответственно, перестают существовать для человека. И круг замыкается. Для человека остаются существующими только те области, которые ему необходимы для поддержания жизнедеятельности, а именно работа, которая уже не воспринимается как нечто важное и интересное, но просто существует по необходимости.

Таким образом, выделим последствия отчуждения труда:

1. Депрессия; лень, усталость, апатия.
2. Психо-физиологические (психосоматические) расстройства.
3. Нарушение способности адекватной коммуникации.
4. Снижение общей активности.
5. Распространение пассивности на другие сферы жизнедеятельности.
6. Деадаптация в производственной сфере.
7. Деградация личности.
8. Потеря смысла жизни.

Как видим, последствия имеют достаточно тяжёлый характер, поэтому необходимо разработать меры их предотвращения. К мерам такого рода отнесём:

1. Внедрение инноваций в работе.
2. Повышение уровня значимости каждого отдельно взятого работника.
3. Создание постоянно действующих связей с руководством и среди работников предприятия (ликвидация социального одиночества в процессе работы).
4. Разработка грамотной политики сотрудничества с рабочим коллективом по вопросам политики предприятия с возможностью права голоса каждого работника [7].
5. Развитие корпоративной культуры организации.

Сам факт существования понятия «отчуждение труда» является показателем несовершенства системы производства, в очередной раз доказывая человеку, что ему ещё есть куда стремиться. В любом случае, при отчуждении чего-либо человек остаётся целостным по сути, т. к. отчуждается внешняя вещь, не нарушая целостности человеческой личности. А так как сфера деятельности – творение социума, а соответственно, и рук человека, то в его силах трансформировать её таким образом, чтобы по возможности предотвратить и максимально снизить отрицательные последствия самого процесса.

Список литературы

1. Голохванов, Е. Альтернативный социологический словарь [Электронный ресурс] / Е. Голохванов. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/574/word/%CE%D2%D7%D3%C6%C4%C5%CD%C8%C5/>, свободный.
2. Грицанов, А. А. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] / А. А. Грицанов. Режим доступа:

- http://www.koob.mhost.ru/books/philosophy/novejshij_filosofskij_slovarmz.zip, свободный.
3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. Даль. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/dal>, свободный.
 4. Джери, Д. Отчуждение [Электронный ресурс] / Д. Джери // Большой толковый социологический словарь, 2001 г. Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/567/word/%CE%D2%D7%D3%C6%C4%C5%CD%C8%C5/>, свободный.
 5. Кравченко, А. Социология девиантности: глоссарий [Электронный ресурс] / А. Кравченко. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/590/word/%CE%F2%F7%F3%E6%E4%E5%ED%E8%E5/>, свободный.
 6. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года [Электронный ресурс] / К. Маркс. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/marxk01/>, свободный.
 7. Шакиров, Н. Ш. Проблема отчуждения труда [Электронный ресурс] / Н. Ш. Шакиров // Академия управления ТИСБИ. – Режим доступа: <http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2004/issue3/Cult6.html>, свободный.

Л. А. Николаева

ГОУ ВПО «Иркутский государственный медицинский университет
Росздрава», г. Иркутск

ГИГИЕНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОРБЦИИ ФТОРА В РАСТЕНИЯХ, ПРОИЗРАСТАЮЩИХ ВБЛИЗИ ПРЕДПРИЯТИЙ АЛЮМИНИЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В статье дана гигиеническая оценка влияния растворимых соединений фтора на развитие растений, возможности их накопления в них и опосредованного влияния на здоровье населения.

Проблема загрязнения почв и растений различными токсикантами с каждым годом становится актуальнее. В ряду существующих загрязняющих веществ фтор занимает особое место. Физиологическая активность фтора очень высока. Загрязнение фтором является серьёзной проблемой, особенно в районах размещения заводов по производству алюминия, где в качестве флюса используют криолит (Na_3AlF_6). Растения обладают высокой чувствительностью к атмосферным фитотоксикантам. Фтористые соединения, накапливаясь в растениях, причиняют большой ущерб сельскому хозяйству и вызывают устойчивые изменения в природных экосистемах. В настоящее время

содержание фтора в растениях является тестом на загрязнение окружающей среды фторосодержащими выбросами промышленных производств.

Несмотря на отсутствие явной необходимости получения фтора из атмосферного воздуха для растительного организма, растения поглощают фтор более эффективно, чем любую другую загрязняющую примесь, что определяется его хорошей растворимостью в воде и высокой реакционной способностью. В случае одновременного загрязнения воздуха и почвы соединениями фтора более активно растениями осуществляется поглощение из воздуха. Почвы обладают способностью фиксировать фториды, а их снижение происходит за счёт выщелачивания и удаления сельскохозяйственными культурами.

Основным путём проникновения фтора в организм является его поступление с пищей, таким образом, растения имеют важное значение как его переносчики во всех экосистемах. Фториды поглощаются из почвы путём пассивной диффузии, затем они переносятся в растения за счёт транспирации или транслокации. В умеренном климате в большинстве почв количество фторидов, накапливающихся таким путём, зависит от уровня загрязнения фтористыми соединениями окружающей среды. В таких районах поглощение фторидов растениями может быть достаточным для того чтобы внести существенный вклад в долю загрязнения организма человека или животных.

Фтор влияет на метаболизм растений и способен вызывать снижение темпов поглощения кислорода, расстройства респираторной деятельности, снижение ассимиляции питательных веществ, уменьшение содержания хлорофилла, подавление синтеза крахмала, разрушение ДНК и РНК. Фториды ингибируют ферменты: энлазу, фосфоглюкомутазу, фосфотазу.

Исследования показали на неравномерность распределения фтора по органам растений: большая его часть накапливается в корнях, чуть меньше его в вегетативной массе (солома, листья, стебли) и менее всего фтора содержится в зерне. В культурных растениях фтор в основном накапливается в листьях и стеблях, меньше в плодах.

Аккумуляция фтора зависит от наличия его подвижных соединений в окружающей среде и индивидуальных особенностей организма. В целом естественное содержание фторидов в растениях, выросших вне зоны техногенного загрязнения, невелико. Среднее содержание его в различных органах растений колеблется от 0,1 до 5 мг/кг сухого вещества. При проведении сравнительного анализа различных видов растений, произрастающих в зоне влияния Иркутского алюминиевого завода (г. Шелехов) и вне её, обнаруже-

но, что содержание фтора в органах растений может увеличиваться на три порядка. Такое высокое поглощение не может не сказаться на жизненном состоянии растительности. В зоне распространения выбросов алюминиевого завода в достаточно короткие сроки наблюдается уменьшение прироста растений, усыхание чувствительных видов, что является следствием нарушения комплекса физиологических процессов.

Аккумуляция фтора в растительности на загрязнённых территориях оказывает существенное влияние на млекопитающих, прежде всего на травоядных и семяноядных. Хронические проявления избыточного содержания фторидов у крупного рогатого скота очень схожи с таковыми у человека (флюороз зубов и костей). Продукты животноводства (мясо, молоко) от пораженных флюорозом животных могут являться дополнительным источником поступления фторидов по пищевым цепочкам в организм человека.

Л. А. Николаева, М. Ф. Савченков

ГОУ ВПО «Иркутский государственный медицинский университет
Росздрава», г. Иркутск

ГИГИЕНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАКОПЛЕНИЯ РАСТВОРИМЫХ ФТОРИДОВ В ПОЧВЕННОМ ПОКРОВЕ В СИБИРИ

В статье обобщены собственные данные по проблеме загрязнения почвы фтористыми соединениями городов Иркутской области с развитой алюминиевой промышленностью по сравнению с ранее проведенными исследованиями.

С каждым годом в связи с развитием промышленного производства увеличивается техногенное давление на окружающую среду, что непосредственно влияет на качество почв и сельскохозяйственной продукции, тем самым ухудшая здоровье населения. На территории Иркутской области расположены предприятия цветной металлургии, целлюлозно-бумажной и химической промышленности, теплоэнергетики.

Фтор как химический элемент – широко распространённый в природе неметалл, который занимает 16-е место среди элементов, входящих в состав

земной коры. Чаще всего в природе он находится в виде труднорастворимых солей апатита, топаза, полевого шпата, креалита и др. В то же время этот элемент является наиболее электроотрицательным из числа всех известных на Земле химических элементов. Это характеризует его как химически самый активный элемент, образующий многочисленные соединения, часть из которых опасна для здоровья людей и животных. В списке вредных веществ фтор относится к I классу опасности в почве и ко II классу в воде. Поэтому изучение поведения фтора и его соединений в объектах окружающей среды является актуальным.

Основным источником загрязнения фторидами атмосферного воздуха, почвы, продуктов питания являются предприятия алюминиевой промышленности. Иркутская область даёт более 33 % алюминия страны. Это производство сопровождается выбросом в атмосферу высокотоксичных загрязняющих веществ (фтористый водород, фториды, алюминиевая пыль, бенз(а)пирен и др). Ежегодно предприятиями цветной металлургии Иркутской области выбрасывается в атмосферный воздух более 4 тыс. т фтористых соединений. Осаждение на земную поверхность из атмосферного воздуха соединений фтора приводит к накоплению их в объектах окружающей среды. Для осуществления мониторинга за накоплением фторидов в почве проводился анализ проб снежного покрова и непосредственно почвы. Точки наблюдения были выбраны с учётом зонирования территории города, расположения промышленной площадки по отношению к селитебной зоне, с учётом направления ветра.

Снежный покров является индикатором интенсивности и уровня загрязнения атмосферного воздуха, что объясняется его высокой способностью поглощать из атмосферы продукты технического производства. Исследование загрязнения снежного покрова является удобным способом получения данных о поступлении загрязняющих веществ из атмосферы на подстилающую поверхность. В 2009–2010 гг. было проведено исследование снежного покрова г. Шелехова и контрольного (фонового) участка, расположенного в 8 км от г. Иркутска. Среднее содержание растворимых соединений фтора в талой воде составило $6,66 \text{ мг/дм}^3$, что в три раза превышает фоновое значение.

По данным ежегодных наблюдений за содержанием примесей в почвах селитебных зон городов Братска и Шелехова, фтористые соединения являются приоритетными загрязнителями. Найдена надёжная корреляция (с коэф-

фициентом 0,8) между расстоянием от источника и содержанием фтора в почве и растительности. Было установлено, что содержание растворимого фтора в гумусовом горизонте вблизи предприятия до 150 раз превышает таковое за пределами техногенной зоны. Основное количество фтора накапливается в верхних горизонтах. Начиная с глубины 30–50 см, происходит снижение содержания фтора. Повышенное накопление фтора в почвах снижает интенсивность процессов почвенного дыхания и азотфиксирующую функцию микроорганизмов. Концентрация фтора в почве г. Братска в среднем составляла 832 мкг/кг на расстоянии 2 км от источника загрязнения, 630 мкг/кг – в 12 км от промплощадки, 290 мкг/кг – в 20–30 км. На примере города Братска показано, что суточное поступление фтористых соединений из почвы для населения с 1995 по 2005 гг. составляло от 0,2 до 0,4 мг/кг в день, а общее количество из всех сред составило в среднем по городу 1,7 мг в день [1].

Т. И. Шалина [3] установила, что основным источником загрязнения почвы на территории г. Шелехова Иркутской области являются выбросы промышленного предприятия по получению алюминия. Процесс производства алюминия сопровождается производством фторсолей (технический вспомогательный процесс), что ведёт к выделению загрязняющих веществ: фтористого водорода, фторидов, пыли, диоксида серы, оксида углерода, смолистых веществ, бензапирена. Фтористый водород и плохо растворимые фториды относятся к первому классу опасности в почве и второму классу опасности в воде.

Наибольшее загрязнение почвы соединениями фтора наблюдалось вокруг алюминиевого завода в радиусе 1 км, максимальное содержание для водорастворимых форм фтора составило от 11 до 31 ПДК. На расстоянии до 8 км превышение достигало 9 ПДК для почвы. В период с 1985 по 2005 гг. превышение ПДК вблизи завода доходило до 7-кратного, а на расстоянии 2 км – 4-кратного. Анализ многолетних наблюдений свидетельствует о сохранении высокого уровня загрязнения фторидами почвы на протяжении последних 20 лет. В 2003 г. из 15 проб 40 % не отвечали гигиеническим нормам, а в 2007 г. из 34 проб почвы 91 % не соответствовал требованиям гигиенических нормативов. По суммарному показателю загрязнение почвы территории г. Шелехова оценивается как умеренно опасное с величиной $Z_{\text{сум.}} = 22$, что связано с повышенным содержанием фтора в почве до 11 ПДК [3].

Исследования почвенного покрова г. Шелехова в 2009–2010 гг. показали, что содержание растворимых фторидов вблизи алюминиевого завода сохраняется в пределах 6–7 ПДК, на расстоянии 2–3 км также остаётся высоким и составляет 5 ПДК. Концентрации фторидов в черте города варьировали от 22,4 до 47,9 мг/кг, что соответствует превышению предельно допустимых значений в 2–5 раз.

Накопление фтора в почве зависит от типа почвы и глубины горизонта. Исследования по содержанию растворимых форм фторидов в почве г. Шелехова на различной глубине от поверхности (0 см, 0–10 см, 0–20 см) показали, что в песчаных почвах концентрации фторидов с глубиной уменьшаются в 1,5–2,0 раза, а в глинистых происходит их накопление на глубине 20 см также в 1,5 раза [2].

Для выявления кумулятивных свойств почвы по отношению к фторидам в условиях Восточной Сибири летом 2009 г. были проведены экспериментальные исследования. Так как в основном по слоям почвенного покрова и из почвы в растения мигрируют растворимые формы фторидов, опытный участок обрабатывался раствором фторида натрия. Для чистоты эксперимента был выбран участок земли, расположенный в 17 км от г. Иркутска, не подверженный воздействию выбросов алюминиевой промышленности. Участок был разделен на 4 делянки, одна из которых являлась контрольной, а в остальные вносился раствор NaF в концентрациях соответствующих 10, 50 и 100 ПДК растворимых фторидов в почве. Поливка осуществлялась троекратно: в конце мая, июня, июля. Забор почв для анализа проводился в середине каждого месяца. На второй месяц эксперимента наибольший коэффициент накопления фторидов обнаружен при внесении соли в концентрации 50 ПДК – 2,2, наименьшее значение он составил при внесении фторидов кратно 100 ПДК – 1,6. Анализ почвы на третий месяц эксперимента показал, что коэффициент накопления фторидов при внесении соли в концентрации 50 ПДК составил 3, а 100 ПДК – 2,6.

Изменение миграционных свойств фтора в почве зависит от его общего содержания в почвах, форм его соединений, свойств почвы (кислотности, механического состава, минералогического состава, наличия карбонатов, окисления железа и алюминия). Содержание водорастворимых форм фтора тем выше, чем больше степень засоления почв, при этом содержание фторидов зависит от состава самой почвы и количества выпавших осадков.

Список литературы

1. Никифорова, В. А. Гигиеническое обоснование индикативных показателей оценки экологического благополучия урбанизированных территорий [Текст] : автореф. дис. ... д-ра биол. наук / В. А. Никифорова. – Иркутск, 2009. – 37 с.
2. Николаева, Л. А. Проблема загрязнения фторидами почвенного покрова вблизи алюминиевых производств [Текст] / Л. А. Николаева, Д. А. Турчинова // Естествознание и гуманизм : сб. науч. тр. / под ред. Н. Н. Ильинских. – Томск, 2010. – Т. 6. – № 1. – С. 58–59.
3. Шалина, Т. И. Загрязнение окружающей среды фтористыми соединениями алюминиевого производства и их влияние на морфогенез костей [Текст] : автореф. дис. ... д-ра мед. наук / Т. И. Шалина. – Иркутск, 2009. – 42 с.

Л. А. Николаева, М. Ф. Савченков, Н. С. Шин

ГОУ ВПО «Иркутский государственный медицинский университет
Росздрава», г. Иркутск

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ВЫБРОСОВ АЛЮМИНИЕВЫХ ПРОИЗВОДСТВ НА ЗДОРОВЬЕ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ, ПРОЖИВАЮЩЕГО НА ЙОДДЕФИЦИТНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

В статье дана оценка влияния фтористых соединений на развитие йоддефицитных состояний детского населения промышленных городов Иркутской области.

Йоддефицитные заболевания являются одними из наиболее массовых заболеваний в мире, представляя собой важную медико-социальную проблему. В России распространенность эндемического зоба в некоторых регионах уже составляет 30–35 % среди населения, увеличиваются случаи гипотиреоза, снижения интеллектуальной активности населения, в первую очередь детей и подростков, появление йоддефицитного кретинизма, что может иметь катастрофические последствия для нации в целом.

При недостаточном поступлении йода в организм возникает своеобразная «рабочая» гипертрофия щитовидной железы, которая может принять форму диффузной гипертрофии (за счет повышения уровня тиреотропного гормона) и гиперплазии (за счет действия ростстимулирующих факторов щитовидной железы при снижении концентрации интратиреоидного йода). Любая стимуляция деления клеток сопряжена с возможностью повышения частоты соматических мутаций; поэтому неудивительно, что в щитовидной же-

лезе, находящейся в условиях йодного дефицита, иногда возникают аденомы и коллоидные кисты [4].

Вместе с тем йодный дефицит не является единственным фактором развития, например, эндемического зоба, так как многими авторами [1] показана высокая распространённость заболевания при достаточном поступлении йода в организм. Важными звеньями патогенеза эндемического зоба являются нарушения утилизации йода тиреоидной тканью, превращения йодида в органический йод, блокада ферментных систем синтеза тиреоидных гормонов, в первую очередь тиропероксидазы, что может привести к развитию вторичной йодной недостаточности. Одной из основных причин развития вторичной йодной недостаточности является ухудшение экологической обстановки и воздействия выбросов промышленных предприятий на щитовидную железу.

Восточная Сибирь является биогеохимической провинцией, характеризующейся низким содержанием йода в объектах окружающей среды. Кроме того, Иркутская область является территорией с развитой промышленностью. В Приангарье в течение нескольких десятилетий действуют два крупных алюминиевых завода в городах Братске и Шелехове. Всего в атмосферный воздух населённых мест предприятиями по производству алюминия выбрасывается около 60 тыс. т парогазовых и твёрдых примесей, из них с содержанием фтора – 4 тыс. т в год, в котором доля газообразного фтора составляет почти 50 %. Под воздействием фтористых соединений находятся 300 тыс. жителей Иркутской области, что составляет 14,3 % от общего населения [3].

Большая химическая активность фтора по сравнению с йодом приводит к тому, что фтор может быть конкурентом йода в синтезе гормонов щитовидной железы и таким образом влиять на её функцию. В связи с этим значительный научный интерес представляет проблема развития йоддефицитных состояний в условиях совместного действия на организм природного дефицита йода и антропогенной нагрузки на организм соединений фтора.

Дети являются наиболее уязвимым контингентом при йоддефиците, поэтому первоочередными должны стать исследования среди данной категории населения. Скрининг детского и подросткового населения как наиболее чувствительных групп включал анкетирование родителей, позволяющее учесть возраст ребенка, место жительства, особенности питания, употребления лекарственных препаратов (503 человека), анализ проб мочи. Были сформированы группы обследуемых детей в возрасте 5–6 лет и 15–16 лет, проживающих в зоне длительного техногенного влияния выбросов алюминиевой про-

мышленности (Братск, Шелехов). В Братске исследования проводили в районах с различными уровнями загрязнения фтористыми соединениями. В качестве группы сравнения рассматривались данные обследования детей и подростков неэкспонированной фтористыми соединениями территории г. Усолья-Сибирского [3].

Степень выраженности йодного дефицита оценивали по критериям ВОЗ: уровень йода в моче ниже 20 мкг/л составляет выраженный (тяжёлый) йоддефицит, от 20 до 49 мкг/дм³ – умеренный (среднетяжёлый); от 50 до 99 мкг/дм³ – лёгкий; равный и более 100 мкг/дм³ – йодный дефицит отсутствует. В соответствии с действующими рекомендациями в качестве допустимого уровня содержания фтора в моче принята величина 20,0±4,9 мкмоль/дм³.

Уровень экскреции фтора с мочой зависит от концентрации его в атмосферном воздухе, то есть от количества поступления фтора в организм при дыхании. Было установлено, что содержание фтора в моче у детей Центрального района г. Братска (район расположения алюминиевого завода) достоверно выше, чем у детей, проживающих в пос. Энергетиков. Это объясняется тем, что атмосферный воздух в Центральном районе наиболее загрязнён фтористыми соединениями. Кроме того, экскреция фтора с мочой зависела от возраста обследованных детей. Среднее содержание фтора в моче детей дошкольного возраста составило 84,2±3,5 мкмоль/дм³, в то время как у школьников эта величина в 2 раза больше, при этом половые различия выявлены не были (таблица 1).

Таблица 1 – Содержание фтора в моче детей промышленных центров Иркутской области

Город	n – число наблюдений	Содержание фтора, мкмоль/дм ³
5–6 лет		
Братск, пос. Энергетиков	51	73,7±3,1*
Братск, Центральный район	51	94,7±3,9*
Шелехов	130	64,2±3,0*
Усолья-Сибирское	66	47,1±4,1
15–16 лет		
Братск, пос. Энергетиков	51	140,3±5,2*
Братск, Центральный район	50	198,9±4,7*
Шелехов	120	78,1±2,8*
Усолья-Сибирское	101	49,1±2,4

* – p < 0,05

В г. Шелехов среднее содержание фтора в моче дошкольников составило $64,2 \pm 3,0$ мкмоль/ дм³, у школьников оно также было достоверно выше, примерно в 1,2 раза.

Накопление фтора в организме характеризовали и по его содержанию в молочных зубах детей, проживающих в различных районах наблюдения г. Братска [2]. Выраженное накопление фтора в биологическом материале обнаружено у детей, проживающих в Центральном районе – 0,341 мг/кг сухого вещества. Содержание фтора в зубах детей, проживающих в п. Энергетик, оказалось достоверно ниже. Однако уровень содержания фтора в зубах детей, проживающих в обоих районах, выше, чем существующая физиологическая норма.

Для оценки распространённости и тяжести йоддефицитных заболеваний проведены эпидемиологические исследования содержания йода в моче детей Братска и Шелехова. При отборе проб использовали разовые порции мочи, так как показано, что содержание йода в разовой порции хорошо коррелирует с его содержанием в суточной моче. В «более» загрязнённом районе г. Братска среднее содержание йода в моче составило 30 мкг/л. Распространённость тяжёлых форм йодного дефицита составила соответственно 36 %, умеренно выраженных форм – 47 %, лёгких форм – 17,0 %. В «менее» загрязнённом районе среднее содержание йода в моче составило 44 мкг/л и оказалось достоверно выше. При этом распространение йоддефицитных состояний тяжёлой степени выявлено у 35,0 % обследованных детей, умеренная – у 50 %, лёгкая – у 10 %, 5 % детей имели нормальный уровень йодурии. Таким образом, высокая степень распространённости йоддефицитных состояний характерна для обоих районов наблюдения.

В г. Шелехов у дошкольников (n=130) распространённость тяжёлых форм йоддефицита составила 25,0 % от общего числа обследованных детей, умеренно выраженных и лёгких форм соответственно 69,1 % и 5,9 %. У подростков (n=120) распространение тяжёлых форм йоддефицитных состояний выявлено в 26,3 % случаев, 60,5 % школьников имели умеренную степень тяжести йоддефицита и 13,2 % – его лёгкую форму.

Таким образом, средние уровни фтора в биосубстратах детей, проживающих в промышленных центрах Иркутской области, выше референтных величин, предложенных в документах ВОЗ, что представляет потенциальную опасность для здоровья. Анализ совместного действия факторов окружающей среды (йоддефицит и фтористое загрязнение) показал, что основной

причиной увеличения щитовидной железы у обследованных детей является избыточное поступление фтора в организм.

Список литературы

1. Авцин, А. П. Микроэлементозы человека: этиология, классификация, органопатология [Текст] / А. П. Авцин, А. А. Жаворонков и др. – М. : Медицина, 1991. – 496 с.
2. Гаськов, А. Ю. Особенности развития йоддефицитных состояний у детей, проживающих в условиях загрязнения окружающей среды фтористыми соединениями [Текст] / А. Ю. Гаськов, М. Ф. Савченков, Н. Н. Юшков. – Гигиена и санитария. – 2005. – № 6. – С. 53–55.
3. Ефимова, Н. В. Оценка воздействия фтора на детское население Иркутской области. – Медицина труда и промышленная экология [Текст] / Н. В. Ефимова, В. Б. Дорогова и др. – 2009. – № 1. – С. 23–26.
4. Поздняк, А. О. Роль некоторых факторов окружающей среды в развитии эндемического зоба (обзор) [Текст] / А. О. Поздняк // Гигиена и санитария. – 2002. – № 4. – С. 13–15.

И. В. Петров

ГОУ ВПО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

В статье рассматриваются экологические аспекты переходной экономики – инертность регионов в решении проблемы роста объёма отходов, почти не подвергающегося утилизации и наносящего прямой урон экологии и косвенный – экономике.

Самарский регион отличается изобилием внутренних топливных ресурсов, что не стимулирует к разработке альтернативных синтетических топлив. Наличие ГЭС полностью исключает потребность в поиске альтернативных источников электрической энергии, которые были бы более экологичны. Разработанные транспортные потоки дают доступ к качественному первичному сырью, что препятствует заинтересованности в освоении источников вторичного сырья. Вместе с тем наличие огромного числа промышленных производств даёт огромное число отходов, которые можно было бы перерабатывать во вторичный продукт. Кроме того, значительно население области: оно составляет 2,2 % населения страны с превалированием городского насе-

ления (81 %) и проживает на 0,31 % территории России. Такое население даёт весьма весомый показатель по бытовым отходам, которые можно не только сжигать и захоронять с ущербом для среды и экономики (в виде потери сельхозугодий), но и перерабатывать в полезный вторпродукт с косвенной пользой для экологии. Переработка экологичнее производства, поскольку производство вторичного продукта наносит меньший суммарный урон среде, чем первичный.

В мире в целом и в России в частности проблема утилизации бытовых и промышленных отходов становится всё острее: так, объём отходов в год для Тольятти – ок. 2 млн м³, причём из них 40 % вывозится на несанкционированные свалки. Традиционные методы борьбы с отходами ограничены двумя основными: сжигание и захоронение, причем оба метода уступают во вредности только отсутствию оных. Так, например, сжигание способствует не только потере ценных веществ с дополнительной затратой энергии, но и образованию новых сложных и ядовитых соединений. При захоронении же гниение органических отходов способствует выделению парниковых газов, горючих веществ и самовоспламенению, что возвращает нас к недостаткам сжигания. Малоэффективны методы по сортировке отходов с целью выделить пригодные для вторичной переработки вещества. В условиях рыночной экономики создание рабочих мест по сортировке, промежуточной подготовке и расходы на транспортировку отобранных отходов до предприятий по переработке поглощает выгоду от экономии первичных ресурсов, что обуславливает инертность производителей в отношении этого источника сырья. Однако необходимость данной переработки признаётся уже давно не только академическими кругами – проблема вышла за пределы теоретической сферы и стала злободневной. В условиях командной экономики и идеологизированной жизни подобные работы организовывались при помощи административного ресурса, что снимало необходимость экономической выгоды и позволяло добиться реальной экономии первичных ресурсов (к концу 1980-х гг. собираемость макулатуры в Москве и Питере достигла 700–750 тыс. т в год).

Принципиально изменяется подход к утилизации отходов с открытием технологий переработки любой органики (около 80 % объёма всех бытовых отходов [1] и до 100 % сельскохозяйственных) в синтетические топлива вроде горючего газа и жидких углеводородов. При этом полностью исключается главная опасность основного способа утилизации органики – захоронений –

в виде выделения подобных веществ в процессе гниения, а также самовозгорание огромных площадей с выделением в атмосферу продуктов горения сопутствующих неорганических отходов (тяжёлые металлы, кислоты, парниковые газы и т. д.). Данные технологии позволяют не только снизить объём ТБО, но и получать от переработки прямую экономическую выгоду (продажа или использование на внутренние нужды жидких топлив, горючего газа, тепловой или электрической энергии). Однако здесь мы и сталкиваемся с проблемами переходной экономики: то, что при командной системе требовало лишь распоряжения компетентных органов, теперь требует сознательности, ответственности и дальновидности локальных акторов.

На данный момент можно считать, что центральная власть в целом заинтересована в защите экологии регионов и готова к поддержке данных стремлений у представителей местного самоуправления и бизнеса. Это видно из количества государственных экологических программ, в ходе которых в ряде регионов создаются в том числе и современные предприятия по переработке отходов. Это очевидно и из факта создания «Экологической доктрины Российской Федерации», в которой констатирована необходимость разработки методов стимуляции действующих предприятий к использованию природоохранных технологий, что переориентирует экспорт с сырья на продукты глубокой переработки; об этом свидетельствует также разработка «Концепции обращения с твердыми бытовыми отходами в Российской Федерации». Однако у центральной власти нет возможности для принуждения регионов к подобной практике, так что эффективность подобных мер крайне невелика.

Возвращаясь к специфике Самарского региона, можно отметить, что заинтересованность в данных технологиях у местных акторов весьма слаба. Предприятия по добыче и переработке нефти воспринимают эти новации как прямую конкуренцию и имеют все возможности для их негативного лоббирования благодаря экономическому и (как следствие) политическому влиянию. Предприятия по выработке электрической энергии (ГЭС, ТЭЦ) в данном регионе имеют развитую сеть, что снимает актуальность альтернативных источников электрической энергии и лишает экономической выгоды выработку ее из ТБО. Тепловая энергия в крупных городах также «завязана» на существующих коммуникациях, так что прокладка альтернативных делает невыгодным получение энергии из ТБО.

Исторически сложилось так, что крупные предприятия по добыче электрической и тепловой энергии обеспечивают (а значит и имеют влияние) на *все* промышленные центры, поскольку промышленность региона развивалась почти одновременно и по единому плану. Те же регионы области, где влияние данных акторов менее значительно или отсутствуют вовсе, и сами не обладают достаточными возможностями для внедрения дорогостоящих, хоть и окупающихся в обозримые сроки инновационных технологий. В первую очередь это село и предприятия сельского хозяйства. При ярко выраженной потребности в обеспечении энергоресурсами (как топливными, так и электрическими и тепловыми), высокой обеспеченностью органическим сырьём (отходы сельского хозяйства состоят из органических веществ до 100 %), а также высоким уровнем безработицы (установки по переработке предполагают создание дополнительных рабочих мест), они не могут себе позволить закупить подобные технологии ввиду неподъёмной цены. Только поддержка государственных структур в виде дотаций, субсидий и грантов может облегчить для сельского хозяйства подобную финансовую нагрузку. Такая поддержка прописана в государственных программах, в частности – Государственной программе развития сельского хозяйства.

Таким образом, из всех участников производственного процесса в условиях переходной экономики ни одна сторона не в состоянии решить насущную проблему отходов. Государство, потеряв командное влияние, может только стимулировать интерес акторов к внедрению технологий, но высокий уровень коррупции, позволяющий крупным акторам лоббировать свои корыстные интересы и нейтрализовывать эффект от негативного стимулирования (штрафы, санкции), сводит подобные усилия на нет. Сами акторы не заинтересованы в инновационных технологиях, поскольку они требуют крупных вложений при высоких рисках, тогда как существующие технологии ещё приносят прибыль. Конечный потребитель энергоресурсов либо зависит от существующей инфраструктуры, принадлежащей тем самым акторам, и поэтому не заинтересован в переменах, либо не зависит от них и заинтересован, но не имеет возможности для самостоятельного внедрения инноваций.

Итак, несмотря на острую актуальность проблемы огромного количества отходов, приносящих урон среде и экономике, а также несмотря на наличие технологий, позволяющих данным вред нейтрализовать с выгодой для всех участников процесса, – наличие инертных в плане инноваций крупных акторов полностью лишает данные технологии перспектив. Только вмеша-

тельство административного ресурса (во многом, впрочем, зависящего от лобби-возможностей данных акторов) может в данной ситуации повлиять на процесс внедрения прогрессивных технологий утилизации и переработки отходов.

Список литературы

1. Гаврилов, В. П. Эколого-экономические проблемы утилизации отходов в России [Электронный ресурс] / В. П. Гаврилов. – Режим доступа: <http://inecon.ru/ru/index.php?go=Content&id=95>.
2. Государственная программа развития сельского хозяйства // СЗ РФ. – № 31 от 30.07.2007. – Ст. 4080.
3. История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина [Текст]. – М. : Просвещение, 1983. – 367 с.
4. Концепция обращения с твердыми бытовыми отходами в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ssa.ru/norms/documents/2156AB34E>.
5. Проблема утилизации мусора в Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecopeak.ru/arts/226>.
6. Экологическая доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://www.scrf.gov.ru/documents/24.html>.
7. Экономическая энциклопедия регионов России. Приволжский федеральный округ: Самарская область [Текст] / гл. ред. Ф. И. Шамхалов, Г. Р. Хасаев. – М. : Экономика, 2007. – 397 с.

Л. А. Проскуракова

Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматриваются некоторые аспекты реализации программы Министерства образования и науки РФ в НФИ КемГУ.

Реформаторская парадигма деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации, обусловленная необходимостью соответствия качества и наукоёмкости услуг высшего профессионального образования требованиям мирового рынка наукоёмкой продукции и европейским стан-

дартам образования, несомненно, связана с обеспечением здоровья и качества жизнедеятельности участников образовательного процесса.

В связи с этим в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» в НФИ КемГУ коллективом учёных выполняется исследование «Научные основы охраны здоровья и формирования мотивации на здоровый образ жизни участников образовательного процесса в условиях экологически неблагоприятного региона (юг Кузбасса)» с целью: разработать научно-практическую модель здоровьесберегающего пространства и формирования здорового образа жизни личности в различных типах образовательных учреждений, адаптированную к экологически неблагоприятному промышленному региону. В рамках этой деятельности на базе НФИ КемГУ организован и функционирует научно-образовательный центр (НОЦ) «Здоровье».

НОЦ функционирует на базе гуманитарного факультета НФИ КемГУ в качестве его инновационного структурного подразделения, действующего на подрядной хоздоговорной основе и при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ. В состав НОЦ входят:

- ресурсный центр (руководитель – доцент кафедры физического воспитания и спорта (ФВиС) Хайбуллина Д. Р.);
- кафедра ФВиС НФИ КемГУ (руководитель – зав. кафедрой доцент Лукьянец Н. В.);
- лаборатория юридического факультета «Альтернатива» (руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса Гета М. Р.);
- психологическая лаборатория гуманитарного факультета (руководитель – доцент кафедры психологии Добрынина О. А.);
- плавательный бассейн «Олимп» (руководитель – старший преподаватель кафедры ФВиС Звягинцев М. В.)

Организациями-соисполнителями проекта и партнёрами НОЦ являются:

- ГОУ ДПО «Новокузнецкий институт усовершенствования врачей Росздрава», кафедра общей гигиены и эпидемиологии (руководитель – зав. кафедрой, профессор Лобыкина Е. Н.);
- МЛПУ «Центр медицинской профилактики» г. Новокузнецка (руководитель – директор центра, заслуженный врач РФ Рузаев Ю. В.).

Целями НОЦ являются:

- создание системы формирования здорового образа жизни и самосохранительного поведения современного специалиста в условиях деятельности учреждения ВПО;
- содействие студентам и профессорско-преподавательскому составу образовательного учреждения в создании условий, направленных на охрану и укрепление их физического, психического и социального здоровья;
- обеспечение формирования психофизического статуса специалиста;
- повышение мотивации учащихся и преподавателей в приобретении компетенций, умений, навыков, необходимых для здорового образа жизни и рационального самосохранительного поведения, успешной послеузовской социальной интеграции;
- научно-методическое обеспечение деятельности образовательного учреждения, связанной с первичной профилактикой нарушений здоровья студентов;
- разработка оздоровительных программ, методических и практических рекомендаций для оздоровления участников образовательного процесса.

Задачами НОЦ являются:

- осуществление консультативных услуг в сфере охраны здоровья участников образовательного процесса различными специалистами: юристом, психологом, эндокринологом, гигиенистом, медицинской сестрой, физиологом, педагогом, фитнес-тренером, диетологом;
- разработка организационных, психолого-педагогических, медико-социальных, правовых рекомендаций по оптимизации образовательного процесса на здоровьесберегающей основе;
- подготовка методических рекомендаций по поддержке и коррекции психического, физического и социального здоровья студентов, молодых семей, преподавателей;
- поиск и содействие внедрению в практику учебного процесса инновационных технологий развития самосохранительного поведения личности;
- создание информационного банка данных о состоянии здоровья, индивидуальных психофизиологических особенностях и резервных возможностях организма студентов образовательного учреждения;

- контроль психофизического состояния здоровья студентов вуза в процессе обучения через Центр здоровья г. Новокузнецка (МЛПУ «Городская больница № 9»);
- разработка и использование совокупности здоровьесберегающих технологий, ориентированных на систему физической, психологической и социальной активности;
- содействие формированию психофизического статуса специалиста;
- разработка образовательных программ, направленных на сохранение здоровья студентов, школьников и развитие их мотивации на здоровый образ жизни;
- осуществление совместной деятельности с партнёрскими организациями в целях охраны здоровья и оптимизации моделей самосохранительного поведения молодёжи.

Реализация поставленных целей и задач НОЦ осуществляется через следующие направления деятельности, к которым привлекаются преподаватели и студенты НФИ КемГУ, КемГУ, научные сотрудники, руководящие, медицинские и другие работники организаций-соисполнителей, докторанты, аспиранты: 1. Научно-методическая работа. 2. Образовательная деятельность. 3. Оздоровительная работа участников образовательного процесса. 4. Комплексная диагностика состояния здоровья.

Научное направление деятельности НОЦ включает в себя несколько видов работ: подготовка дипломных проектов студентов, обобщение опыта по оценке показателей здоровья, выявление критериев состояния психического, физического и социального здоровья студентов вузов, прогнозирование их тенденций (опубликовано в коллективной монографии), обсуждение материалов проекта на научно-практических конференциях, симпозиумах различного уровня, просветительская работа по вопросам охраны здоровья. В деятельности НОЦ используются рекомендации, изложенные в четырёх учебных пособиях, подготовленных исполнителями проекта на предыдущих его этапах. Учебное пособие М. Р. Гета [1] внедрено в учебный процесс подготовки студентов НФИ КемГУ по специальностям «Психология», «Юриспруденция», «Экономика»; используется на дисциплинах «Правоведение», «Криминология», «Юридическая психология», «Социальная психология». Учебное пособие Л. А. Проскуряковой [2] используется в учебном процессе студентами-психологами 2–3 курсов очной и заочной форм обучения гума-

нитарного факультета НФИ КемГУ. В преподавании ряда курсов используются учебные пособия Д. Р. Хайбуллиной [3–4].

Образовательная деятельность НОЦ достаточно разнообразна, так как направлена на разработку и внедрение в учебный процесс программ различного уровня: дополнительного образования, инновационных программ, специально разработанных курсов, программ повышения квалификации педагогических работников. В то же время все апробированные программы преследуют единственную цель – формирование мотивации на здоровый образ жизни молодёжи, навыков самосохранительного поведения и поддержку профессиональной компетенции слушателей по вопросам охраны здоровья.

Согласно положению о НОЦ «Здоровье», оздоровительная деятельность является основополагающей в формировании самосохранительного поведения участников образовательного процесса и включает в себя:

1. Разработку и организацию рекреационно-оздоровительных и реабилитационных мероприятий в условиях образовательного учреждения;
2. Консультативную деятельность для участников образовательного процесса по вопросам охраны здоровья;
3. Осуществление мероприятий по профилактике нарушений здоровья, акцентуаций, социально-отклоняющегося поведения личности обучающихся.

Участниками выполняемого проекта при помощи сотрудников кафедры физического воспитания и спорта (зав. кафедрой канд. пед. наук, доцент Лукьянец Н. В.) подготовлены и реализуются различные оздоровительные мероприятия по формированию и повышению уровня физической культуры студентов в НФИ КемГУ: осуществляется формирование здоровьесберегающей среды в вузе через создание сборных спортивных команд и оздоровительных групп студентов; организацию соревнований на факультетах по плаванию и лёгкой атлетике; организацию первенства НФИ КемГУ по 9–12 видам спорта; проведение спартакиады «Первокурсник»; проведение спартакиады «Здоровье» среди преподавателей и сотрудников института; проведение спортивных праздников по различным видам спорта для студентов и преподавателей.

В целом оздоровительная работа НОЦ предполагает реализацию разработанной и опубликованной комплексной целевой программы «Охрана здоровья студентов в процессе обучения в учреждениях высшего профессио-

нального образования Кемеровской области», являющейся основой выполнения научно-практической модели здоровьесберегающего пространства и формирования здорового образа жизни личности в различных типах образовательных учреждений, адаптированной к экологически неблагоприятному региону. Социальная значимость программы подтверждается наградой (диплом I степени, полученный на Кузбасской выставке-ярмарке «Образование. Карьера. Занятость 2010 г.») и её внедрением в работу образовательных учреждений Сибири.

В настоящее время эти разработки получили своё применение в практической деятельности центральной научно-исследовательской лаборатории Кемеровской государственной медицинской академии (зав. лабораторией канд. мед. наук, старший научный сотрудник Зинчук С. Ф.), в учебной и физкультурно-оздоровительной деятельности кафедры гуманитарных и социальных дисциплин филиала Кузбасского государственного технического университета в г. Новокузнецке, в учебной и лечебно-оздоровительной деятельности кафедры физического воспитания института спорта и туризма Югорского государственного университета. На сегодняшний день осуществляется становление диагностической деятельности НОЦ, выражающееся в разработке специальных программ-алгоритмов для оценки показателей здоровья студентов в различные периоды обучения.

Финансовая поддержка Министерства образования и науки РФ позволила улучшить материально-техническую базу НФИ КемГУ, в том числе приобрести антропометрическое оборудование в ресурсный центр, расположенный на базе плавательного бассейна «Олимп». Это тазомер, ростометр, весы, тонометр, спирометр, динамометр. С их помощью на занятиях по дисциплине «Физическая культура» осуществляется исследование состояния функциональных систем студентов 1–4 курсов: дыхательной, сердечно-сосудистой, мышечной; определяется гармоничность физического развития студентов по антропометрическим данным, планируется разработка центильных таблиц для новокузнецких студентов в возрасте от 17 до 23 лет, что имеет огромную социальную значимость для юга Кузбасса.

Результаты, полученные экспериментальным путем, планируется использовать в КемГУ и его филиалах (в городах Кемерово, Белово, Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Новокузнецк) с перспективой дальнейшей иррадиации на всю отрасль высшего профессионального образования РФ. В связи с новой парадигмой образования РФ, ориентирующей на большую роль са-

моорганизации получателя образовательных услуг в целях повышения его конкурентоспособности на национальном и мировом рынке труда, особое значение имеет сохранение и улучшение здоровьесберегающего потенциала студентов. Данные обстоятельства предполагают необходимость разработки оптимальных научно обоснованных моделей оказания услуг высшего профессионального образования на основе здоровьесберегающей среды.

Список литературы

1. Гета, М. Р. Социально-отклоняющееся поведение личности и его предупреждение [Текст] : учеб. пособие / М. Р. Гета. – Новокузнецк, 2009. – 95 с.
2. Проскурякова, Л. А. Сохранение репродуктивного здоровья молодежи: [Текст] : учеб. пособие / Л. А. Проскурякова. – Новокузнецк, 2009. – 105 с.
3. Хайбуллина, Д. Р. Профессиональная физическая культура личности [Текст] : учеб. пособие / Д. Р. Хайбуллина. – Новокузнецк, 2009. – 118 с.
4. Хайбуллина, Д. Р. Физическая культура личности в системе формирования здорового образа жизни: учеб. пособие [Текст] : учеб. пособие / Д. Р. Хайбуллина. – Новокузнецк, 2009. – 115 с.

М. В. Шубкин, В. Н. Шубкин

ГОУ ВПО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого», г. Красноярск

ОПТИМИЗАЦИЯ КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ ПЕРВОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ АВТОАВАРИЯХ – ОДИН ИЗ ПУТЕЙ СНИЖЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ДТП И ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

В статье приводятся результаты анализа актов судебной экспертизы дорожно-транспортных происшествий по параметру летальности, а также данные социологического опроса, проведенного с целью выяснения уровня знаний водителей о правилах оказания первой само- и взаимопомощи пострадавшим при ДТП. Результаты исследования направлены на совершенствование методов снижения смертности населения от ДТП.

Медико-социальные проблемы здоровья населения Сибирского федерального округа являются зримым показателем уровня социального благополучия региона, его нормального экономического функционирования и важнейшей предпосылкой безопасности страны. Травматизм на дорогах – гло-

бальная угроза общественному здоровью и развитию. Проблема дорожно-транспортного травматизма в нашей стране приобрела в настоящее время масштаб и характер национальной катастрофы [3, с. 251]. За девять месяцев (январь–сентябрь) 2010 г. в Российской Федерации произошло 143 608 дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибли 18 333 человека, а 181 779 человек получили ранения. В результате небывалого роста количества автомобильного транспорта в последние годы (увеличение парка автомобилей составляет более 1 млн в год) резко обострилась проблема подготовки водителей к организации своевременной медицинской помощи пострадавшим в ДТП [1, с. 27–28].

Смертность от внешних причин занимает третье ранговое место среди основных причин смерти населения. За последние пять лет в дорожно-транспортных происшествиях погибло свыше 200 тыс. человек и свыше 1,5 млн получили увечья. Только прямые экономические потери, связанные с ДТП, в несколько раз превышают ущерб от железнодорожных и авиационных катастроф, пожаров, наводнений и других несчастных случаев [5, с. 8–23]. Гибель и инвалидизация трудоспособного населения отражается на экономическом состоянии региона и страны. Это сказывается не только на производственных потерях и средствах, затрачиваемых на лечение и реабилитацию пострадавших [2, с. 18–20]. Учитывая, что среди лиц, смертельно травмированных в ДТП, свыше 70 % находились в трудоспособном возрасте, фактический экономический ущерб, включая потери, связанные с непроизведённым интеллектуальным и материальным продуктом, составляют ежегодно около 2,5 % валового внутреннего продукта, что в абсолютном выражении превышает 377 млрд руб., в том числе от гибели и ранения людей – около 230 млрд руб. Этим подрывается потенциал российского общества, его демографический резерв [4, с. 29–30]. К тому же такие затраты оставляют меньше средств на решение других важных задач, стоящих перед сектором здравоохранения.

В этой связи возникает необходимость медико-социального анализа дорожно-транспортных происшествий и их последствий как на национальном, так и на региональном уровне. Детальное изучение данного вопроса позволит выявить основные причины и факторы, влияющие на уровень дорожно-транспортного травматизма, и разработать более совершенные мероприятия по его профилактике. Но по-настоящему гарантировать безопасность людей можно, только остановив социальную катастрофу в самом начале, пока она

ещё не приняла характер геометрической прогрессии. Сделать это можно опять-таки только совместными усилиями [5, с. 8–23]. Безопасность характеризуется полифункциональностью, её задача не только в том, чтобы защищать интересы объекта, но и снизить, ослабить, устранить, предупредить опасности и угрозы.

По-прежнему основная часть ответственности ложится на водителей транспортных средств, по вине которых ежегодно происходит около 80 % аварий. По некоторым данным, в городе с интенсивным движением водитель каждые 1–2 минуты принимает командное решение, каждые 2–4 минуты совершает операторское действие, а каждые 20 минут попадает в обстановку, близкую к критической. Водитель автомобиля примерно раз в месяц попадает в обстановку, близкую к аварийной. В среднем один раз в шесть лет, а иногда и чаще, он может стать участником ДТП. В течение восьми часов нахождения за рулём водитель выполняет около пяти тысяч операций по управлению транспортным средством, из них около 20 % – ошибочных [1, с. 25]. Дорожное происшествие, как правило, неблагоприятно сказывается на профессиональной деятельности водителя. Сложность управления автомобилем в современных условиях ежегодно возрастает на 25–30 % [3, с. 134]. Можно сказать, что это лишь верхушка айсберга – видимая благодаря средствам традиционной статистики часть, которая далеко не даёт сколько-нибудь исчерпывающего представления о полной структуре и реальных масштабах потерь общества от различных ДТП.

Состояние догоспитального этапа медицинской помощи при травмах – проблема национальной безопасности не только России, но и всех стран мира [2, с. 18–20]. Считаем, что проблему смертности на дорогах нужно рассматривать как совокупность социоприродного знания, ориентированного на поиск путей, обеспечивающих рациональное использование навыков первой медицинской помощи, оптимизацию обучения им, гармоничную комбинацию всех компонентов и блоков антропоэкосистемы (участники дорожного движения, транспортные средства, инфраструктура). Согласно известной матрице Хэддона, три последовательных во времени фазы ДТП – до аварии, во время аварии, после аварии – и триада человек – машина – факторы окружающей среды могут взаимодействовать во время каждой из этих фаз. И именно на третью фазу «после аварии» мы хотим обратить внимание. Опыт показывает, что жизнь пострадавших нередко зависит от того, какая им будет оказана помощь в первые минуты после аварии. Отсутствие же помощи в течение

первого часа после получения травмы увеличивает количество летальных исходов среди тяжелопоражённых на 30 %, до 3 часов – на 60 % и до 6 часов – почти вдвое [2, с. 8–20]. Первая медицинская помощь чаще оказывается не медицинскими работниками, и, грамотно оказанная в первые 15–20 минут, является главным фактором, позволяющим спасти жизнь до 90 % пострадавших.

В настоящее время, в рамках расширения национального проекта «Здоровье», реализуются сбалансированные мероприятия по совершенствованию организации медицинской помощи пострадавшим в результате ДТП. Поскольку целями и федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 гг.», и мероприятий по совершенствованию организации медицинской помощи пострадавшим при ДТП, реализуемых в рамках национального проекта «Здоровье», объявлено снижение смертности, важным является анализ основных причин смерти в результате дорожно-транспортных происшествий.

Нами проведён анализ дорожного травматизма и его последствий в регионе (по государственной статистической отчётности) по данным скорой медицинской помощи. Единицами наблюдения являлся случай смерти от ДТП, случай травмы от ДТП. По выкопированной информации, за период 2004–2007 гг. в Красноярском крае в ДТП погибли 2834 человека, ранено 23401 человек. Ежегодно в крае гибнет в среднем 700 человек и происходит 4818 автоаварий. Уровень погибших в ДТП составляет 24 человека на 100 тыс. жителей, 202 раненых на 100 тыс. жителей, тяжесть последствий ДТП – 15 погибших на 100 ДТП и 11 погибших на 100 пострадавших в ДТП. Нами был проведён анализ смертности от дорожного травматизма по данным Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы (СМЭ) на основании актов вскрытий. Объектом исследования являлся погибший в результате ДТП человек. База исследования – данные бюро СМЭ г. Красноярска. Единица наблюдения – травма и сочетание травм, обусловивших гибель пострадавших при ДТП. Объём исследования – 190 актов вскрытий погибших при ДТП в г. Красноярске и на прилегающих к городу территориях. Анализ данных вскрытий умерших при ДТП краевого бюро СМЭ позволил установить ведущие причины, приводящие к смерти при ДТП.

Установлено, что в 143 случаях (75,3 %) погибшими были мужчины и в 47 (24,7%) женщины. Из них 59 % в возрасте от 15 до 44 лет. Больше по-

ловины (54,5 %) были пешеходами, 44 % – водителями и пассажирами автотранспорта. Среди погибших в ДТП на месте ДТП погибло 60,8 %, при транспортировке – 3,7 %, в лечебных учреждениях – 35,5 %. Установлено, что 47,0 % погибших находились в состоянии алкогольного опьянения. Из них 15,8 % – с тяжёлой степенью опьянения. По времени года наиболее тяжёлыми последствиями характеризовались происшествия, имевшие место в июне – 20 человек (11,2 %); в июле – 21 человек (11,8 %) и в августе – 21 человек (11,8 %) погибших от общего числа за исследуемый год, а минимальными – в феврале, январе и марте: 2,8 %, 4,5 %, 5,1 % соответственно. Самый «аварийноопасный» в течение дня период – с 18 до 21 часа.

Данные о знании водителями правил оказания первой помощи (в виде само- и взаимопомощи) и о готовности к её оказанию получены в результате проведения социологического опроса водителей. Опросная анкета разработана авторами с целью выяснить отношение водителей к необходимости оказывать первую помощь, готовность её оказать и объективный уровень текущих знаний водителей по первой помощи, а также различные факторы, влияющие на него. База исследования – автопарки, автопредприятия, автохозяйства различных форм собственности и частные автовладельцы. Опрашивались водители – профессионалы и любители. Объём исследования – 603 анкеты.

Среди анкетированных мужчины составили $90,1 \pm 1,2$ %, женщины – $9,9 \pm 1,2$ %. Медиана возраста участников исследования составила (Me) – 38 лет. Перцентили 25 % и 75 % – 27 лет и 46 лет соответственно. Медиана стажа вождения участников исследования составила 15 лет, $p25\%$ – 7 лет и $p75\%$ – 25 лет. Водители-профессионалы составили 212 человек ($48,3 \pm 2,4$ %), а любители – 227 человек ($51,7 \pm 2,4$ %). В результате исследования установлено, что 67 % водителей в течение жизни становятся очевидцами получения травм окружающими, 62 % водителей сами получали различные травмы.

Водителям, участвовавшим в исследовании, предлагалось ответить на вопросы, определяющие их отношение к действиям, необходимым вследствие наступления ситуации оказания первой помощи пострадавшим при травме и несчастном случае. Предлагалось ответить на три вопроса:

1. Ваши действия, если Вы стали очевидцем ДТП.
2. Оказывали ли Вы первую помощь.
3. Готовы ли Вы оказать первую помощь при необходимости.

При ответе на вопрос, характеризующий поведенческую реакцию водителей, если они вдруг стали очевидцем ДТП, предлагалось выбрать один или несколько наиболее близких вариантов ответа, в результате были получены следующие результаты: $67,4 \pm 1,9$ человек из 100 вызовут скорую помощь; $35,1 \pm 1,9$ человек окажут первую помощь самостоятельно; $13,9 \pm 1,4$ привлекут для оказания помощи посторонних людей; $3,3 \pm 0,7$ затруднились с выбором ответа; $2,1 \pm 0,6$ останутся сторонними участниками происшествия. Как видно из ответов водителей, в данном сообществе очень высоко развито чувство взаимовыручки и поддержки. Только 3,3 % водителей могут остаться непричастными, если стали очевидцами ДТП. Но обращает на себя внимание и тот факт, что только 35,1 % готовы активно участвовать в оказании первой помощи.

Водители-профессионалы статистически значимо хуже, чем водители-любители, отвечают на вопросы по оказанию первой помощи пострадавшим: оценку «плохо» получили $37,1 \pm 3,4\%$ из них, тогда как водители-любители получили оценку «плохо» в $21,0 \pm 2,7\%$ случаев. Также статистически значимо больше водители-любители ответили на оценку «хорошо» ($26,8 \pm 3,0\%$), в сравнении с водителями-профессионалами ($14,6 \pm 2,5\%$). На вопрос об оценке своих знаний по навыкам оказания первой медицинской помощи водители-любители чаще отмечают достаточность своих знаний ($34,4 \pm 4,0$). С целью проверки субъективной самооценки предлагалось ответить на 12 теоретических базовых вопросов, изучаемых при подготовке на курсах водителей. Правильно на все предложенные вопросы ответили $7,8 \pm 1,9$ из 100 водителей-любителей и $4,1 \pm 1,4$ водителей-профессионалов. Разница составила 47 % при общем низком знании предмета, что говорит о завышенной самооценке респондентов по их готовности к оказанию первой помощи. Вообще не обучались навыкам первой помощи 39 %. Наличие двух сотен нормативных документов с декларативными упоминаниями о необходимости оказания первой помощи не спасают людей.

С необходимостью периодически восстанавливать знания по оказанию первой помощи однозначно согласились $71,4 \pm 3,5$ водителей из 100 опрошенных. Однако $4,7 \pm 0,9$ отметили, что не нуждаются в восстановление этих знаний. В отношении этой группы также был проведён анализ ответов на 12 базовых вопросов. При этом 72,4 % ответили неудовлетворительно, из чего вытекает, что они явно переоценивают свои возможности. Данное исследование выявило необходимость качественного изменения в системе обу-

чения и переподготовки водителей навыкам первой медицинской помощи. При этом о необходимости изменения преподавания и внедрения новых методик высказалось 67,0±3,5 человек из 100 опрошенных. Из предложенных методик 51 % из группы профессионалов и 36 % любителей предпочитают групповую форму обучения на рабочем месте.

Поскольку именно водители оказываются на месте ДТП первыми, именно от их правильных действий во многом зависит жизнь человека. Именно водители должны быстро вызвать скорую помощь и начать оказывать первую помощь самостоятельно. Подготовить водителя к оказанию помощи при всех возможных травмах и ранениях невозможно. Но подготовить водителя к соблюдению последовательности, алгоритма действий при наиболее вероятных и часто встречающихся видах травм, их сочетании можно. Несмотря на это, необходимость дальнейшей профилактики дорожно-транспортного травматизма остаётся актуальной. Учитывая массовую автомобилизацию населения, а также повышенную интенсивность движения по дорогам края и страны в целом, следует более внимательно относиться к вопросам предупреждения дорожно-транспортных происшествий. Решение данной проблемы требует комплексного подхода и должно быть основано на слаженной работе системы здравоохранения и системы организации безопасности дорожного движения.

Список литературы

1. Авдеева, В. Г. Первая помощь при дорожно-транспортном происшествии [Текст] / В. Г. Авдеева, Л. И. Субботин. – Пермь : Метелица, 2006. –31 с.
2. Белоусов, А. И. Подготовка населения к оказанию первой медицинской помощи на базе территориального Центра медицины катастроф Ивановской области [Текст] / А. И. Белоусов, С. В. Базанов // Медицина катастроф: сб. материалов междунаро. науч.-практич. конф. – Архангельск, 2006. С. 18–20.
3. Всемирный доклад о предупреждении дорожно-транспортного травматизма [Текст] / М. Педен, Р. Скарфилд, Д. Слит и др. / пер. с англ. – М. : Весь мир, 2004. – 280 с.
4. Ганжурова, Б. Ц. Роль и реальное участие водителей транспортных средств в оказании первой помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях [Текст] / Б. Ц. Ганжурова, Л. И. Дежурный и др. // Менеджер здравоохранения. – 2008. – № 5. – С. 29–33.
5. Кирьянов, В. Н. О приоритетных направлениях в области безопасности дорожного движения [Текст] / В. Н. Кирьянов // Аналитический вестник. – М., 2008. – № 13. – С. 8–23.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Алексий (Нагорный), священник, помощник благочинного III Благочиния Новокузнецкой епархии (*г. Новокузнецк*).

Ананьев Денис Анатольевич, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (*г. Новосибирск*).

Анохина Надежда Константиновна, доктор культурологии, доцент, и. о. заведующего кафедрой социологии, политологии и права ГОУ ВПО «Сибирский государственный индустриальный университет» (*г. Новокузнецк*).

Артемов Антон Александрович, ассистент кафедры теоретических и психолого-физиологических основ физической культуры ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия» (*г. Новокузнецк*).

Артюх Елена Васильевна, кандидат политических наук, доцент кафедры истории, и. о. заведующего кафедрой истории Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (*г. Новокузнецк*).

Бармотина Людмила Николаевна, учитель географии МОУ «Гимназия № 73» (*г. Новокузнецк*).

Басалаева (Рещикова) Ирина Петровна, аспирант ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», старший преподаватель кафедры истории Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (*г. Новокузнецк*).

Богданова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и исторического краеведения ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (*г. Томск*).

Борин Аркадий Георгиевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, философии и социальных наук ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия» (*г. Новокузнецк*).

Борина Любовь Степановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (*г. Новокузнецк*).

¹ Сведения приводятся в соответствии с заявками авторов на участие в конференции.

Ващенко Андрей Юрьевич, кандидат географических наук, заведующий кафедрой туризма Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Гольцова Александра Геннадьевна, студентка 4 курса гуманитарного факультета Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Горбуль Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Горелова Юлия Робертовна, кандидат исторических наук, докторант Российского института культурологии, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии, доцент кафедры истории и философии АНО ВПО «Омский экономический институт» (г. Омск).

Дворцова Елена Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Двуреченская Анастасия Сергеевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово).

Демчук Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой муниципального управления Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Дождевых Светлана Михайловна, ассистент кафедры культурологии и рекламы ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» (г. Киров).

Дюдина Евгения Николаевна, студентка 4 курса гуманитарного факультета Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Жигалова Ирина Сергеевна, аспирант ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет», ассистент кафедры истории Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Заживихина Наталья Викторовна, аспирант ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул).

Зубарева Татьяна Александровна, директор Центра управления проектами Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Иванов Юрий Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии, геологии и методики преподавания географии ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия» (г. Новокузнецк).

Иванова Галина Степановна, заведующая экспозиционно-выставочным центром «Художник» Муниципального учреждения «Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя» (г. Новокузнецк).

Картавцева Антонина Павловна, кандидат педагогических наук, доцент, директор Прокопьевского филиала ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Прокопьевск).

Кискидосова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Республиканского государственного научно-исследовательского учреждения «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории» (г. Абакан).

Конев Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Левина Ирина Леонидовна, доктор медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических и психолого-физиологических основ физической культуры ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия» (г. Новокузнецк).

Лизогуб Пётр Петрович, заместитель по научной работе директора МУК «Новокузнецкий краеведческий музей» (г. Новокузнецк).

Линиченко Павел Сергеевич, аспирант ГОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет» (г. Самара).

Макарчева Елена Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Макашова Инна Михайловна, учитель географии МОУ «Гимназия № 73» (г. Новокузнецк).

Мальковец Наталья Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры муниципального управления Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Морозова Ирина Станиславовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии и психологии развития ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Кемерово).

Насырова Римма Вякилевна, методист кафедры философии Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Никитина Ирина Витальевна, аспирант, преподаватель ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово).

Николаева Людмила Анатольевна, кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра лабораторной диагностики «Мечников» ГОУ ВПО «Иркутский государственный медицинский университет Росздрава» (г. Иркутск).

Паничкин Вячеслав Борисович, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Петров Иван Владимирович, аспирант, ГОУ ВПО «Тольяттинский государственный университет» (г. Тольятти).

Позднякова Наталья Александровна, заместитель директора Муниципального учреждения «Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя» (г. Новокузнецк).

Полончук Татьяна Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры дизайна архитектурной среды Волжского института строительства и технологий (филиала) Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета (г. Волжский).

Полухин Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, философии и социальных наук ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия» (г. Новокузнецк).

Прасолова Юлия Сергеевна, студентка 4 курса гуманитарного факультета Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Проскуракова Лариса Александровна, кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», декан гуманитарного факультета (г. Новокузнецк).

Рогачёва Мария Александровна, соискатель, Новокузнецкий филиал-институт ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк).

Рыженко Валентина Георгиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, заведующая сектором динамики локальных культурно-исторических процессов Сибирского филиала Российского института культурологии (г. Омск).

Рыженко Леонид Игоревич, кандидат технических наук, директор Международного института стратегического проектирования, доцент Сибирской автомобильно-дорожной академии (г. Омск).

Савченков Михаил Федосович, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой общей гигиены ГОУ ВПО «Иркутский государственный медицинский университет Росздрава», академик РАМН (г. Иркутск).

Сенкус Витаутас Валентинович, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой экологии и естествознания Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», действительный член МАНЭБ, член-корреспондент РАЕН, РАИН, МАНШ (г. Новокузнецк).

Скаленчук Вера Васильевна, директор Муниципального учреждения «Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя» (г. Новокузнецк).

Соколовский Иван Ростиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Токмашев Денис Михайлович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра языков и культур народов Сибири ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия» (г. Новокузнецк).

Томилов Николай Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнографии и музееведения ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», директор Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, директор Сибирского филиала Российского института культурологии, академик АГН, РАЕН, РАСН (*г. Омск*).

Топорова Альфия Рамилевна, преподаватель Новокузнецкого колледжа искусств (*г. Новокузнецк*).

Фадеева Екатерина Игоревна, аспирант, ГОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет» (*г. Самара*).

Фёдорова Антонина Валерьевна, студентка 4 курса ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (*г. Кемерово*).

Хуторянская Алла Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» по заочному обучению и дополнительному профессиональному образованию (*г. Новокузнецк*).

Цибизова Елена Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры воспитания и дополнительного образования детей Муниципального автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования (*г. Новокузнецк*).

Черных Юлия Николаевна, сотрудник кафедры теоретических и психолого-физиологических основ физической культуры ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия» (*г. Новокузнецк*).

Шептухин Анатолий Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга, коммерции и логистики ГОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет» (*г. Самара*).

Шептухина Любовь Ивановна, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики и природных ресурсов ГОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет» (*г. Самара*).

Шин Нина Сергеевна, аспирант кафедры общей гигиены ГОУ ВПО «Иркутский государственный медицинский университет Росздрава» (*г. Иркутск*).

Шубкин Владимир Николаевич, доктор медицинских наук, профессор кафедры травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии с курсом по-

стдипломного образования имени проф. Л. Л. Роднянского ГОУ ВПО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (*г. Красноярск*).

Шубкин Михаил Владимирович, врач-методист Краевого государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Красноярский краевой клинический онкологический диспансер им. А. И. Крыжановского» (*г. Красноярск*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АНО ВПО – автономная некоммерческая организация высшего профессионального образования
- ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства
- ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения
- ВПО – высшее профессиональное образование
- ВСЕХБ – Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края
- ГАКО – Государственный архив Кемеровской области
- ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
- ГИДУВ (НГИУВ) – Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей
- ГлавУКС – Главное управление капитального строительства
- ГОУ ВПО – государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
- ГОУ ДПО – государственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования
- ГЭС – гидроэлектростанция
- ДЮСШ – детско-юношеская спортивная школа
- ЕХБ – евангельские христиане-баптисты
- ИКП – Институт культурной политики
- ИнЭкА – ООО «ИнЭкА-консалтинг» на базе Кемеровской региональной общественной организации «Информационное экологическое агентство»
- КГБ – Комитет государственной безопасности СССР
- КемГУ – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»
- КемГУКИ – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»
- КМК (НКМК) – (Ново)Кузнецкий металлургический комбинат
- КузГПА – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кузбасская государственная педагогическая академия» в г. Новокузнецке
- ЛФК – лечебная физическая культура
- МАОУ ДПО – муниципальное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования

МЛПУ – муниципальное лечебно-профилактическое учреждение
МОУ – муниципальное образовательное учреждение
МОУ ДОД – муниципальное образовательное учреждение дополнительного образования детей
МРО – межрегиональное объединение
МУК – муниципальное учреждение культуры
МУ ЦБС им. Н. В. Гоголя – Муниципальное учреждение «Централизованная библиотечная система имени Н. В. Гоголя» г. Новокузнецка
НКО – некоммерческая организация
НОУ – негосударственное образовательное учреждение
НОЦ – научно-образовательный центр
НФ ГАКО – Новокузнецкий филиал государственного архива Кемеровской области
НФИ КемГУ – Новокузнецкий филиал-институт государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»
ОАО – открытое акционерное общество
ООН – Организация объединённых наций
ОмГУ – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского»
ОРК НБ ТГУ – отдел рукописей научной библиотеки Томского государственного университета
ПДК – предельно допустимая концентрация
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
РА – рекламное агентство
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РИК – Российский институт культурологии
РСТ – Российский союз туриндустрии
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая республика
РУСАЛ (ОК РУСАЛ) – объединённая компания «Российский алюминий»
СДРК – Совет по делам религиозных культов СССР
СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации
СибГИУ – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сибирский государственный индустриальный университет» в г. Новокузнецке
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СФ РИК – Сибирский филиал Российского института культурологии в г. Омске
ТБО – твёрдые бытовые отходы
ТОС – территориальное общественное самоуправление
ТУСУР – Томский университет систем управления и радиоэлектроники
ТюмГУ – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет»
УСК – уровень субъективного контроля
ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
УК РСФСР – Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической республики
ФГОУ ВПО – федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ХВЕ – христиане веры евангельской
ЦБС – см. «МУ ЦБС им. Н. В. Гоголя»
ЦГБ им. Н. В. Гоголя – Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя в г. Новокузнецке
ЮФУ – Южный федеральный университет

НОВОКУЗНЕЦКИЙ ФИЛИАЛ-ИНСТИТУТ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (НФИ КемГУ)

Создан в 1995 г. на базе Высшего предпринимательского колледжа как вуз, ведущий подготовку специалистов нового поколения. В апреле 2010 г. НФИ КемГУ отпраздновал своё 15-летие. Со дня основания его директором является Владимир Семёнович Гершгорин.

Подготовка студентов ведется по шестнадцати специальностям. Количество студентов всех форм обучения составляет около 5,5 тысяч человек, из них очно обучаются около трёх тысяч. Одним из приоритетных направлений деятельности вуза является формирование научной элиты из числа талантливых студентов и аспирантов института путём обучения социально-гуманитарному проектированию.

В институте четыре факультета, восемнадцать кафедр, библиотека с фондом более 122 000 томов, три учебных корпуса и спортивно-оздоровительный комплекс «Олимп».

Научную и преподавательскую деятельность ведут 252 преподавателя, в институте 26 докторов наук, профессоров, 127 кандидатов наук. По результатам научных исследований учёными института подготовлено и опубликовано 63 монографии, 46 сборников научных трудов, 134 учебных пособия, около двух тысяч статей, получено 18 патентов на изобретения. Под научным руководством профессоров НФИ КемГУ было защищено 65 кандидатских диссертаций, 2 докторских, 13 преподавателей продолжают обучение в аспирантуре КемГУ и других вузов России.

Ежегодно на базе института проводится несколько научно-практических конференций: международного, всероссийского, регионального уровней. Институт принимал участие в 37 специализированных выставках-ярмарках в Новосибирске, Томске, Кемерове, Новокузнецке. Экспонаты отмечены 16 медалями, 25 дипломами, в рамках выставок проведено более 50 конгрессных мероприятий.

За пятнадцать лет работы Новокузнецкого филиала-института КемГУ подготовлено более 7 тысяч специалистов с высшим образованием, из них с «красными» дипломами – 1054 человека; все они успешно работают в различных сферах деятельности города, региона и России.

Находясь в самом начале большого пути, мы уверены, что выбрали верное направление: готовить специалистов нового поколения, учитывая специфику и перспективы нашего региона.

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА ИМЕНИ Н. В. ГОГОЛЯ

Муниципальное учреждение «Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя» (ЦБС) г. Новокузнецка включает Центральную городскую библиотеку им. Н. В. Гоголя и двенадцать библиотек-филиалов, расположенных в шести административных районах города. Основная цель – обеспечение свободного доступа к информации, свободное духовное развитие и приобщение горожан к ценностям мировой культуры. Обслуживает все категории населения.

«Гоголевка» основана в 1929 году, это старейшая публичная библиотека Кемеровской области. Сегодня ЦБС имени Гоголя – крупный информационно-библиографический и культурный центр, координационный и методический центр библиотек города и юга области. В структуре Центральной библиотеки насчитывается 22 специализированных отдела. В фондах – около миллиона книг, журналов и газет, видеофильмов, аудиозаписей, компакт-дисков; в редком фонде библиотеки – более 2000 экземпляров книг XIX – начала XX вв. ЦБС им. Н. В. Гоголя сегодня – это более 80 тысяч читателей; книговыдача составляет 1,9 миллионов экземпляров в год; посещаемость – две тысячи человек в день.

ЦБС участвует в межрегиональных и областных корпоративных проектах. На базе компьютерного зала «Аквариум» по программе IDEA «Открытый мир информационных технологий» ведётся индивидуальное и групповое обучение социально незащищённых групп населения. Библиотечно-информационный центр для инвалидов «Крылья» ведёт уникальную работу с людьми с ограниченными возможностями. В библиотеке действуют 33 клуба и объединения, ежегодно проходит около 3000 мероприятий.

«Гоголевка» – лауреат конкурса среди провинциальных учреждений культуры РФ на соискание премии газеты «Культура» «Окно в Россию» в номинации «Библиотека года»; обладатель премии им. Д. С. Лихачёва и Золотой медали, учреждённой Конгрессом российской интеллигенции; лауреат областного профессионального конкурса на соискание премии им. С. А. Сбитнева в номинации «Лучшая корпоративная программа по поддержке и развитию чтения»; награждена дипломом программы ЮНЕСКО «Информация для всех»; дипломом лауреата конкурса памяти доктора Газа.

Научное издание

**КУЗНЕЦК – СТАЛИНСК – НОВОКУЗНЕЦК:
ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД**

Сборник научных трудов
II Всероссийской научно-практической конференции

(Новокузнецк, 3–4 декабря 2010 г.)

Под общ. ред. И. П. Басалаевой, Е. Б. Макарчевой
Научный редактор И. П. Басалаева

Компьютерный набор И. П. Басалаевой, Е. Б. Макарчевой
Вёрстка И. П. Басалаевой
Редакторы Т. И. Головки, Ж. А. Куценко
Дизайн обложки: И. П. Басалаева

Подписано в печать 00.11.2010. Формат 60x84^{1/16}.
Бумага писчая. Ризография.
Уч.-изд. л. 26. Тираж 150 экз.

Новокузнецкий филиал-институт
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Кемеровский государственный университет»

654041 Новокузнецк, ул. Кутузова, 56. Тел. (3843) 71-46-96.
Редакционно-издательский отдел

Цена договорная